

С. Н. АЗБЕЛЕВ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

С. Н. АЗБЕЛЕВ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ
В ПАМЯТНИКАХ НОВГОРОДА
И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2007

Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. — 296 с., илл. ISBN 5-86007-535-9.

Использованные в книге памятники — это письменные фиксации произведений, веками передававшихся изустно сказителями Новгородской земли, и средневековые рукописи Великого Новгорода, содержание которых восходит к устным оригиналам. Анализируется комплекс разножанровых текстов IX—XIX столетий — по непосредственным записям фольклора, по письменным его перепискам, литературным обработкам, отображениям устного материала в письменных средневековых источниках. Автор опирается на совокупность имеющихся данных, соотнося их с письменной историей Новгорода и Новгородской земли. Методические приемы исторического источниковедения сочетаются в этой книге с приемами фольклористическими. Полученные результаты помогают дополнить или уточнить исторические построения, основывавшиеся прежде только на показаниях летописей и других памятников письменности без достаточного учета устной традиции. Работа адресована историкам, источниковедам, исследователям средневековой культуры Великого Новгорода и Северной Руси, всем, кого интересует ее прошлое.

Ответственный редактор
В. Л. Яшин

Книга представляет собой результат существенного расширения — на основе привлечения новых данных — труда, подготовленного в 2002 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 00-01-00062.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 06-04-16007д.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Памятниками устной истории служили на протяжении многих веков фиксации исторических знаний по памяти, передававшиеся в устной традиции. Будучи записаны в новое время собрателями фольклора, такие источники стали объектом изучения. Фиксации устных текстов осуществлялись и средневековыми книжниками; эти материалы дошли, как правило, в большей или меньшей степени литературно обработанными. Но ценность тех и других памятников устного происхождения одинаково велика для исторического источниковедения. Устная история охватывает и такие сферы исторического знания, которые по разным причинам не получали достаточного освещения в истории письменной. Устные рассказы и воспоминания непосредственных участников и очевидцев исторических событий — первоисточники, на основе которых появлялись и развивались исторические предания и легенды, героические сказания и исторические песни, иногда сохранявшиеся в устном бытовании несколько столетий и фиксированные лишь сравнительно недавно исследователями фольклора или просто любителями старины. Повсеместно распространенные в средние века произведения этих устных жанров только в достаточно важных случаях тогда записывались либо непосредственно использовались, наряду с самими рассказами очевидцев и личными воспоминаниями авторов, в качестве источников при составлении летописей или исторических повестей, которые в летописи включались.

Говоря об устных источниках летописной записи или исторической повести, необходимо учитывать жанровые особенности исходного материала и степень текстовой устойчивости произведений при многократной изустной передаче, предшествовавшей занесению в рукопись. Отношение к действительности в разных жанрах фольклора весьма различно. Некоторым из них была свойственна высокая степень бережного обращения с фактом. Точность передачи таких произведений по памяти оказывалась порой очень велика. Стабильность повествования в устных вариантах могла быть даже выше, чем сходство разных списков произведения в некоторых из известных нам жанров древнерусской литературы. Литературная обработка, которой обычно подвергался устный источник, попадая в рукопись, нередко производилась весьма интенсивно. Она выражалась преимущественно в распространении описаний с помощью привычных литературных клише и внесении дидактических пасса-

жей. То и другое порой отдаляло содержание текста от его фактической основы. Чем менее рассказ летописи, основанный на устном источнике, «литературен», тем более он, как правило, достоверен. В частности, потому, что из фольклорных жанров летописцами привлекались обычно те, в которых доля домысла была минимальной. Достаточно полный учет обстоятельств этого рода помогает результативно анализировать тексты летописных повествований. Кроме того, существенно, что одно и то же устное произведение далеко не всегда привлекалось книжниками однократно. В уже составленный с использованием такого источника письменный текст позже — при появлении новых редакций исторической повести или при переработках летописных сводов — вносились иногда дополнения и даже поправки на основе известных позднему редактору иных версий и вариантов того же фольклорного произведения или иных устных откликов на тот же исторический факт.

Уникальность исторической судьбы самого Великого Новгорода и лапидарность известий о предыстории Новгородской земли в летописях, известных нам по рукописям не ранее XIII—XIV вв., придает особую значимость именно устной истории — не в последнюю очередь потому, что частая оппозиционность Новгородской республики по отношению к центральной власти дополнительно питала неофициальную устную «историографию». На примере памятников Новгородской земли ярче выявляется специфика соотношения устной и письменной исторических традиций. Ряд узловых моментов истории и предыстории Новгорода, как и немало частных, но показательных исторических фактов, получал отображение только в устных источниках, которые подчас дополняют, а иногда и корректируют данные, основанные на показаниях летописей и других политически небеспристрастных памятников письменности. Устные источники передавали отложившиеся в народном сознании осмысления важных исторических свершений и народное восприятие заминавшихся исторических деятелей.

В предлагаемых очерках анализируется комплекс разножанровых источников IX—XVII столетий — не только по сравнительно недавним записям, но и по таким средневековым текстам, в которых налицо несомненные фиксации именно устных произведений и даже рассказов очевидцев. Методические приемы исторического источниковедения совмещаются в предлагаемой работе с приемами фольклористическими. Памятники устного эпоса используются по всем имеющимся записям (порой — многочисленным) с учетом их генетических соотношений. Результаты сопоставительного изучения устных фиксаций (произведенного предшественниками автора или им самим) соотносятся с совокупностью относящихся к данному историческому событию или лицу показаний источников письменного происхождения. Учитывается и возможность воздействия письменности на устную традицию. При необходимости круг привлекаемых источников расширяется за счет показаний смежных дисциплин, а также памятников иноязычных письменных и устных традиций.

Благодаря этому не только выявляются особенности интерпретаций, присущие устной истории сравнительно с историей письменной. Как оказалось, устные источники способны давать и такую дополнительную информацию фактического характера, которая в своей основе подтверждается косвенными показаниями самих письменных источников. Таким образом, открывается возможность обогащать имеющиеся представления об исходных фактах с большей или меньшей степенью гипотетичности. А иногда — и со значительной долей уверенности расширяя либо уточняя сведения, не получившие достаточного освещения в традиционно привлекаемых материалах письменного происхождения.

В основном же используемая здесь методика позволяет выявлять соотношение восприятия истории, устойчиво отлагавшегося в народном сознании, с восприятием официальным, устойчиво влиявшим на последующую историографию. Это особенно существенно для истории Великого Новгорода и Новгородской земли, поскольку «государственное» отношение к Новгороду веками «корректировалось» явным или неявным порицанием стремления сохранить самобытность. Это неизбежно влекло за собой некоторую деформированность исторических представлений, зависевших в той или иной мере от официальных интерпретаций.¹

¹ При цитировании древнерусских текстов в основном следую правилам их передачи, принятым в изданиях 1930—1980 гг., так как в книге используются главным образом публикации того времени. В случаях, когда желательна фонетическая точность, воспроизвожу особенности привлекаемых изданий или рукописей.

УСТНАЯ ОСНОВА ЛЕТОПИСИ ЕПИСКОПА ИОАКИМА

I

Несомненно опирающийся на устные источники, самый ранний из памятников новгородского летописания испытал судьбу, во многом сходную с судьбой «Слова о полку Игореве»: он дошел не в древнем оригинале, а в позднейшей обработке, рукопись которой после публикации была утрачена, а ее подлинность не раз подвергалась затем сомнению. Как известно, текст Новгородской Иоакимовской летописи (НИЛ) доступен непосредственному использованию только в тех выписках из нее, какие передает В. Н. Татищев.¹ В четвертой главе первой части своей «Истории Российской» он подробно рассказал об обстоятельствах временного получения им трех тетрадей более обширной рукописи, которая после их возврата оказалась уже недоступна вследствие смерти владельца. Татищев привел, снабдив своими примечаниями, не весь текст этих тетрадей, а только те фрагменты, содержание которых имело отличия от «Повести временных лет» или не находило в ней соответствия. Он изредка сообщает, с какими частями ее текста полностью совпадал текст НИЛ. Иногда можно догадываться об этом и на основании некоторых примечаний историка, но все же трудно составить обоснованное мнение о том, каков был весь состав известных НИЛ в тетрадах, бывших временно у Татищева.

Напечатанный после его смерти текст передает содержание рукописи НИЛ не всегда с буквальной точностью, ибо Татищев, как это давно установлено, переписывая свои источники, иногда переходил на пересказ и даже вставлял свои пояснения. Рукопись, которую он имел в руках, по его свидетельству, написана была «новым, но худым письмом», а в оригинале ее были вырваны два листа, о чем сообщал сам копиист. О степени сохранности оригинала в целом прямых сведений нет. Нет их и о том, к какому времени относилась эта исходная рукопись и осуществлялась ли редакторская работа последним переписчиком.

Сам Татищев, вероятно, несколько раз обращался к тексту НИЛ, «худое письмо» которой побуждало перечитывать ее и уточнять переда-

¹ См.: Татищев. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 108—113. При цитировании этого небольшого по объему текста страницы издания не указываются.

чу трудно разбираемых мест. Внимательно комментируя используемые им фрагменты НИЛ, он, однако, не во всех случаях приводил их текстуально целиком. Таков переход от княжения Ярополка к княжению Владимира: «О убийстве Ярополка, рождении Святополка и пр. почти согласно с Нестором и житие Владимирово описано со многими пирами и веселии, которые к сему не принадлежат», — это пояснение дано Татишевым в замену текста, который, «почти» согласуясь с «Повестью временных лет», как видно, содержал еще и подробное описание знаменитых пиров, о которых певцы былин, известных уже Татишеву, повествовали собирателям фольклора вплоть до середины XX столетия. В тексте НИЛ есть воспроизведенные В. Н. Татишевым прямые отсылки к фольклорным источникам. Но пользование ее составителя материалами подобного рода далеко не ограничивалось случаями, когда это оказалось оговорено.

Отсутствие рукописи НИЛ и «баснословность» ее начальной части давали повод сомневаться в подлинности этого памятника и даже побуждали некоторых скептиков прямо обвинять в подлоге самого Татишева. Неосновательность такого подозрения была со временем установлена, но продолжалась дискуссия по вопросам достаточно серьезным: восходит ли текст, попавший в руки Татишева, к древнему памятнику, если восходит, то мог ли действительно быть его составителем первый епископ Новгорода Иоаким Корсунянин, каков характер изменений и дополнений, которыми уснащался древний текст при позднейшем редактировании, и не есть ли НИЛ целиком плод историографического творчества относительно недавнего времени, ошибочно приписывавшийся Иоакиму. В ходе дискуссии был поднят вопрос об источниках НИЛ, о их происхождении, датировке и характере их использования; обсуждалось и соотношение НИЛ с другими памятниками летописания.

Составителем НИЛ некоторые предлагали считать новгородского митрополита, впоследствии — патриарха Иоакима, умершего в 1690 г., или монаха Иоакима, бывшего архимандритом Бизюкова монастыря до того, как его архимандритом стал Мелхиседек, приславший рукопись НИЛ Татишеву. Соответственно истолковывались слова первой фразы напечатанного им текста, где говорилось, что эту летопись «святитель Иоаким, добре сведомый, написа», — слова, отнесенные Татишевым к епископу Иоакиму Корсунянину, умершему в 1030 г.

2

Серьезный разговор об этом памятнике требует достаточно полного учета прежде всего трудов А. А. Шахматова. Вызывает удивление тот факт, что к ним русские исследователи НИЛ почему-то почти не обращались.

А. А. Шахматов не раз высказывался в том смысле, что епископ Иоаким был инициатором составления древнейшей летописи Новгорода, и полагал, что ее фрагменты передает текст, опубликованный Татишевым. Хотя, по выражению А. А. Шахматова, «то, что под Иоакимовою

летописью понимает Татищев, принадлежит новейшему сочинительству», несомненно, речь здесь идет о позднейших наслоениях, которыми уснащена древняя основа текста, фрагментарно напечатанного Татищевым. Непосредственно после приведенной только что фразы А. А. Шахматов пишет: «Вчитываясь внимательно в изданную Татищевым Иоакимову летопись, мы приходим к следующему выводу: рассказ о крещении Новгорода содержит черты, обличающие современника; некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму. Это обстоятельство дает нам основание предположить, что древнейшее летописание новгородское восходит ко временам Иоакима». А. А. Шахматов связывал с деятельностью Иоакима не только самое начало летописной работы в Новгороде, выразившееся в фиксации «событий новгородских». Он далее пишет: «Предание упорно приписывает Иоакиму составление такого летописного свода, где между прочим говорилось и о первых князьях русских: ср. с одной стороны, свидетельство Татищева, а с другой сохранившееся в приложениях к Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи заглавие, написанное, по-видимому, рукою XVIII века». Приведя это заглавие,² А. А. Шахматов продолжает: «Вот почему я решаюсь предположить, что Иоакимова летопись дошла до нас в том своде, который предшествует Новгородской 1-й летописи и который по его древности можно назвать „Начальным сводом“. Епископ Иоахим скончался в 1030 г.: это обстоятельство указывает нам тот объем, который могла иметь первоначальная Иоакимовская летопись». Но она уже соединяла материал новгородского происхождения с киевским. Как пишет далее А. А. Шахматов: «Епископ Иоахим в основание своего свода положил письменный источник: рассказ киевский о первых князьях русских, рассказ, изложенный в известной части без всяких хронологических данных».³

В последовавших работах А. А. Шахматова концепция его обогатилась новыми звеньями, выяснилось, что Начальному своду предшествовал Древнейший киевский свод, причем составлен он был в 1039 г., а Начальный — в 1093 г.; между ними А. А. Шахматов помещал Новгородский свод 1050 г. Среди источников его была летопись епископа Иоакима, продолженная до 1036 г. и опосредованная сводом 1039 г. Рассматривая предположительный состав свода 1050 г., А. А. Шахматов резюмировал: «Предыдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоахим. Так возникла первая Новгородская ле-

² Подстрочное примечание А. А. Шахматова: «Летопись Акима епископа новгородского. Откуда пошла Роусская земля и кто въ ней преже нача княжити и откоуду Роузкая земля пошла есть именовъ о семь начнемъ повесть сию въкратце изъ великаго летописания» (Новгородская летопись по Синаодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. VII).

³ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ноябрь. С. 183, 184, 185.

топись».⁴ Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но, давая гипотетический текст Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша стареишину Гостомысла»⁵ — на основе летописей XV в., поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода».⁶

Напечатанный Татищевым текст НИЛ древнейший момент истории Новгорода излагает гораздо пространнее, чем реконструированный А. А. Шахматовым текст свода 1050 г., причем центральной является именно фигура Гостомысла. Новгородский же свод 1050 г. непосредственно основан был уже не на своде Иоакима, а на недавнем киевском своде 1039 г., поскольку последний был в сущности официальным летописным сводом русской митрополии.⁷

Этим объясняется то обстоятельство, что восходящая к Новгородскому своду 1050 г. древнейшая летопись Новгорода, которая дошла до нас, — Новгородская 1-я — не связана текстуально с Иоакимовской. Недавний исследователь Новгородской 1-й летописи А. А. Гилпиус, подводя итоги своей работы, пишет о предыстории этого памятника: «В середине XI в. в Новгороде при Софийском соборе был составлен летописный свод, соединивший какие-то части древнейшего киевского летописания с начатками местной летописи. На протяжении второй половины XI — начала XII в. он несистематически пополнялся отдельными летописными записями».⁸ Более детально об этом писал в свое время А. А. Шахматов: «В 1050 году окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основание древнего Новгородского свода был положен Древнейший Киевский свод <...> Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 года <...> Сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 года); но потом передал текст новгородского источника отдельно,

⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 508.

⁵ Там же. С. 611.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ А. А. Шахматов датировал этот свод 1039 г., связывая его создание с учреждением митрополии в Киеве. По заключению Герхарда Подскальски, «эта датировка, которой придерживались Шахматов, Истрик, Приселков и др., в свете последних исследований выглядит окончательно устаревшей, поскольку учреждение митрополии хронологически находилось в непосредственной связи с крещением Владимира в 988 г.» (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. (988—1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода. СПб., 1996. С. 331). Основания, относящиеся ко времени учреждения митрополии, Г. Подскальски приводит на с. 42—51. Но они могут повлечь за собой передвижку датировки свода не более чем на два года, так как она диктуется содержанием заключительных известий. Согласно выводу А. А. Шахматова, свод «оканчивался прославлением Ярослава, строителя храмов и распространителя духовного просвещения»; это ставший хрестоматийным текст 1037 г. (см.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 530 и 582—584).

⁸ Гилпиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Т. 6 (16). С. 68—69.

поместив его вслед за упомянутым кратким извлечением из Древнейшего свода (события после 1017 включительно до 1036 года). Рассказ о событиях после 1037-го и до 1050-го года включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании расспросов и припоминаний.

Вскоре текст Древнего Новгородского свода обособился приписками; эти приписки имеют характер погодной летописи, но изучение их показывает, что они записаны в несколько следовавших друг за другом моментов». ⁹

При этом А. А. Шахматов отмечал, что из новгородской летописи 1036 г. был взят текст «1015 и следующих годов», а также «крещение Новгорода». Текст 1015—1017 гг., каким он предположительно читался в летописи епископа Иоакима, А. А. Шахматов привел в своих «дополнительных примечаниях». ¹⁰ Текст этой летописи, полученный Татищевым, обрывается раньше, поэтому материала для сопоставления не дает. Что же касается крещения Новгорода, то в 1050 г. подробное повествование о нем летописи Иоакима уже потеряло свою актуальность и было заменено кратким известием: «Приде Новугороду епископъ Иоакимъ Кърсунянинъ и требиша раздруши и кумиры посече». ¹¹

Таким образом, обращение к трудам А. А. Шахматова не оставляет сомнений в том, что Новгородская Иоакимовская летопись в ее первоначальном виде мыслилась А. А. Шахматовым как древнейший этап новгородского летописания, а составленный Иоакимом летописный свод — как этап общерусского летописания, предшествовавший тому киевскому своду, который А. А. Шахматов впоследствии называл «Древнейшим».

3

История изучения НИЛ рассматривалась несколько раз с разной степенью полноты и подробности. Наиболее обстоятельный обзор работ о ней был некогда осуществлен И. П. Сениговым, более подробная библиография их выполнена позднее Н. К. Никольским и напечатана около 100 лет назад. Библиография летописания, составленная Р. П. Дмитриевой, в аннотациях отраженных там работ учитывает НИЛ по 1956 г. До этого же года доведен последний по времени краткий обзор работ, посвященных НИЛ, который опубликован О. В. Твороговым в 1987 г. ¹²

⁹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 530—531.

¹⁰ См.: Там же. С. 620 и 660—661.

¹¹ Там же. С. 616. По-видимому, А. А. Шахматов был неточен, когда писал, что уже сама составленная в 1017 г. летопись «сообщила кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом» (Там же. С. 508), и не упоминал подробный рассказ о событиях этого крещения, хотя возможную принадлежность частей этого рассказа самому Иоакиму А. А. Шахматов оговорил ранее. Короткое известие «Приде Новугороду <...> и кумиры посече», где об Иоакиме говорится в третьем лице, могло быть написано после его смерти — в замену повествования, излагавшего события от первого лица. Это тем более вероятно, что, по словам А. А. Шахматова, «появившаяся в 1017 году при владычнем дворе епископа Иоакима летопись нескоро нашла себе продолжение» (Там же. С. 509).

¹² См.: Сенигов И. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887. С. 150—169; Никольский Н. К. Материалы

В этот обзор не попали несколько важных исследований, появившихся между 1956 и 1987 гг., а суммарное рассмотрение работ предшествующего времени сторонником критического восприятия НИЛ побуждает, прежде чем говорить о недавних трудах, коротко остановиться на главных результатах изучения НИЛ и отношении к ней историков до середины XX в.

Еще Н. М. Карамзин, не отнесшийся к НИЛ серьезно и назвавший ее «шуткой» В. Н. Татищева, породил скептическое восприятие этого памятника, дожившее до недавнего времени даже в некоторых обобщающих работах (хотя такого рода суждения встречались и у менее известных ныне предшественников Карамзина).

Однако вполне определенно выступил против негативного взгляда на НИЛ С. М. Соловьев в предпринятой им характеристике трудов Татищева: «Можно как угодно ценить так называемую Иоакимовскую летопись, принимать ее известия в соображение при исследованиях или не принимать, — писал Соловьев, — но никак не должно обвинять Татищева за то, что он сохранил нам отрывок, во всяком случае любопытный, или приписывать ему самому подлог; надобно только удивляться осторожности Татищева, благодарить его за подробное описание отрывка и обстоятельств, при которых он ему достался». ¹³ Не менее значимым было и суждение Соловьева о самом тексте НИЛ: «По внимательном рассмотрении отрывка оказывается, что он составлен в позднейшие времена, но составитель имел в руках начальную Новгородскую летопись, с именем епископа Иоакима, или хотя и без имени, но с ясными указаниями, что она написана этим епископом». ¹⁴

Вышедший годом позже труд о НИЛ, принадлежавший П. А. Лавровскому, ¹⁵ поныне является единственным разносторонним исследованием этого памятника. Существовало, что за прошедшие полтора столетия основные положения этой работы остались почти непоколебленными, несмотря на попытки оспорить их. Лавровский подразделил НИЛ на две части: первая была, по его мнению, составлена в сравнительно недавнее время и в целом не является достоверной: она основана преимущественно на поздних источниках, но «имя Гостомысла, князя или старейшины новгородского, и название города Славенска заставляют предполагать у автора присутствие <...> списков летописей древних» (118). Вторая часть летописи, начиная от Рюрика, передает содержание древнего источника, составителем которого мог быть если не

для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906. С. 71—74; Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962; Творогов О. В. Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 204—206.

¹³ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Николаем Калачевым. М., 1855. Кн. 2, первая половина. Отд. 3. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ См.: Лавровский П. А. Исследования о летописи Якимовской // Учен. зап. Второго отделения Имп. Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 1. Отд. 2. С. 77—160. Далее страницы указываются в тексте.

епископ Иоаким, то, во всяком случае, представитель духовенства, близкий описанным событиям. Он или был современником крещения новгородцев, или знал о нем по рассказам очевидцев. Эта часть содержит «достоверные, действительные известия» (157), причем не исключено, что она написана была в первоначальном своем виде первым новгородским епископом.

Скептический взгляд на НИЛ в довольно резкой форме высказал историк церкви Е. Е. Голубинский, стремясь обосновать его содержанием своего доклада, опубликованного в 1881 г.¹⁶ Передавать доводы Голубинского сейчас нет необходимости, так как они были внимательно разобраны и опровергнуты уже в 1883 г. обстоятельной рецензией И. А. Линниченко. Показав, что НИЛ не является фальсификатом и что составление ее невозможно приписывать Татищеву, Линниченко, однако, отнесся к тексту НИЛ все же несколько предвзято, далеко не во всем соглашаясь с Лавровским. По мнению рецензента, вторая часть НИЛ скорее является компиляцией известий, взятых как из сохранившихся летописей, так и несохранившихся, которую обильно уснастили «прагматико-риторические амплификации» позднего составителя; за вычетом их останется сравнительно немного оригинального материала, взятого из несохранившейся древней летописи. К таким известиям Лавровский относил «рассказ о крещении новгородцев (но едва ли весь), может быть, известие, что король угорский приходился тестем Святославу, и также известие о присылке к нам первых иереев из Болгарии».¹⁷

Хотя рецензия И. А. Линниченко в сущности не решала основных вопросов изучения НИЛ, она показала полную несостоятельность мнения, будто бы ее текст является фальсификатом В. Н. Татищева. Специальных работ о ней долго не появлялось, но своеобразный рецидив скептического отношения к НИЛ представила малоизвестная у нас из-за обстоятельств начала второй мировой войны, хотя и напечатанная в довольно авторитетном издании, статья Мишеля Горлина,¹⁸ о которой стоит поэтому сказать.

М. Горлин не считает Татищева автором фальсификата и даже лишет вслед за И. А. Линниченко, что Татищев «был честный труженик, серьезный исследователь, который не пошел бы на подобную мистификацию» (49). Но в итоге приходит к заключению, что фальсификатором был «поощряемый и подстрекаемый Татищевым» архимандрит Мелхиседек (50). Вообще негативное отношение М. Горлина к НИЛ по своему накалу сопоставимо с тем, что высказывал Е. Е. Голубинский. Но М. Горлин претендует еще и на оценку привлечших его внимание трудов. Он не

¹⁶ См.: Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе. М., 1881. Кн. 4. Прибавления. С. 602—640. Чуть ранее эмоционально, но недоказательно привел коротко несколько субъективных возражений против подлинности НИЛ А. И. Никитский — в приложении к своему труду «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде» (СПб., 1879. С. 199—202).

¹⁷ Линниченко И. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // ЖМНП. СПб., 1883. Ч. 229. № 10. Отд. 2. С. 254, 255.

¹⁸ См.: Gorlin M. La chronique de Joachim // Revue des études slaves. Paris, 1939. Т. 19. Fasc. 1—2. P. 40—51. Далее страницы указываются в тексте.

пощадил даже А. А. Шахматова, хотя последний, строго говоря, не может быть отнесен к исследователям приведенного у Татищева текста НИЛ. М. Горлин высказывает убеждение, что А. А. Шахматов «был под сильным впечатлением от чтения Татищева» и что «именно нашей летописи посвящена самая сомнительная часть его реконструкции» (43), отослав к с. 495—508 «Разысканий» А. А. Шахматова, которые Горлин, видимо, прочел не слишком внимательно: на них рассматриваются главным образом летописные известия о событиях, происходивших значительно позже того, на чем обрывается известный нам текст НИЛ, который привел Татищев.

Как пишет Горлин, «интересы исторические и политические второй четверти XVIII века оставили свой весьма четкий след» в тексте НИЛ, а «мотивы, которыми руководствовались» при ее создании, состояли в том, чтобы «узаконить недавние завоевания». Полагая, что он пересказывает текст, напечатанный Татищевым, Горлин называет «область, завоеванную Буривоем к западу (à l'ouest) от реки Кюмень» (47), тогда как из текста НИЛ и примечания Татищева ясно, что владения Буривова находились к востоку, а не к западу от нее. Завоевания же России в XVIII в., во-первых, вообще не простирались на запад от реки Кюмень, а во-вторых, сомнительно, чтобы их мог «узаконить» летописный текст, где говорится, что Буривой «при оной реце побежден бысть, вся свои вой погуби, едва сам спасеся». Согласно выводам Горлина, «связи, объединяющие Иоакимовскую летопись с интересами Татищева», свидетельствуют, что она была составлена «для Татищева», причем «эта подделка внушена была» им самим, ибо, как полагает Горлин, Татищев послал Мелхиседеку «сведения по проблемам, которые его интересовали» (49), желая получить их подтверждение, и НИЛ «стала как бы „материализацией“ желаний Татищева» (50).

Кроме того, по убеждению Горлина, НИЛ была порождением борьбы Бизюкова монастыря против смоленских митрополитов: архимандрит Мелхиседек стремился «привлечь благосклонность Петербурга», и «большим козырем в этой игре» должно было стать нахождение в его обители «самой древней русской летописи», которая «показывала бы приоритетные права русских на Карелию» (51). Остается только неясным, с какой стати и каким образом Татищев при его сложных отношениях с церковью стал бы воздействовать на Синод в интересах Бизюкова монастыря и какую роль могло в этом сыграть подобное «подтверждение» русских прав на уже присоединенную опять Карелию, которая ранее входила в состав владений Великого Новгорода на протяжении ряда веков.

Специальное внимание М. Горлин обращает на присутствие в НИЛ скандинавских имен и географических названий. Часть их он возводит к переведенной на русский язык Татищевым и увидевшей свет в первом томе его «Истории» работе Г. С. Байера, до того изданной на латинском языке в 1738 г. (полагая, очевидно, что на латыни ее спешно изучал «мало грамоте умеющий» Мелхиседек). Другие скандинавские имена, по словам М. Горлина, «свободно придумываются» фальсификатором — наравне с такими славянскими, как Буривой или даже Владимир, при-

чем «все начало летописи находится под знаком русско-варяжских связей», а «тенденция автора» состоит в том, чтобы показать их древность и «снять тем самым с приглашения князей всякий характер иностранной интервенции» (46). Остается гадать, какие из предшественников предполагаемого фальсификатора трактовали приглашение Рюрика и его братьев как «интервенцию».

Мотивация Горлина подложности Новгородской Иоакимовской летописи типологически сходна с предпринятой тогда же его учителем А. Мазоном мотивацией подложности «Слова о полку Игореве».¹⁹

4

Необходимо упомянуть о специально посвященной НИЛ статье С. К. Шамбинаго, появившейся уже после войны. Со статьей Горлина Шамбинаго, по-видимому, знаком не был, а работу свою посвятил попытке обосновать тождество НИЛ и Новгородской 3-й летописи последней четверти XVII в., имея в виду ее неопубликованную пространную редакцию. Тезис Шамбинаго оказался неверен, а доводы, выдвинутые в его подтверждение, — несостоятельны, что я в свое время попытался подробно показать.²⁰

Автором НИЛ некоторые предлагали считать не только Татищева или архимандрита Мелхиседека: это те, кто, доверяя указанию ее текста относительно авторства «святителя Иоакима», не соглашались признать таковым Иоакима Корсунянина. В. И. Григорович, выступивший с сообщением на Третьем археологическом съезде в 1874 г. (оно напечатано только в кратком изложении), указал (на основании помянника), что «около 1730 года в Бизюкове монастыре жил архимандрит Иоаким», и высказал мнение, что «этот Иоаким имел возможность из готовых летописей составить свод, тетради которого были доставлены Татищеву в 1748 году».²¹ Однако названный Григоровичем Иоаким очень недолго возглавлял монастырь, откуда Татищев позже получил рукопись НИЛ, а сохранившаяся характеристика этого монаха современниками делает крайне маловероятным предположение о его причастности к столь серьезному делу, как составление летописного свода.²²

¹⁹ Весьма критичный разбор статьи Горлина осуществил в свое время С. Н. Валк, вывод которого состоял в следующем: «Навряд ли эта теория, краеугольным камнем которой является неизвестное письмо Татищева, может послужить к выяснению его работы над „Историей“ и еще менее к разъяснению характера самого Татищева как человека и как автора» (Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии // *Татищев. Л.*, 1968. Т. 7. С. 28).

²⁰ См.: Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // *ИЗ. М.*, 1947. Т. 21. С. 254—270. Ср.: *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 47—55.

²¹ Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 1. С. LXV.

²² Аттестация в его служебном формуляре сообщает: «В сибирских монастырях, местах своего служения, он жил порядочно, пьянствовал беспорочно, пребывал в срамословии, а равно и в Бизюкове монастыре вел порядочное житие...» (*Строганов П.* Ставропигиальный Бизюков монастырь и Смоленские епископы // *ЧОИДР. М.*, 1905. Кн. 1. Отд. 5. С. 45).

Л. В. Черепнин, определивший время составления и многие из источников Новгородской Забелинской летописи, работа над которой, по наблюдениям Черепнина, была начата при новгородском митрополите Иоакиме, занимавшем эту кафедру в 1672—1674 гг., высказал предположение: «Нельзя ли видеть в Иоакимовской летописи одну из редакций Иоакимовского свода, т. е. новгородского свода конца XVII в., начатого при митрополите Иоакиме?».²³ Как выяснилось, составление этого свода окончилось в 1680—1681 гг., а мысль относительно связи его с НИЛ Л. В. Черепниным аргументирована не была; она может расцениваться как осторожная догадка, что этот Иоаким — составитель НИЛ и что ему она обязана своим названием. Но опубликованные результаты изучения названного свода по всем его спискам²⁴ не дают оснований для этой идентификации — в такой же степени, как для идентификации, предлагавшейся С. К. Шамбинаго.

Хотя в первое столетие изучения НИЛ «количественный» перевес и «последнее слово» были за сторонниками отрицания древности этого памятника (имею в виду специально посвященные ему работы), крупнейшие историки России, знакомые, конечно, с исследованиями НИЛ, не разделяли негативного к ней отношения, использовали даже ту часть ее, которую Лавровский не считал достоверной, — использовали с оговорками и без оговорок. Например, Г. В. Вернадский писал: «Согласно так называемой Иоакимовской летописи, утраченной, выдержками из которой, однако, пользовался В. Н. Татищев, имя словенского князя, изгнавшего варягов, было Гостомысл».²⁵ (Привлекал Г. В. Вернадский и другие уникальные сведения НИЛ.)²⁶ Рассказ НИЛ о Гостомысле обильно использовал Н. И. Костомаров; он приводил полностью и повествование ее о крещении Новгорода.²⁷ Что же касается «Истории России» С. М. Соловьева, то здесь можно привести довольно много примеров, когда автор опирается в своих построениях на материал, который есть только в НИЛ.²⁸

5

Отличается от рассмотренных работ по своей специализации вышедшая в 1960 г. статья Б. Клейбера «Скандинавские следы в старинной русской летописи», напечатанная в малодоступном издании.²⁹ О ней поэто-

²³ См.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания) // Изв. М., 1945. Т. 14. С. 127.

²⁴ Они напечатаны на с. 71—76 моей книги «Новгородские летописи XVII века».

²⁵ Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1997. С. 339 (английское издание вышло в 1943 г.).

²⁶ См.: Там же. С. 343—344 — о посаждении вассальных князей Рюриком, с. 368 — о племенной принадлежности Олега.

²⁷ См.: Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. СПб., 1886. Т. 1. С. 30—31, 36—39.

²⁸ См.: Соловьев М., 1959. Кн. I — на с. 175, 186, 187, 189, 203, трижды на с. 204.

²⁹ См.: Kleiber B. Nordiske spor i en gammel russisk kronike // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft 1—2. S. 56—70. Далее страницы указываются в тексте.

му следует сказать несколько подробнее. Но этот автор имеет в виду не только Новгородскую Иоакимовскую летопись: она служит для него в ряде случаев отправным пунктом суждений относительно примеров, больше связанных с «Повестью временных лет». Так, один из экскурсов посвящен летописному имени «Малфредь», в связи с которым речь идет вообще о женах Владимира, о его матери, о названии древлянской столицы «Искоростень» и сходном названии населенного пункта у Ильмена, о некоторых других летописных и нелетописных названиях и именах, происхождение которых Клейбер с разной степенью убедительности предлагает объяснять скандинавским воздействием. Упоминание в НИЛ Биармии не только дает повод Клейберу обратить внимание на то, что этого названия нет в других летописях, но оно фигурирует в сагах: автор уделяет немало места вопросу о происхождении термина «Бьярmland», работе Тиандера о поездках скандинавов в Белое море и изменчивости представлений о границах «Бьярmland».

Далеко не все в работе Клейбера представляется бесспорным, но в целом ее отличают несравненно более серьезный подход к предмету и гораздо большая основательность в его рассмотрении, нежели то, что продемонстрировал М. Горлин.

Охарактеризовав деятельность Татищева и высоко оценив его труд по написанию «Истории», Клейбер с большим почтением отзывается о русских летописях вообще, а затем говорит непосредственно о Новгородской Иоакимовской. Рассматривая последовательно ее содержание, автор комментирует текст соображениями и параллелями, призванными обосновать гипотезу о скандинавском влиянии на древнейшую составляющую попавшего в руки Татищева материала. Решительно отклонив домыслы тех своих предшественников, которые считали его фальсификатом, Клейбер пишет о разновременности текста: обратив внимание на рассказ о крещении Новгорода, автор характеризует его как «необычайно живое и интересное повествование свидетеля», относительно которого, «конечно, можно предположить, что это сообщение написано» самим Иоакимом «или одним из его сотрудников»; но Иоаким не мог быть «автором всей летописи». По словам Клейбера, «с большой уверенностью можно предположить, что летопись, отрывок которой получил Татищев, является компиляцией старинных русских, польских и, возможно, чешских летописей и сказаний», которая составлена «не ранее XVI века, вероятно, в XVII веке». Но в НИЛ «имеется много интересных и важных сведений, которых нет в других летописях, и это выделяет ее среди других подобных компиляций». Причем, как подчеркивает Клейбер, «эта летопись особенно интересна для нас, так как мы находим в ней множество северных следов» (59).

Напомним, что, согласно исследованиям летописи Нестора, в ее древнейшей части хронологические указания отсутствовали и были внесены позже, Клейбер пишет: «Иоакимовская летопись сообщает нам в основном о тех же самых событиях, что и Нестор, но всегда без указания года. Это дает нам опять-таки право предположить, что в основе Иоакимов-

ской летописи лежит текст, который древнее, чем списки летописи Нестора, которые дошли до нас» (65).

Поскольку НИЛ «начинается с фантастического повествования об очень древних славянских князьях», Клейбер отмечает, что, «как и в других подобных повествованиях, автор пытается объяснить названия городов и народов из личных имен». Но, зафиксировав внимание на упоминании князей «Гардорика» и «Гунигара», Клейбер пишет, что «за именем Гуннигард, несомненно, стоит древнее скандинавское название Киева — Кенугардр» (59). Комментируя слова НИЛ о том, что князь Вандавал «имел жену от варяг Адвинду, вельми прекрасну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в песнях восклицают», Клейбер дает гипотетическую скандинавскую этимологию имени, звучавшего предположительно «Ад-винр», допуская, что «в народе сохранилась память о северной героической личности, которая, возможно, жила однажды в древние времена в России», а «автор летописи пытается включить ее в родословное древо славянских князей, делая Адвинду легендарной женой Вандавала» (60).

Легендарными персонажами Клейбер называет не только Вандавала и Адвинду. О «легендарном образе» Гостомысла в статье говорится много, но Клейбер вообще не считает, что этот персонаж должен быть вымышленным. По словам исследователя, «в том, что варяги не сразу справились с Новгородом и подчинили его, а также, что их противников возглавлял тот или иной князь или посадник, едва ли можно сомневаться». Это соображение приводится в пояснение того факта, что кроме повествования НИЛ существуют упоминания Гостомысла как первого посадника, а в «менее достоверных» летописях «Гостомысл выступает как князь Новгорода, который с успехом борется против варягов». В параллель имени и той общей аттестации, какая дана Гостомыслу в НИЛ, Клейбер приводит двух персонажей из саг, имена которых частично соотносимы по этимологии с именем Гостомысла и отчасти близки ему некоторыми из своих личных качеств. Но автор статьи оговаривается, что не намерен делать из этих соотношений «слишком далеко идущих выводов» (62). Для Клейбера «Колмогард», куда отправляется Гостомысл, дабы, поднявшись «на высокая», принести жертвы богам и спросить при посредстве «вещунов» о своем наследнике, — это несомненно Холмгард. В данном случае, как и в ряде других, автор статьи игнорирует заслуживающее внимания примечание Татищева, но оговаривает близость самим Клейбером тут же упомянутого названия «Колмово», которое обозначает «старинное местечко», находящееся «в нескольких километрах от Новгорода» (63). Обращение Гостомысла к «вещунам» в «Зимеголах» дает повод Клейберу напомнить о пути из Балтики к Черному морю по Западной Двине, где «скандинавы пришли в первое соприкосновение со славянами» и посещали Земгалию (63). Для автора, видимо, не вставал вопрос — не была ли она известна славянам не хуже, чем скандинавам.

Заслуживают внимания соображения Клейбера относительно сна Гостомысла. Правда, автор статьи, видимо, и в этом случае не прочел

примечания Татищева, ибо пишет только от себя — хотя и подробнее, чем Татищев, о соотносимости повествования об этом сне с аналогичным рассказом у Геродота. Но далее Клейбер верно отметил, что «в русском фольклоре сны встречаются лишь эпизодически», что «в летописи Нестора вообще нет никаких пророческих снов, а в одном месте (1071 г.) автор даже утверждает, что пророческие сны происходят от дьявола», зато «в скандинавских сагах <...> пророческие сны весьма обычны, и именно дерево символизирует там происхождение, потомство и порядок наследования. Сон Гостомысла напоминает нам, — продолжает Клейбер, — прежде всего сон Рагнхильды. Подобные сны встречаются также в Шотландии и Ирландии», а «один подобный пророческий сон связан с рождением Вильгельма Завоевателя» (64).

Имя жены Рюрика — дочери «князя урманского» — Ефанда, по мнению Клейбера, результат ошибки в прочтении имени «Сфанда». Не находя достаточно убедительных параллелей в реальном языковом материале, Клейбер пишет, что «теоретически» можно рассматривать его «как аналогичное <...> имени *Свандис с ласкательной формой *Сванда, *Сфанда» (65).

В связи с мнением А. А. Шахматова относительно отсутствия в Начальном своде данных «об отношениях между Олегом и Игорем» у Клейбера «возникает впечатление», что известие НИЛ «об опекунстве Олега и о родственных связях с Рюриком и Игорем находится под влиянием саги о Гутторме и Харальде Хорфагре» — современниках Олега; когда Харальду было только 10 лет, «Гутторм, его дядя, стал предводителем дружины и ведал всеми делами управления страной», он «был главой войска» и «брал молодого Харальда с собой в походы» (66). Не вполне убеждает и другое сопоставление с этой сагой: напомнив, что Харальд «имел много жен и много детей», Клейбер акцентирует внимание на том, что «дети короля Харальда были вскормлены там, где жили матери каждого из них», и пишет, что «нечто подобное» находится в НИЛ, когда она рассказывает об отпуске жен крестившимся Владимиром, «судя по всему — в их родные места» (69).

Совсем неубедительными представляются попытки Клейбера обосновать предположение о скандинавском происхождении Добрыни. Тут автор статьи вступает в противоречие с текстом НИЛ, где среди жен Владимира фигурирует Мальфрид. Клейбер присоединяется к мнению, что глухое упоминание этого имени в «Повести временных лет» имеет в виду не жену, а мать Владимира — Малушу. В связи с этим Клейбер хочет убедить своих читателей, что землей древлян управляли скандинавы, что скандинавского происхождения был и князь Мал — отец Добрыни и Малуши, настоящее имя которой — «Мальфридр» (67—68). Как бы забыв об этом тезисе, Клейбер далее, повествуя об отпуске Владимиром своих жен, пишет буквально следующее: «Мальфрид мы находим в городе Овруч у древлян, то есть в старинной княжеской резиденции легендарного князя Мала. И это подтверждает ее идентичность Малуше» (69). Таким образом, автор статьи, увлекшись, совместил в одном лице жену и мать Владимира Святославича.

Мнение о скандинавском происхождении Добрыни высказано Клейбером в связи с рассказом НИЛ о крещении новгородцев. Автор статьи совершенно прав, когда пишет, что это «очень длинное и трезвое сообщение», относительно которого «возникает впечатление», что оно написано «свидетелем, который прибыл в Новгород вместе с войском Добрыни (дяди князя Владимира)». Оговорившись, что «в русских летописях не содержится никаких прямых указаний на то, что Добрыня был из скандинавского рода» (66), Клейбер ищет косвенные указания.

Относительно слов НИЛ в рассказе о крещении «высший же над жрецы славян Богомил <...> велми претя люду покоритися» Клейбер заключает, что «или сам автор не был славянином», или «тогда в Новгороде было много неславян, или и то, в другое», а «кроме славян в Новгороде могли быть только скандинавы и частично финны» (66). Сказанное, конечно, верно, но Клейбер как бы забывает, что епископ Иоаким, к славянам не принадлежавший, был, очевидно, грек, а отнюдь не скандинав. Для греческого проповедника христианства у славян естественно было назвать главного своего антагониста славянским жрецом. Тем более, что крещению, вероятно, подлежало все население города, включая и скандинавов, имевших иных жрецов. Клейбер указывает, что Татищев ошибся в своем истолковании находящегося в НИЛ слова «каперовы» — «сие видится греческое „оловянны“ испорчено», ибо в греческом языке близкого соответствия нет, но зато оно есть у скандинавов: «копер» — медь (67). Это позволяет разъяснить слова «повелехом всем крещеным кресты деревяни, ово медяны и каперовы <...> на выю возлагати»: по-видимому, к крещеным скандинавам относилось повеление надевать кресты «каперовы». Однако сам Клейбер такого пояснения не предлагает, а задает лишь риторический вопрос: «Каким образом простое скандинавское слово может попасть в русский текст?» (67), — подразумевая, очевидно, скандинавское авторство текста.

Общий вывод Б. Клейбера состоит в том, что «или автор самой древней части Иоакимовской летописи был скандинавского происхождения, или у него были скандинавские помощники» (70). Первую часть этого заключения следует отнести к увлеченности исследователя своей темой, но вторая требует серьезного внимания.

Естественно полагать, что, может быть, не сам епископ Иоаким, а кто-то из его окружения, занявшийся по поручению владыки подготовкой летописи, собирая для нее материал, общался не только со славянским населением Новгорода, но и с жившими там скандинавами. В окружении Иоакима наиболее образованную часть первоначально составляли, очевидно, прибывшие с ним греки. Фиксация материалов могла вестись сначала на греческом языке, затем уже оформлялся русский текст. В процессе такой работы имена и названия, услышанные от скандинавов, при недостаточно совершенном знании местных языков могли оказаться в контексте, фиксирувавшем рассказы славян-информаторов (и — наоборот), причем возникали порожденные этим смешения смысла. Следы их можно усмотреть в некоторых несообразностях,

которые, вероятно, отчасти сгладились, а может быть, и усугубились при редактировании НИЛ до того, как она попала в руки Татищева.

Более существенными представляются смысловые параллели, относящиеся не к именам и названиям, а к историческому и к мнимо историческому содержанию таких эпизодов, как сон Гостомысла или пассаж о родстве Олега с Рюриком и Игорем: в первом случае перед нами явно мотив международного фольклора, но во втором — скорее просто сходство исторических ситуаций, осложненное, может быть, при оформлении текста НИЛ знакомством информатора с аналогичным по общему смыслу повествованием из фольклора скандинавского. В совсем слабой степени это относится к женам Владимира: из летописи не следует, что все они отправлены были в родные места.

«Иоакимовская летопись, — пишет в заключение Клейбер, — вообще вдохновляет, на мой взгляд, на более интенсивное изучение скандинавского влияния среди славян в древнейшие времена, до того, как варяги пришли в страну.³⁰ Это, конечно, сложная, но благодарная задача. Параллельно с археологическими исследованиями, по моему мнению, следовало бы осуществлять более систематические сравнительные исследования фольклора и топонимов на славянском, балтийском, скандинавском и, возможно, также и финском материале» (70).

6

В 1962 г. вышел первый том академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева, которое предварялось вводными статьями. Среди них была статья М. Н. Тихомирова, посвященная источникам этого труда. Уклоняясь от серьезного разговора о НИЛ, автор статьи написал следующее: «В. Н. Татищев передал содержание Иоакимовской летописи довольно подробно. Это избавляет нас от необходимости анализировать содержание этой летописи, которая не может быть источником для каких-либо построений по истории древней Руси, но является прекрасным источником, характеризующим русскую историографию XVII в.»³¹

Со статьей Б. Клейбера М. Н. Тихомиров вряд ли успел познакомиться, зато его аттестация НИЛ стала широко известна историкам, а воздействие ее продолжает сказываться и поныне; она, конечно, повлияла, в частности, на упоминавшийся «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

³⁰ Как пишет в другом месте Клейбер, автор НИЛ последовательно проводит различие между славянами, „русами“ и варягами. Однако под варягами, — продолжает Клейбер, — мы можем понимать скандинавов, которые в XI веке прибыли в Новгород как завоеватели; но „русы“ — это скандинавские, прежде всего шведские, колонисты, которые поселились там в незапамятные времена. В этой связи особенно интересно сообщение об Адвинде» (70). Здесь автор статьи как бы походя излагает свое понимание проблемы, дискутируемой долго и интенсивно, не касаясь, как и в других подобных случаях, литературы вопроса.

³¹ Татищев. Т. I. С. 52.

Само же издание подготовлено на основе рукописей, основные различия которых были в нем приведены, — в частности, к тексту НИЛ и к примечаниям, которыми его снабдил Татищев. Результаты более детальных сопоставлений рукописного материала, относящегося к НИЛ, были опубликованы М. В. Моргайло в следующем году. Они подтвердили высказывавшийся раньше общий тезис, что «Татищев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста»,³² но, как выяснилось, изменения, вносившиеся Татищевым в текст НИЛ, почти не касаются содержания: это частные редакторские поправки. Только в двух случаях можно говорить о добавлениях, затрагивающих смысл. Такова часть фразы в рассказе о сновидении Гостомысла: «...еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе». Другое добавление — в рассказе о том, как язычники сопротивлялись крещению: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покорится». Однако сохранились не все рукописи, отражавшие работу Татищева над текстом НИЛ: существовал промежуточный недошедший список, где были собственноручные поправки Татищева. А в дошедшей рукописи есть его приписка на поле, содержащая восполнение 18 слов, явно пропущенных ранее при переписывании. Восполнения подобных пропусков могли быть и в упомянутых выше случаях. Анализ же примечаний показал, что «Татищев комментировал Иоакимовую летопись постепенно, <...> он несколько раз обращался к ней».³³ Поэтому могли быть и восполнения ранее не разобранных мест.

Через 20 лет после выхода академического издания появилась статья А. Л. Гольдберга, содержащая весьма категоричное суждение о НИЛ, которая, впрочем, не являлась предметом его исследования: оно представляло собой классификацию списков так называемой «Истории еже о начале Руския земли».³⁴ Поскольку этот памятник тематически близок началу НИЛ и имеет с ним несколько общих персонажей, сопоставление их осуществил еще В. Н. Татищев, который высказался довольно резко об авторе этой «Истории», заключив, что «он сказание Иоакимово за основание имея, да не разумея, хотел пополнить и темность оною изъяснить, токмо ума столько не было».³⁵ По заключению же А. Л. Гольдберга, взаимоотношение двух памятников имело характер «прямо противоположный. Очевидно, составитель Иоакимовской летописи, будучи знаком с повестью о древнейшей истории Руси, позаимствовал из нее несколько героев и создал новую, не менее фантастическую легенду».³⁶

³² Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 618.

³³ Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 265.

³⁴ Она дважды публиковалась в XIX в. См.: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 442—447; Гильяров Ф. Предания русской начальной летописи. Приложения. М., 1878. С. 15—22. К этим изданиям было привлечено более 20 списков.

³⁵ Татищев. Т. I. С. 311.

³⁶ Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 62.

Основанием для вывода А. Л. Гольдберга была только приводимая им на этой странице справка: «В трудах советских ученых (С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомирова) показано, что мнению Татищева о создании Иоакимовской летописи в древние киевские времена было ошибочным и время ее возникновения следует, по-видимому, отнести к самому концу XVII в.» (имеются в виду упомянутая выше статья С. К. Шамбинаго и цитированное мной суждение, высказанное М. Н. Тихомировым при публикации «Истории» В. Н. Татищева).

7

Но вскоре обнаружился важный результат того, что археологические исследования осуществлялись не только «параллельно»: совмещение в лице В. Л. Янина археолога и исследователя письменных источников позволило ему перевести в новое качество изучение НИЛ. Археология Новгорода обогатила фонд достоверных письменных источников помимо известных теперь всем берестяных грамот еще и подтверждением аутентичности уникальных сведений Новгородской Иоакимовской летописи, о достоверности которых велась дискуссия на протяжении двух с половиной веков. Наибольшее внимание привлекало подробное повествование о крещении новгородцев. Оно предстает как фиксация устного рассказа участника событий и по содержанию не имеет аналогов в других источниках. Описанные здесь драматические факты должны были оставить существенные следы на территории города. Тогдашняя топография Новгорода в значительной мере археологами была выяснена, следы эти обнаружены, и на их основе реконструирована реальная картина происходившего. Она соответствует тому, что передал составитель Новгородской Иоакимовской летописи. Исследовавший данный вопрос и руководивший самими раскопками В. Л. Янин написал об этом в работе, опубликованной более двух десятилетий назад.³⁷

В. Л. Янин внимательно рассмотрел все разнообразие версии летописных известий о крещении Новгорода, показывая их вторичность, проанализировал содержание подробного рассказа, переданного Татищевым, — в сопоставлении с результатами археологического исследования той части территории древнего Новгорода, на которой разворачиваются драматические события, детальнейшим образом описанные от лица очевидца в НИЛ.

Посланные князем Владимиром для утверждения христианства в Новгороде воеводы Добрыня и Путята оказались вынуждены вести здесь с непримиримыми противниками крещения спровоцированную ими вооруженную борьбу. В ходе ее не только гибли люди, но и возник пожар, уничтоживший значительную часть городской застройки. Рассказ об этом, ведущийся от лица современника, завершается цитацией возникшей тогда поговорки: «Путята крести мечем, а Добрыня огнем».

³⁷ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: (Исследования и материалы). М., 1984. Вып. 7. С. 40—56. Далее страницы указываются в тексте.

Конкретная топографическая привязка района пожара в НИЛ обусловила возможность археологической проверки. Оказалось, что именно там в год христианизации Новгорода пожар «уничтожил все сооружения на большой площади (в пределах раскопа она превышала 9000 кв. м)», которые затем сразу же восстанавливались. Но невостребованными оказались находившиеся под полами сгоревших построек клады, являвшиеся «домашней казной», спрятанной «в удобном для многократного извлечения месте». Следовательно, владельцы сокровищ тогда погибли. Именно там должна была находиться деревянная церковь Преображения, которую, согласно НИЛ, «разметаша» противники крещения еще до пожара (55—56).

Оставляя в стороне некоторые частности, воспринимаемые как «фантастический элемент в духе ономастического творчества XVII в.», В. Л. Янин констатирует, что «критической оценке вполне поддаются историко-топографические детали этого рассказа» (54), а результаты сопоставления их с бесспорными данными археологии «подтверждают реалистическое существование повести о насильственном крещении новгородцев» (56). Согласно выводу В. Л. Янина, наличие в ней «реалистических деталей, находящих археологическое подтверждение, позволяет считать, что ее возникновение <...> опиралось на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию. В этой связи, — продолжает В. Л. Янин, — особую важность приобретают наблюдения Б. Клейбера, предположившего наличие в основе некоторых сведений Иоакимовской летописи скандинавского источника» (56). Действительно, «северные следы», как называл скандинавские элементы в тексте НИЛ Клейбер, — это следы знакомства составителей ее со скандинавскими устными источниками тогда же, когда записывались воспоминания очевидца, и следы взаимодействия устных традиций — славянской и скандинавской.

Решение главного вопроса о древней основе текста, попавшего в руки В. Н. Татищева, осуществленное В. Л. Яниным, сопровождалось в его работе подробно аргументированными соображениями относительно оформления этого текста. К плодам такой работы исследователь отнес предшествующее рассказу о крещении Новгорода упоминание присланного на Русь патриархом митрополита Михаила. Оно, как показал В. Л. Янин, не могло принадлежать очень древней традиции, так как только к 20-м гг. XV в. относится «проникновение версии о том, что первым киевским митрополитом был Михаил, в Устав князя Владимира». После этого «имя Михаила, — заключает В. Л. Янин, — становится достоянием летописцев» (56). Исследователь допускает в данной связи, что оформление текста о крещении могло произойти в середине XV в.

Плодоносность этого научного факта выходит далеко за рамки изучения христианизации Новгородской земли. Изменилось преобладавшее прежде скептическое отношение к Иоакимовской летописи вообще и причастности к ее первоначальному тексту первого новгородского епископа. Встал вопрос об источниках этого памятника, потребовавший обращения к фольклористике. Даже основанное на впечатлениях очевидца повествование о крещении новгородцев содержит отсылки к фольк-

лорным источникам, а более существенно они привлечены в известиях НИЛ о событиях более ранних. Свидетелем их епископ Иоаким не был, но составитель мог воспользоваться устными рассказами и даже историческими песнями, которые упомянуты в Новгородской Иоакимовской летописи при описании этих ранних событий. Вместе с тем очевидно, что известия своего первоначального текста летопись, дошедшая до Татищева только в списке XVIII в., уснастила, соответственно моде позднейшего времени, плодами сочинительства, основанного на этимологических догадках. Они находятся в ее вводящей части, которая, однако, опиралась на фольклорные источники. Поэтому за вычетом «наивных этимологий» и связанных с ними домыслов нет достаточных причин отказывать в доверии этому памятнику.

8

Последней специальной работой о НИЛ стала кандидатская диссертация ныне покойного В. И. Вышегородцева, защищенная в Москве в 1986 г. Содержание ее почти не было отражено в печати.³⁸ Машинописный текст диссертации хранится в Российской государственной библиотеке. Сопоставление его с изданным авторефератом показало, что приводимые ниже выдержки из реферата материалом проведенного диссертантом исследования подкрепляются, хотя и не в полной мере (что я попытаюсь конкретно показать).

Вышегородцев не согласился с теми своими предшественниками, которые «рассматривали Иоакимовскую летопись как „фантастический“ памятник позднего летописания конца XVII века» (3). Он пишет, что вторая часть НИЛ содержит комплекс «оригинальных известий о первых русских князьях», а «рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев отражает реальную ситуацию конца X в. в Новгороде, как это было доказано В. Л. Яниным»³⁹ (15). Наиболее важными результатами проведенной диссертантом работы мне представляются плоды сопоставлений с исследованиями, помогающими гипотетически выяснить происхождение упомянутых — действительно оригинальных — известий. Общий итог оказался таков: «В основе Иоакимовской летописи лежит пропитанный христианской идеологией вариант сказания о первых русских князьях, близкий по происхождению русскому источнику „Истории Польши“ Я. Длугоша. Историческая достоверность оригинальных известий в описании правления Аскольда, Ольги, Святослава, Ярополка

³⁸ См.: *Вышегородцев В. И.* Иоакимовская летопись как историко-культурное явление: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. Указанные в автореферате публикации диссертанта по объему очень невелики и касаются только периферийных тезисов его работы. Ссылки на номера страниц реферата даются мной далее в тексте, а при ссылках на страницы диссертации цифра снабжается буквой «д».

³⁹ В. И. Вышегородцев в дополнение приводит из берестяных грамот и других источников XII—XVI вв. примеры употребления имен, содержащихся в рассказе НИЛ о крещении, — Богомил, Воробей, Путята, Стоян, Соловей (188д). Имя Угоной оказалось в одном из вариантов «Сказания о холможьей войне», которое Вышегородцев считает связанным с этим рассказом.

и Владимира подтверждается сведениями византийских, арабских источников. Эти произведения стали известными российской историографии только со второй половины XVIII в., и потому не могли быть использованы в качестве исторического материала для компиляции Иоакимовской летописи. Вариант сказания о первых русских князьях, отразившийся в Иоакимовской летописи, предположительно создавался при Святополке и испытал на себе сильное культурное влияние болгарской письменности» (15).

Вышегородцев сопоставил известия НИЛ, касающиеся князя Святослава, с недавно переизданной монографией А. Н. Сахарова, основанной на совокупности источников, включая такие, которые действительно еще не были введены в оборот русской науки до середины XVIII в.⁴⁰ В результате подтвердилась правомерность фразы НИЛ, говорящей, что Святослав «на Дунае, воюя на казари, болгары и греки, имея помось от тестя, князя угорского и князя ляцкого, не единою побеждая, последи за Дунаем у стены долгие все войско погуби». Вышегородцев пишет, что, в отличие от «Повести временных лет», «византийские источники говорят об участии отрядов из Венгрии в борьбе русских войск с византийцами», а противостояние «русско-венгерскому союзу соглашения хазар, болгар и греков подтверждается историческими исследованиями А. Н. Сахарова». Это позволяет «считать реальным и более ранним» известие НИЛ, «чем запись Начальной летописи, где хазары оторваны от своих союзников болгар». Вышегородцев обращает внимание на заключение Сахарова, что «Святослав создал <...> коалицию, куда входили <...> возможно, и поляки», а это «совпадает с указанием Иоакимовской летописи на союз Святослава с князем ляцким». Что касается «долгих стен», у которых потерпел поражение Святослав, то «Татищев не мог найти указаний, где эти стены находятся», но известия о них имеются у Прокопия Кесарийского, который писал, что «длинные стены <...> отстоят от Византии немного больше одного дня пути»; термин этот есть и у Стрыйковского (в русском переводе XVII в. его хроники), но «в отрывке, совершенно не связанном с походами Святослава». Ссылаясь на А. Н. Сахарова, диссертант пишет: «Поражение у „длинных стен“ под Аркадиополем, зафиксированное в византийских хрониках, послужило поводом для гонений и казней па христиан, бывших в войске Святослава» (177—178д, с отсылками к А. Н. Сахарову, Прокопию и Стрыйковскому).

В. И. Вышегородцев предполагает, что в НИЛ «нашел отражение источник, восходящий к болгарской письменности. В связи с этим, — продолжает диссертант, — понятна и негативная оценка деятельности Святослава в Болгарии, где отмечаются поражения, а не победы русских», причем «чувствуется мощная клерикальная струя», и «рассказ завершается прославлением Бога, ниспославшего смерть на князя — гонителя христиан» (179д). По мнению диссертанта, «болгарское влияние просле-

⁴⁰ Ср.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 112, 163, 165, 166 и др. (2-е изд.: М., 1991).

живается» и в тех фразах НИЛ, где говорится, что Владимир «после победы над болгарями „прият крещение сам и сынове его, и всю землю Рускую крести. Царь же болгарский Симион присла иерей учены и книги довольны“». Отсылая к труду М. Д. Приселкова, который, вслед за А. А. Шахматовым, высказывал «гипотезу о принятии христианства Владимиром из Болгарии, точнее — Охридского царства», В. И. Вышегородцев пишет: «Имя Симеона, который умер в 927 г., носил его внук Роман <...>, нареченный царем болгар с целью возвышения Охридского царства»,⁴¹ и, «естественно, такие подробности из политической жизни Болгарии конца X в. мог знать только современник описываемых событий»⁴² (179—180д).

Вышегородцев соотнес результаты наблюдений над текстом НИЛ с гипотезами своих предшественников, в частности — М. Н. Тихомирова, который предполагал, что существовало «сказание о русских князьях X в.», и А. Г. Кузьмина, который писал о его составлении при Святополке, соглашаясь с Тихомировым.⁴³

Поскольку фактический отец Святополка — Ярополк женат был на христианке и воспитывался при дворе своей бабки — христианки Ольги, В. И. Вышегородцев предполагает, что Ярополк «воспринял от нее христианство», хотя, как говорится в НИЛ, «не крестися народа ради». В связи с тем, что жена Ярополка, приведенная Святославом из Болгарии, была там «черницей», диссертант предположил, что «при дворе Ярополка и его жены-христианки имелись пресвитеры болгарского происхождения, составлявшие окружение Ярополка и вызывавшие недовольство дружинников — поклонников языческих культов» (182д). Это позволяет автору объяснять прохристианскую и антиязыческую тенденцию ряда оригинальных текстов НИЛ, посвященных событиям, происходившим после Рюрика и до вокняжения Владимира. Сюда относятся не только чрезвычайно благожелательный отзыв НИЛ о Ярополке и особенности в изложении войны с ним Владимира, бывшего еще язычником, но и упомянутые выше тенденции в рассказе о княжении Святослава, и оригинальные подробности в описании княжения Ольги, и текст известия НИЛ об убиении «блаженного» Аскольда, преданного киевлянами-язычниками после принятия им крещения, известие о котором, как

⁴¹ Ср.: *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 19—20.

⁴² Но, как представляется, диссертант напрасно усматривает противоречие между цитированной выше фразой НИЛ и следующей, где речь идет об обращенной в Царьград просьбе прислать на Русь митрополита. Древности предыдущего текста противоречит имя присланного в ответ на эту просьбу митрополита Михаила. Знакомый с цитированной выше работой В. Л. Яницы В. И. Вышегородцев связывает вставку о Михаиле с предполагаемым воздействием свода 1650 г., несмотря на то что в тексте этого свода Михаил — «сирия», а в ИЛ — «болгарин». Думается, что идущее далее повествование о крещении Новгорода логично следует за общей фразой НИЛ о том, что присланные епископы стали крестить «всюду»; и в такой последовательности тоже нет противоречия, усмотренного автором (181д).

⁴³ См.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 27—29, 57—66; *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 346—348.

предполагает В. И. Вышегородцев вслед за В. Н. Татищевым, читалось на листах, утраченных в оригинале рукописи НИЛ, полученной от Мелхиседека.

А так как из текста НИЛ можно заключить, что Владимир принял крещение в Болгарии, откуда затем прибыли ученые иереи, это дает В. И. Вышегородцеву основание для согласия с теми своими предшественниками, которые предполагали либо ведение летописания уже при Ярополке, либо создание при его сыне Святополке исторической повести о первых русских князьях. Диссертант связывает ее составление со Святополком, поскольку весьма сдержанное отношение НИЛ к Владимиру — в противовес отношению к Ярополку — делает естественным предположение, что тексты эти создавались в окружении князя, настоящим отцом которого был не Владимир, а Ярополк.

Почти половина работы Вышегородцева посвящена упомянутой уже «Истории еже о начале Руския земли» или, как ее именует диссертант, «Повести о древнейшей истории Руси», а также частично — летописным сводам 1650 и 1652 гг., поскольку в их состав вошла эта «Повесть», позже распространившись в отдельных списках. Но, в отличие от А. Л. Гольдберга, диссертант рассматривал не столько взаимоотношения текстов, сколько взаимоотношения идей, которые он усматривает в главных разновидностях «Повести». Однако что касается соотношения «Повести» и НИЛ, то в этом вопросе В. И. Вышегородцев в сущности солидарен с Гольдбергом и даже приводит в подкрепление аналогичного понимания соотношения их текстов любопытный «текстологический» довод. Согласно «Повести», послы из Русской земли, прибывшие к Рюрику, «молиша его, да идет к ним княжити; и умолен бысть князь Рюрик и поиде на Русь». По мнению диссертанта, «неоднократное обращение послов к Рюрику с „мольбой“ о принятии престола <...> в Иоакимовской летописи превращается в название средней дочери Гостомысла» — Умила (160д). А это, считает В. И. Вышегородцев, «позволяет говорить о трансформации взглядов летописцев на природу монархического правления по такому важному вопросу, как взаимоотношение государя, царской власти и народа» (161д). Имеется в виду переход от избрания царя народом к наследственной передаче власти.

Однако на самом деле и в «Повести», и в НИЛ послы обращаются с просьбой к Рюрику один раз — по указанию Гостомысла. Разница состоит только в стиле: кратко и просто это сказано в НИЛ, пространнее и довольно напыщенно — в «Повести». Имя Умилы — аргумент явно искусственный. Другое дело, что через нее власть, согласно НИЛ, переходит от Гостомысла к его внуку, а в «Повести» просители обращаются к наследнику «самодержцев, иже от рода кесаря Августа» — лицу гораздо более знатному, чем внук Гостомысла. Это — разница существенная. Как известно, эпизод, в котором «воевода новгородскы имянем Гостомысль» перед смертью «сзъзва владалца сущая с ним Новагорода» и дает им совет призвать князя «римска царя Августа рода»,⁴⁴ был уже в послании Спиридона-Саввы, где появился, по-видимому, в начале XVI в., пе-

⁴⁴ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.: Л., 1955. С. 162.

рейдя оттуда в «Сказание о князьях Владимирских» и в летописи XVI—XVII вв. Восходит ли здесь завещание Гостомысла к устному источнику или к письменному, сказать пока трудно, но при сравнении с текстом НИЛ эпизод выглядит явно вторичным, а не первичным: естественно, что тогда была сочтена более соответствующей престижу России просьба принять престол, обращенная к потомку императора Августа, чем к родственному по женской линии иностранному потомку местного правителя. В результате получилось, что династия Рюриковичей происходит от Августа, а не от Гостомысла. Переработка в обратном направлении была бы необъяснима.⁴⁵

Судя по диссертации В. И. Вышегородцева, он был плохо знаком с работой Б. Клейбера и не был знаком со статьей М. Горлина. Но отчасти оказался близок последнему, так как относил составление НИЛ ко второй трети XVIII в. и пытался связать его с политической ситуацией того времени. Однако, согласно Вышегородцеву, составитель НИЛ «принадлежал к дворянской среде» (14), причем остается непонятным, как возникшая в этой среде летопись сразу же оказалась в Бизюкове монастыре у малообразованного Мелхиседека. Есть в диссертации и другие несогласованные, малообоснованные соображения, иногда — просто домыслы. Но В. И. Вышегородцеву удалось конкретно показать, что «вторая часть Иоакимовской летописи сохранила отзвуки ранней летописной традиции», причем «отдельные известия ее обладают чертами исторической реальности» (16).

Относительно рассказа о крещении это доказал В. Л. Янин, а что касается других известий — Вышегородцев привел подтверждения того, о чем писал небезосновательно еще П. А. Лавровский.

9

Рассмотрение работ, посвященных Новгородской Иоакимовской летописи, приходится завершать разговором о недавних попытках оспорить ее подлинность. Не относясь к категории серьезных публикаций, они требуют, однако, упоминаний вследствие своей агрессивности. Полтора десятилетия назад Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило стотысячным тиражом под рубрикой «Новинки года» небольшую книжку, представленную как «диалог» Льва Гумилева и Александра Панченко. Ученые, давно являвшиеся специалистами в своих областях (востоковедение и литературоведение), приобретали известность как авторы обращенных к широкой публике экстравагантных суждений относительно русской истории. Жанр книжки позволял

⁴⁵ Столь же неосновательной представляется мысль Вышегородцева о соотносительности Гостомысла с Петром I, а Умилы — с Елизаветой Петровной, поскольку та и другая — средняя дочь умершего правителя (14). «Сходство» слишком отдаленное: Умила не получила престол, как Елизавета, а Петр его никому не завещал. Повествование НИЛ о Гостомысле имеет в виду передачу власти сыну замужней дочери правителя, тогда как дочь Петра сама взошла на престол, будучи незамужней, и ее власть не нуждалась в обосновании столь сомнительной исторической параллелью, так как обеспечивалась вполне реальной поддержкой со стороны гвардии и широких кругов дворянства.

не отягощать подобные суждения библиографическими отсылками, используя в субъективном пересказе содержание чужих исследований и исторических источников. А. М. Панченко вопреки источникам убеждал читателей в индифферентном отношении всего населения Руси X в. и к христианству, и к язычеству. Фантазируя и неточно цитируя по памяти летописные тексты, он хотел оспорить давно известные факты сопротивления убежденных язычников христианизации. Соответственно он обратил эскападу против НИЛ, где подробно описан наиболее показательный такой факт.

А. М. Панченко хотел оспорить «археологический материал, будто бы подтверждающий позднее, считавшееся баснословным известие Иоакимовской летописи о вооруженном сопротивлении крещению (Путьяте и Добрыне) жителей Софийской стороны Новгорода». Полагая, будто на самом деле «все обошлось более или менее спокойно», А. М. Панченко решил вопрос просто: «Что до „увязки“ позднелетописного баснословия и новгородского пожара, сделанной В. Л. Яниным, — ее надлежит считать излишне смелой. Археологическая датировка с точностью до года в данной ситуации невероятна. Невероятно также и крещение новгородцев „мечем и огнем“ (так читается в Иоакимовской летописи)».⁴⁶

Фигуральный оборот летописного текста критик тенденциозно истолковал в прямом смысле. Но более существенно, что его утверждения базируются на незнакомстве с азами современной археологии и с трудами А. А. Шахматова. Последний обстоятельно писал о НИЛ как о важном звене древнейшего летописания, не подвергая сомнению названное А. М. Панченко «баснословным» известие ее о крещении Новгорода, которое, по словам Шахматова, «содержит черты, обличающие современника», причем «некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму» (подробно см. выше).

Что до «невероятности» точной датировки, то приходится напоминать истину, ставшую хрестоматийной задолго до появления «диалога»: «Как известно, дендрохронологический метод позволяет определить календарную дату рубки конкретного дерева. При массовости образцов и строгой стратиграфии мы получаем возможность определять время сооружения деревянных построек с точностью до одного года». Это «открывает возможность датировать прослойки культурного слоя, которые образовались во время строительства и жизни данной постройки». Соответственно, «мы получаем абсолютные даты всех вещевых комплексов и отдельных находок из этого слоя».⁴⁷

При неповерхностном знакомстве с русской историей А. М. Панченко мог бы обнаружить, что еще до того, как достоверность НИЛ подтвердило археологическое исследование В. Л. Янина, уникальные известия этой летописи использовали в своих трудах такие историки, как С. М. Соловьев и В. Г. Вернадский, а Н. И. Костомаров не только их ис-

⁴⁶ Гумилев Лев, Панченко Александр. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л., 1990. С. 47.

⁴⁷ Козич Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156.

пользовал, но и приводил целиком как раз ее рассказ о крещении Новгорода (подробнее см. выше).

После публикации результатов археологической проверки НИЛ привлекается в работах современных историков довольно широко. Однако упоминание ее в последней книге А. В. Назаренко побудило Алексея Толочко расправиться с этой летописью еще более лихо, чем поступал Александр Панченко. Правда, в отличие от упомянутого «диалога», «заметка» А. П. Толочко снабжена библиографическими ссылками.⁴⁸ Но в них слишком много ошибок и неточностей,⁴⁹ а в характеристиках использованных материалов присутствуют тенденциозные передергивания.⁵⁰ Неряшливый и некорректный стиль работы подстать ее содержанию.

По утверждению А. П. Толочко, «автор „Иоакимовской летописи“ владел индивидуальным словарем Татищева» (246), откуда следует, что Татищев и был ее автором. Опорой столь обязывающего суждения оказалось единственное слово «проторчъ», присутствующее по одному разу в НИЛ и в Радзивилловском списке, которым тоже пользовался Татищев. Из современных словарей ясно, что там и тут слово употреблено для обозначения узкой теснины, пробиваемой в твердом грунте водами Днепра непосредственно вблизи порогов. Этим словарей еще не было во времена Татищева. Он полагал, что слово «проторчъ» обозначает и сами пороги: это отображено в его пояснениях к летописным текстам и к своим примечаниям. Соответственно он комментировал фразу НИЛ о гибели князя Святослава: «...на Днепре близ проторча (порогов) оступиша печенези».⁵¹ Такие пояснения отдельных слов в скобках у него встречаются нередко, причем из контекста совершенно ясно, что принадлежат они именно Татищеву, а не летописцу.⁵² Но А. П. Толочко не сомневаясь приписал это пояснение самому тексту летописи, содержащей, по его словам, «идентичную татищевской ошибку в понимании слова» (247).

В списках других летописей слово встречается в иных формах («протольчии», «протолчивое» и т. п.). Аналогично НИЛ, но по иному поводу, в Радзивилловском списке: «...и придоша ниже порога и стаща въ

⁴⁸ Толочко Алексей. К старым спорам о Татищеве // А се его сребро: Збірник праць на пошану М. Ф. Когляра. Київ, 2002. С. 245—248. Далее страницы указываются в тексте.

⁴⁹ В сноске 3 неверно указан год издания 1-го тома Татищева. Вторая цитата сноски 12 взята не из 2-го тома Татищева, а из 3-го. Годы издания этих томов не указаны, как и тома 4 в сноске 6. Ссылаясь в сноске 4 на тома ПСРЛ, издававшиеся не по одному разу, А. П. Толочко годы издания не сообщал, хотя номера страниц разных публикаций, естественно, не совпадают. В сноске 5 при ссылке на «Словарь русского языка XI—XVII вв.» неверно указан номер выпуска и не указан год.

⁵⁰ Мишель Горлин, на которого сослался А. П. Толочко, полагал, что НИЛ составил живший далеко от Петербурга архимандрит Мелхиседек Боршов (см. выше), а не «кто-то из окружения историка, бывший в курсе текущей работы Татищева» (246). Утверждая, будто «точное значение» слова «проторчъ» «неизвестно», А. П. Толочко хочет удостовериться это усеченными цитатами из словарей, тогда как при более полном цитировании значения слова оказалось бы вполне проясненным.

⁵¹ Татищев. Т. I. С. 111.

⁵² Например: Там же. С. 112: «с Месчем (Мешком)», «при реце Вице (мию Висле)».

проторчехъ».⁵³ Желая дискредитировать и Татищева, и Новгородскую Иоакимовскую летопись, А. П. Толочко объявляет эту форму «испорченной» и пишет, что «псевдо-Иоаким» почерпнул «ошибочное написание из летописи, бывшей в распоряжении Татищева!» (247). Но если бы критик внимательнее обращался к словарям, то он мог бы увидеть, что более верным, пожалуй, является именно написание НИЛ и Радзивиловского списка. Как раз в том академическом словаре, на который А. П. Толочко ссылался, неверно указывая номер выпуска, он мог бы прочесть: «ПРОТОРГНУТИ <...> *прорвать*»; «ПРОТОРГНУТИСЯ <...> 1. *Прорваться* <...> 2. *Пробиться* <...> (*о воде*). Яко протържесе вода...».⁵⁴ Форме же «протольчи» и подобным нет аналогичных соответствий.

Предполагать, будто «псевдо-Иоаким пользовался той же редкой рукописью, что и Татищев» (248), можно было бы, лишь найдя комплекс текстовых соответствий Радзивиловского списка и НИЛ. Случайное сходство одного слова в разных контекстах, произвольно истолкованное и неверно комментируемое, не дает повода для претенциозных выводов А. П. Толочко. «Заметка» его может существенно повредить научной репутации автора, особенно — с его демонстративно пренебрежительным отношением к ученым прошлого и к современникам, «дурные привычки» которых, по словам А. П. Толочко, проявлялись в использовании Иоакимовской летописи (245).⁵⁵

10

Возвращаясь к трудам А. А. Шахматова, необходимо заметить, что ни дополнения его общей концепции истории летописания, предлагавшиеся позднейшими исследователями русских летописей, ни даже внесшиеся коррективы в сущности не затронули написанного им относительно Иоакимовской летописи. Имеет лишь смысл присоединить к соображениям А. А. Шахматова упомянутую частную гипотезу относительно недошедшего памятника, связанного с Ярополком Святославичем и Святополком Владимировичем.

Можно попытаться, опираясь на труды А. А. Шахматова, при учете исследования П. А. Лавровского и важных работ последних десятилетий

⁵³ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 277.

⁵⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 266.

⁵⁵ Попытку таким же «методом» дискредитировать уже весь труд В. Н. Татищева представляет собой вышедшее совсем недавно более объемное сочинение того же автора: *Толочко Алексей. «История Русская» Василия Татищева: источники и известия*. М.: Киев, 2005. Полагаю, что оно не раз получит в печати достаточно развернутую адекватную оценку, отвлекаться на которую здесь было бы нецелесообразно. Можно лишь заметить, что глава, посвященная Иоакимовской летописи, написана Алексеем Толочко в обычном для этой книги стиле многословного ёрничества и не содержит ничего заслуживающего серьезного внимания. Появился уже разбор этой книги, озаглавленный достаточно красноречиво: *Журавель А. В. Новый Герострат, или У истоков современной истории // Сборник Русского исторического общества*. М., 2006. Т. 10 (158). С. 522—544.

нарисовать гипотетическую картину возникновения и дальнейшей судьбы НИЛ.

Епископ Иоаким в 1017 г. приступил к составлению летописи в связи с событиями этого года. Возможно, что подготовка — собрание материала по истории Новгорода — была начата и раньше, когда в Новгороде княжил Ярослав. После победы его над Святополком повествование о первых русских князьях, составленное при Ярополке и дополнявшееся при Святополке, было прислано Ярославом Иоакиму как материал для летописного свода, о работе над которым было известно Ярославу. Другим материалом становились записи устных преданий, относящихся к предыстории Новгорода и Новгородской земли, — записи, осуществлявшиеся помощниками Иоакима или им самим от местных информаторов, среди которых могли быть и жившие в Новгороде скандинавы. Так как главным делом для епископа являлось распространение христианской веры и преодоление сопротивления этому со стороны активных приверженцев язычества, в летопись было включено подробное описание того, как это происходило при вооруженном содействии Добрыни и Путяты. Косвенно той же цели служило включение в летопись материалов повествования Ярополка—Святополка, поскольку в нем акцент делался на осуждении противохристианских поступков язычника Святослава и выражались симпатии к христианину Аскольду. Работа над пополнением летописи новгородскими материалами продолжалась и после смерти Иоакима вплоть до 1036 г.

В следующем году Ярослав в Киеве «собра писце многы и прекладаше от грекъ на словенское писмо».⁵⁰ Можно думать, что среди собранных в Киев книжных людей был и тот, кто продолжал летописные записи при епископском дворе в Новгороде. Вести там эту работу стало некому, а летописный свод Иоакима как целое оказался невостребованным. Причина достаточно ясна: свод Иоакима уделял преимущественное внимание Новгороду и утверждению христианства там, а не в Киеве, предыстории Новгорода, а не Киева, сочувствовал Аскольду, которого убил Олег, прибывший с первым киевским князем Рюриковичем, осуждал Святослава, чьи соратники в Киеве повествовали, вероятно, о его военных подвигах еще совсем недавно, благожелательно сообщал о Ярополке, которого отец Ярослава лишил законного престола. Древнейший киевский свод, составление которого А. А. Шахматов относил к 1039 г., только частично использовал, вероятно, свод Иоакима, в основном опираясь на материалы киевские, но не отягощенные принадлежностью к повествовательной традиции Ярополка—Святополка.

О дальнейшей судьбе рукописи, содержащей свод Иоакима Корсунянина, дополненный, вероятно, до 1036 г., могут быть высказаны некоторые догадки, предварительный характер которых самоочевиден. Вероятно, летопись была возвращена в Новгород (а может быть, там и оставалась: в Киев могли посыпать список с нее). Но ее уже не продолжали, так как основной дальнейшей летописной работы стал Новгородский свод 1050 г. Рукопись попала в архив при канцелярии новгород-

⁵⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 66.

ских владык и не извлекалась при составлении последовавших новгородских сводов, так как было известно, что она уже использована в Древнейшем своде, на котором был основан Новгородский свод 1050 г., и продолжения не имеет.

Но к ней могли обратиться в связи с канонизацией Иоакима Корсунянина, которая произошла в 1439 г.:⁵⁷ изготовить список с текста четырехвековой давности, отдавая этим дань уважения новопрославленному первому епископу Новгорода. Именно тогда в текст могли попасть слова о том, что исходный оригинал его «святитель Иоаким, добре сведомый, написа». Тогда же, вероятно, ввели важное упоминание митрополита Михаила — дабы привести текст, атрибутируемый святому епископу Иоакиму, в соответствие с только что утвердившимся представлением о том, кто являлся первым русским митрополитом. Идеологическая направленность мероприятий архиепископа Евфимия II, среди которых заняла свое место канонизация Иоакима Корсунянина, позволяет думать, что летопись могли дополнить и в начальной части, уснастив фольклорными по происхождению материалами, способствовавшими поднятию престижа Новгорода. Это мог быть, прежде всего, тот литературно обработанный текст предания о Гостомысле, который в основе своей, вероятно, отображал историческую реальность, но, будучи уснащен традиционными мотивами, воспринимается нами в целом как содержащий псевдоисторический домысел. Могли быть использованы и другие материалы устной традиции, которые в дошедшем тексте начальной части НИЛ порой трудно выделить среди плодов довольно наивного, на наш взгляд, историографического творчества, осложненных, как можно полагать, редакторскими привнесениями на заключительном этапе истории летописного текста.

Последующее обращение к Новгородской Иоакимовской летописи было, скорее всего, вызвано событием 1699 г.⁵⁸ — перенесением мощей Иоакима Корсунянина и погребением их в Новгородском Софийском соборе.⁵⁹ К тому времени новгородские летописные своды последней четверти XVII столетия были уже составлены, существовала во многих списках «История еже о начале Руския земли», введенная в текст двух последних сводов. Сводчики, работавшие при дворе новгородских митрополитов, привлекли ее как источник, более отвечающий их представлениям о государственном престиже России и Новгорода, ибо она возводила Рюрика к потомству императора Августа. Неиспользованную небольшую по объему Новгородскую Иоакимовскую летопись все же переписали по случаю торжества, столь непосредственно связанного с ее первым составителем. Но время было для церкви не очень благоприятное. Умер последний патриарх, началась Северная война. Новый список с летописи епископа Иоакима был изготовлен без подобающей тщательности, но в нем оговорили утрату двух листов в оригинале XV в., на ко-

⁵⁷ См., например: [Барсуков Н. П.] Источники русской агнографии. СПб., 1882. Стб. 241.

⁵⁸ См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 379.

⁵⁹ См. об этом: Яшин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 58—59.

торых, как предположил Татищев, речь шла о событиях, связанных с крещением Аскольда. Эти листы могли быть вырваны тогда, когда шла работа над Никоновской летописью. Повышенный интерес ее составителей к этому князю, его походу на Константинополь и самому крещению имел результатом даже учетверение известий вследствие привлечения разных источников об одних и тех же фактах.⁶⁰ Собирая свидетельства об Аскольде, могли не остановиться перед грубым изъятием нужного текста из рукописи, хранившейся в архиве новгородской митрополии.

Как попала НИЛ из Новгорода в Бизюков монастырь, пока остается только гадать, поскольку довольно частые перемещения архимандритов создавали возможность перемещения и рукописных книг. Не исключено, что еще может обнаружиться полный текст НИЛ; информация о его существовании, обязанная, впрочем, малонадежному источнику, была некогда опубликована.⁶¹

Гипотетичность изложенных соображений относительно судьбы рукописных текстов НИЛ, естественно, не может препятствовать использованию ее свидетельств, которые восходят к текстам устным, — и доверять таким известиям, когда содержание их подкреплено показаниями независимых источников. Как представляется, материал Новгородской Иоакимовской летописи существенно помогает прояснению немало важных вопросов истории и предыстории Великого Новгорода и Новгородской земли.

⁶⁰ См.: *Творогов О. В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // *Славяноведение*. М., 1992. № 2. С. 54—59.

⁶¹ См.: *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1. С. 101.

ЭПИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

1

Три десятилетия назад в фольклористике фундаментально был обоснован весьма существенный тезис, сводящийся к тому, что «известную нам былинную традицию можно рассматривать как новгородскую интерпретацию русского эпоса».¹ Иными словами, всё дошедшее до собирателей былин эпическое наследие — фактически достояние Новгородской земли. Хотя относительно небольшая часть записей была осуществлена за ее пределами, это — фиксации от потомков людей, из нее переселившихся или из нее переселенных. За века ордынского владычества и изживания его последствий живая традиция древнего героического эпоса угасла в других областях Русской земли, сохраняясь только на не знавшей татарских нашествий и ордынских баскаков территории, подвластной Великому Новгороду.

В древнерусском эпическом наследии — былинах, которые последние сказители Новгородской земли пели еще в середине XX в., фигурирует значительное число персонажей. Часть их не имеет отношения к Новгороду и даже вообще к Северной Руси. Но есть тесно связанные, напротив, именно с Новгородом. Некоторые богатыри, согласно былинным повествованиям о них, появившись на Севере, действовали затем и на Юге, а порой — даже за пределами Русской земли. Далеко не во всех случаях ученым удавалось соотнести, хотя бы приблизительно, основное содержание или самих героев былин с историческими ситуациями либо — историческими лицами, известными по письменным источникам. Некоторые сюжеты или персонажи былин — явно мифологического происхождения, в других случаях мифологические мотивы преобладают над исторической основой.

¹ *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М. 1975., С. 91. Путем тщательного картографирования всех записей автор этой книги подтвердила справедливость суждений, высказывавшихся попутно и на сравнительно ограниченном еще материале более 100 лет назад главой исторической школы русских эпосоведов академиком Всеволодом Федоровичем Миллером. Подробно об этом см. далее, в главе VIII. Труды В. Ф. Миллера десятки лет подвергались «идеологическому» поношению, и только недавно главные из них удалось переиздать в серии «Классика литературной науки» (см.: *Миллер В. Ф.* Народный эпос и история / Сост., вступ. статья, коммент. С. Н. Азбелева. М., 2005).

Но прототип севернорусского богатыря Ильи, главного героя былин, в частности таких, где совершенно явно превалирует именно историческая основа, в сохранившихся летописях обнаружен не был. Этим он резко отличается от киевского князя Владимира, Добрыни, Алеши и ряда менее известных эпических персонажей. Такое странное обстоятельство вызывало удивление и даже некоторым ученым дало основание полагать, что образ Ильи был просто сконструирован эпосом — без опоры на исторический прототип.²

Но сюжеты тех былин, какие достаточно обоснованно соотнесены с историческими лицами и историческими фактами X—XVII столетий, очень часто не только этим фактам и этим лицам обязаны возникновением. События, повторявшиеся в типовых своих чертах, происходили на протяжении многих веков. Переработки прежних эпических повествований в применении к вновь свершившимся похожим событиям и позднейшим историческим деятелям зафиксированы многократно.

Наиболее показательны в этом отношении былины, посвященные борьбе против вражеских нашествий. Любопытным примером может служить довольно распространенная новгородская былина «Добрыня и Василий Казимирович», отозвавшаяся на свержение ордынского ига. Отделенная пятью столетиями от деятельности исторического Добрыни (сподвижника князя Владимира Святого), она поместила его рядом с героем, исторический прототип которого — хорошо известный летописцам новгородский полководец и политический деятель XV столетия Василий Казимир. А былина XVII в., посвященная возглавившему новгородское войско в борьбе против иностранной интервенции в Смутное время князю Михаилу Скопину-Шуйскому, называет в качестве его современников богатыря Добрыню и князя Владимира (см. об этих былинах в главах VIII и X).

Эпический образ, восходивший к весьма давнему историческому прототипу, мог оказываться как бы передвинутым на много столетий и введенным в позднейшие эпические повествования, инициированные событиями совсем иной эпохи. Происходило иногда и слияние в одном былинном персонаже эпических отображений двух (или более) исторических прототипов. Характерным примером такого объединения служит новгородская былина «Князь Глеб Володьевич» (см. о ней в главе V). Образ эпического князя Владимира давно связывается в науке не только с Владимиром Святым, но и с Владимиром Мономахом.

Сказанное побуждает со вниманием отнестись к одной из групп фольклорных по происхождению известий в Новгородской Иоакимовской летописи. Фрагменты ее, обязанные устной традиции, как обнаружилось, представляют существенный интерес при сопоставлении их содержания не только с записями русских былин, осуществленными в XVII—XX вв., но и с гораздо более ранними письменными фиксациями германского эпоса.

² См., например: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1960. С. 145.

Необходимость учитывать хронологические «перемещения» главных эпических персонажей актуализирует проблему, серьезно поднятую более века назад, но впоследствии почти забытую. О ней шла речь в докладе Н. П. Дашкевича, тогда вызвавшем даже дискуссию, а ныне известном только по напечатанному краткому изложению: Дашкевич обосновывал тезис, что в образе Ильи могло произойти совмещение «нескольких лиц этого имени» — подобно тому, как «образ былинного Владимира включает в себе сплав черт нескольких князей этого имени». Соответственно, Дашкевич сближал «с германскими сказаниями не современные былины», а только подлежащий восстановлению «остов русского былевого эпоса».³ Несколько десятилетий спустя в фольклористике обоснованно ставился вопрос: не существовал ли в реальной истории Владимир, возглавлявший предков нынешних восточных славян задолго до хорошо известного Владимира Святославича?⁴

В НИЛ как раз и находятся сведения о Владимире, управлявшем, очевидно, предками древних новгородцев на несколько веков раньше киевского князя Владимира Святого. Хронологических дат в этой летописи нет, но следует признать правомерность подсчета, произведенного еще В. Н. Татищевым. Он исходил из того, что, согласно НИЛ, от Владимира отца до Гостомысла — непосредственного предшественника князя Рюрика — прошло «14 колен», т. е. было 14 сменявших друг друга представителей славянской династии. Татищев писал, что это означает период примерно в 350 лет, «потому приходит на владетеля 25 лет <...>, которое за среднее почесть можно».⁵ Правомерность хронологической выкладки В. Н. Татищева подтверждают данные готского историка Иордана о королях династии Амалов у готов в ту же приблизительно эпоху: с 51 по 540 г. было 19 королей и 40 лет междоцарствия.⁶ Таким образом, средняя продолжительность одного царствования составляла около 24 лет.

Правление Гостомысла относилось к первой половине IX в. (см. о нем в главе III). Следовательно, Владимир, о котором ведет речь Иоакимовская летопись, мог править приблизительно в первой половине V в. Это соответствует времени владычества Атиллы, о войнах которого против короля Руси Владимира повествует сага о Тидреке Бернском (и близко ко времени жизни готского короля Теодориха Великого, послужившего прототипом главного эпического персонажа этой саги). Как видим, показания двух независимых друг от друга источников совместимы: сага и летопись могли говорить об одном лице.

Обнаружилось, что для исследования проблемы первостепенное значение имеют труды А. Н. Веселовского. Феноменальная эрудиция и широта научных интересов позволили ему как в области теории народного

³ Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былевого эпоса (Владимир и Илья) в древнеславянской саге // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Т. 14, вып. 3. С. 76.

⁴ См.: Ципенко І. П. Питання розвитку героїчного епосу східних слов'ян. Київ, 1959. С. 79.

⁵ Татищев. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 114.

⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. статья, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 363—364.

эпоса, так и в конкретных исследованиях эпических памятников оставить неустаревающее наследие, публикация которого продолжается по настоящее время. Еще при жизни Веселовского была напечатана его большая статья «Уголок русского эпоса в саге о Дитрихе Бернском».⁷ Она была им переработана и существенно расширена в исследовании, почти законченном перед кончиной автора и изданном посмертно под редакцией его ученика В. Ф. Шишмарева и А. А. Шахматова. Данный труд Веселовского успел прочно войти в науку, когда обнаружилось, что в архиве ученого находится еще одно полностью законченное исследование, которое помогает результативно соотнести изучавшуюся им проблему с недавними работами по фольклористике и источниковедению. Этот труд Веселовского опубликован только 13 лет назад; а еще через 6 лет были напечатаны и остававшиеся в архивной рукописи концентрированные обобщения Веселовским его исследований народного эпоса, которые оказались столь же важны для прояснения вопросов, рассматриваемых ниже.

2

По-новому осмыслить давно известные исследователям былин упоминания в произведениях германского эпоса русского витязя Ильи и короля Руси Владимира позволяет использование введенных в науку сравнительно недавно, но, как оказалось, весьма существенных материалов. Помимо напечатанных посмертно эпосоведческих трудов А. Н. Веселовского это принципиально важные результаты фронтальных изучений былинного имянослова и упомянутые сведения Новгородской Иоакимовской летописи, доверие к которой теперь восстановлено в результате проверки данными археологии, о чем подробно говорилось в предыдущей главе.

Речь идет о соотносительности русских былин с двумя обширными памятниками, отразившими германский раннесредневековый эпос. Это, во-первых, верхненемецкая поэма «Ортнит», записанная в 1220—1230 гг., но основанная на устных сказаниях, бытовавших ранее несколько веков;⁸ во-вторых, Сага о Тидреке Бернском (Тидрексага), записанная в Норвегии около 1250 г., но составленная, как в ней сказано, по древним немецким прозаическим сказаниям и песням.⁹ Она передает эпическое наследие, восходящее в основном к событиям V в. — войнам гуннов, возглавлявшихся Аттилой (годы правления: 434—453), и готов, возглавлявшихся Теодорихом (годы жизни: 454—526), которые в эпосе фигурируют как современники. Эти памятники имеют несколько общих персонажей. Одним из них является Илья Русский, знаменитый витязь, одноименный главному богатырю былин, что давно привлекло внимание и

⁷ См.: ЖМНП. 1896. № 8. С. 235—277.

⁸ См.: Ortnit und die Wolfdietriche / Nach Müllenhoffs Vorarbeiten herausgegeben von A. Amelung, O. Jänicke. Berlin, 1871. Bd I (Deutsches Heldenbuch. Th. 3).

⁹ См.: Þidriks saga af Bern / Udgivet for samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved H. Bertelsen. København, 1905—1911. Bd I—2.

рассматривалось в ряде работ русских исследователей. Результаты суммировала напечатанная в 1978 г. статья Г. В. Глазыриной, которая призвала продолжить «привлечение иностранных источников для изучения некоторых аспектов развития русского былевого эпоса».¹⁰

Глазыриной не был известен оставшийся тогда еще в архивной рукописи труд А. Н. Веселовского, посвященный главным образом сопоставлению поэмы «Ортнит» с русскими былинами. В отличие от ряда своих предшественников, Веселовский не ограничился образом Ильи, а произвел более широкие сравнения, внося немало существенно нового в понимание межнациональных взаимодействий устного эпоса, восходящих еще к эпохе славяно-готского общения.¹¹ Автор детально обосновал свое главное заключение, состоящее в том, что центральному персонажу поэмы — Ортниту — соответствует богатырь Волх Всеславьевич, былина о котором давно и справедливо признана одной из древнейших.¹²

Уделив главное внимание «отражению сказаний об Ортните в русском песенном эпосе»,¹³ Веселовский обсуждал и связь этих сказаний с былинами об Илье, используя попутно материал Саги о Тидреке Бернском, которую специально рассмотрел более широко в работе, напечатанной сразу после кончины автора.¹⁴ Эта сага обращала на себя внимание ученых, в частности, тем, что в ней фигурирует не только русский витязь Илья, но и русский король Владимир, которого соотносили, как

¹⁰ Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М., 1978. С. 202.

¹¹ Веселовский А. Н. Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните / Публикации С. Н. Азбелева // РФ. СПб., 1993. Т. 27. С. 273—312.

¹² Приведенные Веселовским параллели, весьма обстоятельно обоснованные и комментированные им, в главном могут быть сведены к следующему. 1. Сверхъестественному рождению Ортнита соответствует такое же рождение Волха — согласно древнейшей записи этой былинки; в других вариантах его рождению предшествуют чудесные знамения. Оба персонажа являются обладателями вещей мудрости. 2. С ее помощью они проникают во вражеское царство, портят неприятельское оружие, подслушивают речи вражеского царя. 3. Цель поездки Ортнита — получить в жены дочь языческого царя; тот этому противится, но Ортнит добывает невесту. Волх отправляется во враждебное царство, предупреждая набег, задуманный его царем, однако в итоге, согласно древнейшей записи, Волх женится, но не на дочери, а на вдове царя, который оказывается им убит. В поэме об Ортните, отметил Веселовский, убийства царя нет, «потому что в экономике немецкой саги он был необходим для совершения мести»; в былинке же «его „удаление“ — черта не первичная», в связи с чем Веселовский ставит вопросы: не была ли женитьба первоначальным поводом к поездке Волха и «не смешались ли, в долговременном обращении былинки, в образе царицы два отдельных лица» — жены царя и его дочери, «из-за которой и совершилась брачная поездка Волха?». Приведа веские дополнительные соображения, Веселовский констатирует, что если Волх «тождествен с Ортнитом немецкой поэмы, содержание которой было известно на западе уже в XI столетии, то на Руси он давно был достоянием народной песни, богатырским типом, представление о котором бессознательно переносилось в характеристику исторических деятелей, напоминавших его своим умом, смелостью, подвижностью». В качестве примера этого Веселовский приводил известные характеристики «вещего» полоцкого князя XI в. Всеслава Брючиславича в летописи и в «Слове о полку Игореве» (Там же. С. 306—309).

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. 11. № 3. С. 1—190 (на с. 130—190 дан перевод фрагментов саги).

правило, с хорошо известным князем Владимиром Святославичем. Веселовский опирался на результаты исследования Тидрексаги своими предшественниками; после его смерти оно, конечно, продолжалось.¹⁵ Но результаты наблюдений Веселовского остались актуальными и были довольно интенсивно использованы в упомянутой работе Г. В. Глазыриной.

Более широко, чем она, обзорное сделанное в изучении русских мотивов Тидрексаги ранее осуществила посвятившая этому свыше сотни страниц Элла Штудер. В принципе допуская историческую подоснову таких мотивов, она в итоге констатировала, что убедительно выяснить нечто достаточно определенное пока не удалось, однако отдала должное труду А. Н. Веселовского, закончив выводом, что решение проблемы тесно связано с дальнейшим прояснением былинного образа Ильи. А это, по заключению Штудер, «станет возможным только, если из неизвестных источников добавится новый материал».¹⁶

3

Продвинуть вперед изучение обсуждавшихся вопросов существенно помогает именно материал Новгородской Иоакимовской летописи. В ней и в саге совпадают не только имя Владимира и время его правления. Сопоставимы данные НИЛ и повествования саги о деятельности Владимира отца, хотя его имя в них передано по-разному. Степень же внимания, уделенная в НИЛ именно Владимиру (после которого 8 поколений правителей Руси не названы по именам), свидетельствует, что его княжение представляло собой исторический этап чрезвычайной значимости — по крайней мере для составителя НИЛ, а вероятнее — для его главного источника об этом периоде.

При сравнении с материалом саги нетрудно догадаться, в чем причина такого внимания НИЛ к Владимиру. Он был правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов. Это была, очевидно, эпоха максимального напряжения сил народа, «эпическое время», которое должно было оставить глубокий след в народной памяти. Сага называет Владимира королем. Употребление этого термина здесь оправданно: территория, подвластная, если верить саге, эпическому Владимиру, включала земли от моря до моря, простираясь далеко на восток (в чем, кстати, согласуются данные саги и НИЛ) и превосходя, как видно, размеры позднейшего Киевского государства X в. Этим объясняется интерес к Владимиру и Руси в Тидрексаге, главная тема которой, казалось бы, позволяла о них не упоминать.

¹⁵ Довольно интенсивно исследовались генезис и рукописная традиция Тидрексаги. См., например: *Haupt W.* Zur niederdeutschen Dietrichsage. Berlin, 1914; *Kralik D.* Die Überlieferung und Entstehung der Thidrekssaga. Halle (Saale), 1931; *Henning B.* Didrikskrönikan: Handskriftsrealationer, översättningsteknik och stildrag. Stockholm, 1970; *Reichert H.* Heldensage und Rekonstruktion: Untersuchung zur Thidrekssaga. Wien, 1992.

¹⁶ *Studer Ella.* Russisches in der Thidreksaga // Sprache und Dichtung. Berlin, 1931. Heft 46. S. 121.

В саге среди прочего повествуется подробно о нескольких походах гуннов при поддержке готов против «конунга» Руси Владимира, которому обычно сопутствует успех. При этом описываются битвы, после которых Аттила не раз обращался в бегство. Исход крупнейшего сражения решает Илья (названный здесь «ярлом» Владимира). Он сбил с коня готского витязя Хильдибранда, после чего даже неустрасимые готы побежали и вернулись с позором в землю убежавшего еще ранее с поля боя Аттилы. Лишь через полгода Аттила, уже вместе с самим Тидреком, решается, собрав больше 30 тысяч воинов, снова отправиться на Русь. Происходит трехмесячная безуспешная осада Полоцка. Только с помощью осадных машин гунны взяли наконец Полоцк и сравняли его с землей.

Тем временем Тидрек со своей частью войска идет дальше в Русскую землю, разрушая много замков и бургов. Под Смоленском он встретился с сорокатысячным войском Владимира. В ожесточенной битве Тидрек наносит смертельный удар Владимиру, после чего готы и гунны избивают почти всех русских воинов. Тогда Аттила встретился с победившим Тидреком у стен еще обороняемого русскими Смоленска. В нем находится ярл Ирон (названный здесь братом Владимира). Ирон со своими мужами решили сдаться на милость Аттилы. Тот, по совету Тидрека, даровал им жизнь и поставил Ирона управителем Руси, обязав выплачивать дань гуннам.

Разумеется, в таких повествованиях, построенных не на фиксации реальных фактов, а на использовании традиционных эпических мотивов, присутствует немалая доля достаточно очевидных домыслов — даже если отвлечься от обычных для эпоса гипербол и от хронологической несовместимости Аттилы и Теодориха. Аттила едва ли непосредственно участвовал в военных действиях на севере, однако против Руси могли быть направлены вспомогательные войска. Таковыми могли оказаться остготы, действительно подчинившиеся Аттиле. Военные действия сохранившей боеспособность части гуннов против Руси могли, в принципе, вестись и после его смерти — даже в период правления Теодориха. Но сам он был поглощен подчинением Италии, а отнюдь не Русских земель.

Особенно очевидна вымышленность всех рассказов саги, связанных со Смоленском, — по нескольким показателям. Сам этот город, в отличие от Полоцка, тогда не существовал, он появился только в IX в. Ирон в саге фигурирует ранее неоднократно, но не как брат Владимира и не на Руси¹⁷ (это один из сыновей британского короля Артура, убежавший вместе с братом Аполлоном к Аттиле; Ирон становится его вассалом и получает от Аттилы как ярл в управление Брандинаборг; А. Н. Веселовский объяснял интерполированность смоленского эпизода саги появление там Ирона — в результате смешения).¹⁸ Иоакимовская летопись о кончине Владимира сообщает без какой-либо связи с военными действиями и без упоминания гуннов или готов; далее в НИЛ сказано, что по-

¹⁷ См.: *Fidriks saga af Bern*. Bd 2. S. 45—46, 109—116, 120—156, 386.

¹⁸ См.: *Веселовский А. Н. Русские и вильтины...* С. 70—73.

сле смерти Владимира Русью управляли его сыновья и внуки. Достаточно ясно, что эпизод саги, приуроченный к Смоленску, был в ней просто скомпонован из эпических стереотипов ради тенденциозного прославления главного персонажа, — по военным талантам и доблести будто бы далеко превосшедшего Аттилу и даже преподавшего ему урок мудрости и великодушия.¹⁹

Тидрексага считается одной из самых ранних среди так называемых саг о древних временах. Это группа «героических саг», сюжеты которых восходят к эпосу древних германцев. В них присутствует синтез правды и вымысла, свойственный сагам вообще. Но основой повествования служит обычно историческое ядро. В саге о Тидреке Бернском, которая представляет собой переложение германских эпических сказаний, таковым признаны реальные походы гуннов во главе с Аттилой и деяния короля остготов Теодориха Великого.²⁰

Сага, как это видно из приводившихся выше кратчайших пересказов, оказывая явное предпочтение Тидреку перед другими своими персонажами, особенно — перед Аттилой, нередко стремится, однако, соблюсти объективность по отношению к русским. Например, Илья в саге охарактеризован позитивно: он был муж мирный и приветливый, однако — «великий властитель и сильный витязь».²¹ Илья — имя христианское, следовательно, он предстает в саге христианином (в то время были уже христиане и среди северных соседей Империи).

Несомненным христианином Илья является в поэме «Ортнит», где он именуется Илья Русский. События происходят вне пределов Русской земли, а Илья действует рядом со своим младшим родственником королем Ортнитом, воюя против язычников в Сирии. Согласно немецкой поэме, Ортнит управляет частью Ломбардии, а Илья Русский помогает ему добыть невесту вооруженной рукой — вследствие отказа отца отдать свою дочь. Сам по себе этот тип эпического сюжета традиционен для ев-

¹⁹ Г. В. Глазырина, говоря о несомненной вымышленности этого фрагмента саги, справедливо отмечала, что для ее составителя была важна здесь не историческая достоверность, а «целевая установка эпизода — прославление главного героя произведения», ибо «в ряду других „подвигов“ Тидрека Бернского этот — нанесение смертельного удара конунгу Вальдемару, стоявшему во главе русского войска, — несомненно, один из наиболее ярких» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты. Перевод. Комментарий / Составители Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 151). Ранее И. Э. Клейнберг обоснованно связал с этим и некоторыми другими эпизодами саги пассаж Новгородской I-й летописи: «... в граде Бьерне, идеже бе жил поганый злый Дедрик» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 49). Исследователь обоснованно заключал, что новгородцы, познакомившись с этим эпическим материалом, в Дитрихе «должны были видеть злейшего врага Руси» (Клейнберг И. Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 135).

²⁰ См. например: 1) Мельникова Е. А., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // ВИ. М., 1985. № 10. С. 46—50; 2) Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 438—442. См. также: Глазырина Г. В. Скандинавские «саги о древних временах» как исторический источник (на материале «Саги о Тидреке Бернском»): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 9—21.

²¹ «Hoefdingi mikill. oc ríkr kappi» (Þidriks saga af Bern. Bd 2. S. 69).

ропейского эпоса.²² В русском он тоже разработан: былина о женитьбе князя Владимира, отсылаясь на известный факт из биографии Владимира Святославича, исторически верно называет участником добывания невесты Добрыню. Но любопытно, что в варианте, который по фактическим реалиям наиболее архаичен, старшим товарищем Добрыни в вооруженном сватовстве выступает Илья, причем именно он привозит невесту на Русь.²³ Перед нами, очевидно, воздействие древнего эпического повествования об Илье на «младшую» былину с однотипным сюжетом.

Владимир, Илья и Ортнит, согласно данным германских памятников, состоят в родственных отношениях: Илья является дядей Ортнита по матери, согласно поэме «Ортнит» (или по отцу — согласно Тидрексаге).²⁴ Существенно, что генеалогия поэмы «Ортнит» (которой обоснованно отдал предпочтение А. Н. Веселовский) не дает повода считать Илью сыном наложницы Всеслава, как о том упомянуто в Тидрексаге. Илья, очевидно, являясь сыном родственника Всеслава. Веселовский обратил внимание на то, что Илья, обращаясь к Ортниту, называет его племянником («*oehheim*»);²⁵ а Ортнит, отвечая ему, говорит: «Я сын твоей сестры». Поэма «Ортнит» заслуживает большего доверия в характеристиках, касающихся Руси, так как содержание этого памятника не связано с настроениями, которые были порождены военными действиями гуннов и подчиненных Атилле остготов против русских, что, естественно, обусловило враждебную им тенденциозность Тидрексаги.

Отображение древнерусского эпоса в НИЛ дает иные формы имен отца и братьев Владимира, чем зафиксированные в саге. Это нетрудно объяснить трансформациями при переходах из устной традиции в письменную, из славянской — в германскую и эволюционированием при длительном бытовании в рамках самих этих традиций (см. ниже отмеченную А. Н. Веселовским трансформацию имени Всеслава).

Генеалогия эпических героев — результат преломления в эпосе представлений о реальной генеалогии, которая сама по себе не была зафиксирована. Возможность частично согласовать построения, выводимые из двух независимых литературных обработок почти синхронных сюжетов древнегерманского эпоса (что продемонстрировал А. Н. Веселовский) и весьма краткой передачи сведений, почерпнутых из древнерусского эпоса в НИЛ, с данными, какие можно извлечь из русских былин о тех же эпических персонажах, — разумеется, еще не доказательство реальных родственных отношений исторических прототипов. Но это —

²² См.: Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. (Германо-русские отношения в области эпоса) // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1923. Т. 1, вып. 3. С. 69—122.

²³ Григорьев. Т. 3. С. 442. Архаичность варианта главным образом в том, что только здесь былина ясно отобразила сообщенную летописью мотивировку отказа отдать княжну Рогнеду за Владимира — сына ключницы (подробнее см. в главе IV).

²⁴ См.: Веселовский А. Н. Былины о Волхе... С. 306—309).

²⁵ Там же. С. 284.

²⁶ «Ich bin diner swester kint» (Ortnit und die Wolfdietriche. Bd 1. S. 10).

свидетельство устойчивости эпической памяти и показатель либо очень давних взаимосвязей разноязычных эпических традиций, либо — общности их исторической основы.

4

К. Мюлленгоф, первым основательно изучивший Тидрексагу, не сомневался, что Владимир и Илья в ней — те самые, о которых повествуется в былинах.²⁷ С этим были согласны почти все позднейшие исследователи, обращавшиеся к Тидрексаге в связи с древнерусским эпосом: полагали, что эпический князь Владимир и его главный богатырь представляют в этой саге привнесение, обязанное былинам, которые в Германии стали известны, вероятно, через купцов, бывавших на Руси в XI—XII столетиях. Российские эпосоведы и историки средневековой литературы, обращавшиеся к этой теме, за немногими исключениями, были единодушны в том, что германский эпос отобразил сведения, почерпнутые непосредственно или опосредованно из русских былин об Илье и князе Владимире, чьим историческим прототипом послужил управлявший Русской землей в конце X и начале XI в. киевский князь Владимир Святославич.²⁸

Никто, кажется, не обратил должного внимания на странное при такой гипотезе обстоятельство: то, что говорится в немецком эпосе об Илье, отчасти можно увязать с содержанием некоторых из записанных былин о нем, но повествования Тидрексаги о деяниях Владимира не имеют соответствий в известной по летописям биографии Владимира Святого.

А недавно было установлено в результате проведенного впервые сплошного обследования основных собраний былин, что их сказители XVII—начала XX вв. почти никогда не называли былинного князя «Владимир Святославич»: отчество либо опускалось, либо имело форму «Всеславич» (иногда — «Сеславич»). Она присутствует повсеместно (89 раз) в коллекции старейших записей XVII—XVIII вв.; только она есть и в классическом собрании XVIII в. — Сборнике Кириши Данилова и в передающем арханскую традицию собрании сибирских записей С. И. Гуляева.²⁹

²⁷ Müllenhoff K. Zeugnisse und Excursus zur Deutschen Heldensage // Zeitschrift für deutsches Alterthum. Berlin, 1865. Bd 12. S. 344—354.

²⁸ См., например: Майков Л. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 30; Ягич И. В. О славянской народной поэзии // Славянский ежегодник. Киев, 1878. Кн. 3. С. 219—221; Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 19—25; Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былого эпоса (Владимир и Илья) ... С. 73—76; Chalanskij M. Pias von Reussen und Ilja Muromec // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1903. Bd 25. S. 440; Ярхо Б. И. Илья, Илиас, Хильтебрант // ИОРЯС. Пг., 1918, Т. 12, кн. 2. С. 326—337; Ляценок А. И. Былины о бое Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925. С. 36—68 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 190); Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.; Л., 1963. С. 165—178; Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 224—225.

²⁹ См.: БЗП; Кириша Данилов; Гуляев.

Проведший эту сопоставительную работу В. М. Гацак в итоге констатировал с удивлением, что «вместо ожидаемого отчества исторического Владимира доминирует Всеславич».³⁰

Однако А. Н. Веселовский в работе, только теперь опубликованной, оказывается, уже писал, что в эпическом Владимире Тидрексаги он не усматривает «Владимира Святого (ок. 1000 г.), как это делает Мюлленгоф».³¹ Веселовский проанализировал сведения саги, относящиеся к эпической генеалогии ее русских персонажей. В результате детального разбора с привлечением поэмы «Ортнит» и обстоятельных сравнительных данных ученый пришел к заключению, что имя Владимирова отца в саге представляет собой видоизмененный германский эквивалент славянского имени Всеслав.³²

Таким образом выясняется, что былинному князю Руси Владимиру Всеславичу соответствует в Тидрексаге «конунг» Владимир Всеславич, при котором Русь подвергалась нашествиям гуннов и готов, а былинному богатырю Илье — «ярл» Илья, герой сражений с этими противниками Руси.³³ Существенно, что разные памятники германского эпоса не расходятся в характеристиках Ильи, отмечая не только его исключительные качества воина, но и его высокий социальный статус.

5

Однако в былинах нередко говорится, что Илья Муромец — сын крестьянина или что он — казак. Глава исторической школы русских эпосоведов Всеволод Миллер в ряде своих трудов доказывал, что крестьянином главный герой русского эпоса становился уже в тот период, когда бытование былин сосредоточилось в крестьянской среде, а казак — в Смутное время, в связи с активизацией тогда казачества.³⁴ В записанных текстах былин встречаются только отзвуки прежних представлений о высоком общественном положении Ильи, на что справедливо обращал внимание В. Ф. Миллер.

³⁰ Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989. С. 53.

³¹ Веселовский А. Н. Былины о Волхе... С. 281.

³² См.: Там же. С. 306—309. НИЛ именован Владимирова отца не Всеславом, а Вандалом. Ее позднейший редактор, вероятно, знал о народе вандалов, жившем некогда вблизи тех мест, о которых идет речь в НИЛ, и мог предполагать (подобно некоторым историкам нового времени), что вандалы относились к славянам. В соответствии с историографической модой XVII в. этноним был использован как имя собственное — возможно, вследствие ошибочного прочтения неясного в ветхой рукописи имени Всеслав.

³³ Так как Ортнит, по заключению Веселовского, соответствует былинному Волху Всеславичу, являясь вместе с тем племянником былинного Владимира Всеславьевича, возникло затруднение, которое устранялось тем, что Веселовский предположил наличие в этой генеалогии двух Всеславов — отца и сына, из которых первый являлся отцом Владимира, а второй — отцом Волха, тождественного Ортниту (см.: *Веселовский А. Н. Былины о Волхе...* С. 306—309).

³⁴ См. в особенности: Миллер. Очерки. Т. 2. С. 307—358; Т. 3. С. 130—135. Обратившись к эпитепу Ильи «старый казак», В. Ф. Миллер пояснил, ссылаясь на труды историков, что значение его было «служилый казак, казак оберегатель» (Там же. Т. 3. С. 142).

Вместе с тем характерно, что образы двух других особенно популярных эпических героев — Добрыни и Алеши — при бытовании былины в крестьянской среде подобных изменений не претерпели: Добрыня остался родственником былинного князя Владимира, соответственно тому, каковым был исторический Добрыня по отношению к историческому князю Владимиру Святославичу; Алеша остался сыном клирика, соответственно тому, каковым был фигурирующий в летописях «храбр» Александр Попович. Деятельность исторических лиц, послуживших прототипами этих богатырей, согласно показаниям летописей, может быть отнесена к X—XIII столетиям. За шесть веков устной передачи посвященных им былин до первых научных записей симпатии крестьянских сказителей не успели превратить в крестьян никого из богатырей, соотносимых с представителями иных слоев населения Киевской Руси.

Естественно полагать, что преобразование характеристик гораздо более древнего богатыря Ильи явилось результатом слияния прежнего эпического образа с образом одноименного фольклорного персонажа более позднего происхождения. К уяснению этого отчасти был близок уже Ф. И. Буслаев.³⁵ Но вплотную подошел позднее В. Ф. Миллер. Он указывал на необходимость различать в дошедших до собирателей былинах «северо-западного Илью, получившего силу от Святогора, от северо-восточного муромского крестьянина-сидня, исцеленного каликами и получившего силу от чудесного питья». Напомнив об Илье Русском в поэме об Ортните и о ярле Илье в Тидрекаге, ученый отождествляет именно с этим эпическим образом былинного Илью, обязанного силой древнему Святогору (предание о котором «сложилось в северо-западной полосе России, в пределах псковских и Чудского озера»). Резюмируя, В. Ф. Миллер пишет: «Этот Илья не муромский мужик, а Илья западный, потомок того, которого имя попало в немецкую поэму и скандинавскую сагу».³⁶

«Потомком» древнего Ильи Русского в дошедших до собирателей фольклора былинах стал богатырь Илья Муромец, прозвание свое получив от повлиявшего на эволюцию былинного образа позднейшего персонажа — муромского крестьянина Ильи. Военские подвиги его прототипа летописцами не были отмечены, но благочестивая кончина преподобного Ильи Муромца (при отсутствии, однако, Жития) засвидетельствована церковью.³⁷

Следует отметить в данной связи обстоятельство более существенное: очевидную неполноту соответствий между былинным историче-

³⁵ См. в особенности: Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 104—110. Как писала, ссылаясь на другую его работу, Г. В. Глазырина: «Ф. И. Буслаев высказал мысль о том, что прежде Ильи Муромца в эпической поэзии был другой Илья, возможно просто Илья Русский». Но эта информация, к сожалению, не вполне точна: обозначение «Илья Русский» не используется самим Буслаевым — ни на странице, которую указала в сноске Глазырина, ни на других страницах. Ср.: Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах... С. 200.

³⁶ Миллер. Очерки. Т. 3. С. 131.

³⁷ По новому стилю память преподобного Ильи Муромца — 1 января. Подборка сведений о нем: [Барсуков Н. П.] Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 219—221.

ским самосознанием и исторической реальностью времен Владимира Святого и Владимира Мономаха (признававшихся, впрочем, справедливо двумя прототипами былинного князя Владимира). Наличие, бесспорно, позднейших слоев в некоторых былинных характеристиках взаимоотношений эпического главы Русской земли с его окружением, давно указанное и объясненное исследователями, далеко не исчерпывает сути противоречия. Оно состоит не столько в эпизодических, явно наносных отзвуках реалий московского самодержавия, сколько в чертах, так сказать, противоположных, но пронизывающих, напротив, самую основу былинных повествований. Это патриархальный «демократизм» княжеской власти и архаичность социального уклада в эпосе — слишком недостаточно соответствующие тому, что нам известно о Киевской Руси (на что уже не раз обращалось внимание в науке).

Объяснение фундаментальных черт любого исторического эпоса следует искать в реалиях эпохи, которой обязан был этот эпос своим возникновением и, соответственно, формированием основополагающих признаков. В древнерусском эпосе они восходят не к времени Владимира Святославича, а к общественным отношениям (и историческим ситуациям) гораздо более ранним.

Сущность условий, наиболее благоприятных вообще для возникновения народного эпоса, была охарактеризована А. Н. Веселовским в теоретических обобщениях, осуществленных в 1880-х гг., но только теперь наконец опубликованных. Такие условия Веселовский определял как «выход в историю»: это «большие народные военные движения, новые оседлости, новые политические сложения».³⁸ В качестве примеров он назвал Троянскую войну, переселение народов, борьбу с сарацинами, отобразившуюся в эпосе старофранцузском. Не останавливаясь в данной связи подробно на русских былинах, Веселовский упоминает очевидность того, что «борьба с татарами заслонила собой другую, более древнюю, лежавшую в основе древнейшего эпоса».³⁹

Более древняя борьба, по масштабам и напряжению своему сопоставимая с борьбой против Золотой Орды, — это едва ли отражение половецких набегов при Владимире Мономахе, печенежских — при Владимире Святом, едва ли отпор притязаниям хазарских каганов при его предшественниках или предпринимавшиеся ими успешные и неуспешные заморские и зарубежные походы. Все это, конечно, должно было влиять на древнерусский героический эпос, и нетрудно указать в дошедших былинах отголоски упомянутых исторических ситуаций. Но все же «выход в историю» древнерусского этноса следует, очевидно, соотносить не с призванием Рюрика, а с великим переселением народов.

Это проявилось не только о том, что по своей типологии и ряду конкретных признаков некоторые сюжеты и персонажи былин тяготеют еще к III—IV столетиям.⁴⁰ В русском эпосе видны отзвуки характерного

³⁸ Веселовский А. Н. Эпос / Публикация С. Н. Азбелева // Александр Веселовский: Избранные труды и письма. СПб., 1999. С. 101.

³⁹ Там же. С. 102.

⁴⁰ См., например: Балаиов Д. М. Из истории русского былинного эпоса // РФ. Л., 1975. Т. 15. С. 26—54.

для тех времен общественного устройства (о чем напоминал Веселовский) и происходивших тогда действительно грандиозных межэтнических катаклизмов, судьбоносных для народов, которые выдержали эти исторические испытания.

Существенно, что не одна Тидрексага отобразила крупные военные столкновения, в которых участвовали гунны и русские. Почти на полвека ранее этой саги о таких событиях писал Саксон Грамматик в своем труде «Деяния данов», соответствующая часть которого основана на передаче эпических сказаний древних датчан.⁴¹ По своему жанру этот материал аналогичен Тидрексаге, историческое зерно угадывается с трудом, будучи заслонено традиционными мотивами эпоса. Однако не раз говорится о Руси, упомянут укрепленный Полоцк.⁴² Решающая роль в борьбе против гуннов отведена датскому королю Фротону, но из текста следует, что в событиях участвуют русские. Говорится о семидневном победоносном сражении с гуннами, в котором сразу же «образовались такие груды убитых, что три главные реки Руси, вымощенные трупами, наподобие мостов, стали легко проходимыми для пешеходов».⁴³ После описания битвы сказано о распределении земель между победителями гуннов, причем Северная Русь обозначена как «Holmgardia».⁴⁴ Об истолковании скандинавами термина «Holmgard» речь пойдет далее. Пока же необходимо подчеркнуть, что независимые друг от друга источники — датский и норвежский, совершенно по-разному трактуя события борьбы против гуннов, оказываются единодушны в представлении, что Русь участвовала в этой борьбе.

Однако причастность русских к тому, что совершалось в Европе в эпоху великого переселения народов, едва ли могла ограничиваться сражениями с войсками гуннов. Тогдашние перемещения племен и этнических групп, вступавших в разнообразные военные союзы, в самых общих чертах известны. Но далеко не всё описывали детально авторы немногих дошедших до нас исторических сочинений того времени. Поэтому не стоит пренебрегать и поздними отображениями в русской устной традиции. Фрагментарные припоминания об исторических ситуациях V—VI вв., как можно полагать, даже в XV—XVI столетиях могли еще сохраняться (будучи, конечно, деформированы позднейшими осмыслениями) — подобно тому, как в устном репертуаре XIX столетия бытовали еще остатки воспоминаний о событиях IX в., переосмысленные в позднейших преданиях о Гостомысле и Рюрике, которые успели записать собиратели фольклора в новое время.

⁴¹ См.: Saxonis Grammatici Gesta Danorum / Herausgegeben A. Holder. Strassburg, 1886.

⁴² Выполненный Е. Б. Кудрявцевой перевод соответствующих фрагментов труда Саксона Грамматика был не так давно напечатан (см.: Откуда есть пошла Русская земля / Сост. А. Г. Кузьмин. М., 1986. С. 632—646).

⁴³ «Cuius prima dies tanta interfectorum strage recruduit, ut praecipui tres Rusciae fluvii cadaveribus velut ponte constrati pervii ac meabiles fierent» (Saxonis Grammatici Gesta Danorum. P. 159).

⁴⁴ Г. В. Глазырина, приведя этот отрывок в латинском оригинале, дает его далее в переводе А. В. Подосинова. Комментируя текст, она высказывает предположение, что топоним «Holmgardia» использован Саксоном «для обозначения Новгородской земли или княжества» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 135).

Это побуждает отнестись со вниманием к произведенной в 1525 г. Павлом Иовием Новокомским (Паоло Джовио) записи ответа русского гонца в Риме Дмитрия Герасимова на вопрос, не осталось ли у русских «какого-нибудь передаваемого из уст в уста от предков известия о готах или не сохранилось ли какого-нибудь записанного воспоминания об этом народе, который за тысячу лет до нас низвергнул державу цезарей и город Рим, подвергнув его предварительно всевозможным оскорблениям».

Согласно передаче Иовия, Герасимов «ответил, что имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими москвиты. Затем, по его словам, их войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы, населявшие остров Исландии или Скандинавию (Scandauiam), явились зачинщиками этого похода».⁴⁵

Насколько точно зафиксировал Иовий сказанное ему Герасимовым, мы, конечно, не знаем. Явно поздним осмыслением XV—XVI вв. обязаны упоминания ливонцев и татар, а термин «москвиты» характерен для обозначения русских в Западной Европе, им постоянно пользуется сам Иовий. Географические и исторические ошибки и неточности не отменяют ценности главного содержания информации, которую сообщил Герасимов: остаются правдоподобные в своей основе сведения об участии предков «москвитов» в разноплеменных войсках, вместе с готами завоевывавших неоднократно Рим и подчинивших Италию — не только во времена Тотилы (что не противостоит обобщающим научным воззрениям XX столетия).⁴⁶ От кого и где усвоил это представление переводчик, позднее участвовавший в работе по подготовке в Новгороде Геннадиевской Библии, неизвестно. Исследовавшая его деятельность Н. А. Казакова высказывала предположение, что «Герасимов был уроженцем Новгорода».⁴⁷

Память об эпохе великого переселения народов, смутно и фрагментарно сохраненная преданием, которое было знакомо русскому человеку начала XVI в., вряд ли не получала трансформированного отображения и в устном героическом эпосе, бытовавшем тогда в пределах Новгородской земли.

⁴⁵ Цит. по изд.: *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о московитских делах. *Новокомский Павел Иовий*. Книга о московском посольстве / Введение, перевод и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 262 (благодаря П. Д. Малыгина, обратившего мое внимание на эту информацию Павла Иовия). Е. Е. Замысловский в своем труде об историко-географических известиях у Герберштейна, где есть упоминания об Аттиле в связи с югами, которые русскими отождествляются с гуннами, сопоставил этот материал и сообщение Дмитрия Герасимова об участии русских в походах готов. По убеждению Замысловского, такие рассказы «заслуживают внимания», так как в них «высказывается желание указать на всемирное значение русской народности» как раз «в то время, когда Москва стала прочным государственным центром Русской земли» (*Замысловский Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 56).

⁴⁶ Ср., например: *Вернадский Г. В.* История России: Древняя Русь. Тверь: М., 1997. С. 139—189.

⁴⁷ *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 252.

Так как формирование основного ядра древнерусского эпоса происходило, очевидно, за несколько веков до эпохи Владимира Святого, следует признать обязанные ей исторические реминисценции в принципе такого же рода вторичными привнесениями, каковы обязанные уже XIII—XVI вв. устойчивое наименование исторических противников Руси татарами, нередкое в былинах название Куликова поля, имена вражеских предводителей Батыя, Мамай и т. п. Но дело не только в именах и географических реалиях. Сами сюжеты основных былин об отпоре вражеским нашествиям — в том виде, в каком они дошли до собирателей фольклора, — предстают как отзвуки достаточно известных событий XIII—XV вв., но вместе с тем — как переработки произведений более ранних.⁴⁸

Стабильные категории народного самосознания, естественно, отображались в наиболее устойчивых, типовых сюжетах эпических песен. Привязка такого сюжета к позднему историческому факту, сопровождавшаяся введением в предшествовавший текст соотносимых именно с данным событием повествовательных мотивов, наиболее ощутима в былинных именах. Однако замена их в подобных случаях происходила, по видимому, относительно редко: вводились новые герои, но маркированные образы наиболее привычных и особенно любимых персонажей в эпосе оставались.

6

Сага о Тидреке Бернском и поэма «Ортнит» — а говоря точнее, те устные эпические произведения, которые ими отражены, — как бы передают два периода эпической «биографии» Ильи. Ранние свои подвиги Илья совершает, будучи «ярлом» при «конунге» Северной Руси Владимире Всеславиче и отражая натиски гуннов. В дошедших до нас былинах с первым периодом условно можно сопоставить те сюжеты их, где Илья Муромец служит киевскому князю Владимиру, обороняя Русскую землю — главным образом от татарских нашествий.

Второй период предстает в поэме «Ортнит». Покинув Русь, Илья совершает подвиги, помогая своему родственнику за ее рубежами — вооруженным истреблением язычников. В дошедших былинах не сохранилось прямой соотнесенности Ильи и Волха, который Веселовским убедительно отождествлен с Ортнитом. Но несколько былинных сюжетов посвящены аналогичного рода подвигам Ильи, совершаемым вдали от Русской земли.

Можно по-разному оценивать степень переработки в Тидрексаге ее немецких устных источников, но было бы, конечно, неправомерно возводить к плодам этой переработки все сведения о Руси и русских персонажах. Столь же неоправданно возводить эти сведения к плодам восприятия носителями немецкой устной традиции впечатлений от фактов славяно-германских отношений в период, непосредственно предшествую-

⁴⁸ См. об этом: *Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора.* Л., 1982. С. 134—200.

вавший написанию Тидрексаги. То и другое, разумеется, должно было отобразиться в ее дошедших текстах, и вообще невозможно допустить, чтобы она оказалась свободна от подобных воздействий — не только в деталях и способе изложения, но и в восприятии его исторической канвы. Закономерности устного бытования исторических сведений на протяжении нескольких столетий, несомненно, должны были проявиться в существенных деформациях содержания первоначальных отображений борьбы гуннов против Руси. Но невозможно оспаривать само существование исторической основы, как невозможно игнорировать мнения лингвистов и археологов относительно существования в тот период не только славян, но и собственно руси. В этом убеждает совокупность данных, добытых исследованиями последних десятилетий.⁴⁹

Фигурирующие в Тидрексаге города Русской земли это прежде всего «Holmgard», Полоцк и Смоленск. Все их упоминания сагой были в науке тщательно фиксированы и снабжены историческими справками еще около полувека назад.⁵⁰ Теперь издана сводная работа Т. Н. Джаксон, основанная на совокупности древнескандинавских источников, где много места уделено Полоцку; но не обойден вниманием и Смоленск.⁵¹

В реальное существование тогда на Руси городов, снабженных каменными стенами и башнями, о которых не раз говорит сага (характеризуя в особенности Полоцк), поверить, конечно, так же трудно, как и в то, что мнимая победа над русскими под Смоленском была одержана благодаря решающей помощи Аттилы со стороны Тидрека, исторический прототип которого на самом деле родился в год смерти Аттилы.⁵² Но, согласно данным археологии, не собственно города, а протогородские поселения могли уже в то время существовать на месте нынешних городов или в некотором отдалении от них. Смоленск засвидетельствован археологически только с IX столетия. Хотя вопрос о местоположении первоначального города давно является предметом дискуссии,⁵³ причем высказывалось мнение, что его «ранние культурные напластования могли быть уничтожены»,⁵⁴ это все же не относится ко времени ранее IX в.

⁴⁹ См., например: *Седов В. В.* 1) Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 58—67, 117—127; 2) Славяне в римское время. М., 2003. С. 12—20; *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 432—443.

⁵⁰ См.: *Puff W.* The geographical and ethnic names in the *Pǫtriks Saga*. Cambridge, Mass., 1959. P. 89—90, 117—118, 145—146, 169—170.

⁵¹ См.: *Джаксон Т. Н.* *Austrí Gǫrdum*: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001, о Полоцке — главным образом на с. 23—40, о Смоленске — на с. 72—76.

⁵² Внимательно изучившая этот вопрос Г. В. Глазырина пришла к обоснованному заключению, что «мы не имеем достаточных оснований считать описание Полоцка в „Саге о Тидреке Бернском“ исторически достоверным». По-видимому, «создатели саги воспроизвели обобщенное представление о городе, распространенное в Скандинавии и сложившееся на основе практического знакомства с западно- и восточноевропейскими городами» (той, естественно, эпохи, в какую составлялась сага). См.: *Глазырина Г. В.* Русский город в норвежской саге: К вопросу о достоверности исторических описаний в сагах // Древнейшее государство на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 55.

⁵³ См.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 136—146.

⁵⁴ *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 244.

Однако Полоцк, который, согласно Тидрекаге, был полностью разрушен гуннами, стоит на месте древнего городища, нижний культурный слой которого датируется либо «второй половиной I тысячелетия до н. э.—рубежом н. э.»,⁵⁵ либо — «первой половиной I тыс. н. э.».⁵⁶

Судя по изложению Тидрекаги, центром Руси ее составители считали, вне сомнения, «Holmgard». Рассказывая о неприятелем вторжении в пределы Русской земли еще при Владимиром отце (называемом здесь Гертгнитом), сага говорит, что вражеский предводитель «въехал в Хольмгард, который был главным над городами конунга Гертгнита».⁵⁷ Из Хольмгарда осуществляет и свой ответный поход русский «конунг»: он «снарядился в поход из Хольмгарда и направился к северу по пути к земле вилькинов».⁵⁸ Главным городом Руси Хольмгард остается и при Владимире, когда тот воюет против гуннов. Согласно изложению саги, «Владимир, конунг Хольмгардский <...> пришел в землю гуннов и приводит опустошенне с огромным войском».⁵⁹

Маловразумительно беглое упоминание только в одном из двух ранних списков этой саги Киева (который, согласно киевскому Синописису, был основан в 430 г.,⁶⁰ а согласно выводам украинских археологов, лишь после середины V в. как поселение реально существовал).⁶¹ Но в саге говорится подробно о военных действиях гуннов против Северной Руси. Именно там, судя по эпическим повествованиям саги о Тидреке Бернском, находилась в V в. основная часть владений русских «конунгов». С этим согласуется соответствующая часть текста Иоакимовской летописи: о древнем князе Владимире, о его предках и его потомках здесь говорится в контексте географических реалий Северной Руси и Прибалтики, но не Киевщины.

Названия русских городов сага, записанная в Норвегии в XIII столетии, передала, естественно, в соответствии со скандинавской средневековой терминологической традицией. Термин «Holmgardr» использовался не как специальное название именно Новгорода, или вхоленной части его Славенского конца, или Городища, а являлся просто «обозначени-

⁵⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля в XI—XIII вв. М., 1966. С. 134.

⁵⁶ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 24.

⁵⁷ «Inn i holmgard, er hafudstadr er haertnids konongs» (Píðriks saga af Bern. Bd 1. S. 45).

⁵⁸ «Reid sína ut af holmgarde oc ridr norðr aleid til vilcinalandz» (Ibid. Bd 2. S. 67).

⁵⁹ «Valldemar konungr af holmgarde <...> konunn i hunaland oc haeriar með almikinn haer» (Ibid. S. 183).

⁶⁰ См.: Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев... Киев, 1680. Л. 11 об. Первоисточник сведений, впрочем, неясен: «Един точно летописец описал основание Киева року от Рождества Христова 430», на поле дана отсылка к Стрыйковскому, но в его «Хронике» известие об основании Киева даты не содержит (см.: Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi Macieja Stryjковского... z roku 1582... Warszawa, 1846. T. 1. S. 112).

⁶¹ Согласно данным, обобщенным П. П. Толочко, поселения, появившиеся «в различных районах на территории будущего Киева в последних веках до н. э.», впоследствии угасали. «Материалы IV в. встречаются очень редко, материалы первой половины V в. на территории Киева практически не найдены» (Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 24). В последнее время ставился под сомнение вывод П. П. Толочко и Б. А. Рыбакова о возобновлении поселения на Замковой горе Киева уже во второй половине или конце V в. (см.: Коллар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Київ, 2005. Т. 4. С. 119—120).

ем столицы Северной Руси».⁶² В период, когда составлялась на основе немецких устных источников письменная Сага о Тидреке Бернском, Хольмгард, конечно, ассоциировался у скандинавов с Новгородом.⁶³ Но в каком месте за семь веков до того находился центр Северной Руси в период ее противостояния гуннам, предстоит еще выяснить археологам.

Как обнаруживается, задача эта осуществима. На проходивших в Великом Новгороде в 2006 и 2007 гг. конференциях археологов прозвучали доклады о предварительных результатах начаты еще в 2004 г. раскопок в Восточном Приильменье. Там около середины I тыс. н. э. было укрепленное поселение, возникшее значительно ранее. Оно оказалось оставлено жителями в связи с военными событиями. А в VI в. на его месте вновь создаются более мощные укрепления в технике, характерной и для славянских городищ Центральной Европы. Это укрепленное поселение просуществовало до конца IX или начала X в., когда погибло при пожаре и больше не возобновлялось.⁶⁴

Хорошо известны исторические примеры позднейшего возобновления на ином месте городов после вражеских нашествий. Вторично возникла Рязань на основе Переяславля-Рязанского, причем территория древней Рязани после ее разрушения татарами осталась незаселенной. По археологическим данным, Полоцк еще и в X в. «был разрушен и сожжен», после чего полоцкие князья «возвели новую крепость на более удобном месте, в устье р. Полоты».⁶⁵ В период нашествий гуннов центр Северной Руси (и не только он) мог не один раз менять свое местоположение. То, что нашли археологи в Восточном Приильменье, это, как можно думать, следы одного из многих тогдашних поселений будущей Новгородской земли. Но поиски их весьма затруднены тем, что в V в., очевидно, еще не сооружались высокие насыпи для возведения городских стен, подобные валам, указывающим до сих пор местоположение Старой Рязани.

Письменные скандинавские источники начали появляться гораздо позднее, поэтому дополнить данные археологии они могут только тем, что фиксируют бытие русских городов, существовавших в X в. и в последующее время. Но немецкие устные источники, использованные в Тидресаге, отображали традицию, которая так или иначе восходила к произведениям, использовавшим припоминания о событиях V в., о действовавших в этом столетии исторических персонажах, о тогдашних географических реалиях.

7

Сколько-нибудь четко вычленив в саге историческую правду из обильного эпического вымысла, конечно, невозможно. Но вместе с тем невоз-

⁶² Джаксон Т. Н. *Austr i Götum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. С. 92.

⁶³ «В письменных памятниках Скандинавии, — писала ранее Е. А. Мельникова, — доминирует представление о Новгороде как столице Руси, а о Новгородской земле как „самой лучшей части Гардарики“» (Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 129).

⁶⁴ См.: Еремеев И. И. Славянский Городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2006. Вып. 20. С. 259—274 (текст доклада 2006 г.; в выпуске 21 ожидается публикация доклада 2007 г.)

⁶⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 136.

можно объяснить случайностью наличие существенных совпадений в независимых друг от друга источниках. О противостоянии Руси гунам говорится в весьма различных по основному содержанию отображениях древнего эпоса, которые дошли в письменных фиксациях у норвежцев и у датчан. Приурочение в былинах именно к Владимиру Всеславичу эпического противостояния вражеским нашествиям, по масштабам своим не имеющим исторических аналогий в княжение Владимира Святого, но сопоставимым с описанными в повествованиях Тидрексаги, побуждает признать последние отображением ситуаций, которые могли служить первоначальной исторической основой центрального былинного цикла. Естественно, что конкретное содержание дошедших в относительно недавних записях многослойных былин о борьбе против вражеских нашествий очень мало соотносимо с той интерпретацией исторической основы, какая присутствовала в германском эпосе, трансформированно отобразившем самосознание отнюдь не Руси, а остготов, реально участвовавших в военных действиях, которые вел Аттила.

Древнерусский исторический эпос, чей возраст составляет более полутора тысяч лет, состоит из отдельных песен, не сложившихся в эпопею, закономерно венчающую, согласно А. Н. Веселовскому, естественную эволюцию эпоса. Однако им же были оговорены закономерные исключения из общего правила: для древнерусского эпоса, писал Веселовский, «вопрос решается так же, как для сербских и испанских песен: долгая борьба с иноплеменным нашествием плодила песни и песенных героев, но она стала прошлым событием лишь тогда, когда условия сложения эпопеей уже пережиты были историей».⁶⁶

Перманентность борьбы с нашествиями иноплеменников достаточно известна: за борьбой против гунов последовало аварское вторжение, за ним — борьба против натиска хазар, потом — оборона от печенегов, затем — половцев, почти непрерывно ведшаяся вплоть до захлестнувшего Восточную Европу нашествия орд, ведомых наследниками Чингисхана. Окончательное освобождение наступило только в эпоху позднего средневековья, ознаменованную становлением самодержавной власти Ивана III.

Но А. Н. Веселовским же был отмечен далеко не уникальный «факт сохранения в народе древних песен»: он пояснял, что «в конце развития, когда понятие „народного“ дифференцировалось на „простонародное“ и „культурное“, — элементы древней песни живут в простолюдьях, сохраняются областною памятью. Такова сохранность русской быliny на наших окраинах, португальского романса на Азорских островах, куда он проник в XV веке».⁶⁷

Наследие древнерусского эпоса, представшее перед собирателями XIX столетия на территории бывших владений Великого Новгорода, конечно, не могло уже быть адекватным отображением общенародного самосознания многовековой давности: «Когда цельность народных интересов разрушена и часть нации удалена от участия в политике и

⁶⁶ Веселовский А. Н. Эпос. С. 102.

⁶⁷ Там же. С. 105.

правлении, эпос „народный“ невозможен, — писал А. Н. Веселовский. — Поэтический репертуар народа питается среди прочего перепевами старого, окрашивая его своеобразно, смотря по требованиям и вкусам времени (Сид XII века и Сид позднейших романсов, Илья современной былины и Илья древнейшей песни)». ⁶⁸

Среди записанных в новое время былин об Илье есть, как известно, произведения, гипертрофированно и даже грубо трактующие противоречия между богатырем и князем, содержащие насмешки над ним и его окружением и т. п. Явления этого рода оговорены были Веселовским, писавшим, что, когда наступают «раздвоение народного сознания и словная рознь», происходит «дифференциация эпоса»: «эпос простонародный», носителем которого становится «vulgus», отображает «суженность, самозаклученность его интересов; в параллель тому — отличия его эпоса». Имеют место «перепевы старых сюжетов народного эпоса, с новым пониманием и искажением». При этом «несоразмерность древних идеалов с новыми, вульгарными, ведет к искажениям особого рода: грубые преувеличения (русский эпос), юморизм и т. п.». ⁶⁹

Последствия раздвоения народного сознания, не раз подчеркнутые Веселовским при характеристиках общей эволюции устного эпического творчества, помогают объяснить некоторые позднейшие особенности былин. В частности, наслоение на древний эпический образ Ильи Русского (и связанные с ним сюжеты) бытовых черт крестьянина Ильи Муромца и мотивов, обязанных фигуре казака Смутного времени. ⁷⁰ Первоначальную же историческую основу эпического образа богатыря Ильи следует, конечно, искать не в X—XII вв., а, по меньшей мере, на полтысячелетие раньше, — сопоставляя с былинами об Илье и Владимире чрезвычайно краткие реминисценции древнерусского эпоса в Новгородской Иоакимовской летописи и несравненно более подробные, но пристрастные и весьма отягощенные вымыслом повествования в литературных обработках германского эпоса.

Результаты произведенных сопоставлений свидетельствуют, что взаимодействие эпоса древнегерманского с древнерусским началось отнюдь не в XI или XII столетиях. В германских эпических сказаниях отобразились не былины об управлявшем Русской землей на рубеже X и XI вв. князе Владимире Святославиче и не былины того времени о будто бы служившем именно этому князю, но оказавшемся без зафиксированного прототипа эпическом богатыре Илье. Исторические прототипы русских персонажей в средневековых письменных версиях германского эпоса следует искать между современниками его германских исторических прототипов.

Такого рода наблюдения относительно некоторых второстепенных фигур эпоса отчасти уже производились предшественниками А. Н. Веселовского, но их результаты не были им приняты. Однако у Иордана среди упомянутых им лиц есть сопоставимые не только по сходству имен,

⁶⁸ Там же. С. 104—105.

⁶⁹ Там же. С. 108.

⁷⁰ Ср.: Миллер. Очерки. Т. 3. С. 136—142.

но и по частичному соответствию отрывочных и лапидарных биографических данных тому, что можно извлечь об этих персонажах из повествований германского и русского эпоса. Уже осуществлялись не так давно сопоставления русского Владимира Тидрексаги с упоминаемым у Иордана историческим лицом V в., сходным не только именем, но и деяниями.⁷¹ Подобные наблюдения могут быть продолжены с привлечением персонажей, упомянутых в обязанной древнерусскому эпосу части НИЛ и имеющих аналоги в письменных фиксациях эпосов иноязычных.

Неудивительно отсутствие известий об Илье Русском в летописях. Киевская «Повесть временных лет», возникавшая на основе сводов, составлявшихся при киевских наследниках Рюрика, в сущности, только с них начинала изложение русской истории, используя в небольшой степени местные исторические предания о предшествовавших временах. Очень выборочно привлекла подобный материал и Новгородская Иоакимовская летопись. Составителя ее, однако, интересовала генеалогия славянских предков Владимира Святого, так как его прадед Рюрик, согласно этой летописи, по женской линии являлся потомком древнего Владимира Всеславича — того, который, как теперь выясняется, послужил, очевидно, первым прототипом былинного князя Владимира. Происхождение Ильи выводило его за рамки прямого генеалогического ряда НИЛ, но не помешало, конечно, стать со временем главным героем былин, сконцентрировавшихся вокруг фигуры князя Владимира.

8

Как уже говорилось, совокупные показания памятников германского эпоса позволяют заключить, что после борьбы с гуннами Илья Русский попадает в Италию; здесь он оказывает дружеские услуги своему племяннику королю Ортниту, помогая ему добыть невесту вопреки военному противодействию ее отца. В Италии же, согласно саге, находилась дочь Ильи, которая еще ребенком оказалась заложницей при дворе Атиллы, откуда впоследствии была похищена ее итальянским женихом.⁷²

В сохранившихся былинах об Илье обнаруживаются вполне ясные иногда намеки на то, что его эпическая «биография» отчасти связана с Италией. Былинам небезызвестна «Латынская земля», как обозначали католические страны, в частности Италию, в Древней Руси.⁷³ Именно в связи с Ильей былины упоминают «Латынские горы», а сам Илья нередко едет по «Латынской дороге». Существует былина о встрече уже старого Ильи с неузнанным взрослым сыном. Тип ее сюжета международно распространен, проводились сопоставления русской и германской версий. Но любопытно, что в вариантах русской былины мать молодого богатыря бывает названа «бабой Латынгоркой», с которой Илья при-

⁷¹ См.: *Lukman N. Didreks saga og Theodorics historie: Fra historie til saga og folkevise.* København, 1941. S. 24.

⁷² См.: *Pidriks saga af Bern.* Bd 2. S. 106—109.

⁷³ См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1981. Вып. 8. С. 178—180.

жил сына, рожденного в «горах Латыньских» — вдали от русских пределов.⁷⁴

Наиболее интересен особый вариант, записанный в 1871 г. на берегу Онежского озера от превосходного знатока былинной традиции Трофима Григорьевича Рябинина. Здесь говорится о встрече богатыря не с сыном, а с дочерью, которая разыскивает отца и в ответ на расспросы Ильи говорит, что она родилась в Италии, где живет еще ее мать. Из диалога выясняется, что у матери ее жил Илья, когда служил итальянскому королю. Привожу в сокращении этот диалог:

Есть я родом из земли да из Тальянской,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она колачница <...>
И отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка...

Илья, узнав, что это его дочь, говорит ей:

А когда я был во той земли во Тальянскую,
Три году служил я у короля тальянского,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у колачницы...⁷⁵

Наши эпосоведы не раз отмечали высокие художественные достоинства этого варианта. Он был закономерно включен в составленную А. М. Астаховой академическую антологию былин, посвященных Илье, где дается и обстоятельная характеристика Т. Г. Рябинина, которому принадлежат «лучшие образцы былинного творчества».⁷⁶ Но соотносимость данного образца с Италией при комментировании оказалась обойденной.

Объяснение следует искать в том, что былинные обозначения «Латыньские горы», «Латыньская дорога» и «Латыньгорка» исследователи этого сюжета не попытались объяснить в связи с «Латыньской землей», а стремились соотнести с термином «летьгола» или «латыгола», которым летописные известия XIII и XIV вв. обозначали латышей. Хотя в Латвии гор нет, «латышскую» гипотезу старался обосновать А. В. Марков.⁷⁷ Однако ему резонно возразил В. Ф. Миллер, ранее старавшийся вывести этот сюжет из Ирана. Но, доказательно оспаривая аргументацию Маркова, Миллер разочаровался и в своей, придя в итоге к пессимистическому заключению: «Все попытки приурочить первоначальный извод рассматриваемой быliny к определенному времени или области представляются мне неубедительными».⁷⁸

⁷⁴ Марков. С. 304—308.

⁷⁵ Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 215—216.

⁷⁶ Там же. С. 527—528.

⁷⁷ См.: Марков А. В. К былинке о бое Ильи Муромца с сыном // Этнографическое обозрение. М., 1900. № 3. С. 73—95.

⁷⁸ Миллер. Очерки. Т. 2. С. 185.

Первоначальный извод эпического сюжета о встрече богатыря-отца с неузнанным богатырем-сыном действительно мог зародиться и в Иране, и в Средней Азии, и в России, и в Скандинавии, и в Германии, на что справедливо указал В. Ф. Миллер. Но русская версия в своих вариантах бывает уснащена «латынскими» географическими реалиями. Бесспорна географическая связь цитированного варианта именно с Италией, и вполне очевидна сюжетная соотносительность его с ролью Ильи в памятниках германского эпоса, также указывающих на Италию.⁷⁹

Согласно былинам, на «Латынской дороге» находится иногда богатырская застава, которую охраняет Илья; по «Латынской дороге» он едет, дабы совершить один из главных своих подвигов — победить Идолище; по ней он возвращается издалека, направляясь в Киев; на ней же он встречает своего неузнанного сына, с которым вступает в бой.⁸⁰ С «Латынской дорогой» бывают связаны и последние подвиги севернорусского богатыря, завершающие его эпическую «биографию». Это былина о «трех поездках» или о «последней поездке» Ильи: он

Ото младости ездил до старости <...>
Да едет-де старый чистым полем
Да большой дорогой Латынскою,
Да наехал на дороге горюч камень...

На этом камне написано пророчество: что ждет путника, если он поедет по какой-либо из трех дорог, начинающихся от камня. Илья едет поочередно по каждой дороге; на двух первых побеждает разбойников и освобождает находившихся в заточении, а на третьей видит крест, стоящий над подземельем, в котором оказался богатый клад. Взяв его, Илья направляется в Киев,

Да построил он церковь соборную,
Соборную да богомольную.
Да и тут ведь Илья-то окаменел,
Да поныне ево мощи нетленные.⁸¹

Мощи, сохраняемые доныне в катакомбах Киево-Печерской лавры, принадлежат канонизированному русской церковью преподобному Илье Муромцу, которого народная молва отождествила с древним героем былинного эпоса.

⁷⁹ С Италией в былинах оказываются иногда соотносены подвиги и других богатырей. Добрыня Никитич, согласно записи от сказителя Василия Петровича Щеголенка, послан князем «во эту землю во Тальянскую»: ему предстоит там сразиться «за веру христианскую»; вернувшись, Добрыня на княжеском пиру вспоминает дальние земли, где он, очевидно, побывал: это Италия, Константинополь, Иерусалим и земля Сарацинская (*Гильфердинг*. Т. 2. С. 298—305). Сказительница Домна Сурикова, исполняя новгородскую былинку о Ставре (см. о ней в главе V), повествовала, что из Италии будто бы прибывает в качестве мнимого свата переодетая жена Ставра с намерением освободить его из заточения (Там же. С. 426). В подобных случаях, которые вряд ли имеет смысл прямо соотносить с германским эпосом, проявилась, как можно думать, уже закрепившаяся в былинах тенденция, обязанная воздействию эпической «биографии» Ильи, наиболее определенно связанной его с Италией в поэме «Орнитт» и в былинке о встрече Ильи с итальянской дочерью.

⁸⁰ *Гильфердинг*. Т. 3. С. 388, 307, 286, 310.

⁸¹ Там же. С. 161—164.

Но к эпической «биографии» именно древнего Ильи Русского может быть присоединен и реальный исторический факт. Задолго до государственного принятия христианства князем Владимиром Святославичем в Киеве существовал соборный храм святого Ильи, упоминаемый «Повестью временных лет» в связи с событиями первой половины X в. При ратификации договора с Византией в 944 г. в присутствии византийских послов именно в этой соборной церкви Киева присягала христианская часть дружины князя Игоря: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, и покладоша оружие свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганых Руси; а хрестяную Русь водиша ротъ в церкви свягаго Ильи, яже есть над Ручаемъ, конецъ Пасынъчъ бесѣды и Козаръ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестяни».⁸²

Хорошо известен существовавший не только на Руси обычай возводить храм, посвящаемый тому святому, чье имя носил храмоздатель. Маловероятно, что именно эта церковь св. Ильи появилась уже в V или VI вв., но эпическая традиция могла быть использована при постройке или возобновлении храма, — подобно тому, как она впоследствии влияла на народное почитание мощей преподобного Ильи Муромца. Естественнее всего соотносить древность киевской церкви св. Ильи с цитиро-

⁸² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 26. Предпринимались попытки установить точное местоположение тогдашнего храма (очевидно, деревянного). Оно предположительно определено на Подоле у берега Почайны, возможно, именно там, где в 1692 г. была построена небольшая каменная церковь св. Ильи (см.: *Закревский Н.* Летопись и описание города Киева. М., 1858. С. 121—122). Специальное разыскание о древнем храме св. Ильи было осуществлено ранее (см.: *Остроумилинский Е.* Исследование о церкви Св. Ильи. Киев, 1830). Трудно воспринимать серьезно сравнительно недавнюю попытку поставить под сомнение достоверность цитированного известия, предпринятую без внимательного прочтения летописного текста и без реальных представлений о передаче исторических сведений в средневековой устной традиции (см.: *Васильев М. А.* Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998. М., 2000. С. 64—71). По мнению автора этой попытки, составитель «Повести временных лет», включив в нее договор Игоря с Византией, присочинил вымысел о ратификации в Киеве. Упоминание о киевском храме св. Ильи, в котором присягнула христианская часть дружины Игоря, появилось будто бы вследствие ошибочного переноса из текста договора, где было упомянуто о клятве в Константинополе: «Мы же, елико насъ хрестилися есмь, кляхомъся церковью свягаго Ильѣ въ соборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею». М. А. Васильев полагает, что в договоре шла речь о клятве русских в церкви св. Ильи — приделе, пристроенном к церкви Богоматери Фаросской. Но ошибочным является само истолкование приведенной фразы упомянутым автором. Договор сообщал, что русские клялись не в церкви св. Ильи, а церковью св. Ильи, тогда как клятва происходила в соборной церкви Константинополя. М. А. Васильев думает, что «в дружинной памяти или в каких-то преданиях» обстоятельства утверждения договора не могли сохраниться на протяжении полутора веков, следовательно, они выдуманы летописцем. Приходится напомнить достаточно хорошо известные примеры продолжительности народной исторической памяти — хотя бы переданную той же «Повестью временных лет» речь Святослава перед дружиной: содержание этого текста близко соответствует тому, что некогда записал византийский современник (подробно об том и о других подобных примерах см. в статье: *Азбелев С. Н.* История России в народной памяти // *Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях.* М., 1999. С. 3—20).

ванной севернорусской былинной о последних деяниях богатыря Ильи и его кончине в Киеве — после возведения здесь церкви.⁸³ Судя по некоторым из вариантов былины о «последней поездке» Ильи, его исторический прототип, возвращаясь уже глубоким стариком на родную землю (много позже крушения державы Аггилы), мог только тогда узнать о существовании Киева: это поселение, если оно возникло в V в., вероятно, не было гуннами уничтожено, подобно Полоцку, — вследствие, как можно думать, тогдашней своей малозначительности.

Подвиги древнего Ильи Русского в противостоянии язычникам, акцентированные памятником германского эпоса, могли послужить фундаментальной основой для закрепления за этим персонажем в русском эпосе репутации охранителя христианской веры — репутации, прошедшей и через столетия обороны от языческих нашествий на Русь в последующие времена. Дошедшие до нас былины рисуют богатыря Илью как стоятеля за веру православную и защитника от осквернения татарами православных церквей и монастырей — главным образом киевских. Но в V или в VI в. на месте будущего стольного города Киевской Руси могло быть только языческое поселение. Построение в нем христианской церкви — деяние, которое по плечу эпическому герою.

Хотя в большинстве дошедших до нас былин главным городом Русской земли бывает назван именно Киев, вполне естественно признавать это одним из упомянутых выше эпических наслоений, обязанных позднейшей исторической эпохе — расцвету Киевской Руси, который определился, в сущности, уже только при Владимире Святом и Ярославе Мудром.

Составители же дошедшей до нас старшей новгородской летописи, вероятно, опирались на достаточно древнюю устную традицию, начиная свое повествование фразой, содержащей известные слова: «...преже Новгородчкая волость и потом Киевская».⁸⁴

⁸³ Былнну о последней поездке Ильи В. Ф. Миллер считал одной из поздних. Основание он усматривал, главным образом, в двух обстоятельствах. Илья в ней предстает «стариком со всеми атрибутами старческого возраста», а это, согласно мнению Миллера, «могло быть только следствием забвения первоначального смысла эпитета „старый казак“» (Миллер. Очерки. Т. 3. С. 146). Но проще и естественнее связывать натуралистично характеризующие в былинне «атрибуты» старчества с реальным старческим возрастом в конце жизни богатыря. Другое важное для Миллера обстоятельство — наличие параллелей одному из эпизодов былины в сказках (Там же. С. 144—145). Но это скорее, напротив, показатель древнего происхождения былины, в пользу чего свидетельствуют и сами приводившиеся Миллером и его предшественниками конкретные примеры из сказок.

⁸⁴ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 103 (Толстовский список); аналогично на с. 431 (Воронцовский список) и 511 (Троицкий список).

ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ НОВОГО ГОРОДА

1

Сведения Новгородской Иоакимовской летописи, обязанные устной традицией, — при соотнесении их содержания с иноязычными материалами средневековья и с записями фольклористов нового времени — помогают пролить свет не только на вопрос об эпических предках новгородского Гостомысла. Более подробные данные НИЛ о самом Гостомысле оказываются полезны в связи с давно дискутируемой проблематикой этнической принадлежности князя Рюрика.

Более 120 лет назад известный собиратель фольклора Е. В. Барсов записал в Олонецкой губернии от выдающегося сказителя былин довольно пространное предание о князе Рюрике. Оно было опубликовано еще в 1879 г., но нельзя сказать о широком использовании его в исторических трудах. Между тем предание любопытно, так как вполне ясно говорит о добровольном подчинении новгородцев, которые сначала находились просто в союзных отношениях с этим князем, который прибыл «из северной стороны, из дальней украины» в Ладогу, затем перебрался в Новгород. Как здесь сказано, «залиюбили его новгородцы», увидев, что человек он «хорошего разуму и повышает себя житьем-богатством; а тут и побаиваться стали». Чего стали побаиваться, в самом тексте предания не говорится, но, судя по контексту, имелась в виду внешняя опасность. Тогда новгородцы «завзвонили на суем — в колокол, — и выступает этот Юрик-новосел: „Что, — говорит, — честное обчество, возьмите меня в совет к себе, и будь я над вами как домовый хозяин. Только можете ли вы за наряд платить мне половину белочьего хвоста?“. Сметили и погадали граждане новгородцы и сказали: „Можем и платить будем половину белочьего хвоста“». Далее повествуется, что через некоторое время «опять завзвонел колокол и на сходе собрались», Рюрик снова выступил и попросил платить ему «весь белочий хвост». Новгородцы согласились. Таким же образом говорится, что по его просьбе далее стали платить «половину белочьей шкуры», позднее — «всю белочью шкуру». Наконец князь «собрал всех на сходку и говорит: „За белочью шкуру хочу я наложить на вас малые деньги, можете ли вы поднять мне?“. И малые деньги они подняли. И поныне помнят этого домового хозяина и в Северной

украине, и в Олонецком крае, и в Новгороде». Предание завершается указанием, что после этого князя «пуше и пуше повышали дань» вплоть «до Петра Первого, а после Петра платили и с живой души, и с мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять».¹

При наивной на современный взгляд интерпретации общий характер взаимоотношений первого новгородского князя с вечевым городом предстает в предании достаточно определенно. Оно дополняет известные летописные данные о добровольном приглашении Рюрика и дает материал для дальнейшего изучения истоков политического устройства Новгорода, соглашаясь и с тем, что можно прочесть о Рюрике в Новгородской Иоакимовской летописи. Но последняя важна в данном случае как раз уникальными сведениями, относящимися к его происхождению, спор о котором в науке имеет, как известно, более чем двухвековую протяженность.

Одним из самых значительных событий в дискуссии по варяго-русской проблеме явился двухтомный труд С. А. Гедеонова, изданный в 1876 г. Автор доказывал западнославянское происхождение призванных на Русь князей и само название варягов возводил к прибалтийским славянам. Указав, что у западных славян сокол обозначался словом «рерик», Гедеонов ставил в связь с этим родовой знак Рюриковичей, напоминающий изображение летящего сокола. Говоря, что у вендов существовало племя рерики и был город Рерик, а один из притоков Одры тоже имел такое название, Гедеонов приводил свидетельства источников и о существовании этой формы личного имени у славян: Псковская летопись упоминает о убиении польского воеводы Ририка, а имя Рерик встречается среди имен древнечешских родов, заседавших на богемских сеймах; однако эти свидетельства сравнительно поздние — XIII—XVI столетий.

У раннесредневековых германских хронистов Гедеонов нашел сведения, что племена прибалтийских и полабских славян именовались по названиям их тотемов, причем племя ободритов или бодричей именовалось рериками. Вместе с тем Гедеонов проследил и такую закономерность: личные имена вендских князей нередко соответствовали названию самого племени. Соответственно, делает вывод Гедеонов, племенное прозвание рерики отвечает княжеское имя Рерик.²

Такой вывод был, однако, сделан лишь на основании умозаключений, выведенных из косвенных данных. В средневековых источниках не обнаружено упоминаний о западнославянском князе Рерике. Но собранные Гедеоновым данные позволяют предполагать, что имя Рерик, известное по источникам в ютландской династии только в IX в., было связано брачному союзу с представительницей славянской династии коро-

¹ Барсов Е. В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. СПб., 1897. № 9. С. 400—401.

² Гедеонов С. Варяги и Русь: Историческое исследование. СПб., 1876. С. 191—205 (2-е изд.: М., 2004. С. 172—180). Данные Гедеонова относительно имени Рерик не были учтены в относительно недавнем справочнике: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, etc, 1970. T. 4. S. 490—491.

левства бодричей (ободритов).³ Уже А. Ф. Гильфердинг выяснил, что как раз в IX столетии имели место союзные отношения их с ютландцами, направленные против общего противника — континентальных германцев.⁴

А еще в 30—40-х гг. XIX в. профессор Дерптского университета Ф. Крузе в ряде своих работ подробно обосновал гипотезу, которая ранее, в 1816 г., была высказана Г. Ф. Хольманом, но неотчетливо и мало аргументированно. Согласно этой гипотезе, Рюрик русских летописей тождествен знаменитому в свое время викингу, фрисландскому, а затем ютландскому владетельному графу Рорику. Деятельность его в западноевропейских источниках освещается с 826 по 873 г., но известия о нем содержат хронологические лакуны, позволяющие полагать, что какое-то время он находился на Руси, а не во Фрисландии, где имел лен, полученный от германского императора, и не в Ютландии, где получил лен позже. Рорик был приглашен управлять для того, чтобы оградить Фрисландию от грабительских наездов других викингов, и успешно выполнял эту миссию. Позже, согласно русской летописи, Рюрик оказывается приглашен в сходной ситуации жителями Новгородской земли, которые только что прогнали «варягов», заставлявших платить им дань. В западных источниках нет известия о смерти Рорика. Но под 882 г. сообщено о наследовании его владений другим лицом, что естественно согласуется с данными русской летописи о смерти Рюрика тремя годами ранее.⁵

С наибольшей основательностью и с опорой на широкий круг источников эта гипотеза была обоснована Н. Т. Беляевым в труде, который увидел свет в 1929 г. в Праге на страницах весьма серьезного, но недостаточно широко известного научного издания русской эмиграции. Как обнаружилось, нет препятствий для отождествления Рюрика Новгородского и Рорика Ютландского.⁶ Тезис Беляева, что русские и западные источники сообщают об одном и том же историческом деятеле, был вскоре принят рядом крупных специалистов — историков Руси на Западе (Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, Х. Пашкевич) и даже ведущими русистами в СССР (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и др.).⁷ Сравнительно

³ Новейший аналитический обзор исторических данных и исследовательских толкований этнонима «ободриты» см. в кн.: Назаренко А. В. Немские латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 15—16, 22.

⁴ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян // Собр. соч. А. Гильфердинга. СПб., 1874. Т. 4. С. 287—299.

⁵ Крузе Ф. 1) О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. 1863. №1. Отд. 2. С. 3—73; 2) О пределах Нормандии и названии норманнов и руссов // ЖМНП. 1839. №1. Отд. 2. С. 13—77, и другие его работы. См. также: Голяман Г. Ф. Рустригия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819 (перевод И. Снегирева с немецкого изд. 1816 г.).

⁶ Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum; Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1929. Т. 3. С. 215—270. В том же издании В. А. Мошин напечатал рецензию на труд Беляева (1932. Т. 5. С. 334—338), содержавшую, среди прочего, возражения, которые затем были отвечены в ответе Беляева (1933. Т. 6. С. 245—248).

⁷ См., например: Vernadsky G. Ancient Russia. Nev Haven, 1943. P. 337—339, 365—366; Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М., Л., 1945. С. 50; Мавродин В. В. Об-

недавняя попытка польского историка Х. Ловмянского оспорить этот тезис не удалась: проследившая по источникам биографию Рорика на Западе, Ловмянский не смог заполнить в ней лакуны, которые естественно объясняются деятельностью Рюрика на Руси, а тенденциозность многого в аргументации Ловмянского недавно была убедительно показана.⁸ Автор монографии по варяго-русской проблеме Г. С. Лебедев солидаризировался с выводом о тождестве Рюрика и Рорика; поддержали этот вывод и другие современные исследователи.⁹

Концепцию Беляева и его предшественника Крузе несколько ослабило отсутствие в привлекавшихся ими источниках реальной мотивировки обращения именно к Рорику Фрисландскому просьбы прибыть для управления Русской землей. Правда, археологические данные свидетельствуют о существовании тогда контактов между жителями Фрисландии и Северной Руси.¹⁰ Но явно выраженные устремления фрисландцев и даже датчан в то время почти не простирались так далеко на восток Балтики. Здесь первенствующая роль принадлежала тогда шведам, у которых, однако, не было политического деятеля с подобным именем. Между тем Рорик Фрисландский по отцу относился к датскому королевскому роду Скъолдунгов. Его политические приоритеты долго сосредоточивались в бассейне Северного моря. Но и став князем Северной Руси, он не перестал интересоваться своими западными владениями, о чем, собственно, и свидетельствует скудость известий русских летописей о деятельности Рюрика. По-видимому, на Руси он бывал эпизодически и только последние годы жизни провел здесь почти полностью.

Привлечение обязанных фольклору известий Новгородской Иоакимовской летописи позволяет теперь ответить на вопрос, остававшийся нерешенным: главная причина обращения славян именно к Рюрику лежала, по-видимому, не в экономической сфере и даже не в политической или военной, а в сфере династических интересов.

2

Эта летопись повествует, что инициатором приглашения Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомысл.¹¹ Краткие упоминания о Гостомысле есть и в ряде летописей XIV—XVI вв., где он

разование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 213; *Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860.* Cambridge, Mass., 1946. P. 234—237; *Pasczkiewicz H. The Origins of Russia.* London, 1957. P. 136—137.

⁸ *Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник.* Таллин, 1963. Вып. 7. С. 221—249. Критику этой работы см. в статье: *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Там же. 1990. Вып. 33. С. 98—108.

⁹ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214; *Кирпичников А. Н.* «Сказание о призвании варягов» // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 7—18 и др. См. также: *Christensen A. Vikingetidens Danmark.* København, 1977. S. 140—141, 149—150; *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // *Русский Север.* Л., 1986. С. 27—28.

¹⁰ См. об этом в названной выше статье Касиковых, на с. 105—106.

¹¹ А. А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал: «...ламять о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых

обычно назван старейшиной или посадником. В этих летописях нет речи о предшествовавших Рюрику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, отредактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет как раз Новгородская Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени, когда правила уже династия Романовых и ослабли побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли.

Только в НИЛ говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомysl. Четыре сына его погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как здесь сказано, был «негож», поэтому Гостомysl, в соответствии с явившимся ему сновидением, решил завещать княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Привожу полностью этот любопытный текст, как он был изложен Татищевым: «Гостомysl имел четыре сына и три дочери. Сынове его ово на войнах избени, ово в дому изомроша, и не осяса ни единому им сына, а дщери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомysлу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомysl в Колмогард вопросити боги о наследии, и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомysl не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имат наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: „От сынов ея имат наследити ему, и земля угодзится княжением его“, и вси радовахуся о сем, еже не имат наследити сын большия дщере, зане негож бе. Гостомysl же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И придоша по смерти Гостомysла Рюрик со двема братья и роды ею».¹²

Перед нами литературно обработанная запись устного предания. Фактическая его основа осложнена традиционным «бродячим» мотивом в рассказе о сне Гостомysла: параллели есть в фольклоре ряда народов. Уже Татищев указывал на сходный эпизод у Геродота; зафиксирован подобный мотив и в фольклоре скандинавском. Но ни дань фольк-

(из их рода святая Иулиания Тверская)» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 517).

¹² *Татищев. М.; Л.* 1962. Т. 1. С. 110. «Угобзити» — насытить; «угобзитися» — процвести, возвеличиться (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1134).

лорной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды «олитературивания» в его письменной передаче не заслоняют важности центрального содержания: Рюрик — внук Гостомысла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из «князей» в землях «варягов», для Гостомысла — «соседних».

Существенно, что Гостомысл известен и западноевропейским хроникам IX в.: он фигурирует там как король государства бодричей.

Тождество уникального имени и хронологическое тождество не ускользнули от внимания историков. Уже А. Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомысле с наличием такого имени «в древнейшей Мекленбургской истории», но не придал этому серьезного значения.¹³ Позднее другой русский академик Ф. И. Круг допускал, что население Северной Руси могло «обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомыслу, царю ободритов, который без сомнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей». Но летописные известия о Гостомысле Круг расценивал как «ни на чем не основанные предания».¹⁴

С большим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И. Е. Забелин. Напомнив, что Гостомысл, согласно текстам «латинских сказаний», — это живший в IX в. «старейший князь» бодричей, Забелин заключал, что если «в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что Новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом» — тем более, что «в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомысл».¹⁵ Работу Ф. И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина — косвенный ответ на ее скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV—XVI вв.: Новгородскую Иоакимовскую летопись И. Е. Забелин, видимо, не принимал здесь во внимание вследствие неясности тогда ее происхождения. Имея в виду теперь и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля бодричей Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика. Если мы вспомним, что Рюрик был владетельным графом во Фрисландии, затем — в Ютландии и одновременно — князем Северной Руси, естественно допустить аналогичный статус у его деда. Тем более, что во втором случае речь идет о едином правителе двух славянских народов, земли которых разделены несколько меньшим расстоянием. Князь Северной Руси Гостомысл, будучи в земле бодричей, еще до того, как он стал ее королем, естественно, мог выдать одну из своих дочерей за представителя династии Скъолдунгов,

¹³ Шлёцер А. -Л. Нестор. СПб., 1809. Ч. 1. С. 303.

¹⁴ Kруг Ph. Forschungen der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. 127. См. также его газетную прижизненную публикацию: «О новгородском Гостомысле» (Санкт-Петербургские ведомости. 1836. № 97. С. 422).

¹⁵ Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 86.

союзных тогда бодричам, в Ютландию (подобно тому, как в следующем столетии гуда же была выдана за короля Харальда дочь князя бодричей Мстивоя).

Старшие члены семьи, в которой родился Рорик, были изгнаны из Ютландии в 813 г. и бежали к бодричам. Позже они прибыли к Людовику Благочестивому, дабы вернуться при его поддержке. Войско его вместе с войском бодричей в 815 г. отправилось в Данию.¹⁶ Дальнейшие перипетии внутренней распри датчан для нас сейчас не важны. Но важно, что в середине 810-х гг. имело место содружество именно этой семьи с правителями бодричей. Именно тогда дочь Гостомысла могла стать женой одного из Скъолдунгов. А Рюрик, согласно подсчетам Ф. Крузе, родился около 817 г.

В источниках нет сведений, с какого года его дел становится королем бодричей. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 г. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династии.¹⁷ Но известий о их правителях, к сожалению, нет вплоть до 844 г., когда о короле бодричей Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян.

Эти известия каролингских хроник требуют сравнительного рассмотрения.¹⁸

Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником события, были в тот период официозной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над бодричами и подчинении князей после убиения их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля бодричей.¹⁹

Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Бергинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомысл вообще не назван. Третья современная событиям хроника — Ксантенские анналы — сохранилась в тексте, который после 870 г. был

¹⁶ Подробности см. на указанных страницах названного труда А. Ф. Гильфердинга и в названной статье Н. Т. Беляева на с. 225—227.

¹⁷ См.: *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts.* Berlin, 1986. S. 71—72.

¹⁸ «Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras adgressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illarum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit» (Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustranda. Pars secunda. Berlin, s. a. P. 64); «Eodem tempore Ludewicus rex per / rexit in Winithos cum exercitu. Ibiq; unus ex regibus eorum interit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem prebentes veniebant ad eum. Quam illo absente statim mentientes» (Ibid. P. 346); «Hludowicus Obodritos defectionem molientes bello predomuit occiso rege eorum Gostomuizli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit» (Ibid. Pars tretia. Berlin, 1960. P. 32).

¹⁹ См. например: *Giesebrecht L. Wendische Geschichten.* Berlin, 1843. S. 120; *Wachowski K. Słowanszczyzna zachodnia.* Poznań, 1950. S. 109; *Dralle L. Slaven am Havel und Spree.* Berlin, 1981. S. 43; *Fritze W. H. Frühzeit zwischen Ostsee und Donau.* Berlin, 1982. S. 112; *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums...* S. 73—74; *Havlik L. E. Slovanské státní útvary raného středověku.* Praha, 1987. S. 155.

обработан сторонником Людовика Немецкого: но здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомысл погиб или исчез (*interit*). Об его убиении однозначно написал только фульдский анналист.²⁰ Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А. Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники А. И. Павиньский отмечал, что «фульдский анналист, находящийся в личных отношениях с королем», существенно исказил результат следующей войны Людовика Немецкого с бодричами, которых возглавил князь Добромысл: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добромыслом. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Бертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось добывание заложников. В данной связи А. И. Павиньский писал: «Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора» (ранее по сходному поводу исследователь заметил, что «осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами»);²¹ Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой войны с бодричами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принесшая, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 г., что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомысл был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ Пруденций, писавший тогда хронике, дошедшую в составе Бертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук от средней дочери Рюрик родился до 817 г., то в 844 г. Гостомыслу было, вероятно, далеко за 50 — по тем временам он являлся пожилым человеком. К тому же он был, очевидно, поглощен делами своих владений у славян прильменских, как позволяет заключить Новгородская Иоакимовская летопись.

²⁰ Сокращенные и неточные повторы в хрониках X—XI вв.: *Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. Hannoverae*, 1839. Т. 3. Р. 46—47 (далее: MGN. SS). О них см. ниже.

²¹ Павинский А. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 32, 56.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у бодричей Добромысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В «Повести временных лет» 862 г. датировано приглашение Рюрика, которому предшествовали изгнание «варягов» и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х гг. или концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии «Повести» на 6 лет, которую обосновал в свое время В. Г. Васильевский,²² то следует считать, что Гостомысл скончался около середины 850-х гг.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 г. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист не смущаясь мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время малорезультативного на самом деле похода против славян в 844 г. В действительности смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на новгородской земле. Об этом свидетельствуют данные русских источников — фольклорных и летописных.

Существует во многих списках созданная уже в XVII в. так называемая «История еже о начале Руския земли», которая совместила использование письменной и фольклорной традиций. Об этом памятнике разговор должен быть отдельный, а о Гостомысле там говорится в основном то же, что и в НИЛ, но значительно короче. Однако есть важное дополнение к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: «И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до гроба честно, до места нарицаемого Волоотова и погребоша его».²³ Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Двориченского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопок вблизи церкви села Волоотова — «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение».²⁴

Еще в 1821 г. известный этнограф и фольклорист А. Чарноцкий предпринимал поиск предполагаемой могилы Гостомысла, раскопав ближайшую к церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В насыпи Чарноцкий нашел костные останки, принадлежавшие животным, и древесные угли. По заключению архимандрита Макария, «все это осталось, вероятно, после совершаемых некогда над могилою тризн».²⁵

²² Васильевский В. Г. Год первого нашествия русских на Константинополь // ВВ. СПб., 1894. Т. 1. С. 258—259.

²³ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 447.

²⁴ Макарий, архим. [Миролюбов Н. К.]. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 568.

²⁵ [Чарноцкий А.] Отрывок из путешествия Ходаковского по России // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3, кн. 2. С. 172—173; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей... Ч. 1. С. 568, примеч. 355.

Повторно сопка была разрыта в 1878 г. под наблюдением Н. Г. Богословского при посещении Новгорода великими князьями. В ней «ничего найдено не было».²⁶

Волотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX в. народным преданиям, «славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей»,²⁷ вероятно, заслуживает серьезного внимания современных археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его — задача, конечно, далеко не простая, но, думается, небезнадежная.

Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (гех). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности — на государство бодричей. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомысл. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предстория значительной части населения Новгородской земли.

О том, что она имела весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют данные археологии, языкознания и этнографии, обобщенные недавно В. Л. Яниным. Он писал: «Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-Запада в сочетании с <...> лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами».²⁸

Интересные дополнительные данные для характеристики этого процесса может дать дальнейшее обращение к фольклористике в сопоставлении со свидетельствами не только западноевропейских, но и арабских источников.

3

Сорок лет назад петербургский историк В. Б. Вилинбахов в польском славистическом журнале суммировал свои наблюдения и разыскания относительно соотносительности ряда мотивов и персонажей русского фольклора — главным образом былин — с балтийскими славянами.²⁹ Более

²⁶ Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду. 2-е изд. Новгород, 1913. С. 287.

²⁷ Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 258.

²⁸ Янин В. Л. Археология и исследования русского Средневековья // Вестник Российской Академии наук. М., 2000. № 10. С. 923.

²⁹ Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // *Slavia occidentalis*. Poznań, 1965. T. 25. S. 155—191.

обстоятельному рассмотрению отдельных составляющих темы были вскоре посвящены небольшие его статьи, напечатанные в России.³⁰ Но должного внимания тогда эти разрозненные работы не привлекли, а скоропостижная смерть автора в 1982 г. помешала ему совокупно представить свой материал в компактном, но достаточно развернутом изложении. Ему принадлежал и ряд полезных работ, затрагивавших тему исторических связей между восточными и балтийскими славянами в историографическом аспекте.³¹

Особый интерес представляют произведенные Вилинбаховым сопоставления образов русского фольклора, отобразивших народные представления об «острове Буяне», с реалиями западнославянского острова Руяна, на котором находился религиозный центр прибалтийских славян-язычников вплоть до их насильственной христианизации во второй половине XII в. Согласно выводу Вилинбахова, «вся атрибуция острова Буяна (священный характер, священный дуб, змеи, янтарь, священные птицы, старцы и старицы) полностью соответствует описаниям Арконского святилища на острове Руяне».³² Сравнение некоторых оригинальных пассажей в текстах народных заговоров восточных славян с атрибутами главного божества славян балтийских — Святовита, в частности с сохранившимися описаниями его идола, находившегося в Арконе, позволило автору заключить, что эти тексты передают в трансформированном виде древние молитвы, обращенные к Святовиту.³³

В обеих последних работах В. Б. Вилинбахов использовал преимущественно записи севернорусских заговоров. Отображение представлений о священном острове можно обнаружить и в других жанрах — главным образом в былинах, записанных в пределах владений Великого Новгорода. «Остров Буян» предстает здесь как средоточие сверхъестественных сил, в частности как место пребывания символизирующих эти силы мифических животных. Былины, повествующие о вражеском нашествии, имеют нередко в качестве преамбулы так называемый «запев о турах», глубокая архаичность которого у исследователей не вызывала сомнений: два тура, переплыв море, оказываются на «острове Буяне», где их встречает мать-турица; они ей рассказывают об увиденном, она истолковывает его как предзнаменование грядущих бедствий.³⁴ В запи-

³⁰ Вилинбахов В. Б. 1) Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Л., 1965. С. 99—108 (совместно с Н. Б. Эпговатовым); 2) Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // РФ. Л., 1971. Т. 12. С. 226—229; 3) Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд Новгородской земли // РФ. Л., 1972. Т. 13. С. 213—217 и др.

³¹ Вилинбахов В. Б. 1) Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Poznań, 1962. Т. 22. С. 254—277; 2) Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 333—347; 3) Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. М., 1980. № 1. С. 79—84 и др.

³² Вилинбахов В. Б. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора // РФ. М.: Л., 1968. Т. 11. С. 184.

³³ Вилинбахов В. Б. Балтийско-славянский Святovit в фольклоре восточных славян // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 190—198.

³⁴ См.: Григорьев Т. 1. С. 311—312; Т. 2. С. 60—61, 236—238, 299—300; Т. 3. С. 53—54, 76—77, 163, 378—379; Марков. С. 339—340.

ся былины о Даниле Ловчанине богатырю, которого хотят погубить, дают поручение отправиться на «остров Буян», дабы поймать или убить диковинного зверя, одолеть которого богатырю удастся обычно только при содействии чудесных сил.³⁵ На Балтийском острове, по представлениям севернорусских сказителей былин, находился как бы международный центр былинных богатырей.³⁶

Гельмольд, рассказывая о современных ему событиях 1168 г., когда король Дании при поддержке поморян и бодричей, высадившись на острове, подчинил «землю руян», писал, что их князь Яромир «с охотой принял крещение» и «привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким».³⁷ Свирепый нрав жителей Руяна, отмечавшийся не только Гельмольдом, в древнерусском языке имел обозначение «буий» и производные от него,³⁸ что, вероятно, привело к соответствующему прозвищу самого места обитания этих буйных людей — по близкому созвучию.

Нахождение же там главного языческого святилища балтийских славян в течение ряда столетий — как раз в то время, когда нарастали побудительные мотивы переселений балтийских славян на восток, — очевидно, и закрепило в восточнославянском фольклоре образ «острова Буяна» как средоточия сверхъестественных сил. Но Руян отобразился и в западном фольклоре, вдохновленном устремлениями католической церкви.

По словам Гельмольда, «старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и заложили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств, отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой Божиим, раны начали почитать как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем Творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святovit, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских <...> и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов».³⁹

³⁵ См.: *Опичков*. С. 163—168; *Григорьев*. Т. 2. С. 60—61, 178—182, 245—248, 264—266, 412—414; *Марков*. С. 203—204.

³⁶ Былиновед-диалектолог Г. Ф. Нефедов писал: «Интересны мои встречи с былиниками. Один из них рассказывал мне предания и давал объяснения содержания былин. <...> О Добрыне говорит: „Добрыня раньше был необразованный; образование получил на Балтийском острове, куда съезжались богатыри всех государств. Он был напрактикован там на 12 языках и знал разговор птичий“» (*Нефедов Г.* Севернорусские говоры как материал для истории // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Л., 1939. № 33. Серия филол. наук. Вып. 2. С. 258—259).

³⁷ *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. С. 235—236.

³⁸ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975. Вып. 1. С. 348—351, 361.

³⁹ *Гельмольд*. Славянская хроника. С. 236—237. Более пространственный вариант Гельмольд пересказывает в другом месте своей хроники: «Дошедшее от предков древнее предание рас-

В правление Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, действительно был основан Ново-Корбейский монастырь, посвященный св. Виту, куда были перенесены мощи его из древнего Корбейского монастыря, существовавшего еще в VII в. на ручье Корбэ близ Амьена. Аббаты его и основали новый монастырь на берегу Везера в 816 г.

О достоверности предания одно время велся спор, ее признавали некоторые видные славянские ученые.⁴⁰ Но производить имя Святовит от святого Вита мешает то обстоятельство, что вторая часть этого имени присутствует и в именах других богов балтийских славян — Ругевит и Поревит.⁴¹ Можно полагать, что существовала несколько иная зависимость (см. ниже). Предание же бытовало как оправдание претензий монастыря на владение островом Руяном. Они отразились в ряде документов начиная с 1070 г., когда аббат Корбейского монастыря в описи его владений назвал остров Рюген. Подтверждения этих претензий есть и в документах XI и XII вв., в частности датированном 1149 г. письме аббата, желающего вновь получить местность Ruiana, подаренную монастырю императором Лотарем, а папа Урбан IV в 1154 г. подтвердил права монастыря на владение островом Рюген. Но с 1168 г. руянские князья стали вассалами Дании. В XIV в., после прекращения рода славянских князей, встал вопрос, кому достанется остров. В 1326 г. аббат монастыря представил для заверки грамоту, которая открывала возможность считать поморских князей, получивших Рюген, ленниками Корбейского монастыря.

Этот любопытный документ возвращает нас к середине IX в.

Дарственная грамота, датированная 844 г., сообщает, что император Лотарь даровал Ново-Корбейскому монастырю на реке Везер, в котором покоятся мощи св. Вита и предстоятелем которого состоит аббат Варниус, весь остров Рюген со всеми поселениями и жителями, ибо при заступничестве св. Вита император победил славянского князя Гостомысла и завоевал его землю. Документальная копия грамоты, совершенная в 1326 г. и находящаяся в архиве Мюнстера, была опубликована с подробными комментариями в 1843 г.

сказывает, что во времена Людовика II из Корвей вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрекли сами себя ради проповеди слова Божьего на грозившие им опасности и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово Божье, они приобрели [для христианства] весь этот остров и даже zaloжили здесь храм в честь Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвей. Потом же, когда по попущению Божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суевение. Ибо св. Вита, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым, они за бога почитают, творение ставя выше Творца. И не найдя под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, [нежели это]. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений» (Там же. С. 45—46). В этом тексте, очевидно, ошибочно вместо Людовика I назван Людовик II.

⁴⁰ См. об этом: *Niederle L.* Славянские древности. М., 1956. С. 283.

⁴¹ См.: *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1919. T. 3. S. 149.

Дословно здесь говорится, что монастырю передается «достояние от возобновления войны, вражеских набегов и полного разгрома их короля по имени Гестимул и других вождей его многочисленных племен». ⁴² Об убийстве этого короля в тексте речи нет, победа же над его войском и вождями подчиненных ему племен приписывается не Людовику Немецкому, королю восточных франков, а Лотарю, возглавлявшему тогда империю (номинально еще существовавшую, но разделенную на три части в 843 г., причем центральная часть, принадлежавшая непосредственно Лотарю, включала территорию, где находился Корбейский монастырь).

Лотаря называли победителем славян в 844 г. и хроники Херсфельдской традиции (повторявшие основное содержание современных событий Фульдских анналов, но без упоминания бодричей). ⁴³ Их использовала хроника самого Корбейского монастыря, где почерком XII в. в более ранний текст вписано соответствующее известие, причем, в отличие от этих хроник, побежденные славяне названы руянами, а Гостомысл фигурирует, соответственно, как король руян, и упомянуто о передаче их под власть Корбейского монастыря. ⁴⁴

Немецкие исследователи признали грамоту подложной и составление ее связали с упомянутыми выше обстоятельствами XIV в. Но сам факт дарения Рюгена императором Лотарем Корбейскому монастырю сомнению не подвергали в связи с наличием гораздо более ранних свидетельств, достаточно определенно это подтверждающих. ⁴⁵ В связи с событиями 844 г. высказывалось мнение, что, может быть, с Гостомыслом «воевали не раз или Лотарь участвовал в походе» (который, согласно хроникам IX в., организовал Людовик Немецкий), с чем и было связано дарение, а лишь задним числом его как бы удостоверяла грамота, изготовленная много позже. ⁴⁶

Однако в хрониках IX в. нет сведений о других войнах Каролингов с Гостомыслом, как и об участии Лотаря в войне 844 г. Но Лотарь был официальным главой Каролингской империи и мог, конечно, опираясь на известия о военном успехе своего младшего брата, пожаловать монастырю права на часть территории побежденных. Пожалование Руяна именно монастырю св. Вита, конечно, подсказывалось тем, что на Руяне находилось святилище главного божества балтийских славян Святовита. Церковная традиция — замещать почитание языческих божеств по-

⁴² *Kodex Pomeraniae diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rügens betreffenden Urkunden*. Greifswald, 1843. Bd I. S. 12. Без комментариев: *Pommersches Urkundebuch*. Stettin, 1868. Bd I. S. 2.

⁴³ Это анналы Вайсенбургские, Кведлинбургские, Хильдесхаймские, Альтайхские, Ламперта. См.: *MGN. SS. T. 3. P. 46—47; 1868. T. 20. P. 784.*

⁴⁴ См.: *Ibid.* T. 3. P. 3.

⁴⁵ См. комментарии: *Kodex Pomeraniae diplomaticus...* Bd I. S. 13—15. Здесь документированы ссылками на источники упомянутые мной выше сведения относительно истории монастыря.

⁴⁶ *Fabricius C. G. Urkunden zur Geschichte des Fürstentums Rügen unter den eborenen Fürsten*. Stralsund, 1841. Bd I. S. 9. В советское время запальчиво оспаривал подобное мнение Х. Ловмянский, исходивший из убеждения, «что так далеко каролингская экспансия не распространялась». См.: *Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI—XII вв.)*. СПб., 2003. С. 153—154 (перевод польского издания 1979 г.).

читанием христианских святых, имена которых оказывались созвучны (что практиковалось и на Руси), — вполне могла инициировать направление корбейских проповедников на этот остров, где проповедь их, вероятно, оказалась результативной среди славян, вообще восприимчивых к христианству, как это показывает успех миссии Кирилла и Мефодия в Центральной Европе. Но когда для прибалтийских славян стало вполне очевидно, что их обращение в христианство используется как действенное средство в процессе германизации и ведет к полной утрате ими независимости, верх одержали языческие жрецы, от почитания св. Вита руяне вернулись к Святовиту, изгнав христианских священников и даже начав в жертву ему приносить христиан. Толчком для такого поворота могло послужить жестокое подавление Каролингами восстания соседних с руянами лютничей и бодричей в 838—839 гг.

Естественно, что ситуация, сложившаяся в результате войны 844 г., подсказала «дарение» монастырю острова, который предстояло христианизировать — теперь уже принудительно — в ходе дальнейшего наступления империи на славян.

Составители подложной грамоты, вероятно, использовали другую версию предания, пересказанного Гельмольдом: они опирались на убеждение, что Гостомысл владел и островом Рюген. Это задним числом сообщили только анналы самого Корбейского монастыря, где есть упомянутое выше краткое известие. Считать его лишь плодом тенденциозного вымысла мешает достаточно ошутимая соотносимость с версией, отраженной у Гельмольда: если при Людовике Благочестивом корбейские монахи обратили руян в христианство, то ему или его сыну Лотарю естественно было бы закрепить остров за монастырем. Но оказалось, что для этого потребовалась победа над королем Гостомыслом, хотя Руян не входил в территорию бодричей, война с которыми Фульдской хроникой IX в. была зафиксирована.

Но Бертинские и Ксантенские анналы, говоря о войне 844 г., называют не бодричей, а вообще славян. То обстоятельство, что Гостомысл фигурирует в Фульдской хронике IX в. именно как король (*rex*), которому подчинены славянские «корольки» (*reguli*), давно обращало на себя внимание исследователей, отмечавших, что предшествующих и последующих правителей бодричей хронисты называли князьями, а не королями.⁴⁷ Естественнее всего объяснить эту особенность тем, что к середине IX в. сложился более широкий союз племен, возглавлявшийся Гостомыслом.⁴⁸ Центр этого союза мог находиться именно на Руяне. Гельмольд, писавший, правда, позднее, особенно выделял племя руян: «Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих на-

⁴⁷ См., например: *Bulin H. Počátky státu obodrického // Právněhistorické studie. Praha, 1958. T. 4. S. 38—39; Fritze W. H. Probleme der abodritische Stammes- und Reichsverfassung und ihren Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Herausgegeben von H. Ludat. Giessen, 1860. S. 157.*

⁴⁸ Ср.: *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.*

лагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму».⁴⁹ Выделял руян как сильнейшее из славянских племен и писавший за 100 лет до Гельмольда Адам Бременский.

В IX в. Руян еще успешно противостоял Каролингам, хотя война 844 г. своим результатом побуждала активизировать перемещение балтийских славян на восток. Можно полагать, что как раз в это время король руян и бодричей Гостомысл стал инициатором усиления упомянутого процесса. Новгородская Иоакимовская летопись позволяет именно в таком смысле истолковывать ее лапидарный текст.

Эта летопись упоминает «Великий град» как столицу славян, который был захвачен пришельцами «варягами». Столицей бодричей был Велиград, название которого и латинские тексты передают как Магнополис, т. е. именно Великий город. Этот город, известный также под названием Рерик, был разрушен во время нападения датского правителя Годфреда в 808 г., о чем сообщают хроники, причем была опустошена земля бодричей, которые оказались вынуждены пообещать выплату дани. О возложении дани в связи с захватом «Великого града» и «протчих» говорится и в НИЛ. Согласно ее тексту, Гостомысл, посланный отцом по просьбе людей, которые «терпячу тугу велику от варяг», их «овы изби, овы изгна», и после победы над ними «град во имя старейшего сына своего Выбора при мори построи». Критики Иоакимовской летописи указывали на то, что город Выборг построен шведами значительно позже в бухте Финского залива. Последний переписчик НИЛ, вероятно, думал действительно о нем, транскрибируя соответственно написание своего скорописного оригинала. Но можно полагать, что там читалось не совсем так. Разрушенный Велиград находился на некотором удалении от Балтийского моря; он со временем возродился, но прежнего значения уже не имел и, хотя оставался главным городом бодричей, был известен уже под своим немецким именем Микилинбург (отсюда позднейшее название немецкой земли Мекленбург). Зато именно «при мори» — на той же реке, что и Велиград-Рерик, но при впадении ее в море, вскоре появился город Вышмор (или Весмир), впоследствии получивший немецкое название Висмар, который стал крупным центром торговли, каким был прежде Велиград.⁵⁰

Следующая фраза Иоакимовской летописи: «Учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли». Как раз к этому периоду относится заключение немецкого исследователя истории государства бодричей о переходе их «от союза с франками к альянсу с данами», причем «взаимодействие ободритов и данов», по его словам, «стало важным фактором политических расчетов».⁵¹

⁴⁹ Гельмольд. Славянская хроника. С. 100.

⁵⁰ См., например: Havlík L. E. Slované státní útvary... S. 155. Подробно обсуждал последний вопрос А. Ф. Гильфердинг уже в первой части своего труда (Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. Т. 1. С. 57).

⁵¹ Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte... S. 139—142.

НИЛ, писавшаяся в начале XI в. в Новгороде, не вдавалась в систематическое рассмотрение обстоятельств, важных для бодричей, велетов и руян на полтора столетия раньше. Ее интересовали дела Приильменья, а не Прибалтики. Поэтому не вызывает удивления отсутствие в ней известий о военных действиях там в 838—839 гг., в 844 г. и позже, но симптоматично упоминание о «тишине» в связи с разговором о Гостомысле. Немецкие историки, склоняясь к тому, что в этот период у бодричей произошла смена династии, показателем этого считали резкие отличия имен Гостомысла, упомянутого под 844 г., и Добромысла — под 862 г. — от имен предшествовавших правителей. К середине IX в. относили и переход от племенного управления к политическому единству,⁵² причем «правление Гостомысла должно было иметь достаточную силу, чтобы вовлечь всех подвластных ему князей» в борьбу против подчинения Каролингам.⁵³

Можно полагать, что могущество Гостомысла в Прибалтике основывалось на объединении под его управлением руян и бодричей при ориентации на альянс с датчанами. Но этим обеспечивалась не столько безопасность от продолжавшегося наступления Каролингов, сколько «тишина» для той части прибалтийских славян, которая перемещалась на восток, будучи там защищена и от Каролингов, и от новых наездов «варягов».

4

Соотнесенность Гостомысла в латинских источниках не только с бодричами, но и с руянами, требует обратить специальное внимание на историческую роль места обитания последних, именуемого в немецких текстах *Insel Rügen*, а в русском фольклоре — «остров Буян». Главенствующее положение Руяна и его правителей среди племен славянского Поморья — от Дании до земли пруссов, отмеченное средневековыми хронистами, заставляет именно там усматривать центр Руси прибалтийской.

Здесь не место обращаться к истории споров, ведущихся со времен Ломоносова, но приходится отметить, что на нынешнем этапе изучения проблемы как бы возродился тогдашний полемический метод его научных противников, все отвергавших, так сказать, с порога и без серьезного рассмотрения. Теперь оказывается возможным в том же научном журнале, где суммировались накопленные более чем за столетие данные в пользу соотнесенности происхождения Древней Руси с балтийскими славянами, просто упомянуть, что подобные «попытки» в сущности не заслуживают рассмотрения, ибо, «как правило», они «предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки». При этом дается отсылка только к одной из статей ученого, посвятившего там же в предшествующей статье немало страниц именно острову Руяну и соседним с ним территориям поморских славян. А сами обобщенные

⁵² *Fritze W. H. Probleme der abodritische Stammes- und Reichsverfassung...* S. 201—202.

⁵³ *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte...* S. 74.

им труды, включая и написанные с опорой на профессиональное лингвистическое исследование материала, игнорируются.⁵⁴

Один из таких трудов, где речь идет о локализации в Прибалтике «третьего центра» Руси у арабских географов, игнорируется даже в работе, автор которой взялся рассмотреть именно эти три «центра» с опорой на фольклористический аспект. Здесь сказано, что «все попытки» идентификации «Арсы и третьей группы русов — Арсании» с историко-географическими реалиями «выглядели неубедительно», причем особо упомянута «признанная исследователями фантастической деталь о недоступности Арсы чужеземцам, так как местные жители убивали их».⁵⁵ Достаточно очевидно, что автор не учел исследование чешского ориенталиста И. Грбека, хотя и ссылается на упомянувшего эту работу А. П. Новосельцева (выразив, впрочем, несогласие с гипотезой последнего).

Как известно, из трех «центров» (или «племен», или «видов») Руси (в зависимости от различия предлагавшихся переводов), о которых писали арабские авторы середины X в. и позже, относительно двух первых мнения подавляющего большинства исследователей в основном сходятся: это Киев и Новгород. Что касается третьего, то географический разброс предлагавшихся идентификаций его на просторах Восточной Европы был весьма значителен — при одинаковой в общем недостаточности соотнесений с тем, что говорится у не во всем совпадающих авторов дошедших арабских свидетельств. Эти свидетельства, относящиеся к Руси и славянам, касаются не только трех «центров» — разнообразный по содержанию комплекс восточных источников довольно велик. В совокупности они были рассмотрены не так давно А. П. Новосельцевым, работа которого сохраняет значение и спустя четыре десятилетия, хотя отдельные памятники после нее подвергались более обстоятельному обсуждению. Но аргументацию своих предшественников Новосельцев анализировал порой бегло, а нередко ограничивался упоминанием. Это относится и к вопросу о трех «центрах».⁵⁶

По словам А. П. Новосельцева, «чешский арабист И. Хрбек опубликовал большую статью, ставящую целью доказать, что Арсания — не что иное, как западнославянский остров Рюген», но, «несмотря на большой исторический и лингвистический материал, использованный И. Хрбеком, его точка зрения не убеждает».⁵⁷ Не сказав ничего более

⁵⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX—X вв.) // ВИ. М., 1989. № 8. С. 25.

⁵⁵ Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историографическая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 144.

⁵⁶ Сравнительно полный обзор предшествующих работ был помещен ранее в статье: Wilinbachow W. B. Przyczynek do zagadnienia trzech ośrodków dawnej Rusi // Materiały zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1961. Т. 7. S. 517—530. Сам автор предположил, что все три «центра» находились на южной Балтике. Однако аргументы в пользу такой идентификации «Кюявни» и «Славии» представляются слишком недостаточными, и поддержки она не получила.

⁵⁷ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 418. Единственным аргумен-

конкретного об этом исследовании, Новосельцев переходит к краткому аргументированию собственной точки зрения, которое сводится к варьированию аргументов его предшественников и позволяет автору заключить, что целесообразно «присоединиться к сторонникам расположения Арсы в районе Верхней Волги и поместить третий вид русов где-то в районе Ростова — Белоозера».⁵⁸ Между тем исследование И. Грбека заслуживает весьма внимательного отношения — уже только потому, что опирается на тщательный текстологический разбор всех имеющихся свидетельств (с учетом палеографических особенностей их). В приложении к своей работе автор приводит все тексты в оригинале и в переводе, а обращаясь к их рассмотрению, полностью учитывает историко-литературный фон и историю самих памятников, историю их взаимных отношений, сопоставляет внимательно варианты написаний ключевых терминов во всех имеющихся рукописях.⁵⁹

Рассмотрев в четком, компактном изложении мнения и аргументацию своих предшественников, И. Грбек продемонстрировал уязвимость их построений, констатировал, что им не удалось «прийти к одной общепризнанной точке зрения» и что «предыдущие попытки исходили не из всех фактов, содержащихся в арабском оригинале книги Аль-Истахри». Написанный около 950 г. этот текст послужил источником для почти дословно повторившего его Ибн-Хаукаля и для анонимного автора «Худуд-аль-Алама», который, используя и другие источники, «комбинирует их с первоначальными сведениями Аль-Истахри, что, однако, скорее отрицательно, чем положительно отразилось на ясности текста» (628). Как показал И. Грбек, смущавшие некоторых интерпретаторов противоречивые географические указания, что «Арта» и «Артания» помещаются «между землей хазар и Великим Булгаром» и вместе с тем что за «Артой» находится безлюдная земля, по которой можно дойти до гор, где расположена «стена Александра для защиты от Гога и Магога», и даже, что «Гог и Магог — племена русов», которые «относятся к тюркам» (634), — это индивидуальные добавления некоторых рукописей Аль-Истахри, обязанные в первом случае «ошибке при переписывании» (646), а во втором явившиеся «лишь результатом комбинирования и фантазирования» (648).

Путем скрупулезного текстологического сличения и источниковедческого анализа И. Грбек доказывает не только это. Обратившись к тексту «Худуд-аль-Алам», исследователь констатирует, что указание, будто бы все три центра трех племен руси находятся на «реке Рус», —

том в пользу такого заключения Новосельцева оказывается его фраза: «Т. Левицкий уже после выхода в свет статьи Хрбека считает возможным отождествлять Арсу с мордовской эрзей» (Там же). Но вышедшая в Польше всего через три года после напечатанной в Чехословакии работы Грбека статья Левицкого просто была написана раньше, чем автор ее смог познакомиться с исследованием Грбека, которого Левицкий вообще не упомянул, говоря об истории вопроса (см.: *Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. Warszawa; Poznań, 1961. T. 8. S. 61—124.*)

⁵⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 419.

⁵⁹ *Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientální. Praha, 1957. T. 25. S. 628—652.* Далее страницы указываются в тексте.

«результат комбинаций анонимного автора» (632). И. Грбек допускает вначале, что из оригинальных известий этого источника можно было бы «с доверием относиться разве что к сведениям об изготовлении мечей и клинков» именно в «Артабе» (634). Но после сопоставлений с совокупностью аналогичного рода известий арабских предшественников у этого анонима И. Грбек отводит такое предположение, написав: «Автор „Худуд-аль-Алам“ знал о производстве мечей в России, однако точное место их происхождения оставалось для него неизвестным. Поэтому он просто приписал их городу „Артабу“, о котором на основании данных Аль-Истахри предполагал, что он находится в России» (644).⁶⁰

Анализируя построения своих предшественников, И. Грбек обращает внимание на то, что если Киев и Новгород как центры соответствующих «племен» Руси идентифицировались довольно убедительно большинством исследователей, то в качестве третьего центра предлагалось много вариантов, ни в одном из которых речь не шла о городе, выдерживающем сравнение по значимости с Киевом или Новгородом.

Этот существенный дефект преодолен автором, который так формулирует условия решения задачи: 1) следует иметь в виду «всю территорию славян в первой половине 10 века; 2) город (и племя) должен был иметь приблизительно такое же политическое и/или экономическое значение, как Киев и Новгород; 3) название города должно графически (и фонетически) соответствовать арабской форме „Арка (Арфа)“; 4) название племени должно соответствовать форме „артания“ (или ее вариантам); 5) предметные данные арабских авторов должны соответствовать действительному положению вещей» (638).

Обозрев состояние славянских политических образований на юге и западе Европы в сопоставлении со степенью их известности у арабов того времени, И. Грбек приходит к заключению, что речь должна идти именно о прибалтийских славянах — тем более, что «на южном побережье Балтийского моря, а также на островах было найдено много арабских монет (преимущественно саманидского происхождения), относящихся к 8—10 векам» (десятки тысяч монет в сотнях отдельных находок). Это свидетельствует, что как раз прибалтийские славяне «поддерживали в 9—10 веках оживленные торговые связи с восточными частями халифата» (640). Отсюда — правомерность попытки искать город «Арка» и племя «артания» именно здесь.⁶¹

Отметив, что варианты текста в рукописях позволяют читать название города как Арка, а «произношение могло также звучать „Арко“», И. Грбек обращает внимание читателя, насколько близки «засвидетель-

⁶⁰ Автор оставляет вне рассмотрения позднейшие обработки и компиляции, заметив, что «Аль-Идриси, Ад-Дамашки и Ибн-Ияз делают лишь несущественные дополнения, являющиеся чистой фантазией и не имеющие ценности источников» (635).

⁶¹ Но не в Скандинавии, где пытались искать их позднее без должного учета исследований Грбека и данных археологии, о которых писал В. Л. Янин, охарактеризовав датированные находки, относящиеся к периоду до конца первой четверти IX в.: «Основная и при том сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян» (Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 89).

ствованные формы названия Аркона (Archon, Arkon, Arcun, Arcon)» на острове Рюген (640).

Автор указывает, приводя свидетельства источников, что «город Аркона принадлежал к наиболее крупным и значительным торговым центрам на Балтийском море», напоминает, что именно в Арконе «находилось святилище языческого бога Святовита — культовый центр балтийских славян, в который стекались дары и жертвования со всех славянских земель». Наивысший расцвет Арконы относится к XI—XII вв., а это позволяет полагать, что «она была достаточно знаменита и в 10 веке», выдерживая сравнение с Киевом и Новгородом (640).

Название племени, пишет И. Грбек, «мы можем прочесть как „аруяния“; славянское племя, населявшее остров Рюген (Rana, Ruiana, Ruia, Rugia, Roja, Rugiana), имеет у анналистов различные названия: Rugiani, Ruiani, Rujani, Rojani, Ruani, Rani и т. д.». Автор отсылает к работе Милевского, который «доказал, что Ruiana, Ruiani является более древним обозначением острова и его жителей, а Rana, Rani — более поздним», и обращает внимание на то, что именно «древнейшая форма (Ruiani) весьма сходна с формой (А)руяния, засвидетельствованной у Аль-Истахри» (641).⁶²

Обратившись к рассмотрению «предметных данных» арабских текстов, И. Грбек констатирует: «Они соответствуют тому, что мы знаем из других источников об Арконе, Рюгене и их жителях» (641). Географическое положение Рюгена и Арконы «вполне соответствует сообщению о морской торговле, и торговая деятельность жителей острова» достаточно отражена в источниках. «Руяни предпринимали путешествия в различные страны, а в самой Арконе имелся особый квартал, где жило много иностранных купцов», — пишет И. Грбек, ссылаясь на источники (641).

Предшественников И. Грбека особенно смущала фраза арабского текста о том, что жители «Арты» убивают иноземцев. Даже после его

⁶² И. Грбек указывал попутно на «интересную параллель с отнесением арабами жителей Рюгена к русам: Герборд и Эббон называют остров Рутения, а его жителей — рутены» и напоминал, что «оба названия всегда использовались средневековыми хронистами в качестве обозначения России и русских», а «в Магдебургских анналах за 969 год жители Рюгена именуется Rusci» (641). Автор исследования, посвященного арабским свидетельствам, не углублялся в поиск подобных параллелей у авторов западноевропейских. Такой поиск осуществил впоследствии Н. С. Трухачев, а до него приводил аналогичные примеры — тоже применительно к прибалтийским славянам — А. Г. Кузьмин (см. ниже). Ранее М. А. Максимович обращал внимание на известия западных источников «об участии русского князя (Princeps Russiae) Велемира, русского герцога (Dux Russiae) Радеботта и ружского князя Венцеслава (Pr. Rugiae) в Магдебургских турнирах Генриха Птицилова в 938 г.». Он замечал: «...из сего видно (по условиям турнира), что эти Russia и Rugia в первой половине X века были в пределах Римской империи; что эти русские князья были веры западной» (Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1876. Т. I. С. 322—33). См., например: Goldast M. Collectio constitutionum imperialium. Tomus Primus. Francofurti ad Moenum, 1713. P. 213—214. Здесь сказано, что дается перечень участников из областей Империи: Германии, Галлии и Sclavogum. Таким образом, славянские князья, охваченные процессом христианизации и участвовавшие в этих турнирах, являлись на них представителями, очевидно, Руси прибалтийской, номинально уже входившей в состав Империи.

работы А. П. Новосельцев счел возможным присоединиться к тем, кто полагал, что это — ложное утверждение, которое «распространяли болгарские купцы».⁶³ Между тем нет никакой нужды в столь натянутом объяснении, так как арабская информация лишь обобщая гиперболизирует реальные факты. Они в свою очередь объяснялись реакцией именно балтийских славян на жестокости насильственной христианизации в ходе военной экспансии Каролингов. Как раз на Рюгене, в Арконе, напоминает И. Грбек, «стоял известный храм языческого бога, где ежегодно приносился в жертву один христианин, то есть иностранец» (642). Автор подчеркивает, что «источники говорят о жителях Рюгена в довольно сильных выражениях, таких, как „crudentes“, „gens fortissima“ и т. п.», и христианским миссионерам «было опасно для жизни отправляться к ним» (642). Грбек отмечает, что в непосредственном соседстве с островом Рюген обитали четыре племени велетов, которые принадлежали к наиболее диким и жестоким славянским племенам, причем «неспоримо, что лютичи-велеты были далеко за пределами своей родины известны необычайной жестокостью и дикостью и что их отношение к чужакам было крайне недружелюбным». И. Грбек справедливо объясняет это «длительной столетиями враждой с немцами и христианами» (643).⁶⁴ Напомнив о предположении, будто бы сведения «о враждебности жителей „Арки“ по отношению к чужеземцам» являлись «вымыслом с целью отпугнуть чужих купцов», И. Грбек называет его «совершенно излишним», так как «мы можем согласовать сообщение Аль-Истахри» с тем, «что мы знаем о балтийских славянских племенах из других источников, и нам не требуется прибегать к легенде для объяснения этого явления» (643).

Автор рассматривает перечни товаров, которые, согласно арабским источникам, вывозились из «Арки». Аль-Истахри указывает только свинец и черных соболей, Ибн-Хаукаль добавляет еще черных лис и «зайбак». Проанализировав соотношения рукописей, Грбек приходит к заключению, что «данные Ибн-Хаукаля о вывозе лис и рабов из „Арки“ могут восходить к маргиналиям Аль-Истахри», и тогда «мы можем считать их достоверными» (644). «Как важный торговый центр на Балтийском море Аркона сосредоточивала товары из различных соседних стран», — подчеркивает И. Грбек и указывает, что меха, естественно, могли доставляться из Швеции и Восточной Европы, а свинец — из той же Швеции, Польши или Силезии и даже из прибалтийского Поморья. Он приводит данные источников относительно месторождений там свинца, о развитии экспорте мехов из названных земель как раз в то время, о котором идет речь. Что касается работорговли, то И. Грбек отсылает к информации Гельмольда, который «подчеркивает, что Rujani приобретают свое богатство за счет продажи рабов», а кроме того, во-

⁶³ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 419.

⁶⁴ В примечаниях И. Грбек напоминает сообщения Адама Бременского и Гельмольда о жителях расположенного вблизи Ружа крупного торгового центра балтийских славян — Волина: они «были гостеприимны, однако саксы, которые туда отправлялись, должны были скрывать свое христианство, чтобы не лишиться жизни» (643).

обще «имеется много свидетельств о работоторговле в балтийских странах» (645).

И. Грбек резюмирует, что «ни один из фактов не свидетельствует против идентификации „Арка“ с Арконой, а „аруния“ с жителями Рюгена; описание, которое содержит первоисточник Аль-Истахри, вполне соответствует этническим и хозяйственным отношениям в Арконе, на Рюгене и славянском побережье Балтийского моря» (645). Исследовав «все сообщения, которые содержатся в старинных арабских географических трудах о третьем племени русов», автор заключает, что «единственным решением, которое отвечает всем требованиям критического рассмотрения предмета и источника, является идентификация с Арконой и Rujani (жителями острова Рюген)» (648).

Исследование И. Грбека, к сожалению, учитывалось слишком недостаточно даже авторами, знавшими о нем и позднее специально обращавшимися к вопросу о «трех центрах Руси»: сведения арабских географов стремились привлекать, как бы абстрагируясь от результатов текстологических сопоставлений, позволивших Грбеку обоснованно вывести за рамки правомерного использования в качестве источника искаженные тексты позднейших версий и уникальные особенности дефектных списков, порожденные недопониманием исходного текста переписчиками. Это приводило к малооправданному наращиванию географического разброса интерпретаций и к преувеличению значимости поздних распространений основного источника, досконально изученного И. Грбеком.⁶⁵

Между тем важность результатов его исследования особенно очевидна при сопоставлении с другими опытами идентификации этих сведений. Только Аркона и руяне имеют бесспорное ближайшее созвучие с арабскими текстами; только Аркона из всех предлагавшихся соотносений выдерживает сравнение по значимости с Киевом и Новгородом; только руяне действительно убивали иностранцев, принося христиан в жертву своему верховному божеству в эпоху острого противостояния, имевшего место в X в., когда уже велась принудительная христианизация балтийских славян немцами; соответствуют реалиям Рюгена и сведения арабских текстов о номенклатуре вывозимых товаров.

Ко второй половине предшествовавшего, IX в. восходят сведения других арабских авторов относительно «острова русов». И. Грбек к ним не обращался вследствие ограниченности своей конкретной задачи. Но соотносимость этих сведений с тем же Руяном достаточно очевидна, соответствующие суждения не раз высказывались и подробно аргументировались с опорой на источники. Главное различие состоит в том, что до середины IX в. еще не было интенсивного натиска Каролингов на руян, и соответственно в источниках, отобразивших этот период, нет дан-

⁶⁵ См., например: *Thulin A. The third Tribble of the Rus // Slavia antiqua. Warszawa: Poznań, 1979. T. 25. S. 99—139; Копылова И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII—XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 139—148.*

ных о враждебном отношении жителей острова к иноземцам, тем более — об убиении пришельцев.⁶⁶

К первой половине IX в. относятся рассмотренные выше данные, которые дают основание полагать, что Гостомысл возглавлял тогда бодричей и руян, а Новгородская Иоакимовская летопись указывает на то, что главенство распространилось и на племена, обитавшие в бассейне Ильменя. В свете этих данных несколько расширяется и уточняется смысл пронизательного суждения, высказанного более четверти века назад ведущим современным археологом: «Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разнородной федерации нашего Северо-Запада, состоящей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения».⁶⁷

Территория Новгородской земли в IX столетии, а вероятно и ранее, была в значительной степени населена выходцами из западнославянского Балтийского Поморья. Велеты-волоты и балтийская русь, прибывавшие как минимум двумя волнами, закрепились здесь на обширных пространствах, маркируемых топонимами, которые связаны, очевидно, с самоназваниями переселенцев.

Можно полагать, что такая федерация возникла в связи с неудачей крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838—839 гг. Тогда бодричи и велеты, потерпев поражение, принуждены были дать заложников. Именно после этого

⁶⁶ Из сравнительно недавних работ см. в особенности: Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. М., 1970. № 10. С. 39—42 и др.; Трухачев Н. С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщения современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981. С. 167—175. Позднейшие авторы, почти игнорируя само существование таких работ, предпринимали вместе с тем довольно субъективные попытки опровергнуть отдельные их тезисы без учета совокупности привлеченного предшественниками материала. При этом вопросы рассматривались порой настолько узко, что, несмотря на наличие в этих работах ценных наблюдений и полезных сопоставлений, общего продвижения вперед почти не оказывалось. Но можно проследить проявившуюся в недавнее время тенденцию противопоставить господствовавшим некогда попыткам дискредитировать «норманизм» столь же субъективные попытки «реабилитировать» его — не принимая к серьезному рассмотрению материалы, добытые «антинорманистами» — подобно тому, как это делалось с противоположных позиций в период «борьбы» против «буржуазной» науки. Психологическое наследие того периода изживается слишком медленно. Ср., например: Ловмянский Г. Руссы и Руги // ВИ. М., 1971. № 9. С. 43—52; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1) Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. М., 1994. № 2. С. 56—68; 2) Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. М., 1995. № 2. С. 44—57. Между тем совмещение профессионального подхода со спокойным пониманием того, что чаще всего на самом деле «истина посередине», ускорило бы научный прогресс. Ср.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 11—50.

⁶⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 220. Судя по контексту, автор имел тогда конкретно в виду под западными славянами кривичей как вероятных пришельцев из Прибалтики, поскольку с ними соотносится Людлин конец, главная улица которого называлась Прусской.

бодричи, велеты и руяне под главенством короля острова Руяна Гостомысла, вероятно, активизировали контакты с потомками велетов, переселившихся ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая после окончания распрей между сыновьями Людовика Благочестивого угроза интенсификации каролингского натиска на славян усилила миграцию западных славян на восток. Отпадение бодричей от подчинения Каролингской империи, на которое сетовал фульдский анналист, естественно объяснить вступлением их князей в федерацию под патронажем набиравшего силу государства руян, возглавленного Гостомыслом. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра федерации на восток, и Гостомысл оказывается уже не на Руяне, а у берегов Ильменя.⁶⁸ Здесь возникают поселения прибывших с ним славян — руси прибалтийской. Им могут быть обязаны своим происхождением многочисленные топонимы с корнем «рус» в Приильменье, частично наложившиеся на более древние топонимы с корнем «велет»-«волот».

Одна из волн переселений, по-видимому, относится к последней четверти VIII—началу IX в., когда происходили вторжения войск Карла Великого в земли велетов-лютичей. Этому этапу соответствуют, как можно полагать, топонимы с основой «волот». Велеты и далее подвергались военному нажиму со стороны Каролингов. Напротив, бодричи-ободричи, ставшие союзниками Карла как противники велетов и союзных с велетами саксов и бывшие даже в вассальных отношениях с империей Карла, после его смерти обрели фактическую независимость в период ослабления империи при сыне и внуках Карла Великого. Но укрепившийся в восточной части империи король Людовик Немецкий, а затем его сыновья и внук несколько раз предпринимали вооруженные акции, направленные на приведение к покорности бодричей, как и других славян по Лабе и балтийскому Поморью. Решающих успехов тогдашние походы Каролингов против славян германским королям не приносили. Но они создавали перманентную угрозу, служившую побудительной причиной дальнейших переселений на ранее освоенные уже балтийскими славянами территории у берегов Ильменя. Активизировавшийся около середины IX в., этот процесс завершил давнее общение западных славян и аборигенов Новгородской земли.⁶⁹ Оно, как мы видели, получило достаточно определенное отображение в фольклоре.

⁶⁸ Князь Добромысл, возглавлявший бодричей при вторжении к ним Людовика Немецкого в 862 г., мог быть не сыном Гостомысла, как предполагали некоторые исследователи, а его младшим братом, который оказался послан в наиболее угрожаемую из земель федерации. Сыновья Гостомысла, как мы знаем из текста Иоакимовской летописи, «ово на войнах избиини, ово в дому изомроша». Очень возможно, что один из этих сыновей погиб как раз в 844 г., что помогло фульдскому анналисту, преувеличившему успех своего повелителя, даже объявить о убийстве самого короля Гостомысла.

⁶⁹ Начало переселений, согласно последним исследованиям, относится к V—VI вв. См.: Седов В. В. Славяне в римское время. М., 2003. С. 14. Ранее автор писал, что «есть весьма серьезные основания» для «доказательства западного (венедского) происхождения славян

Старейшина Гостомысл, именем которого открывается перечень посадников Великого Новгорода, возглавил, видимо, основную массу последней интенсивной волны западных славян, составивших тогда главенствующую часть населения возникавшего города. Разрушенный датчанами в начале IX в. Великий город у берегов Балтики возродился к середине этого столетия у берегов Ильменя. Территории, принадлежавшие еще балтийским славянам на западе, не составляли государственного единства ни между собой, ни с Новгородской землей, но федеративность на уровне координации обороны от внешней угрозы под главенством Гостомысла, как видно, тогда существовала. После его смерти сходную функцию выполняет его внук Рюрик, соединивший в своем лице славянское и датское начала для противостояния внешнему натиску — Каролингам на западе и шведским викингам на востоке.

новгородских». Подытоживая результаты, добытые в этой связи лингвистами и этнографами, В. В. Седов заключал: «Собранный к настоящему времени материал весьма обширен и свидетельствует о несомненной генетической связи древних новгородцев со славянскими племенами Польского Поморья». Особенности же археологических находок на Новгородской земле можно объяснить «только предположением о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли» (Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвinya. М., 1970. С. 71, 72; ср.: Там же. С. 107).

СПОДВИЖНИК КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

1

Обязанные фольклору известия Новгородской Иоакимовской летописи оказываются важны и для выяснения исторической основы двух ранних новгородских былин. Герой их, хорошо известный и по «Повести временных лет» Добрыня, дядя князя Владимира Святославича, — в былинах княжеский сват и победитель Змея. О женитьбе Владимира на Рогнеде в результате военных действий, в которых важная роль принадлежала Добрыне, в Иоакимовской летописи говорится кратко. Но, в отличие от «Повести временных лет», объяснена роль Новгорода: «Владимир <...> собрав новгородцев и иде на полоцкого князя Рохволда, зане тот повоева волости новгородские. И победа войско, град Полоцк взя, Рохволда со двема сыны уби, а дечерь его Рогнед взя себе в жену и преименова ю Гориславою. Сия приречена бе Ярополку и хотяше иди с послы Ярополчи ко Киеву».¹ В Лаврентьевской летописи, где изложение предания о женитьбе Владимира на Рогнеде гораздо подробнее, вообще не говорится о составе войска Владимира; в «Повести временных лет» упомянуты варяги, словене, чюдь и кривичи, но не собственно новгородцы. В этих источниках отсутствует известие о военных действиях Рогволода против новгородцев. А оно помогает объяснить как мотивацию самого предания, попавшего в упомянутые летописи, так и популярность новгородской былины о женитьбе Владимира. Она записывалась более сотни раз во всех частях Новгородской земли, где сохранялся эпос: в Прионежье, на Беломорье, на Мезени, на Печоре и даже в Сибири, куда попадали переселенцы с этих территорий.²

Для исследователей былины соотнесенность ее с преданием, пересказанным в летописях, была достаточно ясна, и мнения по данному поводу в общем единодушны, хотя в некоторых работах высказывалось предположение, что исторической основой явилась не только женитьба Владимира на Рогнеде, но и позднейшая женитьба его на византийской принцессе, которая не хотела идти за Владимира, так как он был еще язычник. Но роль Добрыни, вполне отчетливо обрисованная преданием

¹ Татищев. Т. 1. С. 111.

² Перечень записей — в кн.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 383.

о женитьбе на Рогнеде, как и другие детали летописных повествований о ней, связывают былинку гораздо более определенно именно с первой женитьбой Владимира — когда он был еще новгородским князем.

В качестве такового он претендовал на руку княжны, уже просватанной за великого князя киевского. Это сватовство, очевидно, представилось настолько вызывающим, что, может быть, не без ведома киевского жениха Рогволод решил наказать дерзкого претендента военным вторжением в его новгородские владения. Сохраненное Иоакимовской летописью известие об этом военном предприятии полоцкого князя несколько корректирует устоявшееся в исторической науке представление о причинах похода Владимира и Добрыни. Не только оскорбительная форма отказа сватам, но и необходимость защиты своего княжества побуждала совершить с новгородским войском поход на Полоцк. Этот существенный момент не принимался во внимание и исследователями былин. В остальном же выяснение ее соотношения с исторической основой было осуществлено еще фольклористами XIX—начала XX в., и возникавшие вопросы были решены, за исключением, однако, некоторых существенных деталей.³

В большинстве записанных текстов былина состоит из двух основных частей, причем они встречаются и порознь как самостоятельные песни.

Эпический князь Владимир решает жениться. По его поручению богатырь Добрыня, вместе с богатырем Дунаем, едет к чужеземному королю высватать его дочь. Король почти всегда русским сватам отказывает под тем или иным предлогом, а в некоторых вариантах — оскорбляет самого жениха:

Да как ваш тот князь не велик собою, <...>
Не отдам я своей дочери
Да й за вашего князя Владимира.⁴

Тогда богатыри берут невесту силой: чаще это в самом дворце совершает Дунай, а Добрыня тем временем побеждает вооруженных слуг короля, мешающих увозу невесты. Но есть варианты, где главным сватом является сам Добрыня; участниками поездки бывают и другие богатыри; военное столкновение нередко переходит в разгром всего королевского войска:

А ише тут де Добрынюшка Микитиць млад
А он прибил — прирубил всю силу неверную.⁵

Невесту привозят к Владимиру, и происходит свадебный пир. Во многих вариантах песня этим оканчивается. Но чаще в ней есть еще повествование о самом Дунае. На обратном пути он встречается поляницу —

³ Обзоры работ были осуществлены в книге А. М. Лободы «Русские былины о сватовстве» (Киев, 1904) и в переизданном недавно труде А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былины» (Саратов, 1994. С. 230—235); краткое обозрение основных точек зрения принадлежит А. М. Астаховой (*Астахова 1938. С. 576—577*).

⁴ *Гильфердинг. Т. 2. С. 223.*

⁵ *Григорьев. Т. 3. С. 334.*

женщину-богатыря. Пока Добрыня с княжеской невестой Апраксой продолжает свой путь, Дунай вступает в бой с поляницей (это — сестра Апраксы), побеждает ее и привозит в Киев как свою невесту. Здесь происходит свадьба Владимира и свадьба Дуная; последний состязается с женой в стрельбе из лука, что оканчивается трагически для обоих. Почти все исследователи давно единодушны в заключении: двухчастная былина создалась как соединение двух некогда самостоятельных произведений народного эпоса.

Именно первая часть, т. е. собственно былина о женитьбе Владимира, имеет упомянутую параллель в рассказах летописей, причем некоторые варианты эпической песни сохранили и дополнительные детали, не оставляющие сомнений, что в данном случае и летопись, и былина восходят к одному и тому же преданию об историческом факте — женитьбе Владимира Святославича на полоцкой княжне Рогнеде.

Среди тех вариантов былины, где отказ в сватовстве мотивируется пренебрежительной оценкой самого Владимира или его владений, одна запись даже содержит такую реплику отца невесты:

А князь-от Владимир да быв холопище.⁶

Исторический Владимир Святославич был действительно «низкого» происхождения (по матери), а Новгородская земля, которой он тогда управлял, была гораздо беднее Киевской, где правил другой претендент на руку полоцкой княжны.

Согласно летописи, Полоцкой землей владел прибывший «из заморья» князь Рогволод, который намеревался отдать дочь за старшего сына великого князя Святослава Игоревича. Вот что говорится в «Повести временных лет»: Владимир «посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: „Хочу пояти дщерь твою себе жене“. Он же рече дщери своей: „Хочеши ли за Володимера?“. Она же рече: „Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу“». Далее рассказано о военном походе на Рогволода, победе над ним и женитьбе Владимира на Рогнеде.⁷ В словах Рогнеды, приведенных летописцем, имелся в виду древний свадебный обычай: перед первой брачной ночью жена должна была разуть мужа. Предание еще раз, но более подробно, изложено в Лаврентьевской летописи под 1128 г., причем тут оно имеет более первоначальный вид, как считал А. А. Шахматов, обоснованно полагавший также, что само событие происходило еще в 970 г.⁸ В Лаврентьевской летописи говорится, что новгородский князь Владимир был еще очень молод, но при нем был дядя его — воевода Добрыня — «храбор и наряден [т. е. распорядительный] муж». Получив ответ Рогнеды, «Володимер разгневался о той речи, оже рече „не хочу я за робичича“; пожалися [т. е. возмутился] Добрыня и исполнися ярости, и поемше вои и идоста на Полтеск и победиста Рог-

⁶ Там же. С. 442.

⁷ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 36.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 247—251.

волода <...> и взяша город и самого яша и жену его и дщерь его. И Добрыня поноси ему и дщери его, нарек ей робичица...». Претерпев унижение, Рогнеда становится женой Владимира.⁹

Гнев молодого князя и ярость Добрыни (о которой говорят и летопись, и былина) вызваны не столько отказом в руке полоцкой княжны, сколько тем, что при этом Владимира назвали робичичем, оскорбив таким образом и Добрыню, приходившегося родным братом Малуше, матери Владимира.

В «Повести временных лет» она названа ключницей бабки Владимира княгини Ольги, т. е. ее служанкой. Тем не менее позже Владимир наравне с несомненно законными сыновьями Святослава участвовал в борьбе за киевский престол. Это трудно совместить с предположением, что мать его на самом деле была простой рабыней, взятой Святославом в наложницы. Д. И. Прозоровский давно предположил, что Малуша и Добрыня — дети лишенного власти древлянского князя Мала.

Согласно «Повести временных лет», после того как древляне жестоко убили притеснявшего их киевского князя Игоря, они предложили овдовевшей Ольге выйти за Мала. Ольга отомстила за убийство мужа, победила древлян, пленила их старейшин. О судьбе самого Мала эта летопись не говорит. Но спустя 25 лет летописец, сообщив о посылке Святославом юного Владимира с Добрыней управлять Новгородом, поясняет, что Владимир — сын Малуши, Добрыня — брат ее, а «отец же бе има Малък Любечанин».¹⁰

Д. И. Прозоровский пришел к выводу, что речь, очевидно, идет о бывшем древлянском князе, заточенном в Любечском замке (в 200 верстах от Киева), и имя Малк («Малко») — уменьшительное от Мал; дочь же его, согласно заключению Прозоровского, как пленница сначала оказалась у Ольги «рабойю по праву войны», но потом стала одной из жен Святослава, поскольку была княжеского рода.¹¹ Впоследствии А. А. Шахматов иначе объяснял слово «Любечанин», но считал, что «основная мысль Прозоровского верна» и что летописное имя матери Владимира сочинено редактором Начального летописного свода, «отправлявшегося от имени ее отца Мала».¹²

Еще Ф. И. Буслаев, согласившись с Прозоровским, предположил, что былинное отчество богатыря Добрыни Никитича могло произойти от Нискинич, — в связи с тем, что Ян Длугош, писавший о Древней Руси в XV в., на основании летописей, часть которых до нас не дошла, называет побежденного древлянского князя не Мал, а Нискина.¹³ Это имя, замечает современным польский историк А. Поппэ, «следует признать не только древнерусским, но вообще старославянским»; он приводит сводку данных о существовании еще в XVI столетии села Нискиничи в

⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1879. С. 284—285.

¹⁰ Повесть временных лет. С. 33.

¹¹ Прозоровский Д. О родстве св. Владимира по матери // Записки Импер. Академии наук. СПб., 1864. Т. 5. С. 17—26.

¹² Шахматов А. А. Разыскания... С. 374—376.

¹³ Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 266—267.

Западной Руси; однако, по мнению А. Поппэ, Мал стал Нискиной только «под пером Длугоша», который нередко изменял формы собственных имен.¹⁴ Давняя мысль Ф. И. Буслаева, что Нискинич — такое же династическое прозвище, как Рюриковичи, может помочь дальнейшему прояснению этого вопроса.

Как писал И. И. Срезневский, из ответа Рогнеды, назвавшей Владимира робичичем, не следует заключать, что «Малуша была в полном смысле раба».¹⁵ В древнерусском языке слово «робичищ» употреблялось также в значениях «слуга», «придворный».¹⁶ К князю Владимиру эти значения, конечно, не относились непосредственно, но само их существование подкрепляет мысль, что мать его могла не быть рабыней по происхождению. Согласно летописному сказанию, оскорбленный Добрыня, пленив полоцкого князя Рогволода, нарек его дочь робичица. Значит, аналогично могли поступить прежде с детьми плененного древлянского князя Мала. Это — аргумент в пользу гипотезы Д. И. Прозоровского. Напрашивается и другой аргумент: плоды военной победы над Рогволодом Полоцким закрепила женитьба Владимира на полоцкой княжне; ранее аналогичным династическим браком Святослава и древлянской княжны естественно было закрепить плоды военной победы Ольги. Святослав во время ее войны с древлянами был еще ребенком; до его возмужания «робичица» Малуша могла подрастать при Ольгином дворе.

Любопытно, что в вариантах былии о Добрыне Никитиче иногда говорится:

Да, три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка-де ключничком...¹⁷

Низкое общественное положение в юности и у Добрыни, и у Малуши из данных летописей вполне очевидно — независимо от того, было ли оно обусловлено только поражением древлян. Но именно робичич Владимир явился главным прототипом былинного Владимира Красное Солнышко, а брат его матери — главным прототипом одного из самых любимых народом богатырей. В былинах Добрыня нередко фигурирует как племянник князя Владимира.. Это — не ошибка позднейших сказителей: в древнерусском языке слово «племянник» означало «родственник».¹⁸

2

Историческая основа тесно переплелась в образе Добрыни-свата с традиционными эпическими мотивами. Очень часто они имеют международный характер, присутствуют и в других европейских эпосах. Б. М. Со-

¹⁴ Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. М., 1974. С. 71—76.

¹⁵ Срезневский И. И. О Малуше, милостнице в. к. Ольги, матери в. к. Владимира // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 5. С. 27—33.

¹⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 169.

¹⁷ Григорьев Т. 3. С. 602—603. Б. А. Рыбаков замечал по данному поводу: «Придворная карьера брата ключницы Малуши могла действительно начинаться с таких низших ступеней» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963. С. 63).

¹⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 84.

колов доказал это обстоятельством сравнительно-историческим исследованием.¹⁹

В подавляющем большинстве записей былины не сохранилось следов древней мотивировки отказа жениху. Как писал Д. С. Лихачев, «и гордость Рогнеды, и поведение Владимира не вязались с народными представлениями о Владимире и о его жене. Отказ Владимиру был вложен в уста самого Рогволода, а причиной отказа сделан обычный бытовой мотив: нельзя отдавать замуж младшую дочь раньше старшей. Появление другой, старшей, дочери и необходимость ответить на вопрос о ее судьбе притянули второй сюжет — о женитьбе сотоварища Добрыни, Дуная».²⁰

Давно обратив внимание на причины соединения двух былин в одну, исследователи по-разному объясняли истоки былины о женитьбе Дуная. Преобладает мнение, что основа ее — столкновения славян с народами, у которых были женщины-воительницы. Но древняя основа второй былины могла соединиться в ней с преданиями о деятельности исторического лица XIII столетия: реально существовал довольно известный тогда русский воевода Дунай, служивший популярному у современников волынскому князю Владимиру Васильковичу; этот Дунай в такой же мере причастен к польско-литовским делам, как и герой былины, на что обратил внимание еще В. Ф. Миллер.²¹

Былинные сваты-богатыри едут обычно к королю литовскому, к городу ляховинскому и т. п., что естественно объясняется долгим вхождением земель древнего Полоцкого княжества и самого Полоцка в состав Литовского, а затем — Польского государства: с XIII до XVIII в. Изменилось и многое другое в реалиях былинного повествования. Иногда оно, весьма удалившись от исторической основы в одних своих частях, сближалось с нею в других. Есть, например, несколько записей, где за будущей своей женой едет сам князь Владимир со спутниками. Захватив невесту, они

Садилси на добрых коней,
 Поежжали в свою сторону;
 Напали поганы татаре,
 Соунышко Владимир стольнокиесский
 Хватау оснице тележное,
 Куды махне — паду улицей,
 Перемахне — переукам,
 Прибиу поганых татаровой всех,
 Увез Акулину-королевицну в свою сторону.²²

Столкновение с погаными (т. е. язычниками) татарами здесь, конечно, анахронизм: первое появление татар в Восточной Европе относится

¹⁹ Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Учен. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3.

²⁰ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. I. С. 195—196.

²¹ Миллер. Очерки. Т. I. С. 128—135.

²² Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948. С. 83—84.

к 1223 г. Но Владимир, согласно летописному преданию, действительно сам, вместе с Добрыней, участвовал в походе за невестой. А богатырская сила героя, который одним взмахом поражает многих противников, — довольно обычная для былин гипербола.

Отвлекаясь от частных деталей, следует признать, что остается в силе итог изучения былины, подведенный В. Ф. Миллером 90 лет назад. «Едва ли в каком-нибудь другом былинном сюжете, — писал Миллер, — можно наметить так убедительно, как в этом, связь с историческим преданием, и, кажется, все исследователи эпоса согласны в предположении этой связи. Есть поэтому основание думать, что родовое княжеское предание ходило в XI в. в виде песни, вошедшей в цикл Владимира и распространившейся из княжеской и дружинной среды в других слоях народа. Ввиду того, что сага относилась к молодости Владимира, „ему детеску сушу и еще погану“, к тому периоду, когда он был еще не киевским, а новгородским князем, и что трагедия с Рогнедой разыгралась в Полоцке, можно думать, что основная песня сложилась в Новгородской земле. Ведь Добрыня тесно связан с Новгородом, упоминается в числе посадников, имел, по свидетельству Якимовской летописи, в Новгороде дом и жену».²³

3

Обязанный устному материалу рассказ Новгородской Иоакимовской летописи о крещении Новгорода, где находятся среди прочего сведения, упомянутые здесь В. Ф. Миллером, оказался уже ключевым источником при объяснении второй древнейшей новгородской былины о Добрыне. Как писал в своем первом исследовании этой былины В. Ф. Миллер, «в народном предании Добрыня всего крепче связан с религиозным культом. В свою бытность в Новгороде посадником, он является таким же ревнителем народного культа, каким до крещения был Владимир. Он ставит кумир над Волховом и приносит ему жертвы. А затем, по свидетельству драгоценного отрывка так называемой Иоакимовской летописи, вместе с воеводой Путятой огнем и мечом водворяет в том же городе христианство и крестит жителей».²⁴

Позднее В. Ф. Миллер, очевидно, под воздействием скептического отношения к этой летописи, высказанного тогда А. И. Никитским, сделал некоторые оговорки, но привлек записанное П. И. Якушкиным предание о «змийке-Перуне», давшее ему дополнительные аргументы в пользу историчности основы былины «Добрыня и Змей» и аутентичности рассказа Иоакимовской летописи.²⁵ «Таким образом оказывается, — заключает В. Ф. Миллер, — что в тех местах, где исторический Добрыня, по свидетельству Якимовской летописи, свергал идолов и бросал их в Волхов, распространяя христианство, в тех самых местах — на Волхове, Ильмене, в Новгороде — живет предание о Змийке-Перуне,

²³ Миллер. Очерки. Т. 3. С. 25.

²⁴ Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 40.

²⁵ См.: Якушкин П. И. Путевые письма // Соч. / Сост., вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 92—93.

и есть полное основание думать, что эти местные новгородские предания послужили в древности, по крайней мере отчасти, материалом для былинного сюжета о бое Добрыни со змеем-Горыничем. Ввиду тесной связи исторического Добрыши с Новгородом <...> может быть поставлен вопрос, не был ли именно в Новгородской области, где ходили о Добрыне предания, сложен прототип былины о его змееборстве». ²⁶

Эта былина — тоже одна из самых распространенных в русском эпосе, собиратели фольклора записали больше 80 вариантов ее. ²⁷ Но основное содержание довольно стабильно: богатырь едет к реке, около которой обитает в горах летающий огнедышащий Змей; он нападает на безоружного, но богатырь побеждает; враг просит пощадить его, и Добрыня соглашается на условии, что Змей не будет захватывать русских пленников; но противник вскоре это условие нарушает: он захватил и унес к себе родственницу самого князя Владимира (в былине она обычно названа его племянницей Забавой Путятичной, но встречаются и другие имена — см. ниже); князь посылает Добрыню на бой со Змеем; богатырь его снова побеждает — уже окончательно, выручает из его пещеры родовитую пленницу и других узников. Нередко говорится только об одном бое и освобождении богатырем тех, кто томился в плену у Змея.

Сопоставление вариантов былины на предмет выяснения их генетических соотношений производилось дважды: А. В. Марковым в начале XX в. и В. П. Аникиным через 70 лет — после того, как число опубликованных записей значительно возросло. Аникину принадлежит и наиболее полное рассмотрение работ, посвященных былине «Добрыня и Змей». Его собственный вывод разошелся с результатами предшественников — может быть потому, что этот исследователь вообще склонен уделять особое внимание сказке в истолковании героического эпоса. Согласно В. П. Аникину, «идейно-художественная функциональность традиционных компонентов содержания и формы в составе сюжетного целого» былины «оказалась весьма различной: сказочные традиции оказались основой, героико-богатырские — активным началом в ее преобразении, а элементы религиозно-духовной трактовки — только внешним моментом, осложнившим традиционно опорные пункты повествования». ²⁸

За 30 лет до работы Аникина Д. С. Лихачев категорично отказывался признать правомерным понимание смысла былины, утвердившееся в дореволюционной науке: «...если бы былина эта изображала именно крещение, это означало бы, — писал он, — что народ идеализировал и одобрил собственное крещение „огнем и мечом“». При этом Д. С. Лихачев, весьма тенденциозно пересказывая аргументацию предшественников (без ссылок на их работы), укорял их в доверии Иоакимовской летописи —

²⁶ Миллер. Очерки. Т. 1. С. 148.

²⁷ Перечни их: УС и ВГБ. С. 285—287, 289.

²⁸ Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984. С. 162. Этот автор не усматривает в былине отклика на крещение (Там же. С. 149).

по его словам, «очень позднему и очень недоброкачественному источнику». Он предлагал «видеть в змее внешнего врага».²⁹

Эту крайность не разделили ни оппонент Лихачева В. Я. Пропп, ни оппонент Проппа Б. А. Рыбаков. Отвечая Д. С. Лихачеву, В. Я. Пропп возразил, что «если бы это утверждение было правильным, оно означало бы, что народ мифологизирует свою историю».³⁰ Б. А. Рыбаков, показывая внутреннюю противоречивость построения самого В. Я. Проппа, писал: «Одно из крупнейших внутренних событий эпохи Владимира — крещение Руси, как выяснено уже давно, отражено в былинне „Добрыня и Змей“».³¹ Попутно он напоминал, говоря о Добрыне, что «в легенде Иоакимовской летописи идет речь о его жене, которую убивают язычники-новгородцы».³²

Называть текст Новгородской Иоакимовской летописи «легендой» (заслуживающей, однако, внимания), было, может быть, и правомерно за два десятилетия до того, как укоренившиеся сомнения в его достоверности были устранены исследованием В. Л. Янина. Уместно напомнить, что в его обстоятельной работе были подвергнуты сравнительному рассмотрению все летописные версии крещения Новгорода, а не только текст НИЛ, уникальные подробности которого подтверждены результатами археологических работ (см. в главе I).

Победа над Змеем как символ победы над язычеством — главный смысл былины о Добрыне-змееборце, едва ли без влияния ее распространенности уже в XII в., получила отображения и в письменных повествованиях того времени о победах над язычниками, нападавшими тогда на Русь.

Исследователи не раз обращали внимание на миниатюру летописи, иллюстрирующую рассказ о победе над половцами в 1112 г.: русский воин поражает копьем змею.³³ М. И. Артамонов обоснованно поставил в связь с этим рисунком и с былинным образом Змея рассказ «Повести временных лет» о другой победе над половцами — в 1103 г., после которой Владимир Мономах назвал половецких князей «главы змиевы».³⁴ Хотя еще А. А. Шахматов отметил, что летописец точно процитировал здесь устами Мономаха слова псалма — «скруши главы змиевыя...» (Пс. 73: 13), но при этом он все же несомненно имел в виду реальных половецких князей. Добавим, что другой летописец позднее эти же слова вложил в уста другого русского князя — Владимира Глебовича Переяславского по аналогичному поводу: в связи с победой над степняками в 1185 г.³⁵

В. П. Аникин обратил внимание на то, что Сорочинские горы, в которых обитает былинный Змей, можно соотнести с последними отрога-

²⁹ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета... С. 197.

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 577.

³¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 68.

³² Там же. С. 71.

³³ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. 1. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 155.

³⁴ Артамонов М. И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. 10, вып. 1. С. 23.

³⁵ См.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 279 и 396.

ми Урала в Самарском крае, где находилась древняя крепость — село Сорочинское; здесь некогда жили волжские булгары, а в зачинах былины, посвященных Добрыне, иногда Волга бывает упомянута в связи с Сорочинскими горами.³⁶ После разгрома князем Святославом Хазарского каганата (в 968 г.) усилилось подчинявшееся ему раньше государство волжских булгар. В X в. здесь был центр работорговли; сюда привозили для продажи захваченных пленников.³⁷ Насколько опасным этот сосед был для Руси, видно из того, что, хотя в 985 г. русские одержали победу над булгарами, по совету участвовавшего в походе Добрыни князь Владимир «створи мир» с сильным противником.³⁸

В некоторых вариантах былины иначе, чем в большинстве их, названо имя пленницы, которую освободил Добрыня, — Марфида Всеславьевна (или сходно: Мария Изяславна, Марья Дивовна и др.), причем в этих случаях обычно говорится, что она приходится родной теткой Добрыне. Такие записи былины сделаны в удаленных друг от друга местах, сами тексты значительно различаются. Поэтому упомянутые особенности нельзя объяснить поздней новацией, а естественнее, напротив, возводить их к одной из древнейших редакций былины. А. А. Шахматов высказал обоснованное предположение, что здесь упомянута Малфрид, о смерти которой в 1000 г. коротко сообщает «Повесть временных лет».³⁹ Соображения А. А. Шахматова и данные Иоакимовской летописи, пересказанные в «Истории» В. Н. Татищева, заставляют полагать, что историческая Малфрид действительно была в семейном родстве или свойстве с историческим Добрыней.

По-видимому, исторический смысл былины неоднозначен. Несомненно, что некогда существовало много разного рода преданий и сказаний, связанных с деяниями исторического Добрыни. Едва ли не главным из них была христианизация Новгорода по поручению князя Владимира. Но вскоре христианство стало и знаменем обороны от агрессивного натиска язычников-степняков, еще позже — знаменем народной борьбы за освобождение Русской земли от владычества Золотой Орды. Эпический образ Змея естественно воспринимался не только как символ язычества, но и как символ внешнего врага. В значительной мере этим обусловлена и популярность народного стиха о змееборце Егории водворителе христианства — эпического произведения, взаимодействовавшего с былиной о Добрыне и Змее, основанной на сказании о христианизации Новгорода.

4

Недавно была опубликована — через 70 лет после ее написания и через 65 лет после смерти автора — талантливая книга Б. М. Соколова, посвященная доказательству того, что основой так называемого Большого

³⁶ Аникин В. П. Былины... С. 159—160.

³⁷ Смирнов А. И. Волжские булгары. М., 1951. С. 42.

³⁸ Повесть временных лет. С. 39.

³⁹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 376—378.

стиха о Егории является историческая песнь XI в., которая была посвящена христианизаторской деятельности Ярослава Мудрого. Б. М. Соколов соглашается со своими предшественниками А. И. Кирпичниковым и А. Н. Веселовским в том, что «змееборчество Егория в стихе знаменует собой символическую борьбу христианства с язычеством».⁴⁰

Автор обстоятельно использует предшествовавшие труды для подтверждения тезиса, обоснованного в свое время В. Ф. Миллером, что образ Змея в русском эпосе соотносим с язычеством, а мотив змееборства в былине о Добрыне и в стихе о Егории — с победой христианства над язычеством. В. Ф. Миллер, привлекавший стих о Егории только попутно, отмечал, однако, взаимовлияние его и былины о Добрыне-змееборце. Поддерживая эту мысль, Б. М. Соколов пишет, что «сходство двух близких по теме и времени песен — одна о Владимировом времени, другая — о Ярославовом — предполагает возможность общей поэтической школы и среды, где они возникли, тем естественнее их древнее взаимное притяжение».⁴¹

Это побуждает вспомнить исследование А. В. Маркова, посвященное былине «Добрыня и Змей». Подтвердив, что «новгородское происхождение былины о Добрыне-змееборце можно считать доказанным», Марков счел целесообразным «поставить вопрос о классе, среди которого возникла былина в своем первоначальном виде». Поскольку «сюжет для нее был взят из христианских апокрифических сказаний», и она имеет тенденцию возвеличить образ борца за христианство против язычества, а «герою ее является княжеский наместник, действовавший заодно с греческими епископами», А. В. Марков напоминал, что «Добрыня носит „шляпу земли Греческой“, обычную принадлежность калика, что зменная пещера, по былине, помещается на Сорочинской (Сарацинской) горе, которая иногда заменяется горой Аравийской, Сионской и Саворской»;⁴² упоминается также Сорочинская земля, дорога, река Ердан, Греческое море, камень Латырь и сапфир, известный на Руси по Святославу Изборнику 1073 г.»

Согласно заключению А. В. Маркова, все это свидетельствует о том, что былина долго вращалась среди церковных людей, близко знакомых с Палестиной и ее окрестностями, находившимися в руках сарацин».⁴³ Из их среды, пишет Марков, выходили многочисленные «калики», «в XII в. настолько размножившиеся, что новгородское духовенство стало протестовать против их хождений ватагами. Я думаю, — заключает А. В. Марков, — что среди этих паломников, авторов древнейших духовных стихов, и была сложена былина о Добрыне-змееборце».⁴⁴

⁴⁰ Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром. М., 1995. С. 72.

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² Так же называется Фавор в стихе о Голубиной книге у Онуцкова: Печорские былины. СПб., 1904. С. 235. Вероятно, начальное «с» воспроизводит среднегреческое произношение буквы «О» — «с» шепелявое (примеч. А. В. Маркова).

⁴³ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. V. Добрыня-змееборец. Происхождение былины // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 3—4. С. 48.

⁴⁴ Там же. С. 49.

Новгородское происхождение былины, напоминал А. В. Марков, следует из того, что она «разработала местное, живущее поныне близ Новгорода предание», а «героем ее является новгородский наместник, который был известен жителям города <...> еще с 970 г., когда он явился в Новгород вместе с сыном его сестры Малки или Малуши, Владимиром в качестве его опекуна. В 980 г., когда Владимир сделался киевским князем, Добрыня становится новгородским наместником». А после крещения новгородцев «он остается в Новгороде», так как Иоакимовская летопись «упоминает об уходе оттуда одного лишь Путяты». А. В. Марков суммирует аргументы, выставившиеся еще в «Экскурсах» В. Ф. Миллера, затем — в его «Очерках», добавляет к ним свои соображения — «в подтверждение новгородского происхождения былины».⁴⁵

В посмертно изданном итоговом «Очерке истории русского былинного эпоса» В. Ф. Миллер в свою очередь подытожил исследования свои и А. В. Маркова. «Исходя из древней, внесенной в летопись по словицы — Добрыня крести огнем, а Путята мечом — и из сообщаемого отрывком Якимовской летописи рассказа о насильственном крещении новгородцев воеводами Владимира Добрыней и Путятой, я предположил, — пишет Миллер, — что предание о борьбе Добрыни с язычеством приняло впоследствии шаблонные черты боя героя со змием, являющимся олицетворением дьявола, язычества, всего нечистого. Подтверждение такого толкования былины я находил как в новгородском местном предании о змийке и Перюньском ските, так и в отдельных деталях былины <...>, в отчестве Забавы Путятничны, последнем слове летописного воеводы Путяты, избавленного Добрыней от нападения новгородских язычников, в приемах борьбы Добрыни (шляпа земли Греческой) и проч.»

Как указывает далее В. Ф. Миллер, А. В. Марков «согласен с моим предположением, что первоначальная былина могла быть сложена в Новгородской земле, и подробнее останавливается на среде, в которой она могла возникнуть. Он думает, что сложили ее люди, близкие к церкви, причем слагатели ее воспользовались византийским символическим образом дракона-дьявола и сознательно обработали материал легенды в применении к подвигам Добрыни». По заключению В. Ф. Миллера, «можно считать несомненным, что основной сюжет» этой былины «входил уже в состав древнейшего цикла Владимира, что имя былинного Добрыни и приписываемый ему подвиг змеборства имеет в основе предания о знаменитом воеводе Владимира Добрыне и об его подвигах. Другой вопрос, сложился ли прототип былины в дружинной уже христианской среде, в которой должен был быть популярен воевода Добрыня, или, как предполагает г. Марков, среди людей близких к церкви». Относя это расхождение к частностям, В. Ф. Миллер формулирует общий вывод вполне определенно: «Итак, оба сюжета, прикрепленные к имени Добрыни, — змеборство и сватовство — по многим признакам

⁴⁵ Там же. С. 45—46.

возникли в новгородской земле и указывают на живое участие новгородского творчества в создании прототипов былины так называемого <Владимирина цикла>.⁴⁶

Сформулированные 90 лет назад заключения крупнейшего русского былиноведа выдержали испытание временем. Хотя после 10 веков бытования в устной традиции эти былины не удержали в своих текстах прямых упоминаний Новгорода, достаточно очевидно, что не только сложение их обязано Новгородской земле, но и фактическая основа — прежде всего важным событиям именно новгородской истории X в.

⁴⁶ Миллер. Очерки. Т. 3. С. 24—25.

СОЮЗНИК ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И ЕГО ПРОТИВНИК

I

Две былины, о которых пойдет речь, объединяет то, что историческая основа обеих тесно связана с деятельностью князя Владимира Мономаха. Оригинальное название известной в очень небольшом числе вариантов первой былины — «Князь Глеб Володьевич» — принадлежит самим ее исполнителям. В былине речь идет об успешном походе новгородского князя на Корсунь. Поход предпринят из-за ограбления русских судов и жестокого обращения с задержанными в этом городе русскими моряками. Все записи производились на пространстве древней Новгородской земли.¹

Уже А. В. Марков, осуществивший в конце XIX в. первые фиксации этой былины на Зимнем берегу Белого моря, усматривал историческую основу ее в походе на Херсонес новгородского князя Глеба Святославича в 1077 г. Эпическое прозвание главного персонажа Марков объяснял как результат слияния в народной памяти этого исторического имени с именем князя Владимира Всеволодовича Мономаха.² Дело в том, что согласно «Истории Российской» В. Н. Татищева и еще одному источнику, пересказанному Э. Муральтом, оба они возглавляли поход, предпринятый по просьбе византийского императора Михаила VII Дуки на отложившийся от его власти Херсонес, который русские именовали Корсунь.³

В свое время Н. М. Карамзин скептически отнесся к сообщению Татищева, поставив, однако, ему на вид только неточности в упоминании о событиях того времени в Византии.⁴ Крупнейший византовед В. Г. Васильевский, признав текст Татищева «очень ценным», несмотря на «не-

¹ Перечень их: Марков. С. 780.

² См.: Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. III. К былине о Глебе Володьевиче // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 3. С. 1—37.

³ См.: Татищев. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 91—92; Muralt E., de. Essai de chronographie Byzantine 1057—1453. St.-Petersbourg, 1871. Т. 1. P. 28.

⁴ Он указал, что, вопреки Татищеву, Михаил VII «тогда не умер, а был пострижен, и Никифор сделался императором не в 1076, а в 1078 году», — не заметив, по-видимому, что в примечании Татищева к своему источнику эти поправки сделаны (см.: Карамзин. М., 1991. Т. 2—3. С. 241, примеч. 133).

которую путаницу» и «неопределенность хронологии»,⁵ подверг внимательному рассмотрению исторический фон этих событий. Согласно прямому смыслу татищевского известия, поход Глеба и Владимира имел место в 1076 г. или немного позже. В. Г. Васильевский, поправляя дату Татищева, отнес поход ко времени не позднее осени 1074 г. Поправка вызвана тем, что с этого времени начинается перечисление походов Мономаха в его «Поучении», где Васильевский не нашел подходящего известия. Поэтому он думал, что Владимир ходил с Глебом на Корсунь в 1073 или 1074 г., т. е. до достижения двадцатилетнего возраста, с которого князь начал описание своих походов. М. Д. Приселков, поддержав связанные с этим другие соображения Васильевского, отверг, однако, достоверность самого известия Татищева, — без конкретного разбора и, по-видимому, не вникнув в аргументацию Васильевского. По словам Приселкова, «известие Татищева <...> приходится отвергнуть, потому что в Поучении Владимир этого похода не упоминает, а Глеб сидел в годы предполагаемого похода в Новгороде».⁶ Исследователь средневекового Херсонеса А. Л. Якобсон, соглашаясь с Васильевским, не сомневался в достоверности сообщений Татищева и Муральта и принял датировку похода 1073 или 1074 г.⁷ М. В. Левченко в своей книге о русско-византийских отношениях ограничился тем, что повторил негативное высказывание Приселкова об известиях Татищева и Муральта, не вдаваясь в рассмотрение вопроса о походе.⁸

Б. А. Рыбаковым этот вопрос обсуждался уже в связи с былинной о Глебе Володьевиче. Общая достоверность сведений Татищева не вызвала сомнения у Рыбакова, он соотносил их с другими историческими данными, рассматривая под этим углом зрения былинный текст. «Князь Глеб Святославич, — пишет Б. А. Рыбаков, — княжил в это время в Новгороде и из корсунского похода в Новгород же и возвратился; былина иногда начинается так:

Там ведь был-то жил князь да в Новеграде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич.

В конце былины, вслед за описанием победы над войском корсунян, говорится, что

Уходили они на святую-то Русь, да ише в Новгород.

Исторической действительности соответствуют и строки:

А в том же было во городе во Корсуни
Ни царя не было ни царевича».

⁵ Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 30. Впервые работа напечатана в 1875 г.

⁶ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 129. Появившаяся за 9 лет до того работа А. В. Маркова, содержащая разбор этих сведений и суждений Васильевского, очевидно, осталась неизвестна М. Д. Приселкову, как и последующим историкам.

⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. М.; Л., 1950. С. 21—22.

⁸ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 412.

Напомнив, что «мятежный Херсонес переживал пору безвластия», приведя сведения Якобсона о высоких налогах и пошлинах в Херсонесе того времени и заметив, что «одним из важных элементов былины является красочное описание небывалых и непомерных таможенных сборов», Рыбаков пишет, что «историческая обстановка 1066—1074 гг. обрисована нашей былиной очень верно», но что «В. Г. Васильевский, поправляя Татищева, относит поход не к 1076, а к 1073—1074 гг.».

Однако относительно участия Владимира Мономаха Рыбаков с Васильевским не согласился. Он пишет: «В 1073—1076 гг. Владимир находился на Волыни, воевал в Польше и Чехии и был очень далек как от Новгорода, так и от Херсонеса». В данной связи Б. А. Рыбаков высказал предположение, что «Татищев неправильно понял имевшийся у него источник» и что на самом деле вторым участником похода был князь Владимир Ростиславич, которого летопись называет Володаром. Рыбаков напоминает, что «Володарь Ростиславич, как и его отец, был участником ряда причерноморских авантур, он отвоевывал Тмутаракань, кратковременную вотчину своего отца. К Тмутаракани же имел отношение и Глеб Святославич, оставивший там эпиграфический след — знаменитый тмутараканский камень 1068 г. с записью об измерении Керченского пролива. Киевскому князю было естественнее всего послать в византийские земли именно Глеба и Володаря, которые очень хорошо по личному опыту знали обстановку в Причерноморье. Былина „Глеб Володьевич“, — продолжает Б. А. Рыбаков, — отразившая и конечную цель похода, и безвластие в Корсуни, и таможенные тяготы, слила двух князей воедино, и если один из них, несомненно, Глеб Святославич тмутараканско-новгородский, то другой, по всей вероятности, — Володарь Ростиславич, но не Владимир Мономах».⁹

Таковы основные моменты историографии вопроса. После А. В. Маркова специальное рассмотрение былины в связи с исторической обстановкой и отраженными былиной событиями осуществлено только Б. А. Рыбаковым. Можно было бы не обращаться более к этому вопросу, если бы не три обстоятельства.

Во-первых, остаются сомнения относительно того, бесспорно ли предпочтение Володаря Ростиславича Владимиру Мономаху, о котором достаточно определенно идет речь у Татищева. Дело в том, что, согласно летописи, первое появление Володаря в Причерноморье произошло на несколько лет позднее похода на Корсунь — в 1081 г., поэтому знание тамешней обстановки по личному опыту в 70-х гг. у него, вероятно, еще отсутствовало. Кроме того, отец Володаря Ростислав незадолго до того дважды прогонял Глеба Святославича из Тмутаракани, отнимая у него княжение военной силой. В связи с этим оказывается спорным предположение, что киевский великий князь счел за лучшее поручить именно Глебу и Володарю совместное руководство походом.

Во-вторых, хотя соотнесение исторических обстоятельств похода Глеба Святославича с былиной дало достаточно очевидные результаты,

⁹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963. С. 99—100.

остаётся существенное различие: Глеб исторический наказывал корсунян за отпадение от власти византийского кесаря, а Глеб былинный вызывает русских моряков и возвращает отобранные у них в Корсуни богатые товары.

В-третьих, остаётся неуточнённой дата похода. Б. А. Рыбаков в конце пишет о нём как о походе 1073—1076 гг., оставляя, по-видимому, открытым вопрос, в каком именно году поход был совершён.

2

Поскольку тексты письменных источников, касающихся этого похода, относительно невелики, целесообразно привести их полностью. Во второй редакции труда В. Н. Татищева, в самом конце известий, помещённых под 1076 г., читается следующее. «Михаил царь греческий, иже отца своего Романа царства лиша, сам приал, но вскоре от болгар побежден, и корсуняне ему отреклися, прислал ко Святославу послов со многими дарами и обещаниями, прося его и Всеволода о помосочи на болгар и корсунян. Святослав же, согласяся со Всеволодом, хотел на болгары сам идти со сынами, а Владимира сыновца и с ним Глеба послал на корсунян. Но вскоре, сам разболевся, послов отпустил с тем, что сам немедленно поидет или сынов своих пошлет. По смерти же Святослава пришла от грек ведомость, что Михаил умер, а царство приал Никифор. Всеволод же войско все распустил в дома и сына Владимира из Корсуни возвратил».¹⁰

Смутившие Карамзина неточности в изложении византийских событий достаточно очевидны. Но как раз они заставляют полагать, что текст действительно взят В. Н. Татищевым из какого-то русского источника без существенных изменений. Татищев счёл нужным поправить неточности только в примечаниях. Привожу примечание тоже полностью: «Михаил Дукас, сын Константина Дука, а Роману Диогену пасынок, воцарился в 1071-м, имел войны с разными, яко турки, болгары и кроаты, а паче с разными бунтовщиками; для того он палу о помощи просил, но Никифор, его воевода, согласяся с турки, его в 1078-м престола лишил и постриг во студитский монастырь, где он был 6 лет, и учинен епископом Ефеским, а умер во время Алексея Комнина».¹¹

Прочитав также краткое сообщение Э. Муральта. Оно снабжено отсылкой к опубликованному в конце XVIII в. труду аббата Одерико, писавшего историю генуэзских колоний, но, как установил ещё В. Г. Васильевский, в опубликованной части сочинения Одерико этого известия нет, поэтому приходится вслед за Васильевским полагать, что Муральт сделал выписку из несомненно использованных им неизданных бумаг Одерико. Под 1074 г. Муральт пишет, что обитатели Херсонеса, «не смогши получить от императора определенные торговые привилегии, восстали против его власти. Он вызвал против них Всево-

¹⁰ Татищева. Т. 2. С. 91—92.

¹¹ Там же. С. 249.

лода, великого князя России, который туда отправил своих сыновей Владимира и Глеба».¹²

Требуют объяснения смысловые расхождения двух источников. Они, в сущности, незначительны. У В. Н. Татищева адресат императора — великий князь Святослав, который принимает решение вместе со своим братом Всеволодом, затем умирает, после чего Всеволод, ставший великим князем, завершает начатое. У Муральта адресатом и принимающим решение назван великий князь Всеволод. Такое смещение вполне могло произойти при сокращении источника, аналогичного источнику Татищева. У последнего речь идет об «отречении» корсуний от власти императора, в источнике Муральта — о их восстании, причем указана причина его — неполучение торговых льгот, отсутствовавшая, по-видимому, в источнике Татищева. В данном случае два источника лишь дополняют друг друга, не расходясь по существу. Следует также заметить, что источник Муральта, по-видимому, вследствие непонимания иностранцем сущности различий в русских словах «сын» и «сыновец» назвал обоих участников похода сыновьями великого князя Всеволода, хотя Глеб был его племянником, а не сыном.

Теперь попытаемся выяснить степень вероятности предположения, что в источнике В. Н. Татищева речь шла не о Владимире Мономахе, а о Володаре. У Татищева Владимир вполне ясно назван племянником великого князя Святослава. Таковым действительно являлся Владимир Мономах. Володарь Ростиславич приходился Святославу двоюродным внуком. Если в тексте идет речь о нем, то слово «сыновец» употреблено в необычном значении, параллель чему засвидетельствована в источниках пока только один раз — в «Слове о полку Игореве», где в одном случае сыновцами названы удельные князья по отношению к великому князю киевскому, который не приходился им дядей: «Тогда великий Святъслав изрони злато слово слезами смешано и рече: О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!». Если у Татищева речь идет о Володаре Ростиславиче, то он же нетрадиционно назван в последней фразе сыном Всеволода. Есть случаи, когда в письменных памятниках того времени слово «сын» применено к удельному князю, если речь идет о его отношении к князю киевскому, не являющемуся отцом этого князя в обычном смысле. Но подобные случаи засвидетельствованы только в прямой речи при обращении к этим удельным князьям.¹³ Поэтому текст Татищева сюда отнести нельзя. К тому же было бы странно, если бы в обеих фразах применялось нетрадиционное словоупотребление только при наименовании Владимира, тогда как при наименовании Глеба в тех же фразах словоупотребление оставалось традиционным.

¹² *Muralt E., de. Essai de chronographie Byzantine 1057—1453. T. 1. P. 28.* А. Л. Яковсон основанно отвел предположение Е. Ч. Скрижинской, будто бы Муральт заимствовал свои данные у Татищева (см.: *Яковсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. Т. 5. С. 231.*

¹³ См.: *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 871—873. Ср. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1978. Вып. 5. С. 258—259.*

Если мы все-таки предположим, что в источнике Татищева речь шла о Владимире (Володаре) Ростиславиче, а не о Владимире Всеволодовиче, то приходится считать, что Татищев сознательно внес по меньшей мере два изменения в приводимый им текст только затем, чтобы превратить одного князя в другого. Такую текстовую операцию нечем объяснить. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем исходить из посылки, что подобных изменений в рассматриваемом тексте нет. Поскольку среди действовавших в то время и известных нам по летописям русских князей был только один Глеб и только два Владимира — Мономах и Володарь Ростиславич, исходим из того, что в тексте идет речь именно о Глебе Святославиче Новгородском и именно о Владимире Всеволодовиче Мономахе. Посмотрим, насколько это согласуется с данными других источников.

Последняя фраза татищевского текста может быть истолкована следующим образом: после смерти Святослава от греков пришло известие, что Михаил умер и воцарился Никифор. Всеволод же к тому времени распустил войско и вернул из Корсуня своего сына Владимира. Поскольку Святослав умер в декабре 1076 г., а Никифор воцарился в Константинополе весной 1078 г., завершение корсунского похода приходится именно на этот отрезок времени.

Когда русское войско отправилось в Корсунь, прямых сведений нет. Однако из текста ясно, что решение о походе Святослав и Всеволод приняли незадолго до смерти Святослава. Выражение «Владимира сыновца и с ним сына Глеба послал на корсуныя» означает распоряжение о походе, а не фактическое выступление войска в поход, который требовал, конечно, подготовки, требовал и освобождения от других дел самих князей, назначенных возглавить это военное мероприятие, не связанное с насущными интересами русских княжеств. Поэтому сам поход состоялся, вероятно, уже при Всеволоде, после смерти Святослава (кстати, именно таков прямой смысл известия Муральта), т. е. в 1077 г. Согласно былине, князь Глеб отправился в Корсунь из Новгорода. Это не противоречит данным летописи: Глеб был новгородским князем 10 лет — с 1069 по 1078 г. Отправление Глеба с войском в Корсунь из Новгорода могло состояться только после вскрытия рек весной 1077 г. Подготовка же к походу должна была происходить в Новгороде зимой.

Обратимся к «Поучению» Владимира Мономаха. Он пишет: «И Святослав умре, и язъ паку Смолинську, а и-Смолинська той же зиме та к Новгороду; на весну Глебови в помочь».¹⁴ Поскольку Святослав умер 27 декабря 1076 г., речь идет как раз о зиме мартовского 1076 г. и о весне 1077 г. (согласно тогдашнему календарю, год начинался 1 марта). Правда, по поводу выражения «на весну Глебови в помочь» Н. М. Карамзин высказывал предположение, что Мономах помогал Глебу, «воевавшему тогда, может быть, с соседственной чудью».¹⁵

Однако это не более чем домысел, так как о столкновении Глеба с чудью в летописях говорится только в отношении весны следующего

¹⁴ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 102.

¹⁵ Карамзин. Т. 2—3. С. 241, примеч. 134.

года. С. М. Соловьев полагал, что Владимир помогал Глебу не против чуди, а против Всеслава Полоцкого.¹⁶ Но и это только догадка, которая ничем не может быть подтверждена, кроме общего соображения, что Всеслав враждовал с Глебом. Известно, что Глеб с новгородцами нанес поражение Всеславу у стен Новгорода на 9 лет раньше, последующий же поход Всеслава к Новгороду, согласно перечню Мономаха, был только год спустя после того, как Мономах помогал Глебу.

Поэтому, если опираться на конкретные указания источников, слова Мономаха о его прибытии в Новгород и помощи Глебу можно связать только с сообщениями Татищева и Муральта о совместном походе Владимира и Глеба против курсунян. Слова же Татищева о том, что Всеволод отозвал Владимира из Курсуна, следует отнести к лету 1077 г., когда, согласно «Поучению», Мономах совершает поход «со отцемъ подъ Полтескъ».¹⁷ Что же касается Глеба, то он, очевидно, должен был вернуться в Новгород не позже ледостава к зиме того же года, поскольку следующее летописное известие о нем застаёт Глеба на севере весной 1078 г.

Таким образом, нет оснований полагать, вслед за В. Г. Васильевским, что поход происходил на несколько лет ранее, чем он помещен в известиях В. Н. Татищева. Нет, как видим, и причин для предположения, что Татищев об участии в этом походе Владимира Мономаха сообщил ошибочно. Перед нами случай, когда уникальное татищевское известие не только согласуется с данными сохранившихся летописей, но и прямо подтверждается перечнем походов в «Поучении» Владимира Мономаха.

3

Былина «Князь Глеб Володьевич» отозвалась на совместный поход князей Глеба Святославича Новгородского и Владимира Всеволодовича Мономаха на Херсонес в 1077 г. Но первоначальной исторической основой этой былины послужило, очевидно, более раннее событие, с которым ее соотносил еще В. Ф. Миллер, — сразу после публикаций первых записей. Он полагал, что поводом для возникновения былины служило взятие Херсонеса князем Владимиром Святославичем в связи с крещением Русской земли.¹⁸ Однако, не имея серьезных подтверждений в известных тогда двух текстах былины, Миллер вскоре отказался от своей гипотезы, согласившись с выводом А. В. Маркова, подкрепленным гораздо более основательно содержанием этих текстов.¹⁹

Уже после смерти В. Ф. Миллера и А. В. Маркова на берегах Мезени от превосходного знатока и исполнителя русского народного эпоса М. Т. Антонова была осуществлена запись варианта, который подтвердил правомерность гипотезы Миллера. В этом тексте отобразились

¹⁶ Соловьев. М., 1959. Кн. 1. С. 359.

¹⁷ Повесть временных лет. С. 102.

¹⁸ См.: Миллер В. Ф. К былине о князе Глебе Володьевиче // ЖМНП. 1903. Ч. 347. № 6. С. 304—321.

¹⁹ См.: Миллер. Очерки. Т. 2. С. 294—295.

некоторые конкретные обстоятельства взятия Херсонеса Владимиром Святославичем.

Как известно из «Повести временных лет», после долгой осады судьбу города решил тогда успешный подкоп, с помощью которого русский князь лишил осажденных возможности использовать подземный источник питьевой воды; ранее подкобы успешно использовали сами осажденные, унося по подземному ходу землю из вала, который возводили осаждавшие.²⁰ Аналогичная ситуация — в записанном А. М. Астаховой мезенском варианте. Здесь рассказ о встречных подкобах с целью лишить город снабжения через подземный ход составляет кульминационный эпизод былины, который оказывается органично связан с другими ее эпизодами.²¹

Акцентировавший на этом внимание Ю. А. Новиков отметил также большую степень исторического соответствия в некоторых собственных именах, связанных с событиями X—XI вв. Точно сохранено древнерусское название осажденного города — «Корсунь» (в отличие от форм «Консырь» или «Концырь» в других записях); хотя имя былинного князя здесь не «Глеб», а «Лев», зато отчество его — «Володович», а не Володьевич», как в остальных записях. Еще А. В. Марков предполагал, что именно такова могла быть переходная форма от «Всеволодович» (отчество Владимира Мономаха); эта гипотетическая форма оказалась реально существующей в устной традиции.²² Надо сказать, что уже А. М. Астахова, комментируя записанный ею текст, обратила внимание на близость к летописному рассказу о взятии Херсонеса Владимиром Святославичем и отмечала, что данный вариант в большей степени «историчен», нежели прежние записи.²³

Таким образом, эпическое произведение, созданное под впечатлением осады и взятия Херсонеса Владимиром Святославичем, позднее было переработано на основе воспоминаний о походе на Херсонес Владимира Мономаха и Глеба Святославича.

Однако исторические обстоятельства этих двух событий все же не позволяют достаточно полно объяснить идею дошедшей до нас эпической песни. Согласно былине, русские моряки, занесенные бурей в Корсунь, были там задержаны, а богатые товары их под предлогом высоких таможенных сборов оказались конфискованы. Это и служит причиной похода, который оканчивается победой русских и отнятием захваченных бо-

²⁰ См.: Повесть временных лет. С. 49—50.

²¹ См.: Астахова 1938. С. 206—207.

²² См.: Новиков Ю. А. «Глеб Володьевич»: вымысел или отражение исторической реальности? // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 193—199.

²³ Астахова 1938. С. 564. Правда, А. М. Астахова допускала, что мотив подкоба попал в былину из более поздних исторических песен о взятии Казани Иваном IV. Но Ю. А. Новиков убедительно отверг это предположение: в былине речь идет не о подкобе с закатыванием бочек пороха для взрыва городской стены (что в соответствии с исторической истиной присутствует в песнях о взятии Казани), а о контрподкобе с совсем иной конкретной целью — и соответствующим ей результатом. В общей форме Б. А. Рыбаков высказывал предположение, что «былина о походе на Корсунь 1073—1076 гг. наложилась на более раннюю былину Владимировой цикла о знаменитом походе 988 г.» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 100).

гатств. По-видимому, воспоминания о походе князей Глеба и Владимира, осуществленном по просьбе византийских властей в 1077 г., вскоре оказались осложнены преданием о другом походе, вызванном обстоятельствами иного рода.

Как известно, у Татищева под 1095 г. есть сообщение о втором походе против корсунян, который был предпринят тем же Владимиром Мономахом, но уже без участия Глеба Святославича. Приведем полностью это известие: «Корсуняне, напав, русские корабли разбили и многое богатство побрали, о чем Святополк и Владимир посылали к царю Алексию просить и к корсуняном, но не получили достойного награждения. Для которого Владимир с Давидом Игоревичем и Ярославом Ярополчицем, имеющим войски Святополковы, к тому взяв торков и козаров, пошел в Корсунь. И сошедшись с войски корсунскими у града их Кафы победил. По котором корсуняне, заплатя все убытки Владимиру, мир испросили. И Владимир возвратился с честью и богатством великим».²⁴

В примечании Татищев упоминает летописец Симонова.²⁵ По-видимому, текст взят им оттуда и представляет собой более раннюю версию того рассказа о походе Мономаха в Крым, какой читается у Стрыйковского, а независимо от него коротко отразился и в сочинениях некоторых иностранцев, писавших о России.²⁶ Текст Татищева не содержит исторических несообразностей, которые появились в этих позднейших версиях. В былине отразилась именно ранняя версия устного повествования, использованного при дошедшей до нас эпической трактовке похода на Корсунь.

Общий недостаток почти всех работ, в которых предлагались исторические идентификации содержания бычины о взятии Корсуни, — стремление видеть в основе эпического сюжета только один реальный факт.²⁷ Между тем для устного эпоса характерны — как ранее уже говорилось — наслаения впечатлений от сходных, но одновременных событий: произведение, созданное под воздействием громкого исторического факта, позже дополнялось и видоизменялось, впитывая впечатления о похожих событиях последующего времени. Но вследствие этой схожести не происходило полной переработки, благодаря чему в вариантах сохранялись обычно индивидуальные реалии, обязанные своим происхождением факту более раннему. Именно к этой довольно распространенной категории эпических песен и принадлежит новгородская былина, посвященная «князю Глебу Володьевичу».

²⁴ Татищев. Т. 2. С. 103.

²⁵ «Сей поход Владимир и поединок с генуэзским генералом, от которого Владимир Мономах проименовался, в некоторых Степенных и у Стрыковского описано; в манускриптах же Несторовых, кроме Симонова, бывшего у Вольнского, ни похода не упоминают» (Татищев. Т. 2. С. 252).

²⁶ Ср.: Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 119—121; Рогов А. И. Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1964. Т. 42. С. 62—63.

²⁷ Исключение составляет краткое упоминание в кн.: Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 225—226. Здесь учтены все три исходных события.

Предания об успешном походе новгородцев на Корсунь, по-видимому, широко бытовали еще в XVI—XVII столетиях. Сигизмунд Герберштейн, ссылаясь в своем сочинении даже на известные ему летописи Новгорода, упоминал, что новгородцы, «завоевав» Корсунь, «вернулись с войны, везя с собой медные врата покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви».²⁸ Очевидно, речь идет о так называемых Корсунских дверях Новгородского Свифского собора (которые некоторыми авторами смешивались с «Сигтунскими» его дверями). Бывший в Новгороде в середине XVII в. Павел Алеппский писал: «Рассказывают, что правитель этого города, которому издревле дают титул князя <...> ходил в Кафу, которую они называли на своем языке Карсуна, т. е. Херсон, как ее имя по-гречески, взял и разрушил ее и вывез ту дверь и другие вещи, вместе с благолепными иконами греческими, кои целы и поныне».²⁹

Происхождение и датировка «Корсунских врат» — предмет дискуссии искусствоведов;³⁰ среди основных воззрений ее участников есть вполне согласующиеся с возможностью привоза из Корсуни в Новгород в 1077 г. или целиком створок дверей, или их металлических украшений — как и некоторых других произведений византийского искусства.

Отзвук этого можно видеть в концовке наиболее полного варианта былины «Князь Глеб Володьевич», несмотря на внедрение в нее сказочного мотива о хозяйничавшей в Корсуне злой волшебнице:

Тут они-то обирали у ей да всё красно золото,
Они собрали у ей да всё подобрали;
Уходили на святую-ту Русь, да ишше в Новгород
Поживать-то они стали всё по-старому,
Всё по-старому стали, всё по-прежнему,
Всё по-прежнему стали, по-хорошому.³¹

4

Былина «Ставр Годиниович», историческая основа которой тоже связана с Владимиром Мономахом, записывалась гораздо чаще: существует свыше 80 фиксаций, осуществлявшихся на протяжении трех столетий: с середины XVII в. до середины XX в. Более трети их пока не опубликованы.³² Былина имеет достаточно ясную соотнесенность с несколькими письменными источниками: Новгородская I-я летопись сообщает, что в

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 150. В дошедших до нас и изученных новгородских летописях такого известия нет.

²⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. 2. С. 70.

³⁰ Обзор существующих работ см. в кн.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века / Редактор-составитель И. А. Стерлигова. М., 1996. С. 255—257.

³¹ Марков. С. 215.

³² Перечень основных изданных записей: Астахова 1951. С. 797; перечень неопубликованных: НЗБ. С. 184—185.

1118 г. княживший в Киеве Владимир Мономах разгневался на новгородского сотского Ставра и заточил его. Привожу полностью это известие: «Томъ же лете приведе Володимир съ Мьстиславомъ вся бояры новгородьскыя Киеву, и заводи я къ чьстному хресту, и пусти я домовъ, а инья у себе остави; и разгневася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся».³³ Новгородская берестяная грамота № 613, датируемая концом XI—первой третью XII в., содержит начало письма, обращенного к Ставру.³⁴ А грамота № 954, найденная в раскопках 2005 г. и еще не опубликованная, по свидетельству руководившего этими раскопками В. Л. Янина, разъяснила причины заточения Ставра, связав между собой былинку и два, казалось бы, независимых друг от друга летописных известия. В Софийском соборе Киева есть граффити с автографом Ставра Городятинича (почерк XI—XII вв.).³⁵

Но основным содержанием дошедшей до нас былины являются не обстоятельства заточения Ставра князем Владимиром, а освобождение узника его женой, которая сумела ввести в заблуждение князя, поставить его в неловкое положение и подстроить дело таким образом, что Владимиру пришлось самому отпустить Ставра.

Новгородское происхождение былины было достаточно ясно еще исследователям XIX—начала XX в., хотя в то время из ее письменных параллелей было известно только упоминание в летописи. Но дополнительным аргументом служили особенности содержания некоторых ее вариантов, где, по выражению В. Ф. Миллера, «Ставр представлен с замашками купца, вроде новгородского Садка. Хвастая своими богатствами, он говорит и о своих торговых операциях». Приводя примеры этого, В. Ф. Миллер писал, что «от слов Ставра так и веет новгородским промышленным духом». А в том, что, согласно этим записям былины, «богатства (дворы, села, кони, платье) Ставра возбуждают алчность князя Владимира, приказывающего опечатать его двор, кажется, можно видеть, — продолжает В. Ф. Миллер, — историческую бытовую черту. Богатства новгородские всегда кололи глаза князьям соседним и дальним (киевским, черниговским, суздальским), и Великому Новгороду всего чаще приходилось откупаться дорогой ценой от их покушений. Новгородская точка зрения на киевского князя сказывается и в смешной роли, приписываемой князю Владимиру, которого „с ума свела“ ловкая баба».

Справедливо усматривая в былине о Ставре «произведение новгородского творчества», В. Ф. Миллер видел в ней результат «перделки предполагаемой старинной новгородской песни о Ставре в былинку»,

³³ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 21 (Синодальный список; аналогичный текст в Комиссионном списке: Там же. С. 205).

³⁴ См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 76.

³⁵ Воспроизведя текст, Б. А. Рыбаков идентифицировал автора этой надписи и былинного Ставра Гоудиновича предположительно также со Ставком Гордятинем, упомянутым в «Поучении» Владимира Мономаха в связи с его деятельностью в 1069—1070 гг. (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 127; см. также с. 125—130).

осуществленной «не позже XV века или, по крайней мере, того периода, когда татарские послы представлялись еще страшными для России».³⁶ Дело в том, что в старших редакциях былины переодетая жена Ставра является к Владимиру под видом грозного посла из Золотой Орды, появление которого вызывает страх князя и готовность уступить его требованиям. Позднейшая переработка заменила это мотивом сватовства к дочери князя выдающей себя за мужчину жены Ставра, в чем исследователь справедливо видел дальнейшие плоды скomorошьего творчества, направленного в сторону усиления занимательности сюжета.

Этот занимательный сюжет былины и был главным предметом изучения в посвященных ей работах, которые принадлежали еще предшественникам В. Ф. Миллера — Л. Н. Майкову, О. Ф. Миллеру, Ф. И. Буслаеву, В. В. Стасову, И. П. Созоновичу, Ф. Д. Батюшкову, А. Н. Веселовскому, Г. Н. Потанину, а в сравнительно недавнее время — В. Я. Проппу и Ю. Кшижановскому. Обзор этих исследований был осуществлен В. П. Аникиным,³⁷ которому принадлежит и сопоставительное изучение всех опубликованных ее вариантов при соотношении главным образом со сказками.

Основанное на использовании сказочных мотивов, имеющих параллели в фольклоре других народов, повествование былины не дает материала для суждений о том, какое отношение могла реально иметь жена Ставра к его освобождению. Исторический смысл былины не в ее сказочных подробностях, а в отображенном ее сюжетом отношении к князю, который, согласно летописи, «разгневался» на Ставра «и затоци» его. Из контекста летописного известия, по-видимому, следует, что Владимир Мономах вызвал в Киев всех новгородских бояр, среди которых фигурирует Ставр, и отпустил после крестного целования, но часть их, включая Ставра, заключил под стражу. Хотя вина некоторых при этом объяснена, но, в чем был виноват перед князем именно Ставр, прямо не сказано. Варианты былины усматривают его вину в хвастании своими богатствами или своей женой, которая способна доказать, что она умнее князя. Видеть в этом эпическое отображение исторической основы трудно. Представляющие краткую молитву от лица Ставра граффити Софийского собора в Киеве подтверждают его пребывание там, а берестяная грамота — пребывание в Новгороде. Ее фрагментарность и краткость молитвы не позволяют рассматривать эти тексты как дополнительную историческую информацию, способную разъяснить содержание именно былины.

Но исторический смысл самой былины достаточно ясен, несмотря на сказочные подробности. Новгородцы добивались того, чтобы князь не вызывал их для суда в Киев — как поступил в 1118 г. Владимир Мономах. Именно в этом усматривалась, очевидно, вина князя, которая послужила поводом для сложения былины, — а не мнимая или реальная

³⁶ Миллер. Очерки. Т. 1. С. 280—281.

³⁷ См.: Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической героологии вариантов. М., 1984.

вина Ставра. Он хотя и не предстает в былине положительным героем, но вызывает сочувствие как объект княжеского произвола.

В рассмотренных здесь былинах историческая основа их — на периферии; сюжеты в существенной мере обязаны воздействию сказочного эпоса. Но идейное содержание этих былин осталось исторично и после обрастания их фабулы вымыслом: пафос первой былины — в стремлении новгородцев обезопасить свою торговлю за рубежом, пафос второй — в стремлении оградить себя от княжеского самоуправства. То и другое характерно для эпохи, предшествовавшей политическому перевороту 1136 г., но сохраняло актуальность, и позже благодаря этому былины прочно вошли в устный репертуар Новгородской земли.

НОВГОРОДСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ПОПУЛЯРНЫХ БЫЛИН

1

Два одинаково популярных героя новгородского эпоса различаются, в частности, тем, что по-разному связаны с летописными известиями о них. Степень этой соотнесенности и степень достоверности одного из таких известий были предметом дискуссий не только эпосоведов, но и историков. Если о Василии Буслаеве — в сущности только одно летописное свидетельство, хотя и повторенное в нескольких памятниках, то довольно много сведений, относящихся прямо или косвенно к прототипу былинного Садко. Летописи сообщали, что в 1167 г. Сотко Сытинич заложил в новгородском Детинце каменную церковь Бориса и Глеба, которая просуществовала до конца XVII в. Былины повествуют, что Садко построил в Новгороде одну или несколько церквей.

С. М. Соловьев, решительно утверждавший историчность Василия Буслаева, по вопросу об историчности Садко высказывался осторожно: «Сходство песенного Садка с летописным, — пишет он, — заключается в том, что и в песне богатый гость — охотник строить церкви».¹ Еще менее определенно писал по этому поводу Ф. И. Буслаев. Упомянув, что былинный Садко строил церкви, исследователь замечает: «...эта подробность согласуется с известиями новгородских летописей о том, что нигде на Руси не строилось так много церквей простыми гражданами, как в Новгороде», но не упоминает летописного Сотко Сытинича.²

А. Н. Веселовский не сомневался, что в былине отразился, по сходству имен, реальный Сотко Сытинич, строитель церкви Бориса и Глеба. Из построенных же Садко, согласно былинам, церквей, по мнению исследователя, «первичной является <...> церковь в честь Николы, спасшего Садку из моря».³ По мнению А. Н. Веселовского, реальный Сотко Сытинич, спасенный во время бури Борисом и Глебом, построил в их честь церковь, что и отмечено в летописи. Народное же предание заменило Бориса и Глеба более популярным Николой. В. Ф. Миллер, выведший былину о Садко в основном из финского эпоса, по вопросу об отношении его к летописному Сотко Сытиничу фактически придержи-

¹ Соловьев М., 1960. Кн. 2. С. 95.

² Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 194.

³ Веселовский А. Н. Былина о Садке // ЖМНП. 1886. № 12. С. 227.

вался того же взгляда, что и Веселовский.⁴ Отождествлял Сотко Сытинича с былинным Садко и А. В. Марков.⁵

Впоследствии А. Н. Робинсон датировал былинну о Садко XI в. — на основании того, что церковь Бориса и Глеба была заложена Сотко Сытиничем в 1167 г.⁶ Эта же точка зрения была высказана Д. С. Лихачевым. Рассказав о построенной Сотко Сытиничем церкви, он пишет: «Естественно, что имя ее строителя перешло в эпос и вокруг построения церкви Бориса и Глеба <...> создались легенды. Именно об этом рассказывают позднейшие былины:

Шел Садко, Божий храм соорудил
А во имя Софии Премудрые,

и другие варианты былин о Садке приписывают ему построение еще двух церквей: Степана архидиакона и Николы Можайского. Поздние летописи называют Садка под 1167 годом — „Сатко богатый“ («Софийский временник»). Не может быть поэтому сомнений в том, что „Сатко“ летописи и Садко былин — одно и то же лицо. Тем самым датируется и возникновение сказаний о нем».⁷

Не касаясь пока существа вопроса, устраним затемняющие его фактические неточности. В цитированном Д. С. Лихачевым тексте былины Садко построил храм «во имя Софии Премудрые», летопись же сообщает о церкви Бориса и Глеба (чего нет ни в одной записи былины), следовательно, нелогично утверждение, будто бы данный вариант былины «рассказывает именно об этом». Неверно, что в тексте «Софийского временника» говорится «Сатко богатый» — в нем сказано просто «Сотко».⁸

2

Обратимся к летописям. О построении Сотко Сытиничем церкви Бориса и Глеба сообщают в том или ином контексте 25 летописных памятников. Это Новгородская 1-я летопись обоих изводов, Новгородская

⁴ Миллер. Очерки. Т. 1. С. 288.

⁵ Марков А. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России // Пошана: Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 13. С. 449.

⁶ Робинсон А. Н. Фольклор // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 154.

⁷ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII—начало XIII в.) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 2. С. 230.

⁸ Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год / Издал Павел Строев. М., 1820. Ч. 1. С. 155. Нынешнее название соответствующей части «Софийского временника» — Софийская 1-я летопись, в ней читается «Сотко» во всех списках (см.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 130). Основой для недоразумения, возникшего еще у некоторых предшественников Д. С. Лихачева, послужило, очевидно, примечание П. М. Строева к слову «Сотко» в издании «Софийского временника» (на той же странице): «В печат. Соф. приб. погатой, то-есть богатой». П. М. Строев привел здесь разночтение по изданию: Российская летопись по списку софийскому Великому Новограда в продолжении издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. СПб., 1795. Ч. 1. С. 114. Оно представляет собой незавершенную публикацию начальной части Новгородской Уваровской летописи. А. А. Шахматов, а за ним и другие исследователи условно именовали «Софийским временником» Новгородскую владычную летопись, которая, как установлено А. А. Шахматовым, легла в основу раннего новгородского летописания. Но она не сохранилась. В реально дошедших летописях, которые, согласно имеющимся исследованиям, ее отразили, нет слова «богатой».

2-я, Новгородская 3-я обеих редакций, Новгородская 4-я и Новгородская 5-я летописи, Новгородская Карамзинская, Новгородская летопись по списку Дубровского, Новгородская Большаковская, Новгородская Уваровская, Новгородская Забелинская, Новгородская Погодинская летопись всех трех редакций, Летописец новгородских владык, Новгородский летописец по списку Н. К. Никольского, Новгородский летописец, обнаруженный А. Н. Насоновым, Псковская 1-я летопись, Софийская 1-я, Летопись Авраамки, Волгодско-Пермская, Тверская, Типографская, Московский летописный свод конца XV в., Рогожский летописец, Владимирский летописец, Воскресенская и Никоновская летописи.⁹

14 летописей содержат известие о самой закладке церкви Сотко Сытиничем в 1167 г.¹⁰ Приводим его по древнейшей из них — Новгородской 1-й летописи старшего извода: «На ту же весну заложи Съдко Сытиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростиславици, при архиепископе Илии».¹¹ В остальных случаях текст или совпадает с приведенным, или сокращен или несколько распространен внесением топографических уточнений («в Каменном граде», «в Околотке», «над Волховом по конец Пискупли улицы»)¹² Эти уточнения согласуются между собой и соответствуют местоположению церкви на древних планах Новгорода. В дальнейшем церковь многократно упоминается в летописях и актах. В частности, сообщается об ее освящении в 1173 г.,¹³ о восстановлении ее после пожара в 1441 г.¹⁴ и о разборке за ветхостью в 1682 г.¹⁵ В одном из таких упоминаний (под 1350 г.) говорится, что церковь «поставил Сотко Сытинич».¹⁶

⁹ Из новгородских летописей привлечены только опубликованные. Ссылки даю в последовательности перечисления: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 32, 181, 219; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 202; РГБ, собр. ОИДР, № 127, л. 98—98 об., 145 об.; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 173, 193; ПСРЛ. СПб., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 116, 161; ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 120, 161; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 64, 76; ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 53, 71; НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 351, 352; ГИМ, собр. Уварова, № 568, л. 148 об., 186—186 об.; ГИМ, собр. Забелина, № 281, л. 111 об.; РНБ, собр. Погодина, № 1411, л. 24 об., 51 об.; ГИМ, собр. Уварова, № 1399, л. 24, 46; РГБ, собр. ОИДР, № 129, л. 22 об.; Новгородские летописи. С. 145; ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 583, 588; РГБ, ф. 304, № 805, л. 386, 387; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 10; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 130; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 45; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 42; ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 150; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 54; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 377; ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 22; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 70; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 332; ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 83.

¹⁰ Новгородские: 1-я (обеих изводов), 3-я (обеих редакций), 4-я, 5-я, Карамзинская, летопись Дубровского, Большаковская, Уваровская, Погодинская (первоначальной и сокращенной редакций), Летописец по списку Н. К. Никольского, Летописец, обнаруженный А. Н. Насоновым, Псковская 1-я, Летопись Авраамки, Рогожский летописец.

¹¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 32.

¹² В Новгородской Погодинской летописи есть и другие дополнения, о которых скажем ниже.

¹³ Новгородская 1-я летопись.

¹⁴ Новгородская 1-я, 4-я и 5-я летописи.

¹⁵ Новгородская Погодинская летопись первоначальной редакции (РНБ, собр. Погодина, № 1411, л. 51 об.).

¹⁶ Новгородская 3-я летопись обеих редакций (РГБ, собр. ОИДР, № 127, л. 252; Новгородские летописи. С. 230).

21 летопись¹⁷ упоминает церковь Бориса и Глеба вместе с именем ее строителя еще в другой связи. Сообщая о гибели от пожара в 1049 г.¹⁸ деревянной церкви св. Софии (после чего был построен каменный Софийский собор), эти летописи указывают, что деревянная София стояла на том месте, где впоследствии Сотко Сытинич построил церковь Бориса и Глеба: «Месяца марта в 4, в день суботный, сгоре святая Софея; беаше честно устроена и украшена, 13 верхи имуши, а ту стояла святая Софея конец Пескупле улице, идеже ныне поставил Сотъке церковь камону святого Бориса и Глеба над Волховом»¹⁹ (цитируем по Новгородской 1-й летописи младшего извода, так как в старшем этого известия нет; в других летописях встречаются несущественные для нас сейчас сокращения и дополнения, аналогичные тем, которые наличествуют в приведенном выше известии 1167 г.).²⁰ Эти данные с несомненностью свидетельствуют, что строитель церкви Бориса и Глеба, возведенной в Новгороде в 1167 г.,²¹ Сотко Сытинич — вполне реальное историческое лицо.

Во всех летописях имя его читается почти одинаково: Сотко (в подавляющем большинстве случаев), Сътко, Содко, Съдко, Сотка, Сотке, Сотъке; в одном случае — явно испорчено: Съткомо (Тверская летопись). Незначительно варьируется и отчество: Сытинич (в большинстве случаев), Сытиничь, Сытиничь, Сытенич, Сытънич, Сытнич, Стънич, Сотичь; в одном случае испорчено: Сочник (Новгородская 2-я летопись). В былинах формы имени по существу те же: Садко, Садке, Сотко, Садка, Садок. Отчества своего героя былины не сохранили, но постройку им храма запомнили прочно. Само же имя строителя и имя отца его не уникальны: в сходных формах и в различных видоизменениях, иногда в форме отчества или прозвища, они сравнительно часто встречаются в летописях и древнерусских актах, например, новгородский посол Семен Судок (под 1353 г.),²² начальник сторожевого отряда Григорий Судок (под 1380 г.),²³ князь Сътко (под 1400 г.),²⁴ воевода Судок (под

¹⁷ Новгородские: 1-я (младшего извода), 2-я, 3-я (обеих редакций), 4-я, 5-я, Карамзинская, Летопись Дубровского, Большаковская, Уваровская, Забелинская, Погодинская (всех трех редакций), Летописец владык, Летописец по списку Н. К. Никольского, Летописец, обнаруженный А. Н. Насоновым, Софийская 1-я, Вологодско-Пермская, Тверская, Типографская, Московский свод конца XV в., Воскресенская, Никоновская.

¹⁸ В пяти из этих летописей дата, по-видимому, искажена (999 г. — в Новгородской 2-й и Летописце новгородских владык, 1050 г. — в Новгородской 3-й краткой редакции, 1051 г. — в Новгородской Уваровской, 1053 г. — в Летописце, обнаруженном А. Н. Насоновым).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 181.

²⁰ Особо будет идти речь об одном из дополнений в поздних Новгородских летописях — 3-й, Уваровской, Забелинской, Погодинской и Летописце, обнаруженном А. Н. Насоновым.

²¹ История этого храма была детально исследована В. Л. Явным. См.: Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце. (О новгородском источнике жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 245—253 (впервые напечатано в 1974 г.).

²² ПСРЛ. Т. 24. С. 179; Т. 26. С. 116.

²³ ПСРЛ. Т. 26. С. 129, 331.

²⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 137.

1445 г.),²⁵ вотчинник Иван Федорович Судок Монастырев (под 1464 и 1473 гг.),²⁶ Судок Иванов сын Есипов (под 1503 г.),²⁷ митрополичий дьяк Судок (под 1504 г.),²⁸ крестьянин Сотко (под 1565 г.), каргопольский вотчинник Сотко Григорьев сын Дворянинов (XVI в.).²⁹

Кроме имени и отчества, никаких сведений о строителе церкви Бориса и Глеба летописи, к сожалению, не сообщают, в связи с чем М. К. Каргер даже писал, что «отождествление этого знатного боярина, имя которого упоминается летописью „с отчеством“, с былинным гостем Садко, давно принятое в исторической и археологической литературе, требует еще серьезных обоснований».³⁰

Д. С. Лихачев довольно неудачно пытался обосновать это величинной постройки. По его словам, «церковь Бориса и Глеба, до самого своего разрушения в XVII веке, была самой большой церковью в Новгороде, единственной, превосходившей своими размерами патрональный храм Новгорода — Софию» и поэтому «вокруг построения церкви Бориса и Глеба — столь необычной по своим размерам в Новгороде — создались легенды».³¹ Ошибочное мнение, что храм имел столь огромные размеры, может основываться только на одном обстоятельстве. Изображение новгородского Детинца на Хутынской иконе XVI—XVII вв. показывает церковь Бориса и Глеба большей, чем Софийский собор.³² Однако на этом же изображении Софию превосходит и звонница, которая сохранилась без существенных переделок до сих пор и реальные размеры которой не могут идти в сравнение с Софийским собором. Давно известно, что соотношение величины отдельных изображений на древнерусских иконах и миниатюрах совершенно произвольно. На другом изображении Новгородского Детинца, примерно того же времени (XVII в.), храм Бориса и Глеба выглядит в несколько раз меньше Софии.³³ Других изображений церкви Бориса и Глеба, кроме этих двух, не сохранилось.³⁴ Археологическими раскопками был вскрыт ее фундамент. Оказалось, что площадь ее основания была в два раза мень-

²⁵ Там же. С. 151; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 32.

²⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951. Ч. 1. С. 252—253.

²⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 351.

²⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. 1. С. 48.

²⁹ Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 384; ср.: Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 71—72.

³⁰ Каргер М. К. Новгородское зодчество // История русского искусства / Под общей ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кемениова и В. Н. Лазарева. М., 1954. Т. 2. С. 34.

³¹ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси... С. 230.

³² Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» СПб., 1900. С. 24—26.

³³ Мишулевич Н. А. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII века // Сборник Новгородского Общества любителей древней письменности. Новгород, 1910. Вып. 3. С. 3—7, табл. I, II.

³⁴ Спирков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 66.

ше площади основания Софийского собора.³⁵ Таким образом, реальные размеры церкви Бориса и Глеба не дают повода предполагать, что исключительная величина ее вызвала создание легенд о ее построении, поскольку о построении гораздо большего по размерам Софийского собора никаких легенд не сохранилось.³⁶ Но все же, согласно археологическим данным, храм Бориса и Глеба представлял собой «исключительно монументальное сооружение, не уступавшее по своим размерам одной из самых величественных построек Новгорода — собору Георгия в княжеском Юрьеве монастыре».³⁷

Уместно напомнить, что за 40 лет до того, как Сотко Сытинич начал строить храм Бориса и Глеба, в городе произошел переворот. Новгородцы лишили власти и изгнали своего князя Всеволода Мстиславича (внука Владимира Мономаха). Новгородское княжество фактически стало республикой, часто сотрясаемой междоусобными столкновениями городских партий, — хотя новгородцы и приглашали потом князей, сильно ограничивая, однако, их прерогативы. Борьба за власть между противостоящими группировками, порой доходившая до многолюдных кровавых схваток, длилась 350 лет: вплоть до упразднения республиканского строя Иваном III, который завершил объединение русских земель, присоединив Новгород к Московскому государству. Вскоре он уничтожил татаро-монгольское иго, которое продолжалось два с половиной столетия, а установилось из-за использованного врагами отсутствия единства у тогдашних правителей Руси.

Как известно, князья Борис и Глеб (сыновья Владимира Святого), вероломно убитые в 1117 г. домогавшимся единоличной власти их братом, были официально причислены русской церковью к лику святых уже в 1171 г. Убийца их, Святополк, получил прозвание Окаянного, а святые Борис и Глеб стали религиозным символом противостояния междоусобным браням, духовными покровителями княжеского рода, освящавшими принцип нерушимости наследственных прав.

Возведение в центре средневекового Новгорода, в его цитадели, внушительного храма, посвященного именно этим святым (еще до их официальной канонизации), не могло не иметь тогда важного символического смысла. Это должно было восприниматься там как осуждение кровавых раздоров, а может быть, и как проявление симпатии к княжеской династии, члены которой именно здесь не имели уже реальной власти.

³⁵ См. чертеж в статье А. А. Строкова «Раскопки в Новгороде в 1940 году», на с. 69. Ср. планы Новгородской Софии, например, в «Истории русского искусства», т. 2, на с. 18. Там же, на с. 20. М. К. Каргер пишет о Софии, что «в результате исследований последних лет вновь возникло уже давно высказанное предположение об одновременности всех основных частей здания». Но даже если считать, вслед за Н. Бруновым и Н. Травным, что первоначально Софийский собор имел меньшие размеры, чем теперь, то и в этом случае его площадь значительно превосходила площадь церкви Бориса и Глеба (см. план в статье: Брунов Н., Травин Н. Собор Софии в Новгороде // Сообщения Института истории и теории архитектуры. М., 1947. Вып. 7. С. 17).

³⁶ По летописям известна лишь легенда о росписи Софийского собора.

³⁷ Каргер М. К. Новгород. 3-е изд., доп. Л., 1970. С. 69—70.

В былинах говорится неодинаково о поводах построения церкви. Самая ранняя запись дошла в знаменитом Сборнике Кириши Данилова. Как и в ряде других вариантов, здесь Садко соревнуется в богатстве с Новгородом: он берется скупить все товары новгородских купцов. В одних вариантах былины ему это удается, в других — нет. Согласно тексту Кириши Данилова, Садко трижды выигрывает состязание. Каждый раз он воздает небесам благодарность, возводя храм. Былина, таким образом, сообщает о трех церквях, которые построил Садко. Это свидетельствует, что он хорошо запомнился как выдающийся храмоздатель, хотя величественная церковь, реально сооруженная на его средства, давно не существовала уже ко времени, когда начали записываться былины.

Но народная память приписала Садко постройку Софийского и Никольского соборов, воздвигнутых на самом деле новгородскими князьями в ту пору, когда они были еще полновластными правителями Новгорода. У Кириши Данилова читаем:

И влаживал ему Бог в ретиво сердце:
Шед Садко, Божий храм соорудил,
А и во имя Сафен Премудрия,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашавал,
Изукрашавал иконы, чистым жемчугом усадил,
Царские двери вызолачавал.³⁸

В таких же выражениях былина повествует дальше о постройке храма во имя святого Николая.

Оказывается, что уже более 400 лет назад народная молва строителю великолепной церкви в честь благоверных князей-мучеников Бориса и Глеба стала приписывать и причастность к возведению древнейшего княжеского собора — святой Софии, ставшего государственным символом Новгорода. Летописцы XII—XV вв. верно указывали, что создателем этого храма был сын Ярослава Мудрого. Но составлявшаяся в конце XVI в. Новгородская 2-я летопись сообщает под 1045 г.: «Заложил князь Володимир Ярославич и владыко Лука святую Софию каменную в Великом Новгороде, Сотко Сытинич и сытине».³⁹ Летописец переписал основную часть текста из своего древнего источника, а добавление сделал, очевидно, на основании былины. Оно исторически недостоверно, так как между построением Софийского собора и храма Бориса и Глеба прошло больше 120 лет, но показывает, насколько доверяли в те времена устному эпосу.

Другой пример — добавление в известиях о построении Сотко Сытиничем церкви Бориса и Глеба. В Новгородском летописце, обнаруженном А. Н. Насоновым в рукописи середины XVI в.,⁴⁰ об этой церкви

³⁸ Кириша Данилов. С. 146.

³⁹ ПСРЛ. Т. 30. С. 177.

⁴⁰ См.: Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 254.

сказано, что ее построил «Сотке богатой».⁴¹ Такую же замену «Сотко Сытинич» на «Сотко богатой» находим в Новгородской Уваровской летописи, составленной в конце XVI в.,⁴² и во всех последующих новгородских летописях, восходящих к ней: в Новгородской 3-й обеих редакций,⁴³ Новгородской Забелинской,⁴⁴ Новгородской Погодинской всех трех редакций⁴⁵ (первоначальная редакция этой последней в одном случае из двух дает «компромиссное» чтение: «Сотко Сотичь богатой»⁴⁶). Переделка «Сотко Сытинич» на «Сотко богатой» была, очевидно, следствием уверенности летописцев, что Сотко Сытинич — это тот самый «Садко богатый гость», о котором поется в былинах.

4

Эпические повествования о Садко составляют небольшой цикл из трех произведений. В устном бытовании они исполнялись народными певцами иногда по отдельности, но чаще в разных сочетаниях по две былины, соединенных в одну, а изредка — и все вместе в одном исполнении. Так как большинством записей зафиксированы контаминации сюжетов о Садко, прежние труды по русскому эпосу вели, как правило, речь об одной посвященной ему былине, хотя и передаваемой певцами с разной степенью полноты и последовательности. Отмечали, однако, разницей в сюжетном составе наличных вариантов, разновременность возникновения отдельных частей. Работы В. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского и других эпосоведов прояснили это еще до начала прошлого века. Но сам тезис о самостоятельном происхождении каждого из трех сюжетов был выдвинут вполне отчетливо более четырех десятилетий назад в статье Б. Мериджи.⁴⁷ А вскоре Т. М. Акимова, внимательно рассмотрев все введенные к тому времени в науку записи, убедительно доказала, что ими представлена не одна былина, посвященная Садко, а три.⁴⁸

Построение храма находится не только в центре былины о состязании Садко с Новгородом. Оно перешло и в другую былинку о нем, посвященную путешествию на дно морское. В вариантах ее обычно герой, спустившийся на воду, чтобы умиловить морского царя, попадает в подводное царство; вернуться оттуда удается благодаря совету святого Николы. Ему в благодарность, по своему обещанию, Садко строит потом церковь. Но опять-таки следует обратить внимание на старейшую запись Кириши Данилова. Здесь нет такого обещания, а из текста ясно,

⁴¹ РГБ, ф. 304. № 805, л. 386.

⁴² ГИМ, собр. Уварова, № 568, л. 148 об.

⁴³ РГБ, собр. ОИДР, № 127, л. 98—98 об.; Новгородские летописи. С. 173.

⁴⁴ ГИМ, собр. Забелина, № 261, л. 111 об.

⁴⁵ РНБ, собр. Погодина, № 1411, л. 24 об.; ГИМ, собр. Уварова, № 1399, л. 24; РГБ, собр. ОИДР, № 129, л. 22 об.

⁴⁶ РНБ, собр. Погодина, № 1411, л. 51 об.

⁴⁷ Meriggi B. La byline de Sadco // Revue des études slaves. Paris, 1961. Т. 39. P. 91—103.

⁴⁸ Акимова Т. М. Структура былинного цикла о Садко // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. С. 153—166. Перечень вариантов всех трех былин — в кн.: Новгородские былины. М., 1978. С. 388.

что Садко относился к прихожанам этой церкви, уже стоявшей в Новгороде до того, как он отправился в плавание: выполнив у морского царя совет святого Николы —

Ото сна Садко пробужался,
Он очутился под Новым-городом, <...>
Узнал он церкву — приход своих,
Тово Николу Можайскова,
Перекрестился крестом своим.⁴⁹

Название Борисоглебской церкви в былинах забылось. Один из основных исследователей былин о Садко А. Н. Веселовский предполагал, что оно было заменено названием Никольской церкви из-за известной близости между святым Николой и святыми Борисом и Глебом по времени их церковного чествования и по некоторым народным представлениям о них.⁵⁰ Имя святого Николы со временем стало особенно популярным именно в Новгороде, где существовала «братчина Никольщина» (куда вступает былинный Садко) — купеческое сообщество, небесным покровителем которого считался святой Николай. Он же был и покровителем мореплавателей, а Садко, согласно наиболее распространенной из былин о нем, вел заморскую торговлю, и караван его кораблей чуть не погиб от бури, но Садко спасается, следуя совету святого Николы. По мере эволюции былин в ней и появилось представление, что «Садко богатый» возвел церковь именно святому Николе. Как считал А. Н. Веселовский, «на этой стадии развития легенда осложнилась далее теми элементами сказки, которыми наполнены, за исключением эпизода о Николе, дошедшие до нас былины».⁵¹

Былинные повествования о морском царе и его воздействии на судьбу Садко, конечно, сказочного происхождения. Наиболее развитой вид они приобрели с появлением еще одной былинны о Садко: бедный гуслир на берегу Ильменя усладил своей игрой повелителя водной стихии и за то получил от него богатство. Это стало как бы прамбулой к основной былине о состязании богатого Садко с Новгородом (хотя есть и другие былинные вариации в объяснении того, как разбогател Садко).

Финальной же в образовавшемся цикле оказалась та самая былина, где Садко, вынужденный отблагодарить морского царя за богатство, попадает к нему на дно, здесь должен развлекать его своей игрой, потом выбирать себе невесту, рискуя остаться тут навсегда, если бы не мудрые советы святого, позволившие вернуться в Новгород.

Основательно изучавший эпос о Садко В. Ф. Миллер справедливо считал исконным центральным сюжет, где Садко состязается с Новгородом: повествование могло иметь в основе историческую реальность. Не только у Кириши Данилова, но и в ряде других записей именно этот сюжет изображает своего героя храмосдателем.

Как замечал В. Ф. Миллер, «летопись не называет Садка торговым гостем, но нетрудно предположить, что исторический Садко свои богат-

⁴⁹ Кириша Данилова. С. 181—182.

⁵⁰ Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 279.

⁵¹ Там же. С. 280.

ства, давшие ему средства построить каменный храм, приобрел, как и другие новгородские богачи, путем обширной внешней торговли». Ученый считал, что существовало «новгородское предание, составившее основу былины»; позднее же «к имени этого исторического лица» прикрепилась «сказочные мотивы». ⁵²

Возможные источники подобных мотивов указывали Веселовский, Миллер и другие исследователи в фольклоре не только славянских народов, причем близкие параллели оказались, в частности, у карел, обитающих в тех же местах, где особенно интенсивно бытовали былины о Садко. Игру героя на гусях в подводном царстве, например, объясняли воздействием карело-финских рун. Но самая интересная параллель, на которую обратил внимание А. Н. Веселовский, нашлась во французском средневековом романе. Герой его по имени Садок, плывя в бурю на корабле, по жребию принужден броситься в море (как виновник опасности), чтобы не погибли его спутники; после этого буря утихает, а сам Садок спасается. Такова же схема сюжета в третьей былине о Садко, как предполагал Веселовский, «и роман, и былина независимо друг от друга восходят к одному источнику». ⁵³ Сам этот источник пока не обнаружен. Но вполне очевидно, что народному певцу, знавшему былину о Садко, естественно было воспринять такое произведение как повествование об иных приключениях того же героя. Интенсивная заморская торговля древнего Новгорода давала широкий простор международному обмену фольклорными сюжетами.

В. Ф. Миллер писал, что упомянутый эпизод о Садоке, вследствие совпадения имен, повлиял на былину, дошедшую до нас. Ученый полагал, что образ Садко-купца позднее расширился представлением о нем как гусяре. Дело в том, что об игре на гусях нет речи в одной из двух былин о нем у Кириши Данилова: Садко получает богатство от Ильмень-озера, послужив ему не как гусяр. Миллер знал еще одну запись, где речь даже идет именно о пребывании Садко у морского царя, предлагающего герою невесту, но нет игры его на гусях. ⁵⁴ Правда, этот текст без начала. Однако уже после смерти Миллера были записаны еще два любопытных варианта былины о пребывании Садко у морского царя. Тут хорошо сохранилось начало:

Еще жил Садко купец, гость богатой,
Не мало раз Садко по морю бегивал,
Морского царя ничем не даривал. ⁵⁵

Здесь тоже идет речь и о невесте, но тоже нет речи о том, что герой — гусяр. Необязательно объяснять это позднейшим забвением: оба варианта записаны в сибирском заполярном поселке Русское Устье, где веками сохранялась в изоляции старая фольклорная традиция, которую принесли новгородцы, переселившиеся сюда, согласно их преданиям, еще во времена Ивана Грозного.

⁵² Миллер. Очерки. Т. 1. С. 288.

⁵³ Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 283.

⁵⁴ Рыбников. Т. 2. С. 128—130.

⁵⁵ Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 242.

Есть записанные в разных местах русские мифологические рассказы о том, как герой обогатился благодаря водяному. Некоторые из них близки повествованию о получении богатства без помощи игры на гусле в былине о Садко. Есть и рассказы, где речь идет о будто бы состоявшейся женитьбе на дочери водяника, в отличие от былины, где герою удалось этой женитьбы избежать.⁵⁶

Сказочно-мифологические подробности в былинах о Садко — результат сложного и, вероятно, долгого взаимодействия между старинными русскими и нерусскими фольклорными сюжетами и тем историческим зерном, которое лежало в основе устного повествования о новгородском строителе знаменитого храма XII столетия. В былинах он прославился еще и как гуслиар — подобно другому популярному герою нашего эпоса Добрыне Никитичу, хотя историческим прототипом былинного Добрыни был не богатый новгородец XII в., а государственный и военный деятель X—XI столетий, связанный своей биографией с Новгородом. Но, в отличие от Добрыни Никитича или Ставра Годиновича, былинный Садко — гуслиар профессиональный, что отмечал еще В. Ф. Миллер. Он справедливо писал о наличии «следов скоморошья обработки» главным образом в «былинах-новеллах», изображавших «происшествия городской жизни».⁵⁷ Относящаяся к их числу трилогия о Садко — наиболее яркое свидетельство вклада, который внесли, очевидно, именно новгородские скоморохи в уснащение исторической основы эпических песен сказочными эпизодами из своего разнородного репертуара профессиональных гуслиаров.

5

Спор о том, как соотносятся былины о Василии Буслаеве с летописными известиями, имеет значительную протяженность. Еще И. И. Григорович в своем «Опыте о посадниках новгородских» не сомневался, что «посадник Васка Буславич», о смерти которого Никоновская летопись сообщает под 1171 г., — историческое лицо.⁵⁸ Н. М. Карамзин иронически относился к этому летописному известию.⁵⁹ В противоположность ему С. М. Соловьев писал, со ссылкой на Никоновскую летопись, что «в древних русских стихотворениях из лиц исторических <...> является действующим новгородец Василий Буслаев».⁶⁰ Аргументированно отклонял подобную точку зрения И. Н. Жданов, указывая, что новгородские летописи такого посадника не знают, причем «не упоминают о нем и перечни новгородских посадников».⁶¹

⁵⁶ Новгородские былины. С. 232—242.

⁵⁷ Миллер. Очерки. Т. 1. С. 63.

⁵⁸ [Григорович И. И.] Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. С. 91, 301. Автор пишет, что это же упоминание содержится и в известном ему рукописном Хронографе, датировку которого не указывает.

⁵⁹ Карамзин. Т. 3, примеч. 33.

⁶⁰ Соловьев. Кн. 2. С. 95.

⁶¹ Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 245.

В. Ф. Миллер и А. В. Марков (а позже — А. И. Никифоров), напротив, не видели оснований сомневаться в достоверности указания Никоновской летописи.⁶² С. К. Шамбинаго, отмечая, что «Никоновская летопись часто пользуется для своих вставок песенным материалом», а в древнейшей летописи Новгорода — Новгородской 1-й — «не значилось такого посадника» (в 1171 г. посадником был, согласно этой летописи, Жирослав), причем «другие летописи о Васке не упоминают вовсе», заключает, что это известие Никоновской летописи «не находит соответствия с действительностью».⁶³

А. Н. Робинсон не только не сомневался в достоверности летописного известия, но и датировал, вслед за В. Ф. Миллером, на основании этого известия сами былины: «Никоновская летопись, — пишет он, — под 1171 г. отмечает смерть „посадника Васки Буславича“, на основании чего былины о нем могут быть отнесены к XII в.».⁶⁴ Д. С. Лихачев, принимая эту датировку и повторяя основные доводы предшественников в пользу фольклорного происхождения летописного известия, писал: «Необычная для летописи форма имени посадника («Васка»), но обычная для былин о нем, также свидетельствует, что это известие было взято из последних».⁶⁵ Однако собственный аргумент Д. С. Лихачева несостоятелен: такие же уменьшительные имена новгородских посадников (Иванко Павлович, Михалко Степанич, Мирошка Незначич, Иванко Дмитриевич и т. п.) постоянно фигурируют в летописях.⁶⁶

Попытаемся внести в этот вопрос ясность с учетом недавних исследований.

В настоящее время известно указание на Василия Буслаева не в одной, а по существу в трех летописях. Это, во-первых, Никоновская летопись (под 1171 г.): «Того же лета преставился в Новеграде посадник Васка Буславичь»;⁶⁷ Новгородская Погодинская летопись, в ее первоначальной редакции (под тем же годом): «Того же году преставился в Великом Новеграде посадник Василий Буславиев»;⁶⁸ и, наконец, сокращенная редакция этой же летописи (тоже под 1171 г.): «Того же лета преставился в Новеграде посадник Васка Буславиев».⁶⁹

⁶² Миллер В. Песни-памфлеты XVI века. (Исследование С. Шамбинаго. М., 1913) // Вестник Европы. СПб., 1913. Кн. 5. С. 375; Марков А. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России. С. 451—452; Никифоров А. И. Фольклор киевского периода // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 255.

⁶³ Шамбинаго С. Песни времен царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 147. Впрочем, сама концепция С. К. Шамбинаго об отражении в былинах о Василии Буслаеве реальных событий царствования Ивана IV находится в противоречии с его выводом об эпическом происхождении данного текста Никоновской летописи, так как последняя была составлена ранее, чем произошли многие из этих событий (предложенная С. К. Шамбинаго трактовка былины о Буслаеве, как известно, не была принята в науке).

⁶⁴ Робинсон А. Н. Фольклор. С. 154.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси... С. 231.

⁶⁶ См., например: ПСРЛ. Т. 3. С. 23, 39, 42, 43, 44, 45, 60, 64, 65, 68, 81, 82, 164, 208, 235, 236, 237, 238, 246, 262, 268, 269, 271, 274, 308, 309, 445, 472 и др.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 247.

⁶⁸ РНБ, собр. Погодина, № 1411, л. 53.

⁶⁹ ГИМ, собр. Уварова, № 2, л. 46 об.

Обе редакции Новгородской Погодинской летописи относятся к последней четверти XVII в. Ни одна из предшествовавших ей новгородских летописей (а их теперь известно, кроме кратких летописцев, восемь, причем некоторые дошли в нескольких редакциях) подобного известия не содержит, как и вообще каких-либо упоминаний о Василии Буслаеве. Ни в одной из опубликованных новгородских летописей, кроме Никоновской, составленной в середине XVI в.,⁷⁰ сведений о нем также нет.⁷¹

Есть основания полагать, что в Новгородскую Погодинскую летопись это известие попало из Никоновской (непосредственно или опосредованно), так как в новгородских источниках Новгородской Погодинской летописи — в Новгородской Забелинской и Новгородской 3-й летописях — такого известия нет. В самой же Никоновской оно помещено непосредственно за рассказом о победе новгородцев над суздальцами, который восходит к текстам, читающимся в новгородских летописях, до нас дошедших и о Буслаеве не упоминающих.

Тщательно составлявшиеся перечни новгородских посадников, дошедшие в составе Новгородской 1-й летописи по рукописи XIV в., имени Василия Буслаевича (или Богуславовича) не содержат.⁷² Это касается не только времени около 1171 г., но и всех предшествовавших этому году посадников, что существенно, так как если бы известие о смерти «Васки Буславича» в 1171 г. было достоверно, оно не обязательно должно было означать смерть степенного посадника (т. е. отправлявшего свою должность в 1171 г.), как думал С. К. Шамбинаго; новгородские посадники продолжали носить это звание и после того, как переставали выполнять посаднические функции.

В списках посадников значится несколько лиц, носивших имя Василия, однако все они относятся ко времени не ранее середины XIV в. Не названо вообще ни одного посадника, отчество которого хотя бы отдаленно походило на «Буслаевич» или «Богуславович». Отпадает соображение П. А. Бессонова о том, что Василий мог «скрываться» в ранних новгородских летописях под языческим именем:⁷³ известие Никоновской летописи должно было восходить к одной из этих же ранних летописей. Однако давно доказано, что именно Никоновская летопись включала известия, почерпнутые из фольклорных источников. Это заставляет полагать, что такому же источнику обязано своим происхож-

⁷⁰ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 370—371.

⁷¹ Не знаем, на чем основано утверждение П. Д. Ухова о том, что «образ былинного богатыря Василия Буслаева некоторые исследователи связывают с именем новгородского посадника XII в. Василия Буслаева, совершившего в 1171 г. поход на Югру» (Ухов П. Д. Былины // Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов / Под общей ред. П. Г. Богатырева. М., 1954. С. 279). Сведений о таком походе в летописях нет. Вероятно, автор подразумевает известие 1171 г. о смерти «Васки Буславича».

⁷² См.: Яшин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 150; ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 164—165, 471—472.

⁷³ Бессонов А. П. Заметка // Киреевский. Вып. 5. С. XVI.

дением и упоминание его «Васки Буславича». И. Н. Жданов предполагал, что существовал сюжет, где Васька становится посадником.⁷⁴

Если такой сюжет действительно существовал и в нем, как и в возможном источнике «Повести» В. А. Левшина (о ней см. ниже), упоминался Садко, то нет ничего удивительного, если знакомый с этим сюжетом летописец счел за лучшее поместить известие о смерти «посадника Васки Буславича» в хронологической близости от известия о Сотко Сынтиниче, которого он закономерно отождествлял с фольклорным Садко. Внимание Никоновской летописи к былинным богатырям и даже к фольклорным персонажам, которые отсутствуют в дошедших до нас произведениях устной традиции, но, очевидно, фигурировали там прежде, — факт, в достаточной мере оправдывающий такое предположение (не исключающее, конечно, возможности реальной основы).

Хотя, в отличие от былинного Садко, былинный Василий Буслаев не соотносен пока с вполне определенным историческим прототипом, существуют довольно близкие исторические параллели. Особенно интересный материал такого рода рассматривал Б. М. Соколов, комментируя былины о Буслаеве и о Садко в редко используемой из-за малого тиража антологии 1918 г.⁷⁵

Две былины о Василии Буслаеве — о его ссоре с новгородцами и о поездке в Иерусалим, известные в значительном числе записей, иногда объединялись сказителями в одну.⁷⁶ Иных произведений былинного эпоса об этом герое не записано, но можно предполагать, что если не былины, то предания о Василии Буславиче, содержание которых дошедшими былинами не покрывается, существовали. В пользу этого свидетельствуют отражения фольклора об этом герое в исландском эпосе, чему была посвящена работа В. А. Брима. Сопоставив исландский и русский материал, автор пришел к заключению, что должно было существовать предание о походе Василия Буслаева на Восток. Оно отразилось в *Bosa-saga*, старшая редакция которой, представленная значительным числом рукописей, появилась не ранее XIV в. и имеет переклички как с первой, так и со второй былинами.⁷⁷

Другим свидетельством может служить «Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Василии Богуслаевиче», сочиненная В. А. Левшиным во второй половине XVIII в. на основе фольклора. Как писала А. М. Астахова, «для истории русского былинного эпоса „Повесть“

⁷⁴ Жданов И. Н. Русский былевой эпос. С. 245.

⁷⁵ См.: Соколов Борис. Былины: Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918. С. 32—36, 203—206, 213—217, 224—227.

⁷⁶ Перечень записанных вариантов обеих былин см. в кн.: Новгородские былины. С. 362—363.

⁷⁷ См.: Брим В. А. Былина о Василии Буслаеве в исландской саге // Язык и литература. Л., 1926. Т. I, вып. 1—2. С. 311—322. Сравнительный анализ убедил автора в том, что скандинавские произведения восходят к русским. Ранее о *Bosa-saga* писал К. Ф. Тиандер в своей книге «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906. С. 292—302). Об этом памятнике существует специальная работа О. Л. Ирричека, ему же принадлежат публикации разновидностей *Bosa-sagi*. См.: *Jiriczek J. L. Zur Geschichte der Bosa-Saga*. Breslau, 1893; *Die Bosa-Saga in zwei Fassungen* / Herausgegeben von O. L. Jiriczek. Strassburg, 1893; *Die Bosa-Rimir* / Herausgegeben von O. L. Jiriczek. Breslau, 1894.

Левшина представляет большой интерес как отражение одного из устных вариантов XVIII века былинны о Василии Буслаеве». И хотя «непосредственный источник „Повести“ нам неизвестен», а сама она «не простой пересказ былинны», но «литературное произведение, опирающееся на былинный материал», текст ее содержит «детали, которые известны в последующей устной традиции».⁷⁸ Нельзя относиться к не дошедшему до нас варианту, который использовал Левшин, все отсутствующие в нем детали «Повести»,⁷⁹ но среди них почти наверняка были и такие, которые отобразили особенности именно этого устного источника.

Любопытно, что в тексте Левшина среди второстепенных персонажей фигурирует «Садко богатый гость», а сам Василий в итоге становится князем Новгорода и повелителем всей Русской земли.

Былины о Садко и о Василии Буслаеве дают полезные иллюстрации к результатам исследований социально-политической структуры Новгорода, которые в последние десятилетия существенно обогатились ценнейшими материалами, добытыми в результате беспрецедентных археологических открытий.⁸⁰ Несмотря на изменения, внесшие много сказочного в былины о Садко и породившие несколько смысловых неясностей, темных мест в былинах о Василии Буслаевиче, и там и тут достоверно переданы многие характерные черты социального быта Новгорода в XII—XV вв.: заклады, братчины, набор дружины молодым боярином, бой на Волховском мосту, вызванный борьбой за власть, огромный размах торговли, паломничества в Святую землю — все это, как и многое другое, ярче и полнее отобразило реальную жизнь древнего Новгорода, чем несколько схематизированные порой картины древнего Киева в былинах о подвигах его богатырей.

⁷⁸ БЗП. С. 304. Текст «Повести» здесь же на с. 239—245.

⁷⁹ Слишком многое была склонна возводить к ее устному источнику Т. А. Новичкова. См.: Новичкова Т. А. Буслаев и новгородцы (историко-культурные реминисценции в былинне) // Русская литература. Л., 1987. № 1. С. 157—168.

⁸⁰ См., в особенности: Яшин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 79—95. Значимость этих результатов начинает осознаваться и в фольклористике. См., например: Буйских Т. М. Историческая основа былинны о столкновении Василия Буслаева с новгородцами // Филологические науки. М., 1988. № 5. С. 16—21.

НОВГОРОДСКИЙ КОНТИНГЕНТ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

1

Явление во многом загадочное и прежде почти не изучавшееся представляло собой Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Это произведение известно только в средневековых записях. Однако их количество, хронологический диапазон и степень подробности достаточно велики, чтобы проследить основные контуры истории текстов в устной традиции, выяснить отношение этого сказания к фактам реальной истории, определить причины его возникновения, последующей эволюции и, наконец, исчезновения из живого репертуара.

Сведения об участии новгородцев в войне 1380 г. сохранены десятками рукописных текстов XV—XVIII вв. Конечно, для фольклористического изучения представляют интерес в основном рукописи, отразившие бытование произведения в устном репертуаре, а не последующую судьбу записи устного текста в письменной традиции. Однако в данном конкретном случае (как и в ряде аналогичных) это общее правило требует некоторых исключений. Письменная традиция произведений о Куликовской битве, как свидетельствует материал самих рукописей, постоянно испытывала воздействие устных произведений того же цикла. В особенности это касается, конечно, тех письменных текстов, которые сами восходили к записи или обработке текста устного. Будучи записано, фольклорное произведение продолжало жить не только в устном репертуаре, но и в рукописях, редакторы и переписчики которых нередко вносили в письменный текст поправки и дополнения на основании известных им устных вариантов. Это обстоятельство значительно усложняет изучение материала, так как далеко не всегда можно обоснованно отделить такие изменения от плодов литературного творчества редакторов и даже от бессознательных ошибок писцов (некоторые из таких ошибок тоже могли появляться под воздействием известного писцу фольклорного репертуара).

Дело осложняется еще и тем, что в полном виде интересующее нас сказание, может быть, было записано только дважды (по крайней мере, дошедшие до нас рукописи отражают всего два более или менее развернутых текста). Но зато оно постоянно использовалось на протяжении длительного времени в ряде устных и письменных произведений о вой-

не 1380 г., в частности разными редакторами Повести о Мамаевом побоище,¹ и даже летописцами. В одних случаях перед нами запись (полная или частичная), сохраняющая даже стиль и ритм устного героического сказания, в других — по-видимому, сокращенный пересказ центральной его части, есть и несомненные литературные обработки. Наконец, есть тексты, которые, не отражая непосредственного содержания сказания, включают основанные на нем домыслы средневекового книжника.

Для удобства исследования идеально было бы сначала выделить из массы рукописного материала такие тексты, которые содержат непосредственные записи материала устного, изучить, прежде всего, эти тексты, а затем попытаться проследить дальнейшее воздействие устной традиции на литературную судьбу записанного. Однако практически такое разграничение провести нельзя; пратексты и архетипы письменных произведений, их редакций и изводов до нас, за редкими исключениями, не дошли. Приходится поэтому оперировать в большинстве случаев не отдельными письменными текстами, а их группами (включающими иногда по несколько десятков списков), каждая из которых в совокупности передает, с большей или меньшей степенью точности, текст недошедшей записи (либо — пересказа, обработки) какого-нибудь одного устного варианта — записи, включенной в состав письменного пратекста, от которого пошли все тексты данной группы. В таких случаях приходится из массы разночтений восстанавливать для особо важных частей текста чтения архетипа.²

В наиболее подробном изложении Сказание о помощи новгородцев отразила так называемая распространенная редакция Повести о Мамаевом побоище. Обозначим условно соответствующую часть ее текста как *вариант 1*. В составе этой редакции читается особый заголовок: «Скажу вам иную повесть о мужах новгородцах Великого Новгорода».³ М. Н. Тихомиров справедливо полагал, что последующий текст «представляет собой переделку какого-то старинного новгородского сказания».⁴ Перед нами, действительно, переделка, точнее — литературная обработка устного героического сказания. Рассмотрим содержание этой «повести о мужах новгородцах».⁵ Она состоит из пяти эпизодов,

¹ В научной литературе последних десятилетий стало обычным называть это произведение «сказанием», что терминологически недостаточно оправданно, так как при этом исчезает грань между устным сказанием и его литературной обработкой.

² О содержании употребленных здесь и далее текстологических терминов см. в статьях: *Азбелев С. Н.* 1) Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // *История СССР*. М., 1966. № 4. С. 81—106; 2) Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // *Принципы текстологического изучения фольклора*. М., Л., 1966. С. 260—302.

³ Повести о Куликовской битве / Изд. подготовили: М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 130 (далее сокращено: Повести).

⁴ *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // *ВИ*. 1955. № 8. С. 18.

⁵ См.: Повести. С. 130—134; издания по другим рукописям: *Русский исторический сборник*. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 69—74; *Записки Имп. Академии наук*. СПб., 1864, Т. 5, Приложение № 2. С. 39—42; *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Тексты. С. 96—101 (далее сокращено: *Шамбинаго С. К.*).

которым предшествует вступление, говорящее в прошедшем времени о могуществе и самостоятельности Новгородской республики.

1. В первом эпизоде рассказывается, каким образом в Новгороде узнали о происходящих событиях. Когда в Москву пришла весть, что Мамай «идет пленити землю их Московскую с великою силою» и что великий князь литовский и рязанский князь вступили в союз с Мамаем, то московский великий князь Дмитрий Иванович «в печали бысть, и вся земля Московская смятесе». Но затем, преодолев скорбь, Дмитрий Иванович повелел своему войску собираться в поход, дабы «пострадати» за православную веру. Обо всем этом услышали новгородские купцы, находившиеся в то время в Москве «с товаром, торгу ради». Купцы (трое из них названы по именам) поспешили в Новгород и известили о случившемся его посадников.⁶

2. Посадники приходят к архиепископу Евфимию и пересказывают услышанные вести. Архиепископ молится за победу над Мамаем, затем спрашивает посадников о цели их прихода. Те отвечают, что пришли испросить благословения «пострадати» вместе с москвичами «Христову ради имени». Евфимий повелевает собрать вече, дабы узнать мнение народа.

3. Народ стекается на зов вечаевого колокола, посадники водворяют тишину. Архиепископ призывает новгородцев выступить на стороне московского великого князя против войск Мамаея, который хочет «веру Христову осквернити и святыя церкви разорити и род христианский искоренити». Все выражают готовность отдать жизнь «веры ради Христовы» и помочь Москве: «А немочно, господине, нам оставити великого князя Дмитрея Ивановича московскаго единого. Аще ли, господине, князь великий спасен будет, то и ми спасени будем». Новгородцы просят лишь один день на сборы. Затем участники веча тут же избирают шесть «воевод крепких и мудрых зело» (перечислены их имена), «и с ними отрядиша избраннаго войску 40 000» (из общего числа 80 000).

4. На другой день войско собирается по звону колокола, как было условлено, «на дворнице у Святого Николы». Ратников окропляют святой водой, архиепископ обращается к ним с напутственными словами. Все воины «яко едиными усты» заявляют о своей готовности умереть за правое дело. Архиепископ благословляет войско, затем напутствует воевод поспешать. «И оны же вседши на коня и наполнишася духа ратнаго, и начаша, яко златопарни орли по воздуху, паряшы, ишуши вьсточныя светлости, так и сие скоро идушы. И глаголаша: Дай же нам, Господи, вьскоре видите любезного великого князя!».

5. В пути новгородские воеводы узнают, что великий князь уже выступил из Москвы в Коломну. Новгородцы направляются туда, выслав вперед вестников. Дмитрий Иванович, услышав от новгородских гонцов, «яко идут 6 воевод, а с ними 40 000 избраннаго воинства новгородскаго», не удержал слез радости и возблагодарил Бога — «яко от нечаяных даеши помощ!». Великий князь «посла многих витезей» на-

⁶ Новгородская республика управлялась в тот период коллегией из шести посадников, верховным же главой ее в вопросах внешней политики считался архиепископ.

встречу новгородцам. Войско их, прибыв к Коломне, остановилось в поле. Дмитрий Иванович призвал к себе новгородских воевод и «больших витезей», принял их «любезно», затем устроил «пир честен и радостен», на который «и многих от воинства их повеле звати».

Этим в сущности оканчивается самостоятельный текст «о мужах новгородцах». Но и далее «распространенная» редакция Повести о Мамаевом побоище содержит несколько упоминаний о них. На следующий день великий князь повелел устроить смотр всем войскам. При этом новгородские полки «особ стояще чинно, велми уряжены по достоинню, яко немочно зрети на полки великого князя».⁷ Дмитрий Иванович, «прихав к полкомъ новгородцкым и, видев их, подивися им, яко чудно зрети учреждение их нарочито зело к боеви».⁸ Устанавливая порядок расположения войск и командование ими — перед переправой через Оку, для дальнейшего похода, великий князь отводит новгородцам одно из почетных мест: «Праву же руку уряди себе брата своего, а левую руку уряди новгородцких посадников».⁹ Далее говорится, как вступивший в союз с Мамаем рязанский князь Олег был утрашен известием, что к Дмитрию Ивановичу пришли «на помощь новгородцы со многою силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело».¹⁰ Следующее упоминание — при описании начала Куликовской битвы: «А водит передовыи полци Дмитрей Всеволж да Владимир, брат его, правую же руку водит Микула Василиевич с Коломны и новгородское посадники».¹¹ Последний раз о новгородцах речь идет при подсчете павших на Куликовом поле бояр: «И говорит Михаилу Александрович, боярин московский: „Нет, государь, у нас 40 бояринов московских, да 12 князей белозерских, да 30 посадников наугородских, да 20 бояринов коломенских...“» (далее перечислены аналогичным образом потери еще от двенадцати областей и княжеств).¹²

2

Рассмотрим сначала те пять эпизодов, которые составляют сплошной рассказ о новгородцах.

Язык и стиль текста обработаны местами весьма интенсивно в соответствии с литературными нормами древнерусской воинской повести (некоторые примеры мы привели).¹³ Все же за этой оболочкой достаточно ясно угадываются контуры устного протографа. Так, например, трижды почти в одних и тех же выражениях (а отчасти — и с дословными совпадениями) повествуется о замыслах Мамаея и его союзников и о решимости Дмитрия Ивановича: в 1-м эпизоде сам рассказчик излагает

⁷ Шамбинаго С. К. Тексты. С. 101.

⁸ Повести. С. 135.

⁹ Там же.

¹⁰ Шамбинаго С. К. Тексты. С. 102.

¹¹ Повести. С. 147.

¹² Там же. С. 153—154.

¹³ Ср.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4 (203). Отд. 3.

это как сведения, полученные купцами; во 2-м эпизоде это же второй раз рассказывают посадники со слов купцов архиепископу; в 3-м эпизоде архиепископ в третий раз пересказывает это со слов посадников новгородцам, собравшимся на вече. Прием обычный для фольклора, но необычный для литературы. Вполне в духе именно фольклорной традиции пир, устроенный князем для прибывших к нему новгородских «вitezей». Заметим, что даже в этой же редакции Повести о Мамаевом побоище Дмитрий Иванович более ни разу не устраивает в походе пиров, хотя к нему на помощь прибывают и другие крупные военные отряды — не менее важные для него и возглавляемые князьями.

Именно для устного предания характерно обилие прямой речи, которая составляет более половины нашего текста, если не считать его вступления. Само же это вступление заслуживает того, чтобы привести его полностью. «Тогда же бысть Великий Новгород самовластен, не бысть над ними государя, егда сиа победа бысть Донскаа. Ноугородци тогда владычи самы собою. Воиньства же их бысть тогда у них избранного 80 000. И с многими странами во смиреннии живуци храбрости ради своеа. Яко же многажды зело приходящи немцы и литва на украинны их, и хотяще пленити землю их, и оны же вышод побиваху их и со срамом прогоняху их. Сами же ноугородцы в велице славы живуце и много богатства купающы. Самы же пасомы быша Софеєю премудрыю Божию и Варлаамом чудотворцем, бывшим игуменом у святого Спаса на Хутыне, и архиепископ Великого Новагорода епискупствова Еуфимий. Послушайте мене, братиа».¹⁴ Вступления подобного рода довольно обычны для исторического предания и устного героического сказания¹⁵ (с героическим сказанием приведенный только что текст сближают и довольно ясно ощущаемые остатки его ритмической структуры). Вместе с тем ничего аналогичного по содержанию нет ни в других частях самой Повести о Мамаевом побоище, ни в других воинских повестях литературного происхождения.

Фольклорный протограф «повести о мужах новгородцах» выдает и ее весьма характерная фактическая ошибка. Архиепископом Новгорода был в то время не Евфимий, который играет такую важную роль и многократно упоминается в этом тексте по имени, а Алексей (1360—1388 гг.). Имя Евфимий носили только два новгородских архиепископа, занимавшие эту кафедру значительно позже (1424—1428 и 1428—1458 гг.). Одним из самых популярных политических деятелей в истории Новгородской республики был Евфимий II, много потрудившийся для возвеличения Новгорода и апологии новгородской старины. Он занимал эту выборную должность бессменно в течение 30 лет вплоть до своей смерти (вскоре после нее по заказу новгородских почитателей Евфимия Пахомием Логофетом было написано его житие). Неудивительно,

¹⁴ Повести. С. 130—131.

¹⁵ Из наиболее близких аналогий можно сослаться хотя бы на текст № 317 в сборнике «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (М., 1985. Т. 2) или на «Рассказ о встрече Петра I со шведским королем на Ладожском озере» в публикации Е. В. Барсова (см.: Барсов Е. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. Кн. 5).

что в устной традиции как раз с Евфимием стали постепенно связывать и ту версию Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому, в которой выдающаяся роль отводилась новгородскому архиепископу. После падения независимости Новгородской республики имя Евфимия в наибольшей степени ассоциировалось с предствлениями о могуществе Новгорода в период его равноправного сосуществования с Москвой. Если бы «повесть о мужах новгородца» была сочинением литературным, то автором ее мог быть лишь образованный церковный книжник Новгорода (так как ее новгородское происхождение и церковная окраска — вне всяких сомнений). Но в этом случае столь вопиющая ошибка сочинителя в области истории новгородской церкви была бы невозможна. Вместе с тем такому книжнику вполне могла принадлежать чисто внешняя литературная обработка бытовавшего в Новгороде устного героического сказания, привычное доверие к которому исключало мысль о необходимости его критической проверки.

Перечень шести воевод, которые возглавили новгородское войско, в рукописях имеет разночтения. Приведем этот перечень полностью в том его чтении, которое в целом, очевидно, наиболее близко к первоначальному: «Избраше шесть воевод крепких и храбрых зело: перваго — Ивана Васильевича, второго — посадника, сына его, Аньдрея Волосатого, третьяго — Фому Михайлова Красного, четвертаго — Дмитрия Даниловича Заберского, пятого — Михаила Панальовича, шестаго — Георгия Захарьича Хромого».¹⁶ В большинстве списков посадником назван не Андрей Иванович, а Иван Васильевич. Несомненно, однако, что первоначальное чтение сохранено меньшинством. Легко понять позднейшего переписчика, который «исправил» текст, сочтя, что посадником должен был быть главный воевода, а не сын его. Переделка же текста в обратном направлении была бы невозможна. Отложим пока объяснение того странного на первый взгляд факта, что посадник фигурирует здесь на втором месте, а не на первом, равно как и проверку достоверности самих имен. Обращает на себя внимание то, что количество воевод вполне соответствует именно новгородской практике того времени. Начиная с середины XIV в. войска Новгородской республики возглавляются в походах, как правило, пятью или шестью воеводами.¹⁷ Это соответствовало числу «концов» — самоуправлявшихся районов тогдашнего Новгорода. В. Л. Янин установил, что в середине XIV в. в

¹⁶ РНБ, Q.XVII.22, л. 175 об.—176. Сходно в рукописях: РНБ, собр. Титова, № 1121, л. 464 (478) об.; РГБ, ф. 29, № 1516, л. 325 и ф. 299, № 211, л. 147 об.; ГИМ, Музейское собр., № 1388, л. 80 (105) и собр. Шукина, № 610, л. 185 об. Не исключено, что прозвище четвертого воеводы правильнее читать «Заверяжский» (от названия реки Веряжи под Новгородом); так читается, например, в рукописях РНБ: Q.IV.151, л.399 об.; Q.IV.374, л. 264 об.—265; Q.XVII. 223, л. 308—308 об. и др. Отчество пятого воеводы в большинстве списков явно испорчено — «пан Львович», сходно же с цитированной рукописью в списках РНБ, Q.IV.354, л. 73 об.—74 («Паналвич») и др.

¹⁷ См.: Никитский А. И. Военный быт в Великом Новгороде. XI—XVI ст. (Исторический очерк) // РС. 1870. Т. 1. С. 18; Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1949. Т. 30. С. 56—57.

Новгороде восторжествовала практика кончанского представительства, в результате этого даже посадничество стало коллективным: вместо одного посадника Новгородской республикой стали управлять одновременно шесть посадников.¹⁸

Если разбросанные эпизоды сплошного повествования «о мужах новгородцах» дают все основания усматривать существование фольклорного сюжета, положенного в их основу, то пока трудно утверждать то же о всех последующих упоминаниях новгородского войска. Два из них представляют собой более подробное изложение того, что говорится в соответствующих местах «основной» редакции Повести, но без упоминания о новгородцах — таковы фрагменты о смотре полков и об испуге Олега Рязанского.¹⁹ Двум другим упоминаниям соответствуют иные сведения «основной» редакции. При описании переправы вместо упоминания новгородских воевод в ней говорится: «...а левую руку себе сътвори князь Глеба Брянского»; однако известный по летописям князь Глеб Брянский погиб за 40 лет до Куликовской битвы. При описании начала боя в «основной» редакции говорится: «...правую руку плък ведеть Микула Васильевич с коломничи, а левую же руку плък ведеть Тимофей Волуевич с костромичи». Однако данные эти не имеют общего с тем, что сообщает о командовании полками в бою летопись.²⁰ Таким образом, вопрос о том, являются ли упомянутые фрагменты о новгородцах плодом литературного творчества редактора²¹ или они восходят к устному сказанию о новгородцах (как-то соотносясь с историческими фактами), требует еще выяснения.

Обратим теперь внимание на последнее упоминание новгородцев при перечислении количества убитых воевод. В сходных вариациях этот перечень содержат и другие редакции Повести о Мамаевом побоище (в числе их ряд разновидностей «основной» редакции), а также часть списков Задонщины. Фольклорное происхождение всего этого эпизода было выяснено А. И. Никифоровым.²² По-видимому, и в списки Задонщины, и в Повесть о Мамаевом побоище счет убитых попал из общего источника — устного сказания.²³

¹⁸ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 262—298.

¹⁹ Ср.: Повести. С. 56 и 57.

²⁰ См.: Там же. С. 56 и 68. О Глебе Брянском и летописных сведениях о расположении полков в бою см. подробно: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 492—493 и 501—502.

²¹ Ср. соображения Л. А. Дмитриева: Повести. С. 413—414.

²² См.: Никифоров А. И. «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Л., 1940. (Машинопись); ИРЛИ. Р. V, колл. 120, II. I. С. 121—124 (далее сокращенно: Никифоров А. И.). Здесь приведены параллели из произведений, засвидетельствованных в устном репертуаре. Ранее С. К. Шамбинаго писал (не аргументируя) о «близости» этого отрывка к «народно-поэтическому творчеству» (Шамбинаго С. К. С. 130).

²³ Ср.: Шамбинаго С. К. С. 214—215; Марков А. [Ред. на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. 14. № 4. С. 441; Jakobson R, Worth D. S. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Hague, 1963. P. 16; Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского

Трудно сомневаться в том, что это было именно Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Во-первых, новгородские бояре упомянуты здесь сразу же после белозерских князей — ранее, чем бояре всех других княжеств, за исключением московского. Во-вторых, говорится, что подсчет павших производит «боярин московский» — это объясняет, почему московские бояре названы им ранее белозерских князей, и одновременно указывает на немосковское происхождение всего текста: московское сказание вряд ли стало бы специально оговаривать то обстоятельство, что московский князь Дмитрий Донской поручил сосчитать убитых именно московскому боярину.

В разных вариантах эпизода число павших новгородских бояр указано обычно либо 13, либо 30. При этом названы они в разных рукописях то «боярами посадниками»,²⁴ то просто боярами,²⁵ то просто посадниками.²⁶ Очевидно, что в XIV в. в новгородском отряде не могло быть столько посадников. Перед нами фольклорный домysel, легко объясняемый. Как выяснил В. Л. Янин, к середине XV в. число одновременных посадников в Новгороде достигло нескольких десятков, практически совпадая с числом боярских фамилий,²⁷ и здесь наметилось бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник». Что же касается москвичей и жителей других областей Руси, то термины «боярин» и «посадник» могли смешиваться ими применительно к Новгороду уже в XIV в., когда было известно, что там управляют несколько посадников сразу и что почти каждый знатный боярин какую-то часть своей жизни занимает должность посадника.

Мы остановились на этом эпизоде подробно в связи с тем, что еще не раз придется к нему обращаться в дальнейшем. Поскольку его содержит в таком же виде «основная» редакция Повести о Мамаевом побоище — и в тех ее разновидностях, которые других упоминаний о новгородцах не имеют, следует полагать, что из нее этот эпизод мог попасть в «рас-

цикла. М.; Л., 1966. С. 424—427; Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. С. 457—461; Зимин А. А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 56—57. В этом споре обе стороны исходили из тезиса о литературном происхождении рассматриваемого отрывка. Обоснованный же А. И. Никифоровым тезис о его устном происхождении естественно подсказывает третье решение.

²⁴ См., например: РНБ, F.IV. 228, л. 19 об.; Q. XV.27, л. 337; Q. XVII.6, л. 96—96 об.

²⁵ См., например: РНБ, Q. XV. 31, л. 192 об.

²⁶ См., например: РНБ, собр. Погодина, № 1555, л. 99 об.; Q. IV.342, л. 36 об.; Q. XV.70, л. 53 об.; Q. XVII.79, л. 425.

²⁷ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 390—416. После же утраты Новгородом независимости и исчезновения должности посадника слово это сами новгородцы стали смешивать даже со словом «пособник», имевшим несколько иное значение, чем теперь: помощник, защитник, заступник (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв., М., 1991. Вып. 17. С. 202). Так, Новгородская 4-я летопись, составленная в середине XV в., в известии о восстании 1421 г. против посадника Андрея Ивановича упоминает, что было убито 20 человек «Андреевых пособников» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431). А Новгородская 2-я летопись, рукопись которой относится к концу XVI—началу XVII в., передавая это же известие в почти тождественном тексте, сообщает об убиении 20 «Андреевых посадников» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 166).

пространенную» редакцию и что он не обязательно содержался в рассмотренной только что версии устного Сказания о новгородцах.

Возвращаясь к самой этой версии, можем пока сделать следующий вывод: она подробно сообщала о том, как новгородцы отправились на помощь великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, и о том, что они догнали его главные силы у переправы через Оку (говорилось ли в этой версии о их дальнейших действиях, судить пока трудно). Назовем ее пространной версией Сказания.

3

Иная разновидность Сказания отразилась в генетически независимой от только что рассмотренных письменных текстов группе списков «основной» редакции той же Повести о Мамаевом побоище. Назовем эту разновидность *вариантом 2*. Здесь текстовые фрагменты, касающиеся новгородцев, сравнительно невелики, и мы приведем их полностью. Первым четырем эпизодам рассмотренной выше «повести о мужах новгородцах» соответствий нет. Пятому эпизоду соответствует следующее: «Того же дни приехали из Великаго Новагорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Костянтинович Микулин к великому князю Дмитрею Ивановичю на помощь, а с ними прииде наугороцкие силы 30 000 князей и бояр и всяких людей. Рад же бысть великий князь Дмитрий Иванович и бита челом посадником и целоваша их с великою радостию: „Воистинну есте дети Аврамы, яко в велицей беде мне есть побобницы!“». ²⁸ Этот текст находится не перед описанием переправы русского войска через Оку, как в предыдущем случае, а непосредственно за описанием пересчета русских войск, произведенного, согласно этим рукописям, после переправы через Оку.

Второе упоминание новгородцев — при описаний объезда Куликова поля великим князем после победы: «И поеха по побоищу и наехав убита крепкаго своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича, да новгородцких посадников Тимофея Костянтиновича Микулина, да Якова Зензина, да около них вкупе лежат побиты семьсот наугороцких выборных дворян. Над ними же нача князь великий плакаться: „Любимыи мои братия, приехали вы есте своею волею ко мне, а не по моему велению, видя мене в беде великой, и главы свои поклали“». ²⁹ Вскоре за этим следует общее перечисление потерь: «И рече, стоя, московской большой боярин, князь Михаило Александрович Воронцов: „Убито, государь, 40 бояринов московских, да 12 князей московских же, да два посадников наугороцких. Да убито, государь, князей и бояр и выборных дворян и воевод твоей государевы руской вотчины и Великаго Новагорода, и всех войска православных христиан <...> полтрета ста тысяч, а осталось живых от побоища 50 000“». ³⁰

²⁸ Русские повести XV—XVI веков / Составитель М. О. Скрипиль. Л., 1958. С. 28.

²⁹ Там же. С. 36—37.

³⁰ Там же. С. 37.

Приведенные фрагменты несут на себе гораздо меньше следов стилистической обработки в духе литературного канона, чем вариант 1. Но возводить их целиком к устному Сказанию о новгородцах оснований не больше, чем в предыдущем случае. Последний отрывок подвергся, очевидно, редакционному изменению для согласования с использованной разновидностью Сказания о новгородцах. Трудно было бы утверждать, что Сказание содержало соответствующую часть второго отрывка. Она представляет собой вставку в довольно обширный эпизод, рассказывающий об объезде поля боя великим князем и оплакивании им павших — вставку, которая могла быть домыслом самого книжника. Ничего аналогичного этому нет в варианте 1, хотя в содержащей его «распространенной» редакции Повести о Мамаевом побоище сам эпизод с объездом и оплакиванием описан сходно. Все три отрывка обнаруживают смутные представления о реалиях социальной структуры Новгорода в XIV в. Не ранее XVI в. могли появиться такие анахронизмы, как упоминания «новгородских выборных дворян». Трудно сказать, принадлежат ли они этому книжнику или были уже в использованной им версии устного сказания.

Рассмотрим ее несомненные отличия от предыдущей версии. Существенных разноречий четыре: 1) иное количество новгородских воевод; 2) другие имена их; 3) несколько иная общая численность новгородского войска; 4) новгородцы присоединяются к войскам великого князя не перед переправой через Оку, а после нее. Начнем с предпоследнего. Цифра 30 000, по-видимому, тоже гиперболична, но можно думать, что она появилась в устной традиции раньше, чем 40 000.³¹ Последнее различие связано, надо полагать, с какими-то данными составителя о том, что новгородцы еще не успели присоединиться к москвичам при общем сборе войск у Коломны до переправы через Оку. Видимо, эта версия Сказания в текстуально не дошедшей до нас части позволяла сделать такой вывод (дальнейший материал поможет нам это разъяснить).

Наиболее важны первые разноречия. Два посадника во главе отряда — как видно, довольно позднее привнесение, отразившее, во-первых, забвение военной практики XIV в., а во-вторых, — позднейшее понимание термина «посадник». Имена этих «посадников», неизвестные по другим источникам, восходят, скорее всего, к какому-то семейному (или вообще — географически локальному) преданию о павших в 1380 г. новгородцах. Маловероятно, чтобы внесение именно этих двух имен произошло в устной традиции с изъятием шести других имен пространной редакции. По-видимому, для дополнения была использована какая-

³¹ Вообще численность новгородского отряда в разных письменных текстах варьируется следующим образом: 7000, 13 000, 30 000, 40 000, 70 000. Исходной следует признать, очевидно, цифру 7000, а производной от нее — вследствие слуховой ошибки в устном репертуаре — 70 000. Цифра 13 000 появилась, вероятно, под влиянием сведений о гибели 13 новгородских бояр. Цифра 30 000, очевидно, также результат слуховой ошибки (тринадцать — тридцать), а 40 000 — по-видимому, результат ошибочного прочтения в письменном тексте близкой по начертанию цифры 30 000. Из письменных текстов цифра 40 000 могла попасть и в устный репертуар.

то безымянная разновидность Сказания о новгородцах, из которой и были почерпнуты общие сведения (о численности новгородского отряда, о встрече его великим князем и др.). Из семейного предания могли быть взяты имена двух лиц и указание на 700 человек, погибших вместе с ними. Переделка же в данном изводе Повести общего числа павших новгородских «посадников» принадлежит, без сомнения, составителю: дополняя текст Повести данными новгородского сказания, он, очевидно, рассудил, что убитых новгородских посадников не могло быть больше, чем отправившихся в поход.

По-видимому, та же версия Сказания о новгородцах отразилась и в одной из поздних летописей Новгорода. Это Новгородская Забелинская летопись, составленная в 1680—1681 гг.³² В нее входит особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. В литературе уже высказывалось предположение, что некоторые его дополнения «имеют в своей основе какие-то устные предания, которые в свою очередь были созданы на материале реальных исторических фактов».³³ К числу именно таких дополнений следует отнести следующий отрывок (назовем *вариант 3*): «Того же дни приехаша после числа за Оку реку к великому князю посадники новгородские Великого Новгорода, а с ними силы пришло 30 000, и биша челом великому князю Дмитрию Ивановичю».³⁴ Здесь нет имен, но численность новгородского отряда та же, что в варианте 2. С последним этот текст связывает и то, что он вставлен после аналогичного (но не тождественного по содержанию) эпизода пересчета собравшихся войск после переправы через Оку. Наконец, как и в варианте 2, мы имеем здесь только один эпизод прибытия — в отличие от пространной редакции. Можно полагать, что вариант 3 восходит как раз к той редакции Сказания, результаты дополнения которой отражает вариант 2. Отнесение вариантом 2 прихода новгородцев ко времени после переправы через Оку естественнее всего связывать с прямым указанием на это вариант 3, отраженного в Новгородской Забелинской летописи.³⁵

Назовем представленную этими двумя вариантами версию Сказания о новгородцах краткой версией, а две ее редакции — безымянной (вариант 3) и семейной (вариант 2).

4

Обратимся к последней версии Сказания о новгородцах — последней по порядку их рассмотрения, но отнюдь не по хронологии. Здесь мы

³² См.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Изв. М., 1945. Т. 14. С. 121 и 127; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 73—74.

³³ Повести. С. 469.

³⁴ Там же. С. 181.

³⁵ К области литературного домысла книжника следует, очевидно, отнести в этом виде Повести добавление во фразе о рассылке гонцов. В других рукописях данной редакции Повести сказано: «А сам князь великий по всей Русской земли скорые гонци разослав с своими грамотами по всем градам: да все готови будете на мою службу, на брань з безбожными ловищи агаряны» (*Шамбшаго С. К.* Тексты. С. 45). В Новгородской Забелинской летописи читается «по всем городам своим и в Великий Новгород» (Повести. С. 174).

имеем дело уже не с литературной обработкой устного текста и даже не с его пересказом, а именно с записью, которая, очевидно, представляет собой дословную или почти дословную передачу устного оригинала. Эта запись дошла в единственной рукописи из собрания Уварова, содержащей особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище, текст пока еще не изданный, в котором сильнее, чем в других, отразилось влияние фольклорных произведений и имеется несколько случаев дословной передачи их. Одно из таких включений и является записью Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Этот фрагмент был опубликован дважды — оба раза неточно — С. К. Шамбинаго,³⁶ затем несколько раз перепечатывался с этих публикаций. Приводим точный текст отрывка (назовем его *вариант 4*) по рукописи. «В то же время в Великом Новеграде стоят мужи новгородцы у святыя Софеи на площади, бьют вече великое, говорят мужи таково слово: „Уже нам не поспеть на пособ к великому князю Дмитрею, кажут он Оку реку перевозится. А токо нам к нему не ехать, а ему будет не пособье, ино нам будет Новымгородом не отсадится“. И борзо мужики новгородцы наряжались, отпускали з города 13 посадников больших новогороцких, с ними же силы немного, только 13 тысяч, а все люди нарядные, пансыри, доспехи давали з города. И рекоша: „Поидите, братия, с одново на безбожна“. И пришла сила новогороцкая к великому князю Дмитрею, оному же Оку реку перевезшуся. И рад бысть князь Дмитрей Иванович, и рече им: „Исполать вам, мужи новгородцы, что мя есте не отдалич“. И почтив их вельми».³⁷

Уже первый исследователь этого текста С. К. Шамбинаго уверенно и с полным основанием заявлял, что данный отрывок относится «к народной поэзии».³⁸ Этот вывод его был полностью поддержан в последовавших работах.³⁹ Что касается жанровой принадлежности текста, то в этом вопросе не было такой определенности. Ясно выраженная ритмическая структура показала С. К. Шамбинаго «песенным складом».⁴⁰ Правда, он высказался на этот счет очень осторожно: «Напрашивается предположение — не был ли этот рассказ вначале действительно песней».⁴¹ Заканчивая рассмотрение, автор заключал: «За отсутствием доказательств я не могу утвердительно ставить такое предположение».⁴² Позднее А. И. Никифоров высказывал убеждение, что приведенный нами отрывок является текстом былины,⁴³ а Б. Н. Путилов писал, что это

³⁶ См.: Шамбинаго С. К. С. 301; История русской литературы. Литература 1220—1580-х годов. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 218.

³⁷ ГИМ, собр. Уварова, № 802, л. 184—185 об. Эта рукопись была использована для исправления описок в параллельных местах Ермолаевского списка, текст которого напечатан в кн.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. Но в нем нет данного фрагмента, как и упоминания новгородцев, о котором у нас речь идет ниже.

³⁸ Шамбинаго С. К. С. 302.

³⁹ См., например: Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература Х—начала XV в. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 132—133.

⁴⁰ Шамбинаго С. К. С. 300.

⁴¹ Там же. С. 301.

⁴² Там же. С. 302.

⁴³ См.: Никифоров А. И. С. 251—253.

историческая песня.⁴⁴ На наш взгляд, отнесению данного текста к былинам препятствует прежде всего несвойственная им историческая конкретность. Степень фактичности здесь такова, что упомянутым авторам не удалось отыскать убедительные параллели не только в былинах, но даже в старших исторических песнях. Перед нами устное героическое сказание в форме ритмизированного повествования.⁴⁵

Хотя этот текст дошел до нас (так же как и предыдущие) в рукописи XVII в., не приходится сомневаться, что он отражает более ранний этап эволюции Сказания, чем варианты 1, 2 и 3. Здесь нет намека на сетования об утрате Новгородом самостоятельности, как в варианте 1, нет и несвойственных периоду этой самостоятельности исторических реалий, как в варианте 2. Единственный анахронизм — «13 посадников», заставляющий полагать, что запись устного оригинала произошла, скорее всего, позже середины XV в. (но, может быть, еще до падения новгородской независимости в конце 70-х гг.). В дальнейшем мы будем именовать эту версию Сказания первоначальной версией.

По содержанию ее текст имеет, как видим, соответствия не только последнему эпизоду пространной версии Сказания, но и двум предшествовавшим. Первоначальная версия содержит три эпизода: обсуждение на вече, отправление в поход и прибытие.

В дальнейшем тексте этой Уваровской рукописи новгородцы упомянуты в отрывке, повествующем о действиях великого князя литовского: «И прииде ж Волгирд ко Одуеву, и слышав, яко князь великий Дмитрей Иванович совокупися со многуо силою — словены и болгары, и с новгородцы, иде же кождо, услышав, яко Олег резанский убоялся, и пребыл ту и оттеле неподвижен».⁴⁶ Текст испорчен при переписке. В других рукописях читается следующее: «И прииде к граду Одоеву, и слышав, яко князь великий съвокупи многое множество вѣинства — всю русь и словены, и пошол к Дону противу царя Мамаа, и слышав, яко Олег убоася, и пребысть ту оттоле неподвижим».⁴⁷ Если упоминание в Уваровском тексте болгар — явная ошибка, возникшая, очевидно, под влиянием сходных перечислений в других известных книжнику письменных текстах, то добавление новгородцев связано, несомненно, с использованным в этой рукописи Сказанием. В «распространенной» редакции Повести о Мамаевом побоище, как мы помним, было сходное добавление в сходном контексте: там известие о прибытии новгородцев обескураживает не литовского князя, а второго союзника Мамаа — князя рязанского. Так как оба добавления текстологически независимы, есть все основания считать, что в самом Сказании после эпизода прибытия новгородцев к Дмитрию Ивановичу говорилось что-то об устрашающем

⁴⁴ См.: *Путилов Б. Н.* Куликовская битва в фольклоре // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 120—123.

⁴⁵ Подробнее о таких сказаниях см.: *Азбелев С. Н.* Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.

⁴⁶ ГИМ, собр. Уварова, № 808, л. 187 об.—188. Кроме того, имеющийся в конце счет убитых воевод содержит обычное для этой Повести упоминание «тринадцати бояринов посадников новгородских» (л. 213).

⁴⁷ Повести. С. 58.

действию этого факта на кого-то из союзников татар. Что первоначально это был именно литовский князь, а не рязанский, свидетельствует основной текст данной редакции Повести, не подвергшийся еще дополнению: иносказательно о новгородцах речь идет уже в нем: словами в древних летописях называли именно новгородцев. Если составитель «основной» редакции Повести счел нужным употребить этот архаизм, по-видимому, он имел на то причины.

Для разрешения возникающих загадок необходимо прежде обратиться к установлению исторической основы рассматриваемых текстов.

5

Попытаемся выяснить по возможности более конкретно соотношение Сказания с фактами реальной действительности. В общен исторических трудах довольно прочно утвердилось мнение, что Новгород не принял никакого участия в освободительной войне 1380 г. Тексты, о которых говорилось выше, были наполовину известны авторам этих трудов, но содержание таких текстов признавалось недостоверным и даже квалифицировалось как баснословие. Мнение это обосновывали ссылками на то, что летописи молчат об участии в Куликовской битве новгородского войска.⁴⁸ Правда, иначе думал крупнейший исследователь летописей акад. А. А. Шахматов. Он заявлял, что «самый скептический ум не решится признать выдуманнными некоторые факты» войны 1380 г., несмотря на молчание о них сохранившихся летописных текстов. В числе данных о таких именно фактах А. А. Шахматов тут же прямо называл упоминание «о прибытии новгородцев в числе 7000 человек».⁴⁹ Впрочем, это никак не повлияло на последующие работы по русской истории, где традиционное мнение продолжало повторяться.⁵⁰ Источниковедческий анализ совокупности свидетельств о помощи новгородцев Дмитрию Донскому произведен не был. Статья, специально посвященная рассмотрению исторической основы Повести о Мамаевом

⁴⁸ См., например: *Карайзин Н. М.*, Т. 5. Примеч. 65; *Соловьев С.* Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845. С. 121, 191; *Иловайский Д.* Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880. С. 58.

⁴⁹ *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 175 (А. А. Шахматов предполагал, что сведения эти были в недошедшей московской летописи). С. К. Шамбинаго не высказывался на этот счет специально, но из текста его книги можно заключить, что он признавал прибытие новгородского отряда скорее фактом, чем вымыслом (*Шамбинаго С. К.* С. 320). Позднее А. И. Никифоров считал это вымыслом (*Никифоров А. И.* С. 186—189).

⁵⁰ См., например: *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XII—XV столетий. Пг., 1918. С. 321; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953. Т. 2, С. 223; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года. С. 18. Единственное известное мне пока исключение составляет высказанное более полувек назад белгое замечание Б. Д. Грекова: «По недавно открытым материалам можно считать, что и какая-то часть новгородского войска участвовала в Куликовской битве». К сожалению, автор не сообщал, что это за материалы, где и кем они открыты (см.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 241).

побоище и привлекающая много новых данных, обошла этот вопрос молчанием.⁵¹

До того как Новгородская республика прекратила существование в 70-х гг. XV в., когда ее территория была включена в состав Московского великого княжества, отношения между ними по большей части были натянутыми, а нередко и враждебными, вплоть до открытых военных столкновений. Но был период продолжительностью около 10 лет, когда отношения эти стали настолько дружественными, что превратились в военный союз, оформленный даже особым договором. Этот период относится к правлению Дмитрия Донского. Оборонительный союзный договор между ним и Новгородской республикой, заключенный в первой половине 70-х гг. XV в. (т. е. за 5—8 лет до Куликовской битвы), предусматривал взаимные обязательства против потенциальных общих противников, точно названных в тексте. Татары, непосредственно никогда не угрожавшие Новгороду, в договоре не упомянуты. Но зато на первом месте названы литовские князья, не раз воевавшие до того и против Новгорода, и против Москвы. Договор обязывал новгородцев в случае войны Литвы против московского великого князя Дмитрия Ивановича оказать ему помощь своими войсками.⁵²

Вसे русские летописи, где содержится сколько-нибудь подробное описание войны 1380 г., сообщают, что литовский великий князь Ягайло вступил в союзные отношения с Мамаем и что литовское войско отправилось на соединение с татарским, как только Мамай вступил в пределы русских земель. О том, что литовские войска участвовали в войне на стороне татар, сообщают и независимые от русских летописей немецкие хроники того времени (ниже их сведения будут приведены). Следовательно, Новгород должен был оказать военную помощь Москве даже независимо от соображений общерусского патриотизма, а просто вследствие своих договорных обязательств. Тем более, что уже весной 1380 г., т. е. всего за несколько месяцев до начала военных действий, взаимные обязательства были, очевидно, подтверждены прибывшим в Москву новгородским посольством, беспрецедентным по авторитетности его участников. Новгородская летопись сообщает, что во время

⁵¹ См.: *Безунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». Трудно определить точку зрения Л. А. Дмитриева, поскольку в одной работе он упоминал известия об участии новгородцев в Куликовской битве как достоверные (см.: Русские повести XV—XVI веков. С. 363), а в другой — как недостоверные (см.: *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 426, примеч. 54).

⁵² «Аж будет обида со князьями литовскими <...> Новугороду вестти на конь со мною, со князем великим и с моим братом со князем Владимиром с одного»; см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 31. № 16 (далее сокращенно: ГВНП). Здесь этот договор датирован 1371—1372 гг. — согласно мнению С. М. Соловьева, В. С. Борзаковского и А. Е. Преснякова. Позднее Л. В. Черепнин предложил датировать его 1375 г., А. А. Зимин — 1372—1373 гг., а В. Л. Янин — 1376 г. (см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 355—356; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 317—318; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 286). Для нас эти расхождения принципиального значения не имеют, поскольку все предлагавшиеся датировки имеют в виду заключение договора ранее 1380 г.

этих переговоров великий князь торжественно подтвердил свои прежние обязательства по отношению к Новгороду. Вряд ли можно сомневаться, что аналогичные заверения были даны и со стороны Новгородской республики. От ее имени переговоры вели глава этой республики — архиепископ Алексей, а также два посадника и три боярина от городских концов (таким образом, очевидно, каждый из пяти концов Новгорода прислал своего отдельного полномочного представителя).⁵³

Согласно летописям, великий князь узнал о выступлении Ягайла на помощь татарам довольно поздно — уже в августе 1380 г., т. е., очевидно, не более как за месяц до сражения на Куликовом поле, когда войска Мамая были уже у русских границ.⁵⁴ Еще через несколько дней эта весть могла достичь Новгорода. Собрать ополчение в разгар полевых работ, вооружить его и совершить пеший переход на расстояние около тысячи километров было невозможно за короткий срок, оставшийся до ожидаемого соединения армий Мамая и Ягайла. Очевидно, этот вопрос и обсуждался на новгородском вече.

Конечно, на Руси уже давно ждали известий подобного рода. Вероятно, Дмитрий Иванович получил какие-то сведения о переговорах Ягайла с Мамаем задолго до того, как литовское войско могло отправиться на соединение с татарами. Возможно, что именно это обсуждалось в Москве на переговорах с новгородцами и их помощь тогда была обещана, а размеры ее оговорены. Если это так, то Дмитрий Иванович вправе был ожидать, что Новгород подготовится к войне заблаговременно. А правители Новгорода в свою очередь, возможно, ожидали подтверждения слухов о союзе Ягайла с Мамаем.

Как бы то ни было, но в ситуации, отраженной летописями, была реально осуществима только весьма ограниченная поддержка, которую мог оказать московскому князю Новгород. Это отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, которые содержались Новгородом постоянно на случай непредвиденной военной опасности. Очевидно, что правители Новгородской республики, ожидая войны с Литвой, границы которой находились вблизи Новгорода, и имея к тому же постоянную угрозу со стороны Тевтонского ордена, не желали оставить сам Новгород без надежной защиты. Значительная часть его на-

⁵³ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 376 (далее: Н1Л). Краткое известие об этом посольстве содержится в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 311; СПб., 1851. Т. 5. С. 238.

⁵⁴ «Бысть же месяца августа приидоша орды таковыя весты ко христоролюбивому великому князю Дмитрию Ивановичю, оже воздвизаются на хрестияны измаилтяне. Олгу же отпадшыю сана своего <...> послав к великому князю Дмитрию Ивановичю весть лестную, что „Мамаи идет со всем царством <...> и князь литовский идет на тебя же со всею силою своею“» (Новгородская летопись Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 132). То же известие — в ряде других летописей (см., например: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 312; СПб., 1853. Т. 6. С. 91). Краткая редакция летописной повести относит ошибочно получение великим князем сведений о союзе Ягайла с Мамаем на еще более позднее время: «И переухав Оку, прииде ему паки другая весть, поведаша ему Мамая за Доном събравшася» (Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 129; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 139). Ср.: *Азбелев С. Н.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского царства) // Летописи и хроники. М., 1976. С. 90—91).

личных военных сил была сохранена в пределах Новгородской земли. Вероятно, это и отразилось в Сказании.

За именами новгородских воевод в пространной версии Сказания могут быть узнаны реально существовавшие политические деятели Новгорода. Во всяком случае, имена двух первых воевод идентифицируются довольно просто. Первый воевода Иван Васильевич — это, очевидно, новгородский боярин Иван Васильевич Машков, который трижды упоминается в новгородских летописях под 1366—1399 гг. Два первых упоминания представляют особый интерес: в 1366 г. он и его отец были неожиданно и без всякой вины схвачены в Москве по приказу великого князя Дмитрия Ивановича — в качестве заложников в связи с походом новгородских ушкуйников; только в следующем году эти лица были отпущены в Новгород.⁵⁵ Назначение именно боярина И. В. Машкова первым воеводой отряда, посылаемого в помощь тому же Дмитрию Ивановичу, имело, вероятно, политический подтекст: Новгород как бы подчеркивал этим, что выполняет взятые обязательства, невзирая на прежние обиды со стороны Москвы. Такое напоминание могло расцениваться как своего рода противовес ощущению неполноценности оказываемой военной помощи в количественном отношении.

Второй воевода, названный Андреем, сыном предыдущего, посадником, — это, по-видимому, Андрей Иванович, который действительно был посадником, но не в 1380 г., а позднее — в первой четверти XV в. Новгородские летописи упоминают его четыре раза.⁵⁶ Ему же как посаднику адресована берестяная грамота, датируемая 10—20-ми гг. XV в.⁵⁷ Становится понятным, почему Сказание, перечисляя воевод, посадника упоминало на втором месте, а не на первом. В 1380 г. Андрей Иванович был еще молод, и его назначили вторым воеводой, но впоследствии он был одним из самых известных посадников. В Новгороде, видимо, хорошо знали, о ком конкретно идет речь в Сказании, и естественно, что боярина, избранного затем посадником, стали соответственно этому и называть.⁵⁸ Не имеем пока достаточных данных для идентификации остальных воевод.⁵⁹ Впрочем, она не столь важна. Важно, что

⁵⁵ НЛ. С. 369; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 292—294. Третье упоминание — о постройке И. В. Машковым каменной церкви Алексея у Богородицы в Торгу — под 1399 г. (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 383).

⁵⁶ В 1401 г. он был взят в плен москвичами, но вскоре отбит; в 1411 г. он воевода новгородского войска, ходившего на шведов; в 1415 г., будучи уже посадником, он вводит в дом св. Софии новоизбранного архиепископа Симеона; в 1421 г. против этого посадника восстают Неревский и Славенский концы (см.: НЛ. С. 396, 402, 405; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 390, 411, 414, 431; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 166, 179).

⁵⁷ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 142. № 310.

⁵⁸ Посадник Андрей Иванович упомянут также в данной грамоте Палеостровскому монастырю (ГВНП. С. 147. № 90), датированной по этой причине 1415—1421 гг. Но В. Л. Янин на основании упомянутых здесь же других имен убедительно относит этот документ к 30-м гг. XV в. — времени второго Андрея Ивановича, бывшего степенным посадником, согласно выводам В. Л. Янина, в 1434—1435 гг. (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 360—362).

⁵⁹ С воеводой Юрием Захарьевичем может быть сопоставлен Юрий Захарьин, упомянутый в документе начала XV в. как один из послухов при покупке Корельского наволока за 2000 белок (ГВНП. С. 185. № 128).

их общее число точно соответствует военной практике, обычной именно в то время для Новгорода (и только для него).

Сохраненная в Москве Повесть о Куликовской битве, вошедшая в русские летописные своды XV—XVI вв., основное внимание уделяет, естественно, самому Дмитрию Донскому и его подручным князьям. Эта Повесть крайне суммарно говорит о сборе войск из русских земель под знамена великого князя московского: «...и собрав вой своих 100 тысящ и сто, опроче князей русьских и воевод местных <...> Бяше всее силы и всех ратей числом с полтораста тысящ или с двесте тысящ». ⁶⁰ Здесь не упомянуто ни одного княжества и ни одной области, хотя из текста явствует, что в помощь Москве другие области Руси прислали крупные по тому времени силы — от 40 до 90 тысяч воинов. Неудивительно, что эта летописная Повесть, написанная уже в период враждебных отношений между Москвой и Новгородом, об участии его в войне ничего не сообщает. Для нас представляют интерес ее известия о литовском войске. Здесь говорится, что «князь Ягайло литовский прииде со всею силою литовскою, Мамаю пособляти и поганым татарам на помощь, а христианам на пакость. Но от тех Бог избавил: не поспеша на срок за малым, за едино днище или менши». Узнав об исходе Куликовской битвы, «Ягайло со всею силою литовскою побеже назад со многою скоростию, никим же гоним; не видеша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружия его, токмо имени его бояхуса и трепетаху». ⁶¹

Оба отрывка несомненно тенденциозны и написаны, очевидно, с целью умолчать о том, что нежелательно было упоминать; прокомментировать сначала первый отрывок. Ягайло не мог прийти «со всею силою литовскою», так как в Литве происходила в то время острая борьба за власть между Ягайлом и другими членами княжеского рода. ⁶² В помощь Мамаю могло быть направлено лишь сравнительно небольшое литовское войско. Присоединение его к огромной армии татар представляло бы меньшую опасность для Руси, чем неожиданный удар литовцев в тыл или во фланг. Литовская граница проходила примерно в 200 км на запад от Куликова поля, поэтому угроза такого удара должна была быть очевидной для русских с самого начала. Поскольку Новгород, согласно договору, обязывался оказать военную помощь именно против Литвы, естественнее всего было использовать как раз новгородское войско в качестве заслона от ожидавшегося удара со стороны Ягайла.

Становится понятной отмеченная выше «странность» всех трех версий Сказания о новгородцах: разработанность мотивов отправки новгородского войска и скомканность мотива соединения с московским (по пространной версии, новгородцы так и не влились в него, а «особ стояше» и далее двигались самостоятельно). Очень возможно, что новгородский отряд действительно не должен был вливаться в главные силы русской армии.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 91; ср.: СПб., 1859. Т. 8. С. 35 и др. В позднейших летописях встречаются и более крупные цифры — до 400 000, которые вряд ли могут быть признаны правдоподобными.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 96.

⁶² См.: Соловьев С. М. М., 1960. Кн. 2. С. 278—280.

Поскольку до подхода русских к Куликову полю отряды Ягайла не соединились с войском Мамай, предстояло обезопасить себя на случай их внезапного флангового удара в день самого боя. Поэтому вполне правдоподобным оказывается упомянутое выше, при рассмотрении пространной версии, указание о расположении новгородцев на правом фланге в день Куликовской битвы. Однако сражаться им пришлось не против литовского войска. Оно, по-видимому, предпочло дожидаться исхода боя. Очевидно, что как раз на это и намекает отмеченный выше мотив замешательства литовского князя, когда тот узнал о прибытии новгородцев на помощь Москве. Иная трактовка этого же обстоятельства скрывается за ссылкой московского летописца на Божью помощь, благодаря которой произошел удивительный факт: Ягайло «не успел» к Куликовской битве всего на один дневной переход или даже меньше.

Невразумителен и второй летописный отрывок. Когда литовцам стал известен результат сражения на Куликовом поле, у них не могло быть причин бежать «со многою скоростью». Скорее напротив. Куликовская победа досталась дорогой ценой. Согласно летописям, из двухсоттысячного русского войска в живых осталось 40 или 50 тысяч. В то время не литовцам следовало опасаться нападения со стороны остатков русской армии, а возвращавшимся с поля боя русским — нападения литовских сил, не участвовавших в битве. Летописная Повесть сообщает коротко лишь о возвращении войск Дмитрия Донского в Москву. Новгородцы же должны были, очевидно, двигаться в Новгород не через Москву, которая находилась в стороне от направления их пути, а вдоль литовской границы, проходившей в то время недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Сведений о возвращении новгородского отряда в русских источниках нет. Немалую ценность представляют в данном случае показания немецких хроник, почему-то почти не привлекаемые историками войны 1380 г. Эти данные помогают объяснить странное лишь на первый взгляд молчание почти всех новгородских летописей об участии в войне новгородцев.

Две современные событиям хроники — Детмара и Иоганна фон Позильге сравнительно подробно сообщают под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами: «Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и [литовцы] отняли у русских их добычу и убили их много на поле» (цитировано по Детмару).⁶³ Сходно сообщает о Куликовской битве и писавший 100 лет спустя немецкий историк Альберт Кранц, ошибочно отнесший, однако, событие к 1381 г. Здесь же он указывает, что в этом году в Любеке собрался съезд представителей всех

⁶³ Detmar-Chronik von 1101—1395 mit der Fortsetzung von 1395—1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19. S. 568. В сходном тексте это известие есть в более ранней хронике Детмара, доведенной только до 1386 г. (Ibid. S. 180). Позднее оно было повторено почти дословно так называемой хроникой Руфуса (Ibid. Leipzig, 1899. Bd 26. S. 257).

городов Ганзы.⁶⁴ На последнее обстоятельство обратил внимание Н. М. Карамзин, заметивший, что «оно может изъяснить, каким образом сведали в Германии о Донской битве: купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода, с ними союзного».⁶⁵ Действительно, Детмар писал свою хронику как раз в Любеке, а Позильге — в Ризенбурге,⁶⁶ расположенном вблизи Данцига и Эльбинга, представители которых были на ганзейском съезде в Любеке в июне 1381 г. Это был особенно крупный съезд, и как раз на нем обсуждался целый ряд вопросов, непосредственно относившихся к Новгороду.⁶⁷

Несомненно, что и хроника Позильге, и хроника Детмара, и «Вандалия» Кранца в данном известии имеют один общий немецкий источник. Это доказывается их общей и весьма характерной географической ошибкой: они сообщают, что победа русских над татарами в 1380 г. произошла «у Синей Воды» («bi Blowasser», «bie dem Bloen Wassir»), причем даже латинский текст Кранца дает название по-немецки («Flawasser»). Место Куликовской битвы ошибочно отождествлено с местом сражения, происшедшего на Украине между литовцами и татарами в 1363 г.⁶⁸ Характер ошибки подтверждает догадку Н. М. Карамзина. По всей видимости, перед нами неверно понятое и отсюда — неверно переведенное русское словосочетание «у Синего Дона».⁶⁹ Именно немецкий купец, которому русские рассказали о великой битве с татарами у Синего Дона, мог перевести это потом своим соотечественникам как «bie dem Bloen Wassir» — возможно, под влиянием слышанного им раньше рассказа, о другом бое с татарами у Синей воды. Следовательно, информатор, от которого эти сведения попали к хронистам, пользовался именно русским устным рассказом. Значит, сам рассказ этот, скорее всего, исходил (непосредственно или опосредованно) именно от новгородских участников войны, так как Ганза имела свои конторы на Руси только в двух пунктах — Новгороде и соседнем с ним Пскове.

⁶⁴ *Krantz A. Vandaliae. Hanoviae, 1619. P. 207.*

⁶⁵ *Карамзин Н. М. Т. 5. Примеч. 81.*

⁶⁶ Подробно см.: *Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter von der mitte des Dreizehnten bis zum ende Vierzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1870. S. 183—186.* Текст хроники с упомянутым известием о Куликовской битве см.: *Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. T. 3. P. 114—115.* Там же краткое известие об этой битве торунского анналиста, не содержащее интересующих нас деталей, кроме указания места боя — «Blowasser» (P. 114).

⁶⁷ См.: *Die Recesse und andere Acten der Hansetage von 1256—1430. Leipzig, 1872. Bd 2. S. 278—288, 1875. Bd 3. S. 329—330.* С 1381 по 1386 г. (до которого доведена впервые включившая это известие хроника Детмара) состоялось еще много ганзейских съездов, причем свыше десяти — в Любеке. Но они были менее связаны с Новгородом.

⁶⁸ «В 1363 г. войска Ольгерда разбили татарских князьков на Синей воде» (Очерки истории СССР. Период феодализма XIV—XV вв. Т. 2. С. 521). Синяя вода — приток Южного Буга.

⁶⁹ А. И. Никифоров, анализируя выражение «Слова о полку Игореве» «позрим синего Дону» в сопоставлении с записями фольклора, пришел к выводу, что словосочетание «синий Дон» устно-фольклорного происхождения — подобно сочетаниям «синее море», «синяя мгла» (Никифоров А. И. С. 364).

Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывающиеся о союзниках Мамаея, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, возвращавшееся в Москву. Эти летописи сообщают о враждебных действиях Олега Рязанского в отношении тех, «кто поехал с Доновского побоища домовь, к Москве, сквозе его отчину Рязанскую землю», хотя это были не боевые столкновения военных отрядов, а всего лишь случаи задержания отдельных лиц, затем отпущенных после отнятия добычи («велел имати и грабити, и нагих пушати»)⁷⁰.

Остается признать единственно приемлемым самое естественное объяснение. Немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также татары: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам. О том, что такое нападение действительно произошло, позволяет судить и совершенно независимый от новгородской устной традиции источник. Сохранилась запись Елифания Премудрого (бывшего в то время монахом Троице-Сергиева монастыря) на богослужебной рукописи, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): «Вестъ приде, яко литва грядут с агаряны» (т. е. с татарами).⁷¹ Эта вестъ, заставшая, по-видимому, войско Дмитрия Донского на подходе к Коломне, вероятно, и побудила его приостановить здесь с 21 сентября на четыре дня свое обратное движение к Москве.⁷² Однако столкновение с новгородцами, надо думать, достаточно исчерпало военный потенциал литовского войска, а отнятая добыча побуждала вернуться, не подвергая себя риску сражения с более крупными русскими силами. Остатки же новгородского отряда, очевидно, и принесли в Новгород вести, которые попали отсюда к немецким хронистам через участников ганзейского съезда 1381 г.

Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 г. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней на стороне Москвы русских войск, за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточно существенным для закрепления в летописи.⁷³ Тем более, что в 1382 г. произошел раз-

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 97; ср.: Т. 8. С. 41; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 205 и др.

⁷¹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 241.

⁷² Об остановке в Коломне см., например: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 67.

⁷³ Новгородские летописи того времени не раз умалчивали и о других военных мероприятиях новгородцев. Сведения о происходивших в тот же период походах новгородских ушуйников известны по преимуществу из новгородских источников, хотя эти походы сопровождалась даже взятием важных городов и возглавлялись иногда видными новгородскими боярами, один из которых впоследствии был даже посадником. См. исследование о походах ушуйников XIV—XV вв. в кн.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36—51.

гром Москвы Тохтамышем, а затем ухудшились ее отношения с Новгородом, что привело к войне между ними уже в 1386 г.

В 1381 г. в Новгороде возводят два каменных храма: Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле. Старшие летописи Новгорода сообщают об этом очень скупо. Однако уже из одного факта постройки церкви в честь небесного покровителя Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы очевидна тесная связь одного события с другим. Сохранилась краткая летопись самого храма Дмитрия Солунского. В ней говорится, что он возведен «по обещанию великаго князя Димитрия Донского», данному этим князем во время Куликовской битвы.⁷⁴ Новгородская Погодинская летопись указывает, что церковь заложена «по завету о победе на Мамаю»,⁷⁵ что это — церковь, «обещанная», чтобы Бог пособил победити Мамаю безбожнаго князю Димитрию.⁷⁶ Что касается храма Рождества, то его синодик прямо называл Дмитрия Донского создателем этой церкви в 1381 г.⁷⁷ Постройка церкви «по обещанию», по «завету», даваемому в критических обстоятельствах, — довольно обычное явление в средневековой Руси. Но, естественно, что Дмитрий Донской не был бы причастен к постройке этих церквей, если бы Новгород, в нарушение договора с ним, не принял участия в войне. Если обещание самого великого князя расценивать как позднейший домысел летописца церкви Дмитрия Солунского, то в таком случае построить в Новгороде «обещанную» церковь в связи с войной 1380 г. могли только участвовавшие в этой войне новгородцы.

95 лет назад был опубликован самый древний новгородский синодик, принадлежавший некогда церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Основная часть синодика переписана в середине XVI в. В этой части содержится поминовение «на Дону избненных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи». Несомненно, что речь идет именно о павших в 1380 г. новгородцах, так как все остальные поминовения этого раздела синодика явно относятся только к жителям Новгорода и Новгородской земли, погибшим в разных военных столкновениях более чем за 200 лет: с 1240 по 1456 г.⁷⁸ Существенно, что послед-

⁷⁴ *Азбелев С. Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 367—368. Здесь опубликован полный текст.

⁷⁵ ГИМ, собр. Черткова, № 331, л. 135 (первоначальная редакция летописи).

⁷⁶ РГБ, собр. ОИДР, № 129, л. 45 об. (краткая редакция летописи). Подробнее см. в статье: *Азбелев С. Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971.

⁷⁷ *Макарий*, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 558—559. Кроме Дмитрия Донского синодик называл здесь 13 других имен, среди которых на первом месте стояло имя Андрей (это могли быть оставшиеся в живых новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г.). Макарий сообщал, что синодик был переписан с древнего в XVIII в.

⁷⁸ Приводим полностью соответствующий отрывок: «Покоя Господи избненных на Неве от немец при велицем князе Александре Ярославичи и княжих воевод, и новгородских воевод, и всех избненных братии нашей; и на ледом избненных от немец братии нашей; и на Ракоборе избненных от немец братии нашей; и у Венца избненных от немец при князе Андреи; и у Выбора избненных от немец братии нашей при князе Юрьи; и в Орехове скон-

ним по хронологии является поминовение новгородцев, погибших в 1456 г. под Руссой от войск Василия Темного, когда потерпевший поражение новгородский отряд составлял всего 5000 воинов,⁷⁹ но нет поминания павших в 1471 г. в Шелонской битве от войск Ивана III, когда было разгромлено сорокатысячное новгородское ополчение, потерявшее только убитыми 12 000 человек.⁸⁰ Это свидетельствует, что оригинал интересующей нас части синодика был написан, во всяком случае, до 1471 г. Следовательно, эта часть синодика завершена в то время, когда после войны 1380 г. прошло от 76 до 90 лет, т. е. при сыновьях участников этой войны.

Таким образом, упоминание синодика о новгородцах, убитых на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче, заслуживает полного доверия.⁸¹ Это прямое свидетельство надежного источника окончательно убеждает в том, что непосредственное участие новгородцев в войне 1380 г. — исторический факт.⁸²

Из совокупности показаний других источников следует, что участие это было ограниченным. Новгород принял решение о вступлении в войну, по-видимому, позже, чем того ожидал великий князь Дмитрий Иванович, а эта задержка явилась причиной малочисленности новгородского отряда. Естественно, что в Москве такое запоздание могли истолковать — обоснованно или нет, мы не знаем — как маневр, позволивший уклониться от участия в войне большими силами.

6

Теперь можно охарактеризовать в целом данные о составе Сказания о новгородцах. Пафос его состоял в подтверждении самого факта участия Новгородской республики в освободительной войне 1380 г. Сказа-

вавшихся братии нашей; и под Корельским городом избяных от немец братии нашей; и на Нарове избяных при князе Александре Ярославлице; и на Мурманех, и на Печере, и в Перме и на Югре избяных братии нашей; и под Псковом избяных братии нашей; и в полону скончавшихся братии нашей, и в поганьском языке; и на Дону избяных братии нашей при велицем князе Дмитреи Ивановичи; и под Торжком избяных братии нашей от князя Михаила, и згоревших от огня в Торьжку; и в Новомгороде избяных братии нашей; и на Русе избяных бояляр новгородских и иных братию нашу от князя Василья Васильевича» (см.: *Шлякшин И. А.* Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5, С. 6—7 (отдельной пагинации)). Контекст убеждает в неосновательности предположения М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева о том, что слова «на Дону избяных <...> Дмитреи Ивановичи» «могли быть взяты из общего поминовения убитых в битве 1380 г.» (Повести. С. 287).

⁷⁹ См.: *Соловьев*. Кн. 2. С. 424—425.

⁸⁰ См.: Там же. М., 1960. Кн. 3. С. 19.

⁸¹ Нет нужды непременно понимать это географическое указание буквально. Столкновение с литовцами могло произойти не на берегу Дона, а недалеко от места проходившей на Дону Куликовской битвы. Приблизительно указывает синодик и на место битвы («на Русе»), хотя места эти были гораздо лучше известны новгородцу.

⁸² Свои сомнения относительно того, что новгородцы действительно участвовали в сражении на Куликовом поле, высказывал недавно Г. Е. Дубровин. Я попытался рассеять его сомнения, показав неосновательность доводов этого автора. См.: *Азбелев С. Н.* Участие новгородцев в Куликовской битве // Челю: Альманах. Великий Новгород. 2006. № 1 (25).

ние повествовало, что решение об этом было принято в Новгороде на вече, что новгородское войско отправилось в поход и что оно прибыло к месту назначения. Вероятно, говорилось и о том, что это устрашающее подействовало на литовского союзника Мамая. Далее, вероятно, сообщалось об участии новгородского войска в Куликовской битве и размерах потерь.

Удается выяснить непосредственные причины и обстоятельства появления этого произведения, его связь с общерусские устным репертуаром того времени. Вернемся к первоначальной версии Сказания о новгородцах. Исследователи не раз отмечали чрезвычайную близость текста, который мы обозначили как вариант 4, и одного из фрагментов так называемой Задонщины. Последний содержится в ее эпизоде, описывающем сбор войск и находящемся в четырех рукописях. Три из них дают сходный текст, в четвертой пассаже о новгородцах имеет весьма существенное отличие. Приводим этот фрагмент в контексте по обоим его разновидностям. В рукописи из собрания Ундольского (далее сокращенно: У) читается: «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезе. Звонять в колоколы вечныя в Великом Новегороде, стоят мужи новгородцкие у Софен премудрые, а ркут тако: „Уже нам, брате, не поспеть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю“. И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андреевичю. К славному граду Москве съехалися вси князи руские, а ркут таково слово: „У Дуная стоят татарова поганые, и Момаи царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым брести хотят, а предати живот свои нашей славе“». ⁸³ Аналогичный текст в рукописях Музейского собрания (далее сокращенно: М) и Синодального (далее сокращенно: С). ⁸⁴ Легко заметить, что пассаж о новгородцах полностью согласуется в существе с первоначальной версией нашего Сказания и даже близок к ней текстуально. Но численность новгородского войска здесь не 13 тысяч, а 7 тысяч.

Приводим вторую разновидность этого фрагмента в Задонщине — по рукописи Кирилло-Белозерского собрания (далее сокращенно: К-Б). «Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпугове, звенить слава по всеи земли Руськой. Чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светяться калантыри злачены. Звонят колоколи вечнии в Великом в Новегороде, стоят мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: „Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на посопь не поспети“. Тогда аки орли слеташася со всея полунощныя страны. То ти не орли слеташася, съехалися все князи русския к великому князю Дмитрию Ивановичю на посопь, а ркучи так: „Господине князь великыи, уже погании татарове

⁸³ Памятники Куликовского цикла. С. 113.

⁸⁴ Они отличаются по существу только цифрой численности новгородского отряда — 70 000.

на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят межю Дономь и Днепромь на рице на Чече. И мы, господине, поидемь за быструю реку Дон, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память“».⁸⁵ Как видим, здесь ничего не говорится о выезде новгородского войска: речь идет только о «жалобе» новгородцев по поводу того, что они не успевают прибыть на помощь великому князю московскому.

Сопоставим внимательно эти тексты. Первое впечатление, что во втором отрывке пропущена фраза о выступлении новгородцев в поход, оказывается ошибочным. Очевидно, что как раз отрывок, где нет фразы о выезде новгородцев, передает первоначальный текст, а вторичный текст — в другом отрывке, где эта фраза является вставкой. В тексте К-Б пассаж о съезде князей начинается трехчленной формулой отрицательного параллелизма: «аки орли слетошася» — «не орли слетошася» — «съехалися все князи руския». В тексте же У в результате неловкого включения фразы о выезде новгородцев оказались две стилистические неувязки. Во-первых, сравнение съезда князей со слетом орлов неудачно перенесено на выезд новгородцев: «аки орли слетешася» — «не орли слетешся» — «выехали посадники». Во-вторых, в результате такого переноса первых двух частей этой формулы ее третья часть, где речь идет о съезде князей, оказалась не связана стилистически с предшествующим текстом.⁸⁶ Эта вторая стилистическая неловкость еще более заметна в рукописи М, где читается следующее: «И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешся, и выехали посадники из Великого Новгорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю на пособье к славному граду Москве. То те съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю, а рьчучи им...» (и т. д.).⁸⁷

Не станем вдаваться здесь в рассмотрение общего взаимоотношения рукописей Задонщины. Заметим только, что разделяем в принципе точку зрения Е. В. Барсова и согласных с ним исследователей относительно того, что рукопись К-Б отразила более раннюю редакцию Задонщины.⁸⁸ В работах И. И. Срезневского, П. Н. Полевого, И. П. Хрущова, А. Н. Пыпина, В. Ф. Ржиги, В. П. Адриановой-Перетц и других иссле-

⁸⁵ Памятники Куликовского цикла. С. 89.

⁸⁶ Это наблюдение принадлежит А. А. Зимину (см.: *Зимин А. А. Две редакции Задонщины // Труды Московского гос. историко-архивного института. Вопросы источниковедения истории СССР*. М., 1966. Т. 24, вып. 2. С. 27).

⁸⁷ Памятники Куликовского цикла. С. 127. В рукописи С фраза о князях оказалась пропущена, что не улучшило стилистический облик текста, но исказило смысл: «Як тые слова измолвим, а уже какъ орлы слетишася, выехали посадники все из Великого Новгорода 70 000 кованья рати к великому Дмитрию Ивановичю, ко брату его князю Володимеру Андреевичю на пособье ко славному граду Москве: „У Дону великого стоят татарове поганы...“» и т. д. (Там же. С. 98). В результате пропуса фразы о съезде князей оказалось, что вести о продвижении татар приносят новгородцы, в устах которых, учитывая географическое положение Новгорода, это, конечно, выглядит неожиданно.

⁸⁸ Ср.: *Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси*. М., 1887. Т. 1. С. 437—438.

дователей было высказано и обосновано мнение, что Задонщина возникла первоначально как произведение устной поэзии.⁸⁹ Фундаментально этот тезис был доказан в исследовании А. И. Никифорова.⁹⁰ Нам представляется, что основу всех дошедших рукописей Задонщины составило устное героическое сказание Софония. Одну из разновидностей этого Сказания о Задонщине отразила рукопись К-Б, восходящая к записи устного текста на слух или по памяти.

Сопоставим эти данные о происхождении Сказания о Задонщине с выводами относительно исторической основы Сказания о новгородцах. Созданное вскоре после Куликовской битвы для прославления ее живых героев и оплакивания погибших, Сказание о Задонщине отражало в первую очередь настроения московского великого князя, его «подручных» князей и бояр. Это ясно видно из содержания. Новгородские бояре не входили в состав вассалов Дмитрия Донского, которые прибыли, очевидно, к нему по первому зову со всеми своими военными силами. И Софоний счел, как видно, уместным напомнить в своей «похвале» о том, что новгородцы слишком поздно стали «звонить в колоколы вечные». Ясно, что фраза о новгородцах в тексте К-Б имеет в виду именно это. Если бы Софоний думал, что Новгород вообще «не успел» принять участия в войне, то такие сведения вряд ли получили бы освещение в героическом Сказании, а если бы и были упомянуты, то совсем в иных выражениях и в ином кон тексте.⁹¹

Надо думать, что, когда устное Сказание о Задонщине оказалось занесено в Новгород, пассаж о новгородцах был воспринят здесь совсем иначе, чем в Москве. Новгородцев такое упоминание должно было серьезно задеть. Появилось естественное стремление «продолжить» фразу Софония о новгородцах, описав то, что происходило после упомянутого им веча. Подобного рода «продолжения» и «ответы» были заведены еще совсем недавно в устной традиции.⁹² Сказание о

⁸⁹ Подробно об этом см.: *Азбелев С. Н. Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 79—98.*

⁹⁰ *Никифоров А. И. С. 79—261.*

⁹¹ Вместе с тем очевидно, что фраза о новгородцах не является позднейшим привнесением в текст К-Б, добавленным после записи устного оригинала. Присутствие этого пассажа в самом устном сказании подтверждает так называемый печатный вариант «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. Пратекст этой разновидности ее особенно обильно использовал вставки из Сказания о Задонщине, но вставки эти взяты не по рукописи, сходной с К-Б, а либо из устного источника, либо по другой записи, весьма отличной от К-Б. Одна из таких вставок в сходном контексте передает ту же фразу о новгородцах: «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьють, тихо с поволокою ратные трубы трубить многогласно и часто коне ржуть. Звонить слава по всей Руской земли. Велико вече бьють в Великом Новеграде, стоят мужи Новьгородцы у святыя Софеи премудрости Божия, а ркучи между собою таковое слово: „Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию. Уже бо яко орли слеталися со всей Руской земли, съехалися дивныя удалцы храбрыхъ своихъ пытати“» (см.: *Поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Донского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 26—27.*)

⁹² См., например: *Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. М.; Л., 1952. С. 39.* В подобных случаях часто выражают уверенность, что перед нами новое явление в фольклоре. Однако дело, по-видимому, просто в том, что такие явления возникают лишь в определенных ситуациях, которые случались и ранее, но прежде наукой не фиксировались.

помощи новгородцев Дмитрию Донскому как раз и явилось таким продолжением соответствующей части Сказания о Задонщине и одновременно ответом на ту реакцию, которую оно вызывало, без сомнения, в Новгороде.

Сказание о новгородцах в свою очередь, вероятно, стало широко известно. Его использовал составитель позднейшей редакции Задонщины. В этой редакции было использовано не только Сказание о Задонщине Софония, но, очевидно, и несколько других аналогичного рода сказаний, появившихся после Куликовской битвы. Среди них было и Сказание о новгородцах. Если в дошедшем до нас виде оно преувеличило численность новгородского отряда (скорее всего, под влиянием сведений о 13 погибших в этой войне новгородских боярах) до 13 тысяч, то Задонщина сохранила, вероятно, более раннюю и более близкую к истине цифру — 7 тысяч.⁹³ Мы не знаем пока, существовало ли вообще это дополнение в устной Задонщине. Разобранные выше текстовые фрагменты свидетельствуют, что вставка была внесена непосредственно в письменный пратекст рукописей У, М и С. Эта редакция Задонщины включила из того же Сказания о новгородцах и перечень числа убитых бояр, который использован также в Повести о Мамаевом побоище и который рассматривался выше.

Так как мы не располагаем ни одной отдельной записью всего Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому, восстановление полного первоначального состава этого произведения требует дальнейших разысканий. В какой степени оно освещало ход самой Куликовской битвы, сохранились ли в дошедших рукописях другие части этого сказания, кроме тех, в которых прямо говорится о новгородцах, — на эти и подобные вопросы ответ может быть получен после дальнейшего изучения состава других устных сказаний, отразившихся в рукописной традиции.

Однако уже теперь есть все основания утверждать, что Сказание о новгородцах появилось на основе реальных фактов. Последующая эволюция его происходила, как можно судить по имеющимся материалам, в двух направлениях: в сторону сокращения и в сторону распространения. Как в первом, так и во втором случае происходили контаминации с другими устными произведениями о событиях 1380 г. В результате сокращения Сказание, может быть, свелось наконец к одному только эпизоду — прибытию новгородского отряда, численность которого, однако, сильно увеличилась по сравнению с первоначальной версией. Контаминация с локальным историческим преданием дала семейную редакцию Сказания. Краткая версия его, очевидно, еще существовала в живом репертуаре вплоть до конца XVII в., когда была использована составителем Новгородской Забелинской летописи.

Пространная версия возникла на основе обычной в историческом фольклоре тенденции подробно объяснить сообщаемые факты. Приходится думать, что эта версия развилась в культурной среде опытных но-

⁹³ Упоминание о выезде семитысячного новгородского войска попало и в большинство списков Вологодско-Пермской летописи (см.: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 130).

сителей устной традиции Новгорода. Источником распространения был не только художественный домysel, которому почти целиком обязаны, очевидно, два первых эпизода, а в значительной степени — и содержание трех остальных. Не были выдуманы имена новгородских воевод, хотя нельзя, конечно, утверждать, что все эти имена в одинаковой степени историчны. Историческое предание, из которого они только и могли быть взяты, само, вероятно, прошло некоторую эволюцию ко времени его контаминации с героическим Сказанием. К подобного же рода преданию восходят, вероятно, и имена купцов, принесших якобы первыми в Новгород весть об угрозе Москве. Несомненно, что после событий 1380 г. в Новгороде, как и повсеместно на Руси, циркулировало очень много связанных о ними устных рассказов, часть которых выкристаллизовалась затем в предания. Эти предания, конечно, далеко не всегда и далеко не во всем были достоверны. Очень возможно, что та версия Сказания о новгородцах, которая дошла в виде литературно обработанного варианта 1, бережно сохранялась и даже культивировалась после утраты Новгородом независимости в промосковски настроенной части потомков политических деятелей Новгородской республики. Именно они могли быть более всего заинтересованы в той идеализированной трактовке событий, какая присутствовала, вероятно, в устном оригинале варианта 1.

После включения Новгорода в состав единого Русского государства он в течение еще 100 лет занимал в этом государстве положение во многих отношениях исключительное, благодаря чему продолжало культивироваться идейное и политическое наследие периода независимости. Только разгром Иваном IV, а несколько позднее — разорение в период шведской оккупации начала XVII в. уравнили Новгород с другими крупными городами России. Но в области культуры традиции прошлого продолжали еще жить вплоть до XVIII в. С конца XVII столетия получает широкое распространение Синописис — первая печатная книга по русской истории, за 100 с лишним лет изданная более 10 раз. В состав Синописиса вошла одна из редакций Повести о Мамаевом побоище, где упоминания об участии в войне новгородцев были исключены. Из Синописиса данная редакция Повести перешла в массовые и многочисленные издания народных картинок. Таковы те внешние причины, которые привели к постепенному исчезновению Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому из устного репертуара.

Итак, это Сказание, основанное на историческом факте, было порождено стремлением отстоять престиж Великого Новгорода перед Москвой в период его независимости. После утраты этой независимости Сказание поддерживалось воспоминаниями о ней и существованием локальных преданий о новгородцах — участниках событий 1380 г. Позднее оно разделило, очевидно, судьбу почти всех устных произведений об этих событиях: было вытеснено массовой печатной продукцией, предлагавшей адаптированное изложение Повести о Мамаевом побоище.

НОВГОРОДСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ — СТОРОННИК МОСКВЫ

1

Интересный и сложный пример эпической поэтизации фактов представляет собой былина о свержении татарского ига — «Добрыня и Василий Казимирович». Как увидим, выявление исторической основы и исследование пути эпических трансформаций в данном случае потребовали привлечения весьма разнородных материалов. Трудная для изучения и неоднократно изучавшаяся, эта былина интересна и как выразительный пример того, насколько иногда спорны могут оказаться выводы исследователей в тех случаях, когда подкрепляющие их построения базируются либо на самых общих представлениях об эпохе, либо на традиционных, но критически не проверенных по первоисточникам оценках конкретных событий.

Былина известна нам в 27 записях. Они распадаются на три версии, основная версия имеет три редакции. Характеристику состава этой версии удобнее начать с онежской редакции, записывавшейся особенно часто, но почти всегда — в соединении с былиной о неудачной женитьбе Алеши Поповича¹ (эпизоды последней, однако, легко могут быть выключены без ущерба для цельности повествования; такое выключение их было осуществлено самим исполнителем или его предшественником в варианте ОБ 9).² Если отвлечься от этих вставок и второстепенных различий, общая схема содержания сводится к следующему.

1. Василий Казимирович, Добрыня Никитич и Иван Дубрович по поручению Владимира везут дань неверному царю.

2. Царь предлагает богатырям состязания. Участвующий в них по поручению Василия Казимировича Добрыня обыгрывает царя в шахматы, затем побеждает его лучших стрелков из лука и, наконец, успешно побарывает многих татарских борцов.

¹ Рыбников 8; Гильфердинг 80; Всеволодский-Гернгросс, прил. 6; Базанов 5; ОБ 9, 39, 97, 102, 108; Астахова 1951 134; РЭПК 40; АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 69, № 2; ФА, ФВ, № 710/1—711; с добавлением о поединке Добрыни и Алеши: ИРЛИ, Р. V, колл. 165, п. 22, № 12; кратко в составе сводной былины о Добрыне: АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 2, № 68.

² Это видно из следующего: в контаминированных текстах Добрыня, согласно былине о женитьбе Алеши, едет проститься с матерью и договаривается поэтому с Василием Казимировичем о встрече у камня Латыря. Встреча проходит после прощания Добрыни. В варианте ОБ 9 также говорится о встрече богатырей на этом месте, хотя из предыдущего ясно, что они не разъезжались (на это обстоятельство обратил внимание Ф. М. Селиванов).

3. Борьба переходит в бой русских богатырей со всей татарской силой, и они побивают войско вражеского царя.

4. Царь просит пощадить остатки его военной силы, отдает дань и обязуется впредь платить ее Владимиру.

В мезенско-алтайской редакции³ Василия Казимировича сопровождает один Добрыня. Богатыри здесь отказываются везти русскую дань в Орду, а отправляются туда (с согласия Владимира), дабы получить дань от татарского царя. В алтайском варианте (Гуляев 10) Владимир даже пишет по просьбе своих послов (инициатива принадлежит Добрыне) грамоту с требованием дани от Батура. Прочтя это письмо, издевательски переданное богатырями, Батур грозит Василию Казимировичу, что ему «отсель не уехати». Состязания аналогичны онежской редакции, выигрывает их Добрыня, причем после стрельбы угроза царя повторяется. Избиение татар после третьего состязания богатыри прекращают, получив обещание царя отдать Владимиру «дани и пошлыны за те годы за прошлые, за те времена — за двенадцать лет».

Плохо сохранилась нижегородско-шенкурская редакция. В сокращенном и полуразрушенном, но содержащем некоторые существенные детали нижегородском варианте (Киреевский. Вып. 2. 90) с Василием Казимировичем тоже едет только Добрыня. Привезших дань богатырей царь Батырь встречает насмешкой: «Не бывать вам молодцам на святой Руси». Из состязаний сохранилась только стрельба, но видно, что цель состязания (происходящего по инициативе Добрыни) — завоевать право вернуться на Русь. Затем богатыри избивают татар. Батырь просит оставить «хошь на семень» и отказывается от русской дани. Несколько лучшей сохранности по степени полноты шенкурские варианты (Киреевский. Вып. 2. 83 и 83 примеч.), где кроме Добрыни героя сопровождает Марк паробок. Эти тексты испытали влияние мезенско-алтайской редакции, нарушившее логичность содержания: богатыри уезжают без дани (отказавшись взять ее), но, приехав, предлагают Батырю принять дань. Тот не торопится ее взять, а назначает состязания. Победив в них, богатыри возвращаются в Киев, так и не отдав дани.

Сопоставление всех вариантов трех редакций заставляет полагать, что главные эпизоды, перечисленные при общей характеристике первой из них, входили и в состав архетипа основной версии. В нем присутствовали, очевидно, и некоторые мотивы, утраченные большинством вариантов, но сохранившиеся в удаленных друг от друга географически и по составу вариантах разных редакций, что свидетельствует об исконности этих мотивов для версии. Сюда относятся независимое поведение богатырей при встрече с вражеским царем и стремление его не отпускать послов обратно на Русь (чем и мотивированы состязания в вариантах Киреевский. Вып. 2. 90 и Гуляев 10).

Крупные отличия имеет печорская версия,⁴ испытавшая существенное воздействие других былин. Богатыри везут здесь дань-пошлину на кораблях, состязания мотивируются тем, что иноземный царь отказыва-

³ Гуляев 10; Григорьев 352, 358, 419.

⁴ Оичуков 11, 65; Леонтьев 13; БПЗБ 69.

ется ее принять, богатыри обычно убивают его, забирают богатства и возвращаются на Русь. Главным героем оказывается в одном случае Дунай, в другом — Василий Буслаев; Добрыня присутствует только в двух записях, причем роль его здесь гораздо менее значительна.

Беломорская версия, представленная одним вариантом *Марков* 138, будет подробно охарактеризована в дальнейшем.

2

А. В. Марков, кажется, первым обратился (хоть и очень бегло) к вопросу об исторической основе этой былины и времени ее сложения, которое он определял XV в. «Имя новгородского посадника Василия Казимира, — писал по этому поводу А. В. Марков, — встречается в летописях под 1471—1481 гг. Он подносил дары московскому великому князю; былины сделали из ненавистного новгородцам московского властителя иноземного царя и отправили к нему с Василием Казимировичем дань, но ее предметами выставили соколов и кречетов, издавна поставлявшихся к московскому двору из Новгородской земли».⁵

Подробно рассматривавший эту былинку В. Ф. Миллер считал, что она отразила исторический факт прекращения выплаты русской дани татарам при Иване III. Дав обзор некоторых летописных свидетельств о новгородском посаднике Василии Казимире — современнике этого события и падения независимости Новгорода, В. Ф. Миллер приходит к заключению, что он был главным образом политик и дипломат, борющийся против Москвы, в связи с чем «былинный Василий Казимирович, как исполнитель дипломатических поручений, до некоторой степени напоминает исторического».⁶ Исследователь отмечал также, что «новгородский Василий Казимир пострадал от великого князя: был им посажен в тюрьму и затем освобожден вследствие ходатайства боярской новгородской партии. Это сидение в тюрьме должно было привлечь к нему как к пострадавшему симпатии людей его партии, увеличить его популярность».⁷ Наконец, В. Ф. Миллер замечает, что «врагами исторического Василия Казимира были <...> конечно, московские бояре, окружавшие великого князя», и напоминает, что в варианте *Оичуков* 65 «мы находим такое же враждебное отношение княжеских бояр к Василию Казимирову».⁸

В. Ф. Миллер датировал былинку началом или первой половиной XVI в. по следующим основаниям. 1) Поскольку настоящим героем былины является, по мнению исследователя, Добрыня, то следует думать, что былина появилась до того, как Добрыня в эпосе был отнесен на второе место Ильей Муромцем, что, по мнению В. Ф. Миллера, произошло во второй половине XVI в. 2) Поскольку в былинке Василий Ка-

⁵ *Марков А. В.* Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 58. № 3. С. 46.

⁶ *Миллер.* Очерки. Т. 2. С. 207.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 208.

зимирович фигурирует «в качестве служилого лица при князе Владимире и стоятеля за общерусские государственные интересы», хотя его прототип был «упорный стоятель за новгородскую вольность и враг великого князя», то следует думать, что после деятельности исторического Василия Казимира должно было пройти достаточно много времени, чтобы такая метаморфоза могла произойти; это мешает отнести сложные былины к XV столетию.⁹ Поскольку князь Владимир в варианте *Григорьев* 352 изображен «грозным властителем вроде московского царя Грозного» (готов за неуместное слово казнить, окружен боярами «подмолвщиками», держит «в погребе» богатыря, вина которого в былине не объяснена, богатыри падают князю в ноги), то «все это, по-видимому, черты времени».¹⁰

«Наличность новгородского имени — Василия Казимира, — писал В. Ф. Миллер, — указывает на новгородский район сложения былины».¹¹ Этим новгородским происхождением ее В. Ф. Миллер и объяснял отмеченное А. В. Марковым «упоминание соколов и кречетов в инвентаре дани», подчеркивая, что он расходится с А. В. Марковым не только «в определении времени сложения былины», но и «в предположении ее первоначального значения», поскольку «перелицовка московского великого князя в татарского царя Батыея <...> представляется маловероятной».¹²

М. Н. Сперанский в своем довольно беглом, но содержательном обзоре предполагал, что имя Василия Казимировича (прототип которого «ловкий организатор борьбы против Москвы») «покрыло собой другое, раньше бывшее в былине тогда, когда в новгородской области перерабатывалась наша былина». Автор считал, по-видимому, что само сложение «сюжета о посольстве Добрыни» могло произойти еще в XV в. на основе исторического факта прекращения уплаты дани татарам при Иване III, а переработка — в XVI в. М. Н. Сперанский допускал также предположение, что образцом послужила былина о Добрыне и Дунае, несколько развивая этим, как и остальным своим построением, общую концепцию В. Ф. Миллера, тоже отмечавшего сходство этих былин.¹³

Возражал В. Ф. Миллеру А. П. Скафтымов, считавший отмеченные черты сходства между персонажем былины и новгородским посадником Василием Казимиром недостаточными, «чтобы его считать историческим прототипом былинного Василия Казимировича». А. П. Скафтымов отмечал, что сидению исторического Василия Казимира в княжеской тюрьме соответствует только в одном варианте сидение Василия Казимировича в «погребке глубоком» у Владимира. «Впрочем, — заключает А. П. Скафтымов, — едва ли верил сам Миллер в эти сходства» — и приводит слова В. Ф. Миллера: «Мы не в состоянии уяснить себе мотивы, вызвавшие внесение имени Василия Казимира в былину так назы-

⁹ Там же. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 209—210.

¹¹ Там же. С. 210.

¹² Там же. С. 209.

¹³ См.: Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 247—249

ваемого киевского цикла, кроме разве того, что это имя в свое время пользовалось широкой известностью».¹⁴

Возражения эти хотя и несколько поверхностны, но небезосновательны. Можно было бы к ним добавить, что, например, изображение Владимира самодержцем вроде Ивана Грозного — тоже индивидуальная для данной былины особенность одной из ее записей, легко объясняемая влиянием других былин и позднейшей исторической обстановки. Во всяком случае при датировке произведения рискованно опираться на данные такого рода, если нет аргументов, которые объясняли бы причины исчезновения этих черт в подавляющем большинстве его вариантов.

Построению В. Ф. Миллера в основном следует В. Г. Смолицкий. Но он считает, в отличие от Миллера, что главный герой былины — Василий Казимирович. Побратимство его с Добрыней, по словам Смолицкого, «символизирует собой связь двух эпох, продолжение героических традиций русского народа», а образ Добрыни — «отважного воина, оберегателя земли русской» — был использован в новой былине «в качестве символа той силы, на которую опирается политик и дипломат Василий Казимирович».¹⁵ То обстоятельство, что он в некоторых вариантах отказывается везти дань, сближает его с историческим Василием Казимиром — лицом, «которое действительно находилось в оппозиции к великому князю».¹⁶ Стремясь уточнить обстоятельства, послужившие исторической основой былины, В. Г. Смолицкий считает, что исходным историческим фактом послужила отправка в 1480 г. Иваном III даров Ахмед-хану, который отказался их принять. В. Г. Смолицкий говорит о двух версиях былины. Печорская версия — древнейшая, так как в ней присутствует отказ вражеского царя принять дань. Позднее возникла версия, в которой богатыри сами отказываются везти дань. Варианты, записанные в Прионежье, а также тексты *Киреевский*. Вып. 2. 83 и 90 — переходные, так как в них богатыри едут с данью, но нет отказа царя принять ее.

Тот факт, что в печорских вариантах (как и в большинстве остальных) нет никаких намеков на противоречие героя князю, В. Г. Смолицкий объясняет забыванием. Этой же причиной объясняет он и отсутствие во всех вариантах, кроме печорских, отказа царя принять дань. По мысли В. Г. Смолицкого, оппозиция исторического Василия Казимира князю по вопросу о независимости Новгорода перешла в нежелание быллинного героя везти дань татарам в результате того, что в XVI в. «от образа Василия Казимира достоверно исторического осталось только то, что он неоднократно находился в конфликте с князем и был современником „стояния на Угре“». Автор пишет: «Идея былины как бы носилась в воздухе в разрозненных исторических припоминаниях различных фактов и оценках различных исторических событий. Фантазия и

¹⁴ *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994. С. 50—51.

¹⁵ *Смолицкий В. Г.* Из истории русского героического эпоса. (Историческая основа былины о Василии Казимировиче) // Советская этнография. 1963. № 5. С. 16—17.

¹⁶ Там же. С. 18.

талант народа-художника переплавили весь этот разнородный материал в стройное, самостоятельное поэтическое произведение».¹⁷

Идея о существовании в былине противоречия между героем и князем восходит к труду В. Я. Проппа, который, правда, полагал (на основании варианта *Гуляев 10*), что Добрыня отражает взгляд народа, требующего сопротивления врагу, а Василий Казимирович, начавший действовать как исполнитель воли Владимира, постепенно переходит к точке зрения Добрыни. В. Я. Пропп считал, что «содержанием былины является постепенное разоблачение слабости врага и сознание превосходства и перевеса русских. Это приводит к сознанию, что татарская власть держится не своей силою, а слабостью и нерешительностью князей, готовых платить дань вместо того, чтобы оказывать сопротивление. Требуется только незначительный толчок для окончательного свержения этого ига, и такой толчок дается героями, носителями народной исторической мысли».¹⁸ По мнению В. Я. Проппа, произведение возникло гораздо ранее событий 1480 г. — даже до того, как Русь начала активную борьбу за свержение татарского ига: былина «исторична в том смысле, что правильно передает историческую обстановку: она указывает, что народ осознал свои силы; она показывает, с какими мыслями и чувствами воины шли на бой, когда возникали решительные столкновения, одним из которых позднее была Куликовская битва».¹⁹

Будучи логичным, построение В. Я. Проппа, однако, не основывается на достаточно точном учете конкретных исторических ситуаций: общая обстановка, подобная той, о которой писал В. Я. Пропп, имела место не до Куликовской битвы, а лишь столетие спустя, когда действительно существовала общественная оппозиция нерешительности московских властей в конфликте с татарским ханом во время «стояния на Угре», результатом которого и явилось освобождение от татарского ига. Но В. Я. Пропп совершенно справедливо отмечал, что «в таких формах, в каких в былине совершается это событие, оно в истории происходить не могло».²⁰

Сравнительно коротко рассмотрел былинку Б. А. Рыбаков. Он писал: «Почти все детали этой былины — поздние, отражающие, очевидно, эпоху „ордынского выхода“, но в некоторых вариантах сохранились очень старые подробности, позволяющие говорить о большой древности былинной основы». Б. А. Рыбаков называет эти подробности: отчество князя Владимира — «Сеславич» и название «земля Поленецкая», употребленное вместо Орды. «Можно предположительно сопоставить основу этой былины, — продолжает автор, — с первым походом Владимира Святославича в качестве киевского князя в 981 г., когда он зашел в землю польских Полян „и зая грады их Перемышль, Чьрвен и ины грады, иже суть и до сего дьне под Русию“. В этом же году был совершен удачный поход и в другом направлении: „В сем же лете и Вятичи победи

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 366.

¹⁹ Там же. С. 368.

²⁰ Там же. С. 335.

и възложи на ня дань от плуга". Этими двумя успешными походами открывалось княжение Добрыниного племянника. Победная песня о наложении дани на Червенские города „Поленецкой земли“ могла быть хорошим продолжением песни о победе над Полоцком в предыдущем 980 г. Удачный дебют юного князя, в первый же год увеличившего казну новой данью, вполне мог быть воспет в виде былины о Добрыне, его государственном опекуне; воспевались не военные действия, а их результат — „дани-пошлины“». Сказав на основании данных летописи о важности для киевского князя и его дружины дани, приобретение новых объектов которой «могло стать предметом воспевания на дружинных пирах „ласкова князя Владимира Сеславича“», Б. А. Рыбаков заключает: «После отказа от выплаты ордынской дани в XIV—XV вв. былина приобрела свой современный вид».²¹

Любопытный опыт изучения этой былины содержался в кандидатской диссертации Ф. М. Селиванова. Автор ее пришел к выводу, что сохранившиеся варианты (кроме печорской версии) отразили «переработку более раннего эпического произведения», содержание которого «заключалось не в освобождении Киева от уплаты дани „царю неверному“, а в том, что русские сами сумели взять дань с непокорного властителя и поставить его в зависимое положение».²² Ф. М. Селиванов считал, что это была былина о Добрыне (воздерживаясь от суждения, какой именно конкретный поход за данью послужил отправным историческим фактом). Переработка ее происходила постепенно, что по-разному отразилось в вариантах.

Предположение о связи былины с посадником Василием Казимиром Ф. М. Селиванов отверг, признав неубедительными доводы А. В. Маркова и В. Ф. Миллера относительно сходжений между историческим персонажем и былинным. «Кроме того, — писал Ф. М. Селиванов, — трудно допустить, чтобы новгородский посадник, один из предводителей „литовской партии“, оказавшийся в эпоху острого столкновения классовых интересов при решении исторических судеб Новгородской земли (присоединение к Московскому государству) не на стороне широких народных масс, стал героем народного произведения».²³ Соответственно автор отводит и предположение, что переработка былины происходила в Новгороде, а время переработки относит к эпохе, предшествовавшей освобождению от татарского ига. Особенности печорской версии Ф. М. Селиванов объясняет предположением, что основу ее составило недошедшее эпическое произведение, отразившее события X в. — русские походы по Волге и Каспийскому морю или разгром Хазарского царства Святославом.

Основательно аргументирована в диссертации гипотеза о существовании былины, посвященной поездке Добрыни за данью. Внимательно

²¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, М., 1963, С. 67.

²² Селиванов Ф. М. Традиционные формулы русского эпоса. (К вопросу о его исторической основе): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 1964, С. 15—16.

²³ Там же. С. 16. Дальнейшие ссылки даются на диссертацию (любезно присланную мне в свое время ныне покойным автором), в которой этой былине посвящены с. 158—281.

разобрав довольно многочисленные упоминания в разных былинах о сборе богатырями дани, автор доказывает, что исполнителем такого поручения оказывается, как правило, Добрыня. Выясняется, кроме того, что стилистически описания отправки богатырей с данью в былинах «Добрыня и Василий Казимирович» оказываются аналогичны описаниям отправки за данью в других былинах, а сама номенклатура дани в изучаемой былинах более соответствует эпохе Киевской Руси, чем татарского ига. По заключению Ф. М. Селиванова, в окончании ряда вариантов «дело представляется так, что не Владимир должен платить дань за 12 лет иноземному царю, а наоборот».²⁴ Своей гипотезой автор объясняет не только это, но и другие «странности» былин: богатыри ведут себя дерзко перед вражеским царем порой и в тех вариантах, где дань ему привезена, привоз же ее воспринимается обычно царем как ничего не значащий факт, царь стремится, по-видимому, с помощью состязаний погубить богатырей, хотя они привезли ему дань, и т. п.

Мнение автора, будто все это — только результат переделки былин о походе Добрыни за данью, не убеждает. Однако сама гипотеза о существовании такой былин и о воздействии ее на былин о свержении татарского ига плодотворна. Она позволяет объяснить теперь обстоятельство, смущавшее еще В. Ф. Миллера: послом отправлен Василий Казимирович, но он требует, чтобы вместе с ним ехал Добрыня, а по прибытии в Орду Добрыня и поручает главный персонаж участие в предлагаемых вражеским царем состязаниях, всякий раз прямо заявляя, что он надеется на Добрыню. Раз истинная цель поездки состояла в том, чтобы заменить отвоз дани получением ее, то естественно, что герой берет своим помощником богатыря, хорошо известного как раз умением получать дань от грозного и хитрого иноземного властителя.

Предполагаемая Ф. М. Селивановым былина в условиях татарского ига могла сохраняться как раз в устном репертуаре Новгорода и Новгородской земли. Здесь интерес к ней должен был поддерживаться систематическими реальными поездками за данью на северо-восток (поездками, очень часто носившими характер военных предприятий). С другой стороны, в Новгородской земле гнет татарского ига ощущался несравненно слабее, чем в «низовских» княжествах Руси, где такая былина находилась бы в слишком разительном несоответствии с реальной действительностью.

Такова, в сущности, весьма разноречивая историография вопроса. В обзоре ее мы не касались экскурсов, посвященных преимущественно параллелям к эпизодам состязаний в эпосе других народов (главным образом в трудах В. В. Стасова и О. Ф. Миллера), а также беглых упоминаний и краткого рассмотрения в общих курсах, не дающих оригинальной разработки по данному сюжету.

Таким образом, несмотря на крупные расхождения существующих концепций, между ними есть все же общее, отражающее самоочевид-

²⁴ Селиванов Ф. М. Традиционные формулы русского эпоса. С. 228.

ный факт: былина в том ее виде, какой известен нам по записям XIX—XX вв., появилась в эпоху борьбы с татарами.

3

При выявлении исторической основы былины существенным подспорьем оказывается текстологическое изучение. Полезно попытаться, в частности, определить взаимоотношения записанных вариантов с тематически близкими произведениями других жанров, более непосредственно отражавшими исходные исторические факты. Это позволит строить выводы о соотношении былины с историей не только на характеристике предполагаемой исторической основы. А чтобы определить, какие именно исторические события могли послужить отправным толчком появления былины, целесообразно суммировать сначала основные идеи сохранившихся ее версий.

Одна из этих идей должна быть в данном случае отведена вследствие ее очевидного несоответствия истории. Только «логика народного героического эпоса отразилась в том, что «русские богатыри вместо дачи дани сами получают ее с властителей Орды».²⁵ Это уже само по себе свидетельствует против допущения, что былина появилась на основе преданий или воспоминаний, повествовавших о реальном факте освобождения от татарского ига. Факт этот был для былинной ситуаций слишком «односторонним»: перестав платить дань татарам, Русь, однако, не стала сама получать дань от них. За вычетом данного мотива (отсутствующего, впрочем, не только в печорской версии и в некоторых вариантах основной версии) главное содержание былины — это описание богатырского посольства, отправленного зависимым от татар русским князем к татарскому царю по поводу русской дани, посольства, результатом которого из-за агрессивности татарского царя явилось избиение русскими богатырями почти всей татарской силы. Эти два взаимосвязанных стержневых мотива былины оказываются достаточным определителем отправных исторических фактов. Рассмотрим их по методу исключения.

В наиболее тяжелые времена татарского ига на протяжении 150 лет русские князья и их послы многократно ездили в Орду, но смысл этих поездок был слишком далек от былинной ситуации, не говоря уже о том, что в тот период не было сколько-нибудь значительных фактов уничтожения русскими татарских войск, военного разгрома татарской армии, сопровождавшийся почти полным ее истреблением русскими, происходил только в последней четверти XIV в.

В XV столетии крупных военных побед над татарами не было. Отправка дани в Орду прекратилась после 1480 г., в котором произошла поездка Ивана Товаркова к Ахмед-хану с дарами от Ивана III. Но событие это не сопровождалось разгромом вражеских войск. Генерального сражения между противостоявшими армиями русских и татар, как известно, так и не произошло.

²⁵ Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 184.

Военные успехи XVI столетия происходили уже на совершенно ином фоне общих взаимоотношений Руси и татарских ханств: ни о каких посольствах к татарам по поводу русской дани в то время речи уже не могло быть. Ханства эти одно за другим завоевывались и включались в состав Русского государства. События XVI в. не могли послужить исторической основой былинны.

Вернемся к фактам последней четверти XIV в. Первая крупная победа над татарами — битва на р. Воже в 1378 г. — не была связана с какими-либо посольствами или переговорами относительно дани. Таким образом, отпадает и этот исторический эпизод.

Остаются события 1380 г. Именно они и дают искомое нами соединение в реальной исторической действительности двух как будто противоположных по своему смыслу фактов. В этом году русское посольство с богатыми дарами было отправлено к татарам, состоялись переговоры по поводу русской дани, после чего татарское войско было русскими разбито и почти полностью истреблено. Если мы обратимся к летописям, то обнаружим не только в этом главном, но и в некоторых частностях достаточно очевидную аналогию былинной ситуации. Еще в начале 70-х гг. XIV в. московский великий князь Дмитрий Иванович, пользуясь ослаблением Орды, добился договоренности об уменьшении размера дани по сравнению с той, которая выплачивалась ранее при хане Джанибеке. После того как русские разбили татар на р. Воже, Мамай, к тому времени укрепивший свою власть в Орде, собрал огромную армию для приведения Руси к прежней покорности. В данной связи летописи, относящиеся к середине XV в., сообщают, что, придвинув свое войско к границам Русской земли, «нача Мамай слати к великому князю Дмитрею Ивановичю выхода просити (т. е. требовать дани. — С. А.), как было при Зянбеке цари». Дмитрий Иванович, по словам летописца, «не хотя кровопролития, и хоте ему выход дати по християньской силе и по своему докончанию, как с ним кончал» (т. е. согласно последней договоренности). Однако Мамай «не въсхоте» этой уменьшенной дани, «но высоко мысляше».²⁶ Затем описывается Куликовская битва, окончившаяся истреблением вражеской армии и бегством Мамаю, и говорится о захвате русскими богатой добычи.

Составленная в последней четверти XV в. Вологодско-Пермская летопись сообщает подробности, согласно которым русский князь, по-видимому, первым начал переговоры, отправив посольство с дарами к Мамаю. Здесь говорится, что Дмитрий Иванович «иде в казну свою з братом своим и взял злата много. И избра некоторого уношу от двора своего, имянем Захарью Тютчева, доволна суща смыслом, и дав ему два толмача, умеюще языку ельяинску (здесь: татарскому. — С. А.) и отпусти его ко царю».²⁷ А. А. Шахматов писал, что это — факты, которые «са-

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 92.

²⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 129. Это так называемая летописная редакция Повести о Мамаевом побоище. По заключению А. А. Шахматова, цитированное нами известие этой повести о Тютчеве относится к числу «исторических фактов, несомненно заимствованных из летописи», в которой А. А. Шахматов видел не дошедшую до нас Московскую великокняжескую летопись. См.: *Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повес-*

мый скептический ум не решится признать выдуманнными».²⁸ Сопоставление этих данных в контексте содержащих их летописей приводит к заключению, что предъявленное Мамаем требование увеличенной дани как раз и явилось своеобразным ответом на те дары, которые привез ему от русского князя Захарий Тютчев.²⁹

Вообще же и посольство Тютчева, и ответное требование Мамаю являлись, по-видимому, в основном военно-дипломатическими маневрами. Как явствует из совокупности данных летописей и других письменных источников, Мамай был настроен весьма агрессивно и привел огромную армию не для того, чтобы путем давления вынудить русских увеличить дань, а прежде всего с целью учинить такой погром русских земель, который вернул бы русско-татарские отношения к стадии, последовавшей за нашествием Батыея. Русским же необходимо было получить как можно более полные сведения о силах и намерениях врага и выиграть время для сбора своих сил. Понимая, вероятно, истинную цель посольства Тютчева, Мамай, ожидавший своего литовского союзника, старался, как видно, не отпускать Тютчева назад, а затем отправил к русскому князю своих послов с требованием увеличения дани. Дмитрий Иванович в свою очередь, вероятно, задержал татарских послов. Именно такая картина довольно ясно угадывается за содержанием весьма популярных некогда фольклорных произведений о посольстве Захария Тютчева.

Наиболее ранняя по времени запись версия сказания о посольстве Тютчева (которую мы назвали условно первой версией) сохранилась в двух рукописях «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. Согласно этой версии, «Захария же прииде к царю Мамаю <...> и принесе ему от князя Дмитрея Ивановича дары многия». Мамаю, однако, дары не удовлетворяют, он «наипаче възьярися»: «Иду бо на Русь казнити улусника своего, князя Дмитрея московскаго». Посол отстаивает достоинство своего князя и резко выражает сомнение в успехе замыслов татарского царя. На это Мамай восклицает: «Тебя же не имам отпусти-ти ко князю твоему». Затем происходит своеобразное состязание в хитроумии между царем и Захарием. Мамай обещает ему «имения свыше, еже еси имел у князя своего», намереваясь оставить посла навсегда у себя. Захарий притворился, что подчиняется с готовностью. Он просит только разрешить ему сперва закончить свои посольские дела перед прежним государем, ответить ему ответ царя: «И аще сему, царю, не веруеши и ты пошли со мною от своих раб и будет ти вернее возвращение мое к тебе». Мамай посылает с Захарием «Менгирея конюшаго своего

ти о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академии наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 175.

²⁸ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... С. 175.

²⁹ В летописях середины XV в. говорится, что еще до этих требований Мамаю Дмитрий Иванович получил вести о союзе литовского князя Ягайло с Мамаем. Цитированное же нами известие о Тютчеве сообщает далее, что в начале своего пути к Мамаю Тютчев получил сведение об этом союзе и немедленно отправил своего гонца тайно передать эту весть Дмитрию Ивановичу. Из этого следует, что хронологически поездка Тютчева, очевидно, предшествовала получению требований Мамаю.

да Голохата дворецкого³⁰ своего, да Исупа чашника своего». Захарий с дороги предупреждает об этом Дмитрия Ивановича, в результате чего по прибытии татары оказываются схвачены. Известие об этом вызывает ярость Мамаю, его угрозы взять Москву, расправиться с русским князем и с его послом.³¹ Далее в повести подробно описывается Куликовская битва.

Не исключено, что в трактовке реакции Мамаю на русские дары и отношения его к русскому послу предание отобразило реальные факты. Мамай, стремясь задержать Захария, мог действительно предложить ему перейти на службу к татарам. Но объяснение этим обстоятельством отправки высокопоставленных татар на Русь, конечно, результат фольклорного домысла. В действительности они, очевидно, и составляли то посольство Мамаю, которое везло Дмитрию Ивановичу требование об увеличении дани.

Более развитый вид той же версии сказания о Захарии Тютчеве попал в распространённую редакцию Повести о Мамаевом побоище. Здесь особо подчеркивается, что Мамай предлагал Захарии службу, удивленный его «премудростью». Когда Мамай, отнесшись пренебрежительно к русским дарам, стал высказывать угрозы по адресу русского князя, Захарий «исполнился ярости» и дерзко ответил вражескому царю, за что едва не был убит царскими слугами. Посланных на Русь татар Захарий уже в дороге велел связать, а одного отпустил к Мамаю с оскорбительным ответом и с обрывками ультимативного письма Мамаю, адресованного Дмитрию Ивановичу.³²

Вторая версия представлена героическим сказанием, которое А. Харитонов записал в Шенкурском уезде. Здесь рассказывается, что князь Дмитрий Иванович послал «с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему». Приведенный в ярость дерзким поведением посла, Мамай решает погубить Захария: «Набрал он из татар сильных могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: „Пошли, — говорит — слуги мои верные, попервое русского посла Захарья Тютрина; дорогой уходите его в темных лесах, в крутых угорах...“».³³

Существенно, что татарский отряд отправляется тут уже не в результате просьбы Захария, а в результате намерения Мамаю нечестно расправиться с русским послом. Далее идет описание последовавшего столкновения и истребления татар Захарием. Завершается сказание описанием того, как русское войско при активном участии Захария Тютрина разбивает армию Мамаю, остатки которой бегут в «зыбкую брду» и гибнут.³⁴

Третью версию сохранила южнославянская песня «Бож Руса са Татарима», представляющая обработку русского фольклорного текста, в

³⁰ В рукописи описка: дворенково.

³¹ РНБ, собр. Погодина, № 1555, л. 40 об.—44.

³² См., например: *Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище*. СПб., 1906. Тексты. С. 83, 85—89.

³³ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 377.

³⁴ Там же. С. 383.

русском репертуаре не сохранившегося. Для сопоставления с былинной некоторыми мотивы этого повествования представляют особенный интерес. Когда русский «царь» Дмитрий и «краль» Владимир решают выкупить татарскому царю требуемую дань, Дмитрий вызывает охотника отвезти это известие, обещая щедро наградить его. Слуга Петр соглашается, заранее отказавшись от награды, однако в пути он разрывает княжескую грамоту, содержащую согласие уплатить дань. Посол является к татарскому царю, тот спрашивает о цели приезда. Петр дерзко заявляет, что явился убить его, но потом все же говорит, что приехал по поводу уплаты дани. Татарский царь посылает на Русь за данью трех беков с тысячей турок, едет с ними и Петр; по прибытии он велит всех турок обезглавить. Умертвив их, русские извещают об этом татарского царя, тот собирает против русских сильное войско. Происходит битва, в которой и Дмитрий, и Владимир, а в особенности сам Петр поражают татар; вражеский царь бежит.³⁵

Хотя первая версия сохранилась в составе литературного текста, она восходит к общему со второй и третьей версиями фольклорному источнику.

4

Вернемся к былине. Сопоставление с произведениями, описывающими посольство Тютчева, в особенности с тремя фольклорными версиями — в средневековой повести, в записи героического сказания и в южнославянской песне, во-первых, приводит к выводу, что именно отраженные ими события 1380 г. и послужили фактической основой изучаемой былины. Во-вторых, близость ее и к таким деталям этих текстов, которые являются результатом фольклорного домысла, убеждает, что источником былины была не непосредственно история, а уже ее отражение в фольклоре.

Нетрудно видеть, что из существенных мотивов былины не имеют параллелей в произведениях о посольстве Тютчева только состязания и отдача дани вражеским царем.³⁶

Вместе с тем сходство почти нигде не является настолько близким, чтобы можно было говорить с достаточным основанием о контаминации сказания и былины. Она испытала скорее идейно-фактическое, чем

³⁵ См.: Српске народne прјесме / Скупно по бившој Горњој Крајини и за штампау приредио М. Кордунаш. Нови Сад, 1891. С. 141—148.

³⁶ Впрочем, сказание о посольстве Тютчева содержало некоторое смысловое соответствие и эпизодам состязаний. В тех вариантах былины о Василии Казимировиче, где мотивировка состязаний сохранилась, она состоит или в нежелании вражеского царя отпустить русских послов назад, или в требовании, чтобы русские послы ему «послужили». В сказании о Тютчеве Мамай как раз и предлагает ему службу у себя, не желая Тютчева отпустить. Чтобы выполнить до конца поручение своего князя, Захарню Тютчеву пришлось продемонстрировать свое превосходство в хитроумии (притворно согласившись служить Мамаю и испросив для гарантии этот татарский отряд), в быстроте и «целенаправленности» своих действий (своевременное оповещение им русского князя) и в боевых качествах (захват и избитие татарского отряда).

текстуальное воздействие сказания, вследствие его исключительной популярности и злободневности в период борьбы за окончательное уничтожение татарского ига. Популярности, сохранявшейся, очевидно, и позднее. Длительное «соседство» в устном репертуаре этих двух чрезвычайно близких по своей идее произведений доказывается почти одновременно записями их в одном и том же Шенкурском уезде уже в XIX в.

По-видимому, взаимодействие, бывшее обоюдным, не ограничивалось локальным географическим районом или узкими хронологическими рамками. Об этом свидетельствует присутствие «самостоятельных» схождений со сказанием в разных редакциях и даже в отдельных вариантах былины.

Так обстоит дело с редакциями «основной» версии, включившей в качестве главного героя Василия Казимировича. Несколько иную картину дает беломорская версия, представленная единственной записью Марков 138. Еще В. Ф. Миллер заметил, что данный текст стоит «особняком» и «значительно отстает от обычного типа, усвоенного этому сюжету». ³⁷ Запись произведена Б. А. Богословским от одного из лучших сказителей Беломорья — Г. Л. Крюкова, репертуар которого включал былины из трех районов — Зимнего берега, Мезенского берега и верхней Мезени. ³⁸ Особенности этого варианта, выделяющегося среди других простотой и краткостью, не могут быть признаны результатом современного А. В. Маркову «золотицкого былинного творчества», которое, по справедливому замечанию А. М. Астаховой, как раз, напротив, «характеризуется введением новых добавочных эпизодов». ³⁹ По тем же причинам вариант нельзя отнести и к новациям Мезени, для которых характерен «процесс дальнейшего развития героического цикла в направлении именно осложнения и развертывания». ⁴⁰ Четкость и завершенность текста Г. Л. Крюкова не позволяет также признать его полузабытым и разрушенным. Есть все основания думать, что перед нами довольно прочно устоявшееся образование.

Главный герой здесь — Дунай Иванович, сопровождают его Добрыня и Михаил Игнатьевич. Очень резко выражен отказ героя взять дань: Дунай объявляет даже, что готов расправиться с самим татарским царем, причем на предложение Владимира дать ему в таком случае «силы сколько надобно» Дунай отвечает, что не хочет «губить народ понапрасну», и обещает с двумя своими спутниками навсегда избавить Русь от татарской зависимости:

А разорим ёго всё царсво жа,
Что навеку не вспомянут нашей дани-пошлины.

Столь же решителен ответ богатырей на вопрос татарского царя о цели их приезда. Эпизоды состязаний здесь совершенно отсутствуют,

³⁷ Миллер. Очерки. Т. 2. С. 195—196.

³⁸ См.: Марков. С. 292.

³⁹ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 361.

⁴⁰ Там же. С. 352.

сюжет развивается иначе, чем в «основной» версии. Татарский царь отвечает богатырям:

Ой не дам-то вам я дани-пошлны;
 А да соберу я свою силу-множество.
 А пошлю я своих сильных богатырей,
 А да как ведь тут разорят славён Киев-град;
 А да созову на чистю поле своих богатырей.

Тогда Дунай велит своим спутникам умертвить 12 лучших татарских богатырей. Добрыня и Михаил Игнатьевич убивают их и извещают об этом вражеского царя. Он созывает все свое войско — «силу бесчётную». Происходит бой этой силы с русскими богатырями: «зачели они рубить-то всё татаревей / Да широку двору поеживать», в результате чего «царь-от сам-от на убог бѣжит».

Финал былины во многом аналогичен «основной» версии: татарский царь останавливает истребление своего войска обещанием отдать дань и платить ее впредь; но когда богатыри получили «дань да за вси годики», царь, в отличие от всех других вариантов, дает еще обещание: «Я не буду находить веком на князя на Владимера».

Видно, что этот текст испытал влияние сходной по ситуации былины о Дунае. С ней он сближается не только именем главного персонажа и очевидной второстепенностью роли Добрыни, но и некоторыми частностями изложения. Так, например, царь Батырин задает приехавшим богатырям вопрос:

А вы пошто ко мне пришли, приехали:
 А ли вы пришли послом посланы,
 Или служить мне-ка пришли верой-правдою,
 А верой-правдою, не измененою?

Однако подобный вопрос — не только обычная деталь былины о Дунае. Почти в такой же форме сходный вопрос задает русскому послу «цар Татарин» в южнославянской песне, восходящей к сказанию о посольстве Тютчева:

Je л' те царе мени оправно?
 Јал' си доша' мени подворити?
 Јал' си доша пораз моје главе?⁴¹

Сам по себе этот пассаж слишком трафаретен, чтобы служить указателем генетической связи текста еще и с южнославянской песней. Но непосредственно следующая за ним косвенная угроза героя убить татарского царя — «Већ сам доша' пораз твоје главе» — уже достаточно определенно сближает эту песню с аналогичным заявлением Дуная о татарском царе в беломорском варианте: «Да как могу ему сечь да буйну голову», ни в одном другом из вариантов нашей былины этого нет. Центральная часть варианта воспринимается уже как обработка в бы-

⁴¹ Српске народne pjesme. С. 144.

линном стиле мотивов сказания о Тютчеве, отразившихся особенно близко в южнославянской песне и в тексте, записанном А. Харитоновым. Это — угроза вражеского царя разорить Киев-град (ср. I версию), отправка царем против русских своих отборных богатырей (все три версии), уничтожение их русскими (II и III версии), извещение об этом татарского царя (все три версии), созывание войска татарским царем (III версия), обращение его в бегство при виде разгрома своего войска (III версия). В связи с восходящей к сказанию о Тютчеве угрозой царя отправиться на Киев находится, очевидно, и позднейшее обещание его никогда не воевать против Владимира.

Характер переработки мотивов особенно показателен в третьем из названных примеров, где беломорский вариант ближе всего именно к южнославянской песне. В нем отборный отряд татарского царя, состоящий из тысячи человек, разведенных по домам на ночлег, по указанию посла хозяева этих домов обезглавливают. В былине действия богатырей не могли противоречить цельности их героического образа. В беломорской тексте русские богатыри будят спящих «зысьным голосом»; 12 татарских богатырей просыпаются:

А как увидели руських-то двух богатырей,
А как тут богатыри Батырина да испугалисе,
А на уес поехали ко городу к Батынну.

Только тогда Добрыня и Михаил Игнатьевич «состыгли их да на чистом поли, / А осекли им по плеч да буйны головы».

Эта версия былины представляет собой, очевидно, контаминацию со сказанием о посольстве Тютчева. Последнее было использовано в недодшедшем его виде, отразившем, по всей вероятности, далекий общий протограф записанных в XIX в. II и III версий — протограф, более близкий к последней из них. Контаминация былины и сказания — естественное явление для общего процесса взаимодействия «между жанрами, близкими между собой по тематике, сюжетам и сюжетным мотивам» — взаимодействия, облегчаемого в данном случае и «родственностью их структуры». ⁴² Особенно «повезло» в этом отношении как раз сказанию о посольстве Тютчева, в отношении которого еще С. К. Шамбинаго замечал, что «эпизод нравился чрезвычайно» и «лопал в некоторые сюжеты старин». ⁴³

5

Уяснение обстоятельств и времени появления основной версии былины позволяет внести определенность в вопрос об отношении ее к историческому Василию Казимиру. Можно было бы предположить, как и сделал Ф. М. Селиванов, что имя главного персонажа в былине предшествовало появлению на исторической арене этого новгородского посад-

⁴² Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972. С. 96—97.

⁴³ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 218.

ника и что былинный герой восходит к какому-то другому историческому прототипу, не оставившему следов в письменных источниках.⁴⁴ Но поскольку предположение это в силу последнего факта недоказуемо, а само допущение относительно совпадения двух исторических имен слишком маловероятно вследствие инородности имени Казимир для русских, следует отыскать иное объяснение.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что Василий Александрович Казимир был одним из наиболее известных деятелей второй половины XV столетия. На протяжении 25 лет (с 1456 по 1481 г.) имя это многократно фигурирует во многих летописях — не только новгородских, но и московских, а также в псковской, смоленской и устюжской; если речь идет о группе лиц, то его, как правило, называют первым, часто же он оказывается единственным, кто назван по имени; летописи новгородские упоминают его иногда даже ошибочно. Если бы мы допустили, что произошло совпадение реального исторического имени с уже существовавшим былинным, то несомненно, что в былине о свержении татарского ига персонаж все равно бы ассоциировался у новгородских исполнителей с широко известным новгородцам историческим лицом — современником этого события. А все записи, кроме двух, были сделаны в пределах Новгородской земли.

Выясняется, что традиционно повторяемое мнение (идушее еще от Ив. Беляева и Д. И. Иловайского), будто Василий Казимир был упорный борец за независимость Новгорода, один из вождей «литовской» партии и законный политический враг Ивана III (а по выведенному отсюда заключению Ф. М. Селиванова — соответственно и враг народных устремлений),⁴⁵ — результат недоразумения. Основанием для него послужили два засвидетельствованных летописями исторических факта: 1) в 1471 г., во время войны Ивана III против Новгородской республики, посадник Василий Казимир был одним из воевод, предводительствовавших новгородским войском и взятых в плен; 2) спустя 10 лет, в 1481 г., Иван III «поймал» (т. е., очевидно, выслал из Новгорода) Василия Казимира. Однако летописные данные о нем далеко не исчерпываются этими известиями.

Не следует исходить из упрощенного и, как это уже сравнительно давно установлено, ошибочного в целом представления, будто народные массы Новгорода боролись за полное подчинение московскому великому князю, а боярство — за подчинение польско-литовскому королю, обещавшему сохранение вечевого строя. В Новгороде шла острая политическая борьба между двумя партиями бояр, одна из которых активно выступала как раз за признание Ивана III «государем» Новгорода; что же касается городских низов, то они, по-видимому, в весьма значительной своей части стремились к сохранению республиканских порядков (не только поддерживавших иллюзию народовластия, но и на деле обеспечивавших некоторый демократизм в политической жизни), справедливо опасаясь полного уничтожения вечевого строя великим

⁴⁴ См.: Селиванов Ф. М. Традиционные формулы русского эпоса... С. 274—276.

⁴⁵ Там же. С. 275.

князем московским. Благодаря этому «литовской» партии бояр удалось поднять сорокатысячное ополчение для отражения похода Ивана III на Новгород в 1471 г.⁴⁶ Одной из причин разгрома этого ополчения было отсутствие единодушия среди возглавлявших его деятелей Новгорода, часть которых вела, очевидно, двойственную политику. Архиепископ Феофил, например, в том же 1471 г. вообще запретил своему полку сражаться против войск великого князя. Очевидно, что не все бояре, предводительствовавшие новгородским ополчением, были действительными приверженцами союза с Литвой. Это доказывает резко различная судьба попавших в плен воевод. Летопись сообщает, что Дмитрию Борецкому, трем другим названным по именам пленникам и «их товарищом» Иван III «повеле главы отсеци», а «Василья Казимира и его товарищов 50 лутших» после недолгого заключения отпустил в Новгород.⁴⁷

Позднее летописи, особенно московские, постоянно упоминают Василия Казимира на первом месте среди виднейших политических деятелей Новгорода. Из контекста этих известий достаточно ясно видно, что боярин этот не только не относился к вождям разгромленной в 1471 г. «литовской» партии, но и не принадлежал к политическому «болоту» Новгорода, куда склонен был его относить В. Н. Бернадский.⁴⁸ Несомненно, что Василий Казимир и его новгородские сторонники вели политику соглашения с московской великокняжеской властью. Как справедливо отмечает В. Л. Янин, сообщение псковской летописи об аресте Василия Казимира в 1475 г. — «несомненная ошибка», опровергаемая данными московской летописи.⁴⁹ Когда Иван III в 1476 г. поехал в Новгород, то среди лиц, встречавших его в пути, одной из первых была группа бояр и житых людей, возглавляемая Василием Казимиром.⁵⁰ Прибыв в Новгород, великий князь разбирая жалобы на некоторых новгородских бояр. При этом он отклонил просьбу архиепископа Феофила о помиловании группы бояр, а позднее помиловал только тех, за которых ходатайствовали вместе с архиепископом Василий Казимир и его приверженцы.⁵¹ Затем Иван III пировал по очереди у новгородских сановников, подносящих ему богатые дары. После пира у архиепископа первым был пир у Василия Казимира.⁵² Когда великий князь покидал Новгород, то его провожала группа бояр, среди которых первым назван тот же Василий Казимир.⁵³

После уничтожения вечевого строя Иваном III в 1478 г. бояре и житы люди Новгорода «били челом великому князю в службу»; сразу по-

⁴⁶ См.: *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 855—874. Ср. также: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 264—290.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 193. Это известие есть и других летописях. Вологодско-Пермская, например, уточняет, что после ходатайства архиепископа Феофила «о Казимире и прочих товарищах его» Иван III их «всех отпусти с честью» (ПСРЛ. Т. 26. С. 243).

⁴⁸ См.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 276.

⁴⁹ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 384.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 200.

⁵¹ Там же. С. 203—204.

⁵² Там же. С. 204.

⁵³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 167.

сле этого (как только «вышли от него»), по сообщению московского летописца, «князь велики выслал за ними Ивана Товаркова к Казимеру, да к брату его к Коробу (далее поименованы еще 10 бояр. — С. А.); а велел им князь велики говорити: „На которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той бы грамоте государем своим и правили есте по тому же крестному целованию. А что услышит кто у брата у своего у новгородца о великих князех о добре и о лихе, и вам то сказати своим государем великим князем. А что учнут великие князи с вами говорити которое свое дело, или бояре великого князя кое с кем от вас имут которое дело великих князей говорити, и того вам государьскаго дела не проносити по тому крестному целованию“». ⁵⁴ Такое разъяснение, сделанное доверенным лицом Ивана III, свидетельствует, что эти 12 бояр во главе с Василием Казимиром были наиболее близки московской великокняжеской власти. ⁵⁵ Со службой их Ивану III связывались, вероятно, и надежды на сохранение своих экономических позиций в условиях только происшедшего полного подчинения Москве и начавшейся конфискации земельных владений новгородского боярства.

Очевидно, что Василий Александрович Казимир был центральной фигурой в тех кругах Новгорода, которые готовы были тесно сотрудничать с московской властью, перейдя — как мы бы теперь сказали — от узкого новгородского патриотизма к патриотизму общерусскому. Очевидно, что они готовы были служить и самому насущному в то время общерусскому делу — освобождению от татарского ига.

В 1479 г. Иван III казнил более сотни новгородских бояр, выслал около тысячи семей из Новгорода и даже самого архиепископа Феофила отослал в Москву, однако меры эти никак не затронули Василия Казимира. Он оставался не только номинально, но и фактически на великокняжеской службе. Летописи сообщают об участии его «с новгородскою силою» в войне против Ливонского ордена в 1481 г., когда «посылал князь великий воевод своих немецкие земли воевати», причем «новгородских бояр воевода был Василеи Казимир, да Олександр Сампсонов, и иные мнози». ⁵⁶

Только после победы в этой войне великому князю, очевидно, уже не нужен стал новгородский воевода, бывший самым влиятельным, но достаточно независимым сторонником его власти в Новгороде. Власть эта была теперь настолько упрочена, что Иван III приступил к окончательной конфискации земельных владений сохранявших еще свое положение новгородских бояр; в том же году он «поймал» Василия Казимира и его брата Якова Короба. ⁵⁷ Тот факт, что Василий Казимир разделил в конце концов участь других новгородских бояр, отнюдь не свидетельствует о его враждебности по отношению к Москве. Все без

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 219.

⁵⁵ Об ответе их московский летописец говорит менее определенно: «И те бояре все на том молвили, на чем к ним, к своим государем великим князем крест целовали» (Там же).

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 269. Ср. также: Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 95. Здесь назван в качестве предводителя новгородского войска в этой войне один Василий Казимир, а сами события отнесены ошибочно к 1484 г.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 213.

исключения новгородские землевладельцы, в том числе и сторонники «московской» партии, были лишены Иваном III своих владений в Новгородской земле. По заключению В. Н. Бернадского, этого не избегли даже самые ревностные приверженцы Ивана III, оказывавшие «немалые услуги великому князю»: «Своей усердной службой они добились лишь того, что были „сведены последними“».⁵⁸

Таким образом, не оказывается противоречия между историческим смыслом былины о Василии Казимировиче и реальной деятельностью исторического Василия Казимира. Как свидетельствуют источники, он действительно был «служилым лицом» при великом князе и даже проявил себя на этой службе в качестве «стоятеля за общерусские интересы» — как раз в период борьбы за уничтожение татарского ига. Следовательно, отпадают и те причины, которые помешали в свое время В. Ф. Миллеру отнести сложение былины к XV столетию.

6

Более точной датировке могут помочь данные о местах записей былины. Как уже говорилось, все они, кроме двух, произведены на Русском Севере — в пределах древней Новгородской земли. Вариант *Гуляев* 10 записан на Алтае, русское население которого — главным образом потомки переселенцев с того же новгородского севера, что было установлено еще самим собирателем.⁵⁹ Особняком стоит запись *Киреевский*. Вып. 2, 83, произведенная в середине XIX в. в Нижегородской губернии. Этот факт представляет особый интерес в связи с тем, что именно сюда было выселено большое число новгородцев Иваном III, конфисковавшим их земли вскоре после уничтожения самостоятельности Новгорода. С. Б. Веселовский, отмечая попутно неизученность вопроса о судьбе новгородцев, выведенных Иваном III, писал: «В разных источниках мы находим новгородцев в первой половине XVI в. и позже в центральных и восточных уездах государства. Исключительно большое количество их мы находим в Нижегородском уезде».⁶⁰ Летописи сообщают, что в 80-х гг. XV в. было произведено массовое выселение из Новгорода землевладельцев, испомещенных затем в разных местах Московского государства.

Рассмотрим два известия Софийской 2-й летописи, которая особенно подробно освещает события, связанные с присоединением Новгорода. В 1488 г. по приказанию Ивана III «привели из Новагорода боле семи тысяч житых людей на Москву».⁶¹ В той же летописи под 1489 г. сообщается, что вывезенных из «Новагорода житых» людей великий князь повелел «вести в Новгород Нижний».⁶² Исследовавший этот вопрос В. Л. Янин приходит к заключению, что «в рассказе 1488 г. и в рассказе

⁵⁸ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 323.

⁵⁹ См.: Гуляев. С. 47.

⁶⁰ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 295.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 238.

⁶² Там же.

1489 г. речь идет об одних и тех же лицах». ⁶³ О выселении в это время новгородцев в Нижегородский уезд сообщают коротко и другие летописи. В результате такого одновременного «вывода» 7 тысяч людей в Нижегородском уезде появилась многочисленная новая группа населения, обособленность которой поддерживалась насильственностью их водворения здесь и воспоминаниями о былом благополучии в Новгороде. Естественно, что население сохраняло свой новгородский фольклор, в частности былины. ⁶⁴ Новгородская былина, записанная недалеко от Нижнего Новгорода в селе Павлове, очевидно, и представляет собой один из остатков традиции, занесенной при массовом переселении новгородцев в Нижегородский уезд в конце XV в. ⁶⁵

Если это так, интересующая нас былина появилась не позже 80-х гг. XV в. Создание данной ее версии приблизительно совпадает хронологически и с реальной борьбой за полное освобождение Руси от татарского ига, и с реальной службой великому князю исторического Василия Казимира. Вместе с тем, как показал предшествовавший анализ, первоначальным зерном былины послужили не сами события 1480 г., а происходившие за 100 лет до того посольство Тютчева и Куликовская битва, отразившиеся в былине через посредство героического сказания, успешного претерпеть довольно значительную эволюцию.

Рассмотрим подробнее события 1480—1481 гг. Во время войны с Ахмед-ханом войска Ордена, пользуясь этим, «приходили ратию» на Псков. «И князь великий за то послал на них рать», — сообщает Никонская летопись. Посылка этой рати, в которой, как мы уже знаем из других летописей, с новгородскими полками участвовал Василий Казимир, произошла, очевидно, сразу же после возвращения войск с Угры: «стояние на Угре» окончилось в ноябре 1480 г., а войско, посланное против Ордена, уже в феврале 1481 г. выступило из Пскова. ⁶⁶ У нас нет пря-

⁶³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 417.

⁶⁴ Сомнительно перенесение сюда былин 100 лет спустя в связи с новгородским походом Ивана IV. Из летописей известно, что в 1569 г. он «взял» из Новгорода 150 семей в Москву, а в 1570 г. лишь «немногих» новгородцев «повеле по лным градам разсылати на жительство» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 129 и 345; см. также: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 295, 299). При выселении владельцев земель, взятых в опричнину, не было «никакой системы или плана: выселенцам, помещикам и вотчинникам давали землю там, где они ее прискали и где можно было дать», причем они «должны были сами разыскивать „порозжие“ и подходящие земли» (Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 180, 181). Если кто-то из новгородских помещиков и получил землю в Нижегородском уезде, перенос из Новгорода былинной традиции и закрепление ее здесь в этом случае несравненно менее вероятны, чем при одновременном переселении 7 тысяч человек Иваном III.

⁶⁵ Точных сведений о путях расселения новгородцев по территории Нижегородского уезда, по-видимому, нет. Согласно преданию, возникновение села Павлово относится к началу XVI в. См.: Смирнов А. Павлово и Ворсма, известные стально-слесарным производством села Нижегородской губернии. М., 1864. С. 10; Описание села Павлова Горбатовского уезда // Архив Географического общества (Санкт-Петербург), разр. 23, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1—1 об. Вместе с этой былинной в Павлове было записано еще несколько былин и песен. Одна из них посвящена самому селу Павлово. Это доказывает, что записи отражают местную традицию, а не репертуар заезжего исполнителя.

⁶⁶ См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 203, 213.

мых сведений о том, участвовали ли возглавляемые Василием Казимиром новгородские силы только в действиях против Ордена или они входили и в состав русской армии, выступавшей непосредственно перед тем против Ахмед-хана. Угроза его нашествия на Русь потребовала тогда мобилизации всех сил, которыми мог располагать Иван III, поэтому использование против татарской армии и новгородцев, за два года до того «бивших челом в службу» московскому князю, представляется более чем вероятным.

Следовательно, есть достаточные основания полагать, что Василий Казимир действительно был непосредственным участником событий, приведших к свержению татарского ига. Завершившая их успешная война с Орденом, в которой Василий Казимир несомненно участвовал, окончилась весной 1481 г.⁶⁷ Очень коротко говорящая об этой войне летопись буквально в следующей фразе сообщает, что Иван III «тое же весны поимал Казимера».⁶⁸

Высылка великим князем только что вернувшегося с победой известнейшего воеводы Новгорода, естественно, должна была еще более увеличить здесь его популярность. Одновременно распространилась весть, что не только войска Ордена разбиты, но и само татарское иго окончилось в результате действий русской армии, в которых участвовал (по крайней мере на заключительном этапе) Василий Казимир. Вряд ли приходится сомневаться, что именно ему в Новгороде народная молва и стала приписывать главную роль в уничтожении татарского ига, а саму его высылку стали, вероятно, объяснять происками завистников — московских бояр, окружавших великого князя, которому так честно и славно послужил Василий Казимир.

Становится понятным, что основная версия былины о свержении татарского ига, в которой главный персонаж — Василий Казимирович, появилась в Новгородской земле именно «по свежим следам» этого факта, когда здесь уже не было самого героя, но еще не было преданий, отражавших более или менее близко к истине события 1480 г. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что «фактический материал» былины восходит к устной традиции о громком событии столетней давности, о событии, которое казалось — по его фольклорной интерпретации — аналогичным только что происшедшему.

7

В. Ф. Миллер писал о неосновательности традиционного признания новгородскими по происхождению только тех немногих былин, где само действие происходит в Новгороде. «Давно уже уяснено, — напоминал он, — что присутствие имени Владимира и прикрепление места действия былины к Киеву не говорит ничего в пользу давности ее сложения, так как Киев и князь Владимир вставлялись по готовому шаблону и былина с этими именами могла быть слагаема и в XV, и в XVI, и даже

⁶⁷ Там. С. 213.

⁶⁸ Устюжский летописный свод. С. 95.

в XVII столетиях сказителями, не видевшими Киева, а проживавшими где-нибудь в северных городах <...>. Ничто не препятствует нам допустить, что в Новгородской области или в новгородском культурном районе могли быть слагаемы былины, не прикрепленные содержанием к Новгороду или прикрепленные к Киеву и его эпическому князю». ⁶⁹ На основе своих наблюдений над географическим распределением сравнительно еще немногочисленных тогда записей былин В. Ф. Миллер делал предположение, что «уже в XV, XVI столетиях не все области, населенные великорусским племенем, были равно богаты былевыми песнями» и что «главным очагом былинного творчества» являлись в то время лишь «места, наиболее подчиненные древненовгородскому культурному влиянию». ⁷⁰

Гипотеза эта была подкреплена и уточнена на основе проведенного сравнительно недавно сплошного учета и картографирования всех записей русского героического эпоса, произведенных до начала XX в. включительно — в процессе обследования гораздо более обширной территории, чем к тому времени, когда писал В. Ф. Миллер. Как выяснилось путем сопоставления результатов этой работы с историческими и лингвистическими данными, былинные очаги оказались «сосредоточены главным образом в районах Русского Севера», причем только в местах новгородской колонизации. В областях же, где преобладала низовская колонизация, былин нет. Это в свою очередь дает основание утверждать, что к XIV—XV вв., времени усиленной колонизации из Ростово-Суздальской земли, былин там не было. Привлечение фольклористических данных приводит к предположению, что в XIV—XV вв. былины отсутствовали в центральных и южных областях России, а также на Украине и в Белоруссии. Общий итог проведенной работы сводится к заключению, что «известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса». ⁷¹

Наблюдения эти не колеблют ни широко известных выводов, что основной состав сюжетов общерусского эпоса может быть связан с эпохой Киевской Руси, ни допущений о повсеместной распространенности его в XI—XIII вв. Новгород и Новгородская земля не были разгромлены и опустошены нашествием Батыя, и ужасы татарского ига гораздо слабее давали себя знать в пределах Новгородской республики, чем в других областях Руси. Эти обстоятельства необходимо учитывать в объяснении фактов, на которых построена упомянутая гипотеза.

Для нас она представляет интерес в связи с конкретными результатами изучения цикла былин, посвященных успешному отражению татарского нашествия. Создание их относится главным образом к XV столетию. Исторической основой послужили Куликовская битва и другие факты борьбы против иноземных поработителей в конце XIV в. — факты, влиявшие на создание былин через посредство устных сказаний, преданий, легенд и слухов, непосредственно отзывавшихся на реальные

⁶⁹ Миллер. Очерки. Т. 1. С. 88—89.

⁷⁰ Там же. С. 93—94.

⁷¹ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. М., 1975. С. 93.

события. Но само сложение былин, отразивших эти события, представляло собой не новаторство. Это было как бы воссоздание «на старой основе», но с применением новых «строительных материалов» древних эпических повествований, которые в ходе своей многовековой эволюции перманентно откликались на очередные этапы возобновлявшейся много раз борьбы против вражеских нашествий.

Обратим внимание на следующие особенности этих новых былин. Предводитель разгромленного татарского войска нередко назван Мамаем, а сама битва еще чаще — Мамаевым побоищем. Название Куликова поля тоже прочно вошло в былинный эпос. Однако нет речи о том, что богатыри избавляют от нашествия полчищ Мамаю Москву.⁷² Русский князь везде сохраняет имя Владимир. В былинах, посвященных разгрому татар, не отмечено ни одного имени, которое хотя бы отдаленно напоминало кого-либо из московских великих князей или их воевод. Возглавляет победоносное войско почти всегда Илья Муромец, причем часто подробно описывается собрание им богатырей. Приведем один из наиболее характерных примеров:

Писал ярлыки скорописчатые
 Ко своим ко братьятам ко названным:
 Во первых-то к Самсону Колувану,
 Во вторых-то к Дунаю Ивановичу,
 В третьих-то к Василию Касимерову,
 Во четвертых-то к Михайлушке Игнатьеву с племянником,
 Во пятых-то к Потокну Ивановичу,
 Во шестых-то ко Добрынюшке Никитичу,
 Во семых-то к Алеше Полювичу;
 В восьмых-то к двум братьям Иванам,
 Да еще к двум братьям, двум суздальцам.⁷³

Кроме имен, часто фигурирующих в эпосе и возводимых еще к домонгольской Руси (Добрыня, Алеша, Дунай, Поток, Михаил Игнатьевич), а также нескольких более или менее редких и случайных, присутствуют почти непременно персонажи «новгородского происхождения». Это прежде всего Самсон, историческим прототипом которого не без оснований принято считать новгородского воеводу Самсона Кольвановича (но который, однако, с Мамаем не воевал и погиб до Куликовской битвы). Богатырь Самсон Кольванович обычно возглавляет дружину, которая выручает Илью Муромца и решает этим исход битвы с татарами. Былинный эпизод имеет близкие параллели с рассмотренным выше героическим сказанием, которое отобразило конкретно участие в Куликовской битве новгородцев (но не содержало этого имени).

Иногда в таком перечне оказывается и Василий Буслаев, попавший сюда явно не из истории, а из былин о нем. Василий Казимирович (в данном перечне тоже фигура случайная) — герой рассмотренной только что новгородской былины, которая посвящена свержению татарского ига.

⁷² Единичные упоминания в этих былинах Москвы составляют редчайшие исключения некоторых поздних записей.

⁷³ РБСНЗ. Отд. 2. С. 25.

В героических былинах XV столетия, посвященных успешной борьбе русских богатырей с татарским войском, налицо следующие тенденции: 1) возрождение старинных эпических сюжетов и мотивов применительно к новой исторической обстановке; 2) стихийный «отбор» вносимых новых исторических реалий — отбор, как бы затушевывающий роль Москвы и ее деятелей; 3) выдвижение новгородских персонажей.

Нельзя не заметить сходства этих тенденций с теми, которые проявились в том же XV в. в зодчестве, литературе и других областях культуры Новгорода. В былинах отразилось то же противоречие: с одной стороны, население Новгородской земли явно симпатизировало борьбе Москвы против татаро-монгольских поработителей — борьбе, к которой оно и само было причастно в 1380 г. С другой стороны, неприязнь к настойчивому стремлению тогдашних московских князей упразднить новгородскую «вольность» была, по-видимому, весьма распространена. Это определяло некоторые особенности культуры самого Новгорода и эпического творчества Новгородской земли не только в XV в., но и позднее. В XVI—XVII столетиях на прежние исторические впечатления наслонились новые — от новгородского похода Ивана IV, затем — от событий Смуты.

ИВАН ТРЕТИЙ И ИВАН ЧЕТВЕРТЫЙ

1

Записанные главным образом в пределах Новгородской земли и объявленные в первую очередь именно новгородской устной традиции исторические песни о Грозном царе дают, как обнаружилось, важный материал, значение которого выходит за рамки собственно новгородской истории. Но попытаться отделить то, что непосредственно относится к Новгороду, было бы нецелесообразно — и вследствие целостности устной традиции, и в интересах самого ее исследования.

Хотя о противоречивой личности Ивана IV написано немало, а свидетельства письменных источников о нем основательно изучены, с результатами этих изучений трудно согласовать фольклорный образ Грозного царя Ивана Васильевича. В исторических песнях (и в исторических сказках, и в большинстве исторических преданий) превалируют черты справедливого царя, несмотря на крутой нрав и даже жестокость некоторых поступков. Объяснить это только известной народным массам реальной деятельностью Ивана IV невозможно, если не отступать от исторической объективности.¹

Как уже говорилось, в фольклоре немало случаев эволюции поэтического образа, вызванной соотносительностью его не с одним, а с двумя (иногда — и более чем двумя) историческими прототипами. Наиболее показательный пример — образ эпического князя Владимира. Давно выявлена приуроченность одной группы былин «Владимирова цикла» к эпохе киевского князя Владимира Святославича, а другой — к эпохе его правнука киевского князя Владимира Мономаха; как теперь выясняется, гораздо более древним прототипом послужил, очевидно, Владимир Всеславич, связанный с предысторией Северной Руси. Вместе с тем в некоторых былинах достаточно отчетливо проступают отзвуки отноше-

¹ В 1930—1950-х гг. по хорошо известным ныне причинам превалировали положительные, порой даже апологетические характеристики его как прогрессивного борца против реакционного боярства — с весьма односторонней трактовкой репрессий, от которых фактически одинаково страдали все социальные слои русского народа. В фольклористических работах иногда и поныне можно встретить рецидивы тенденции объяснять отношение к этому правителю тем, что народ будто бы видел в нем защитника от феодалов-угнетателей (см.: *Азбелев С. Н.* Попытка реанимировать устарелую мифологию // *Древняя Русь. М.*, 2001. № 4 (6). С. 115—120).

ний между властителем и подданными Руси Московской. Обратившись к историческим песням XVI—XIX вв., можно указать немало сюжетов, возникших по одному историческому поводу, но позже приспособленных к иному, более или менее похожему историческому факту. Образ центрального героя песни мог испытывать аналогичную метаморфозу — даже если вовсе не совпадали имена исторических прототипов, но было некоторое сходство самих исторических портретов. Особенно много подобных случаев в произведениях (не только песенных), посвященных Петру Великому и Ивану Грозному.

Обращаясь к песням, где речь идет о Грозном царе Иване Васильевиче, необходимо ответить на вопрос: какому историческому деятелю они вначале были посвящены?

Фольклористами такой вопрос прежде не ставился. Исследователи имели, как казалось, вполне достаточно причин полагать, что в этих произведениях всюду изначально подразумевался Иван IV. Хорошо известно, что он, в отличие от своих предшественников, еще в юном возрасте по собственной инициативе воспринял титул царя — в обстановке, подчеркивавшей чрезвычайное государственное значение этого события. Широко известно прозвание, закрепившееся именно за ним впоследствии и обязанное его жестокости.

Но это — только впоследствии. Н. М. Карамзин писал об Иване IV: народ «отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой донине именует его только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну». ² Именно Ивану III «первому дали в России имя Грозного, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников». ³

Поясняя, почему именно Ивана III называли «Грозным» его современники и их ближайшие потомки, Н. М. Карамзин писал, что «твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостью», и хотя Иван III не был «тираном, подобно своему внуку, Иоанну Васи́льевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума». ⁴ Прозвание «Грозный» правомерно закрепилось в народном сознании сначала за Иваном III, а не за внуком его, чья склонность к мучительству была причиной не только уже монаршей «грозы», но и злодейств, не обусловленных государственной необходимостью.

Имеет смысл обратиться непосредственно к источникам, на которые опирался Карамзин. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., в своем сочинении, изданном впервые в 1543 г., не применял эпитет «Грозный» к Ивану IV, но пользовался этим термином, описывая крутой нрав Ивана III. ⁵ Петрей, посещавший Московское государство, когда впечат-

² Карамзин. М., 1989. Кн. 3, т. 9. Стб. 279—280

³ Там же. Кн. 2, т. 6. Стб. 215.

⁴ Там же.

⁵ См.: Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод А. И. Маленна, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 68. Ср. в оригинале: *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*. Francofurti, 1600. P. 8.

ления от деяний, которыми ознаменовалось правление Ивана IV, весьма свежи были еще в памяти русских собеседников любознательного иностранца, и описавший историю России до начала XVII в., ни разу не употребил эпитет «Грозный» по отношению к Ивану IV, повествуя об этом царствовании. Но, описывая правление Ивана III, Петрей всякий раз называет именно его «Иван Васильевич Грозный» или просто «Иван Грозный».⁶

Карамзин ссылался на принадлежавшую ему рукопись «Летописца Латухинского», где об Иване III сказано: «Сей бо вел[икий] кн[язь] Иоанн, именуемый Тимофей Грозный».⁷ (Родившийся в день памяти апостола Тимофея Иван III, согласно тогдашнему обычаю, прозывался Иоанном-Тимофеем.)

В русской историографии первой четверти XVIII в. еще сохранялась эта традиция. А. И. Манкиев, автор известного «Ядра Российской истории», написанного в 1715 г. и опубликованного впервые в 1770 г., так говорит об Иване III: «Иван Васильевич, великий князь Московский, Василия темного сын, во святом крещении именован Тимофей, прозванный Грозный, по смерти отца своего принял Московский престол в году от Р. Х. 1462».⁸ Здесь же далее, в рассказе о походе Ермака в Сибирь, читаем: «Дошли после того до селидьбы господ Строгановых, которых праотец при деде сего государя великом князе Московском Иоанне Васильевиче Грозне, во время теснения от московских войск Великого Новагорода, от страха со всем своим домом ушел оттуда в зыряны, си есть Пермь великую, на верховье реки Камы, там поселился».⁹ В главе, посвященной правлению Ивана IV, последний ни разу не назван Грозным.

С. М. Соловьев был солидарен с приведенным заключением Карамзина и высказывал некоторые дополнительные соображения на основе более широкого привлечения источников: Грозным прозван был уже Иван III, «потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание», — писал С. М. Соловьев и продолжал: «...по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе».¹⁰ Хотя Соловьев не занимался специально песнями, о которых сейчас идет речь, для их понимания небесполезна другая мысль его. По мнению Соловьева, «Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным».¹¹

⁶ См.: *Petrey de Erlesunda P. Historia o velikom knyazestve Moskovskom*. М., 1876. С. 108—111. В оригинале: «Ivan Vasilievitz Grotzdin» (*Petreyum de Erlesunda P. Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow*. Lipsiae, 1620. S. 165).

⁷ *Карамзин*. Кн. 2, т. 6, примеч. 588.

⁸ [Манкиев А. И.] *Ядро Российской истории*. М., 1784. С. 166.

⁹ Там же. С. 205.

¹⁰ *Соловьев*. М., 1960. Кн. 3. С. 58.

¹¹ Там же. С. 704.

Сходно обстоит дело в отношении царского титула: с не меньшим основанием его использовал уже Иван III. Хотя он не был провозглашен царем в начале своего долгого правления, право на такой титул Иван III, по тогдашним представлениям, действительно приобрел в результате важнейших государственных деяний. Среди них на первых местах — прекращение зависимости русского народа и государства от Орды, ликвидация главных остатков феодальной раздробленности в результате присоединения Тверского княжества и Новгородской республики, подчинение Казанского ханства, разорявшего русскую землю опустошительными набегами, женитьба на Софии Палеолог — наследнице кесарей православной Византийской империи, прекратившей существование за несколько лет до вступления на престол Ивана III.

Документировано, что в 80-х гг. XV в. Иван III «стал усвоить себе» царский титул — в смысле «государя по праву наследства, независимо от какой-либо земной власти после падения татарского ига, властью своею никому, кроме Бога, не обязанного».¹² Так, грамота, посланная в Крым в 1484 г., начинается словами: «Божиею милостию, великий осподарь Русские земли, велики князь Иван Васильевич, царь всеа Руси, Володимерьски и Московски, и Новгородски, и Псковски, и Югорьски, и Вятски, и Пермьски и иных». Аналогично начало грамоты, отправленной туда же в 1487 г., но в титуле добавлено «и Тферски»¹³ — в связи с тем, что Тверское княжество было подчинено Иваном III в 1485 г. Грамота, врученная в 1498 г. послами Ивана III бургомистру Любека, начинается полным титулом того времени: «Иоанн, Божиею милостию великий государь, царь всеа Руси, Володимерьский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферской, и Югорский, Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных»;¹⁴ титулование «Болгарским» имеет в виду подчиненное к тому времени Казанское ханство, занимавшее земли древней Волжской Болгарии.

Годом официального принятия титула был признан 1497-й.¹⁵ В этом году появилась грамота, к которой привешена большая печать, где, как подчеркивал С. М. Соловьев, «впервые видим изображение двуглавого коронованного орла с распростертыми крыльями» на одной стороне, а на другой — «изображение всадника, попирающего дракона и копьем прободящего ему горло», с надписью по окружности: «Иоанн, Божиею милостию господарь всеа Руси».¹⁶

¹² *Савава В.* Московские цари и Византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 273.

¹³ Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 41, 71.

¹⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. Стб. 87.

¹⁵ Дата отобразилась в оформлении государственного знамени Российской империи. На его андреевских лентах «были указаны года: 862 (основание государства), 988 (крещение Руси), 1497 (принятие царского титула) и 1721 (принятие императорского титула)» (*Гребельский П. Х., Мирвис А. Б.* Дом Романовых. 2-е изд. СПб., 1992. С. 243).

¹⁶ *Соловьев.* Кн. 3. С. 146. Обозначение царского титула на монетах практиковалось уже при сыне Ивана III: «Василей Божиею милостию царь и государь всеа Руси» — деньги с такой надписью чеканились во Пскове после 1510 г. См.: *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1886. С. 42—43; *Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 19.

Не только сам Иван III титуловался царем всея Руси в официальных документах и в переписке с зарубежными адресатами: они в свою очередь обращались к нему, титулуя его иногда даже императором.¹⁷ Но для оценки произведений фольклорных важнее, конечно, что новое титулование усвоено было самими подданными Ивана III. На этот счет нет никаких сомнений. Царем и самодержавцем Иван III не раз назван в летописях. Вот, например, известие о постройке Грановитой палаты в Кремле в 1491 г.: «Того же лета, августа, Божеею милостью зделана бысть полата на Москве болюшая на площади повелением великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца, царя и государя всея Руси и великого князя Владимирьского и Ноугородцкого, Московского и Пьсковского, и Тферского, и Югорского, и Вятцкого, и Болгарского, и иных, в 30-е лето государьства его, а мастера Марко да Петр Антонеи».¹⁸ В письмах сановных лиц находятся обращения к Ивану III как «царю всея Руси и великому князю». Митрополит Симон в послании к пермичам называл Ивана III царем и самодержцем.¹⁹

Однако наибольший резонанс должны были иметь публичные церемонии, становившиеся достоянием, как бы мы теперь сказали, особенно широкой гласности. К их числу относится обряд венчания царским наследником, впервые примененный Иваном III сначала к своему внуку Дмитрию Ивановичу, а позднее — к сыну от Софии Палеолог Василию Ивановичу. Сохранились официальные документы, описывающие венчание Дмитрия (1498 г.). В Успенском соборе Кремля при большом стечении народа проходил исполненный подчеркнутой значительности церемониал; митрополит, во главе высших иерархов церкви, так обратился к сидящему на возвышении Ивану III: «Божиею милостью радуися и здравствуй преславный царю Иване великий князь всея Руси самодержец, и своим внуком с великим князем Дмитрием Ивановичем всея Руси, на многа лета».²⁰

2

Очевидно, что фольклорные произведения, где речь идет о «Грозном царе Иване Васильевиче», могут в принципе подразумевать как Ивана III, так и Ивана IV. Не всегда можно определить — кого именно, ибо порой только в самих исторических песнях или преданиях дошли сведения об исходных фактах; в истории обоих царствований, известной по документам, встречаются однотипные события. Нередко образ царя в песне и характер его деяний — явно результат наслоения впечатлений о временах Ивана IV на припоминания о правлении Ивана III.

¹⁷ См., например: *Соловьев*. Кн. 3. С. 145; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XIV—начала XVI в. М., 1980. С. 102—117.

¹⁸ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286.

¹⁹ См.: *Соловьев*. Кн. 3. С. 145—146.

²⁰ Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 331. Ср.: Чин венчания на великое княжение всея России [...] Дмитрия Иоанновича // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 29 (текст здесь аналогичен приведенному).

Не обращаясь здесь к имеющимся данным относительно исторических песен, предшествовавших времени Ивана III, попытаемся уточнить и отчасти исправить традиционные представления о датировках и генезисе некоторых песен именно об Иване Грозном. Для этого необходимо обратиться к их реальному историческому фону.

Ивану III довелось преодолеть немалые препятствия во внешнеполитических делах, но, пожалуй, еще больше было трудностей в политике внутренней. К их числу принадлежали династические интриги, соперничество будущих наследников его престола.

От первой жены — тверской княжны Марии Борисовны — у Ивана III родился в 1458 г. сын Иван, прозванный Молодым. После смерти Марии второй женой стала Софья (Зоя) Фоминична Палеолог — племянница последнего императора Византии. Первенец ее, Василий, родился в 1479 г. Со временем при дворе разгорелась подспудная вражда сторонников Софии и Василия со сторонниками Ивана Молодого. В 1490 г. Иван Молодой умер в результате неудачного лечения его врачом, которого привезли из Италии родственники Софии Палеолог.²¹

Как справедливо писал С. М. Каштанов, «второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за престолонаследие между ним и сыном Софии Палеолог. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого еще при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол».²²

Существует в единственной пока давней записи песня «Иван Грозный молится о сыне», зафиксированная А. А. Догадиным.²³

Скорее всего, здесь имеются в виду именно гибель Ивана Молодого и оплакивание его Иваном III — в традиционных формулах народной причети описана «кручинушка безысходна царская»:

Эх да как угасла свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича.²⁴

Отношение к происходящему царя и присутствующих в церкви бояр противоположно:

²¹ В летописях читаем, что прибывший из Рима с русскими послами брат Софии «приведоша с собою к великому князю лекаря Мистро Леона жидовина из Венеции»; Иван Молодой «болел камчюгом в ногах, ходил, и видев лекарь жидовин Мистр Леон похвалялся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: яз излечю сына твоего великого князя Ивана от той болезни» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 37, 239). Иван Молодой скоро умер. На 40-й день после его смерти Иван III казнил лекаря.

²² Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XI—первой половины XVI в. М., 1967. С. 35.

²³ Как предполагала В. К. Соколова, эта песня послужила источником широко бытовавшей среди казаков песни «царь у заутрени», запись которой осуществлялись еще в 1945 г. См.: Соколова. С. 56.

²⁴ ИП I. С. 454.

Уж он молится наш православный царь,
 Да он низко кланяется.
 Эх да, позадь-то его все бояре-князья
 Они остановились.
 Как промеж-то себя ухмыльнулись,
 Князья усмехнулись.

Царь оглядывает их гневно:

И чему-то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны?
 Эх да, иль не знаете вы, иль не ведаете
 Горя-то великого?

Имя царя в песне не названо, как и имя умершего царевича. Без реальных оснований записавший эту песню собиратель, а затем и исследователи связывали ее со смертью другого царевича Ивана, убитого Иваном IV в семейной ссоре в 1581 г.²⁵ Между тем иная историческая основа достаточно очевидна. Для придворной партии Софии Палеолог смерть царевича Ивана Молодого действительно должна была явиться причиной радости. Напротив, по поводу смерти Ивана Ивановича в 1581 г. радоваться было некому: единственным наследником престола тогда оставался малоспособный Федор, родившийся от той же жены, что и убитый отцом Иван.

3

Бесспорно, самое интересное и самое значительное из произведений, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу, — это записанная в основном на Русском Севере, бывшем когда-то землями Великого Новгорода, песня «Гнев Ивана Грозного на сына». Она опубликована в 1960 г. в 61 варианте, общее число записей значительно больше.²⁶

Песня изучалась много раз, почти все исследователи считали ее поэтическим отзвуком упомянутого уже убийства царевича Ивана Ивановича царем Иваном IV в 1581 г. Таково было мнение еще Ореста Миллера,²⁷ позже — Всеволода Миллера.²⁸ С. К. Шамбинаго путем довольно сложного построения пришел к выводу о логичной, по его мнению, трансформации народнопозитического отклика на убийство Ивана, при которой песня оставила его в живых, заменив при этом Федором.²⁹ В разных вариациях подобную точку зрения высказывали затем М. Н. Сперан-

²⁵ См., например: Миллер. Очерки. Т. 3. С. 295; Соколова. С. 56—57. Они справедливо отмечали текстовую перекличку с некоторыми вариантами песни «Гнев Ивана Грозного на сына». Но если Миллер усматривал здесь переделанный осколок ее, то Соколова, на мой взгляд, более права, усматривая, напротив, один из источников песни о гневе Грозного в песне, посвященной оплакиванию сына.

²⁶ Сводная публикация: ИП I 200—260. Позже записан еще ряд вариантов. Ср.: Соколова. С. 49.

²⁷ См.: Миллер О. Исторические песни // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880. Т. 1. С. 126.

²⁸ Миллер. Очерки. Т. 3. С. 295.

²⁹ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 299.

ский,³⁰ Ю. М. Соколов,³¹ В. И. Чичеров,³² А. М. Астахова,³³ В. К. Соколова³⁴ и др. Л. И. Емельянов, в принципе согласившись с мнением большинства предшественников, выставил аргументом то обстоятельство, что в XVIII в. появилась песня о царевиче Алексее, основанная на переделке песни «Гнев Ивана Грозного на сына», хотя Алексей был не спасен, как в песне, а казнен.³⁵

Не согласились с традиционной трактовкой В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Первый из них считал, что песня создана еще при жизни царевича Ивана, но после разгрома в 1570 г. Новгорода Иваном IV.³⁶ Сходна точка зрения Б. Н. Путилова.³⁷ Оба исследователя, как и В. К. Соколова, подробно эту песню рассматривая, говорят о двух главных ее версиях — с двумя сыновьями и с одним сыном. Первичной последнюю считала В. К. Соколова, первую — В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов.

Следует здесь напомнить основное содержание песни. Гнев царя на сына связан с подозрениями в измене, которая гнездится в самом царском дворце. В версии с двумя царевичами один из них интригует против другого. Царь сгоряча хочет казнить сына-изменника, но благодаря одному из бояр казнь отменяется, вместо царевича нередко казнят другого человека. Спаситель царевича выговаривает у царя право иметь убежище, где нельзя никого казнить. Группа вариантов, записанных в Новгородской земле, связывает конфликт с массовыми казнями Ивана IV в Новгороде в 1570 г., активным участником которых в реальной истории был царевич Иван Иванович: он доносит отцу на второго царевича, Федора, будто бы уклонившегося от участия в репрессиях и даже помогавшего новгородцам избегать их. Федора царь за это хочет казнить. В версии с одним царевичем последний обвиняется в измене, суть которой обычно неясна: иногда он как бы заподозрен в намерении захватить власть, чаще «вина» его состоит в том, что он перечит отцу, когда тот утверждает на пиру, что вывел измену в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Записанные варианты не фиксируют угрозу царевичу Ивану: ей подвергается либо Федор, либо царевич с другим именем. Иногда имя царевича в песне не названо. Но ни в одном варианте угроза не реализуется — царевич всегда остается жив.

В. Я. Пропп довольно логично, но без какой-либо опоры на источники предполагал наличие у этой песни реальной основы. Отметив, что

³⁰ См.: Русская устная словесность. Т. 2. Былины и исторические песни / Под ред., с вводными статьями и примеч. М. Н. Сперанского. М., 1919. С. 357.

³¹ См.: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938. С. 267.

³² См.: Чичеров В. И. Об этапах развития русского исторического эпоса // Историко-литературный сборник. М., 1947. С. 54—56.

³³ См.: Северные исторические песни / Подгот. текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947. С. 56.

³⁴ См.: Соколова. С. 56.

³⁵ См.: Русская историческая песня. Л., 1987. С. 466.

³⁶ См.: Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына // Вестник ЛГУ. 1958. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 100—101.

³⁷ См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 203—205.

Федор «отличался кротостью и религиозностью», В. Я. Пропп заключает: «...нет ничего невероятного в том, что он способствовал спасению как бояр, так и простых людей, обреченных на расправу, как об этом поется в песне, и что он противодействовал и во всяком случае не сочувствовал новгородской расправе <...> Поэтому вполне можно стать на точку зрения доверия к повествованию песни: после новгородских событий Федор оказался на подозрении и над ним нависла угроза. Вряд ли приказ о казни действительно уже имелся и был дан на пиру и в тот же миг начал осуществляться, как об этом наивно повествует песня, но несомненно, что угроза суда над царевичем была весьма реальна. Вполне исторически правдоподобно, что в этом деле Иван, всегда поддерживавший отца, выступал против Федора и что спасителем выступил близкий царю Никита Романович».³⁸

Б. Н. Путилов обратил внимание на то, что в 1570 г., когда состоялся новгородский поход Ивана IV, Федору было только 13 лет, но есть свидетельство очевидца, что однажды Федор отказался присутствовать при массовой казни. Отослав к книге Д. А. Садикова «Очерки по истории опричнины», Б. Н. Путилов пишет: «Среди множества дел, которые велись в это время в Москве, особый интерес представляет для нас дело Афанасия Вяземского. Ему ставилась в вину попытка предупредить новгородцев о готовящемся на них походе. Вяземский был подвергнут пыткам, „торговой“ казни и сослан. В том же году он умер».

Итак, заключает автор, «народная песня, приписав царевичу государственную измену, лишь по-своему откликнулась на московские события 1570 года».³⁹ При этом Б. Н. Путилов отказался видеть в основе повествования какой-либо реальный факт. Он расценивает песню о гневе Ивана Грозного на сына как «произведение с вполне вымышленным сюжетом».⁴⁰

С этим не согласился историк опричнины Р. Г. Скрынников: «В действительности содержание песни было далеко не вымышленным», — пишет Р. Г. Скрынников и поясняет, что «с точки зрения исторической достоверности внимания заслуживает краткая редакция песни», ибо «в основе ее лежали реальные факты».⁴¹ Он обращает внимание в этой связи на вариант ИП I 221, где фигурирует один царевич (имя его тут не названо) и говорится, что конфликт между царем и сыном, которого поддерживал Никита Романович (Захарьин), произошел после похода на Новгород и Псков, когда царь решил вывести измену в Москве; местом несостоявшейся казни царевича названа Поганая лужа, царь угрожает боярам сварить их в котле. Р. Г. Скрынников напоминает, что «именно на Поганой луже были казнены после новгородского погрома „кани-

³⁸ Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына. С. 101.

³⁹ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. С. 204, 205. Можно внести одно уточнение на основе более поздней работы: донос на Вяземского, о котором сообщал Шлихтинг, был, очевидно, ложным, во всяком случае — недоказанным. Раньше Вяземского погиб сам доносчик, см.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 443—444.

⁴⁰ ИП I. С. 655.

⁴¹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 431.

лер“ Висковатый и другие московские „изменники“», причем одного из них — «Н. Фуникова — опричники сварили живьем».⁴²

Но самое существенное в том, что именно в это время (в 1570 г.) «раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником», которому симпатизировала часть влиятельных бояр (Р. Г. Скрынников опирается на свидетельство Шлихтинга), причем раздор этот «получил широкую огласку в земщине».⁴³ Р. Г. Скрынников не располагает какими-либо указаниями источников на намерение казнить царевича Ивана или на обвинение его в измене, но характеризует общую обстановку: «„Новгородское дело“ повлекло за собой розыск о „московской измене“. Опричники готовились учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. Перспектива повторения в Москве новгородских событий пугала руководителей земщины, которые, конечно, никак не могли сочувствовать новым сумасбродным замыслам Грозного. Очень возможно, что Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору».⁴⁴

Таким образом, существуют три различные исторические идентификации: 1) засвидетельствованный источником XVI в. конфликт между Иваном IV и его старшим сыном Иваном после новгородского похода 1570 г. (и сопутствовавшие этому конфликту исторические обстоятельства); 2) предполагаемый гнев Ивана IV на сына Федора за возможное его сочувствие новгородцам и предполагаемая солидарность при этом царя и его старшего сына; 3) засвидетельствованный источниками факт нанесения Иваном IV смертельной раны старшему сыну Ивану в 1581 г. во время их ссоры из-за жены Ивана Ивановича. Полагаем, что последняя идентификация должна быть совершенно оставлена ввиду слишком больших ее расхождений с содержанием песни. Вторая идентификация, в наибольшей мере отвечающая содержанию большинства вариантов, особенно записанных в Новгородской земле и обладающих часто высоким художественным совершенством, письменными источниками не подтверждена. Первая идентификация исторически правомерна и должна быть принята. Она позволяет объяснить появление того краткого варианта, с которым соотнесена, и в несколько меньшей степени ряда других вариантов. Однако если иметь в виду весь комплекс существующих записей, то эта идентификация оставляет вне возможного исторического объяснения не только детали, по-видимому вымышленные, но и значительный комплекс исторических реалий, трудно сопоставимых вообще с правлением Ивана IV.

Есть варианты песни о гневе Ивана Грозного на сына, зачин которых связывает с его именем строительство каменного города:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозны царь...⁴⁵

⁴² Там же. С. 432.

⁴³ Там же. С. 431.

⁴⁴ Там же. С. 430.

⁴⁵ ИП I. С. 360.

Стоящий донныне московский Кремль построен при Иване III: стены и башни были возведены в 1485—1495 гг. При нем же построены Грановитая палата (1487—1491 гг.), Успенский и Благовещенский соборы Кремля (1475—1478 и 1484—1489 гг.). При Иване IV строительство подобного масштаба не производилось. Упомянутый зачин целесообразно рассмотреть до конца. Возьмем другой вариант:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной царь,
Что Грозной царь Иван сударь Васильевич.
Как он ходил под Казань-город,
Под Казань-город и под Астрахань,
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя с царицею;
Выводил измену из Пскова,
Из Пскова и из Новгорода.⁴⁶

В этом зачине только упоминание Астрахани указывает на привнесение, обязанное именно правлению Ивана IV. Остальное, хотя и соотносимо с событиями обоих царствований, в гораздо большей мере характеризует эпоху Ивана III. Казань сдалась почти без боя войскам Ивана III в 1487 г. после непродолжительной трехнедельной осады. Напротив, Ивану IV пришлось стоять под этим городом в два раза дольше, при непрерывных чрезвычайно ожесточенных боевых действиях, и даже взрывать городскую стену.⁴⁷ Казанский царь Алегам после его добровольной сдачи был вместе с царицей сослан Иваном III в заточение в Вологду.⁴⁸ Что касается выведения измены из Пскова и Новгорода, то Иван IV обвинял в измене (по-видимому, неосновательно) только новгородцев; поэтому его приезд в Псков после жесточайшего разгрома Новгорода оказался для псковичей почти бескровным. Зато у Ивана III были не раз крупные недоразумения со строптивыми псковичами.⁴⁹

В 1469 г. обнаружилось, что в Пскове были изменники, тайно помогавшие немцам в войне против соотечественников. Псковских изменников казнили.⁵⁰ Измена ряда новгородских бояр Ивану III — факт достаточно известный: они тайно возобновили сношения с польским королем после того, как присягнули Ивану III. Это вызвало казнь изменников и выселения многих людей из Новгорода.

Из зачина, таким образом, следует, что песня слагалась об Иване III, а позже испытала воздействие реалий царствования Ивана IV.

Многие варианты песни начинаются по-былинному — с описания пира и похвалы его участников. В центре внимания здесь похвальба самого царя Ивана Васильевича. Она, в частности, такова:

Есть и мне, царю, теперь похвастати:
Я повынес царенье из Царяграда,

⁴⁶ ИП I. С. 358.

⁴⁷ См.: Соловьев. Кн. 3. С. 466—473.

⁴⁸ См.: Там же. С. 71. Судьба казанской царской четы при Иване IV была аналогична.

⁴⁹ См.: Соловьев. Кн. 3. С. 36—41.

⁵⁰ См.: Там же. С. 127—128.

Царскую порфиру на себя надел,
 Царский костыль себе в руки взял<...>⁵¹
 А й повынес я царенье из Царяграда...⁵²

Иногда об этом говорится в ином зачине при характеристике царя Ивана: «А й повнес он даренье из Царяграда» (ИП I. С. 327). Вполне очевидно, что подобные утверждения соотносятся с восприятием идейного наследия византийских императоров Иваном III, женившимся на Софии Палеолог и перенесшим византийский герб в Москву (получившую при его сыне в тогдашней публицистике наименование «третьего Рима»).

Этот важный мотив не имеет исторических соответствий в царствовании Ивана IV: он не «выносил царенье» из Царьграда.

Соотносимый с песней о гневе Ивана Грозного на сына раздор между сыном и отцом в правление Ивана IV не имел ни династических причин, ни значительных последствий для царевича Ивана Ивановича, мы знаем об этом конфликте только по сравнительно краткому упоминанию в одном из свидетельств иностранцев, писавших по личным впечатлениям о Московии времени Ивана IV.

4

Несомненно, что своим первоначальным появлением сюжет песни о гневе царя на сына обязан гораздо более значительным событиям, происходившим около 70 лет раньше и знаменовавшим собой достаточно трагичный династический кризис.

Следует обратить внимание на имена главных персонажей. Среди вариантов песни есть такие, где речь идет о царевиче Василии Ивановиче. Уже одно это указывает на XV столетие: у Ивана IV был сын Василий, но он умер грудным младенцем. У Ивана III имя Василий носил старший сын от Софии Палеолог, объявленный наследником престола после смерти Ивана Молодого и участвовавший затем в острой политической борьбе со своим конкурентом.

Есть варианты, в которых гнев царя Ивана Васильевича обращен на царевича Дмитрия Ивановича. Иван IV имел двух сыновей с таким именем, но первый из них умер в младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца. Среди сыновей Ивана III был один Дмитрий, достигший при его жизни 14-летнего возраста, но не успевший себя про-

⁵¹ ИП I. С. 317.

⁵² ИП I. С. 328. Если в одних случаях царь похвально: «Повынес я порфиру царскую из Царяграда» (ИП I. С. 311), «Из Царьграда взял порфиру я» (ИП I. С. 435), то в других можно наблюдать процесс искажения: «Достал я перфилишку из Царяграда» (ИП I. С. 340), «Вывез Перфила из Царяграда» (ИП I. С. 361), и наконец: «Вывел Перфила из Новгорода» (ИП I. С. 430). В последнем случае перед нами, очевидно, уже не только искажение, но и переосмысление. Вариант записан в Ардатовском уезде Нижегородской губернии. Именно туда было выслено большое число новгородцев Иваном III в 1489 г. А 10 годами ранее был взят и вывезен из Новгорода игравший там важнейшую политическую роль архиепископ Феофил (он был заключен под стражу в Чудове монастыре); был схвачен кулецкий староста Панфильев; вместе с Марфой Борейской и другими он был вывезен в Москву (см.: *Соловьев*. Кн. 3. С. 32—33).

явить в политической жизни. Зато исключительно важная роль в ней принадлежала тогда другому Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана III, сыну Ивана Молодого. Он был торжественно коронован наследником престола в 1498 г. — после опалы на объявленного наследником до того Василия Ивановича.

Однако в следующем году Василий Иванович был назначен великим князем Новгородом и Пскова. А спустя несколько лет Дмитрий Иванович сам подвергся опале, и наследником престола вновь стал Василий Иванович. Эти проявления весьма напряженной борьбы двух партий при дворе достаточно подробно отображены в источниках и достаточно определенно соотносятся с содержанием песни: оба царевича побывали под стражей, по крайней мере над одним из них нависала смертельная угроза; хотя до казни наследника престола дело не дошло, смерть постигла близких царевичу людей, причем выдвигалось обвинение в государственной измене.

Большинство вариантов песни имеет не только наслоения реальных правления Ивана IV (имена царевичей Федора и Ивана, боярина Никиты Романовича, опричника Малюты Скуратова, казанского царя, захваченного Иваном IV, упоминания Астрахани, жестоких деяний в Новгороде и др.), но и следы позднейшей деформации самого сюжета, о причинах чего речь пойдет далее. Сейчас мы по возможности отвлекаемся от них, обращаясь к соотношению сюжетной основы песни с ее исходной исторической основой.

Официальная Никоновская летопись сообщает, что в 1497 г. «по диаволу действу и наважению и лихих людей совету исполелся князь великий Иван Васильевич на сына своего на князя Василья да и на свою жену на великую княгиню Софию, да в той въспалке велел казнити детей боярских (дается перечисление их. — С. А.), казниша их на леду, главы их ссекоша, декабря в 27 день».⁵³

Как выясняется путем сопоставления с другими летописями, последовательность событий была такова: сначала Иван III предъявил митрополиту и высшим иерархам церкви свои обвинения против сына и жены, затем принужден был покаяться перед освященным собором, признав себя виноватым в смерти родного брата Андрея (зачотченного им в тюрьму в 1491 г. и умершего там в 1493 г.). После этого были казнены ближайшие сторонники Василия Ивановича — участники заговора.⁵⁴

Об аресте царевича Василия Ивановича существует более ясное свидетельство неофициальных летописей. «В лето 7006 декабря восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Русии на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставь»; мотивировалось это причастностью царевича к заговору, организаторы которого друг друга «тайно к целованию приведоша», узнав, что «князь великий хочет пожаловати

⁵³ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 246. Непосредственно за этим текстом идет известие о поставлении Иваном III на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича (аналогичный текст есть и в более ранних летописях).

⁵⁴ См.: Черетин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 292—303.

великим княжением Володимирским и Московским внука своего, князя Дмитрея Ивановича». Как выяснилось, Василий находился в центре этого заговора, а заговорщики побуждали его «отъехати» от отца, хотели при этом «казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда учинити».⁵⁵

Воспоследовала суровая казнь главных заговорщиков: четверым, включая князя Ивана Палецкого, отсекали головы, а наказание двух других, более, очевидно, виноватых, было ужесточено отсечением конечностей.⁵⁶

Современные исследователи довольно единодушно оценивают политическую ситуацию, в какой оказался тогда царевич Василий: в 1497 г. «жизнь его и Софии Палеолог почти висела на волоске».⁵⁷ Но у Василия Ивановича нашелся спаситель в лице митрополита. Вместе с другими церковными иерархами он оказал сильнейшее давление на Ивана III. Царю пришлось просить прощения «о своем брате, князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил». Митрополит, архиепископ и епископы «едва простиша и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправить перед Богом».⁵⁸

Мнение недавних исследователей сводится к тому, что «смерть Андрея — событие четырехлетней давности — послужила лишь предлогом для разговора об опальном Василии, чья участь внушала митрополиту серьезные опасения и, возможно, была даже близка участи Андрея», и что есть основания говорить «о церковном соборе, спасшем жизнь Софье и Василию».⁵⁹

В песне спасителем царевича оказывается не митрополит, а боярин Никита Романович — персонаж, в фольклоре весьма популярный, всегда играющий положительную роль и в других произведениях. Его одноименный исторический прототип (родной брат рано умершей первой жены Ивана IV Анастасии, известной благотворным влиянием на характер мужа) был отцом патриарха Филарета и дедом царя Михаила Федоровича Романова. При Иване IV он не запятнал себя участием в его жестокостях. Поддержка, которую, как предполагает Р. Г. Скрынников, Никита Романович оказывал царевичу Ивану Ивановичу при его раздоре с отцом, вероятно, и послужила причиной того, что со временем именно этому персонажу стала принадлежать в песне роль спасителя от смертельной угрозы царевича, первым прототипом которого был Василий Иванович.

⁵⁵ Отрывок летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 279. Ср.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 210—211.

⁵⁶ Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 211.

⁵⁷ *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений... С. 111. Мать царевича, как оказалось, имела сношения с ворожеями, имевшими при себе зелья. Вспомнив, очевидно, загадочную смерть Ивана Молодого, Иван III стал после этого соблюдать меры предосторожности в отношении супруги.

⁵⁸ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 214.

⁵⁹ *Капитанов С. М.* Социально-политическая история... С. 100.

Существенно еще одно историческое обстоятельство, параллель которому обнаруживается в очень многих записях песни. После избавления царевича от смерти царь хочет наградить спасителя, тот отвечает:

Мне не надо городов с пригородками,
 Мне не надо сел да с приселками,
 Мне не надо ни золота, ни серебра, ни скатна жемчуга,
 Только дай мне Никитину вотчину:
 Кто уйдет в Никитину вотчину,
 Того и Бог простит.⁶⁰

Такой финал, как правило, присутствует в наиболее развернутых вариантах, причем повсюду «Никитина вотчина» трактуется как убежище, избавляющее от наказания. Исследователи песни реального исторического объяснения этому устойчивому ее мотиву не предложили. Между тем аналогичный исторический факт был выявлен при изучении обстоятельств царской опалы на Василия Ивановича.

Анализ совокупности летописных известий в сопоставлении с актовыми материалами привел исследователя этих вопросов С. М. Каштанова к такому заключению: «Очевидно, церковники сумели выговорить для Василия определенные гарантии и право убежища».⁶¹ Привлеченные С. М. Каштановым источники позволили конкретизировать этот вывод: речь шла, очевидно, о сохранении за Василием Ивановичем «относительной свободы и княжеской роли на какой-то очень узкой территории в одной из Замосковских волостей»; по-видимому, это была «волость „Шерна-городок“, где находилась церковь Николы в Пружках».⁶² Погост Пружки являлся, очевидно, «митрополичьим владением», и сама церковь Николы «была митрополичьей».⁶³

Поскольку Никита Романович в песне «заместил» игравшего в реальной истории аналогичную роль митрополита, митрополичье владение, ставшее убежищем для опального Василия Ивановича, «заместилось» в песне «Никитиной вотчиной», которая в ходе эволюции песни и размышления исторических реалий постепенно превратилась в убежище для всякого, кто подлежал наказанию.

5

Песня о гневе Грозного царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича была, как можно полагать, первым произведением на этот сюжет. Но за ней последовали другие, относившиеся уже к категории песен-переделок. Взаимодействуя в ходе устного бытования, похожие по содержанию песни сосредоточивались на более запомнившихся

⁶⁰ ИП I. С. 297.

⁶¹ Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 100—101.

⁶² Там же. С. 98.

⁶³ Там же. С. 101. В 1498 г. Василий Иванович подарил этой церкви пергаменное Евангелие и землю «на кормление»; в этом году он фактически не имел уже титула великого князя всея Руси, в сохранившемся позднем списке его дарственной записи этот титул указан ошибочно.

впоследствии именах и исторических реалиях, что привело в итоге к тому их разнобою, какой наблюдается в комплексе разнородных по происхождению вариантов, суммарно обозначаемых как «Песня о гневе Ивана Грозного на сына».

Имя царевича Василия Ивановича, который после опалы «реально получил только „княжение Новгородское“»,⁶⁴ удержалось лишь в двух из известных нам вариантов, причем оба зафиксированы в репертуаре сказителей Новгородской земли. Текст, записанный А. Ф. Гильфердингом на Выгозере от Ф. Н. Никитина (ИП I 204), как можно полагать, отобразил не столько исходную песню, сколько первую переделку ее, ибо здесь Василий — не объект царского гнева, а доноситель на второго царевича (названного в песне не Дмитрием, а Федором), этот второй царевич и оказывается под угрозой смерти, но спасен Никитой Романовичем, после чего говорится об упомянутой уже Никитиной вотчине. Перед нами отображение второй фазы династического конфликта (когда страдающим лицом оказался Дмитрий), затемненное воздействием первичной песни, откуда перешел финал и некоторые другие детали (помимо тех, какие обязаны уже эпохе Ивана IV). Начало песни контаминировано: она открывается описанием нашествия вражеского нахвальщика, против которого посылает своих сыновей с войском царь Иван Васильевич (и имеет текстуально шероховатый переход к основному сюжету, в результате чего остается неясной сущность «измены» второго царевича, о которой доносит отцу Василий Иванович).

Более существенно контаминирован вариант ИП I 259, исполненный А. В. Маркову в Зимней Золотице В. И. Чекалевым. Основная часть текста не посвящена гневу царя на сына: это песня о смерти царицы Анастасии Романовны, переходящая в песню о Кострюке; такая контаминация, где соединение двух сюжетов логично и художественно оправданно, бытовала на Севере самостоятельно: она представлена текстами ИП I 265—266, записанными ранее в Архангельской губернии.

Сама же песня о гневе Грозного царя на сына присутствует здесь тремя фрагментами, которые резко вклиниваются в остальной текст. Строки 19—40, составляющие первый фрагмент и начинающиеся описанием пира, довольно неуместно следуют за описанием смерти царицы:

А представилась царица та благоверная.
Ише собрал тут царь-от пир навесели.

Почти столь же малооправданно второе включение: в строках 55 и 56 Грозный царь сожалеет, что погубил (как он думает) царевича Василия Ивановича, раскаявшись перед тем, что, вопреки наказу благочестивой умершей жены, взял замуж «Марьюшку Верблюковну». Закончив сюжет о Кострюке известием о гибели упомянутой сестры его и о радости царя по данному поводу, песня опять резко переходит к печали его из-за смерти сына, после чего следует в кратком виде финал песни о гневе на царевича (строки 82—97). Перед нами, собственно, даже не контаминация, а

⁶⁴ Капитанов С. М. Социально-политическая история... С. 121.

почти механический монтаж двух песен (первая из которых — контаминация оправданная), монтаж, вызванный, может быть, только тем, что вторая песня, известная певцу в короткой редакции, имела некоторую, хотя и слабую, тематическую перекличку с первой. Но как раз малоискусность и малооправданность соединения имеет тот положительный эффект, что позволяет с большой долей вероятности выделить весь или почти весь текст не сохранившейся в отдельном виде краткой редакции песни о гневe царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича. Привожу текст по изданию собирателя ввиду некоторых упрощений переиздания в ИП I. Это, как уже указывалось, стихи 19—40, 55—56, 82—91.⁶⁵

Ише собрал тут царь-от пир навесели;
 Ише сам говорил-то да таковы речи:
 «Уж я вывёл-то изменушку из Киева;
 Привезу я ведь правдушку из чиста поля».
 Ише было у царя-то да цядо милоё,
 Ише мило-то ведь чядышко одинакоё
 Ише на имя Васильюшко Ивановичь;
 Ише от роду Васильюшку было двадцеть лет.
 Говорил-то Васильюшко таковы речи:
 «Ты Грозён ты наш царь Иван Васильёвиць!
 Уж ты вывёл ведь правдушку из Киёва;
 Привезёшь ты изменушку из чиста, поля».
 Розьсердилсз Грозен царь Иван Васильёвиць
 На своего на чядышка на милого;
 Приказал отъезвезти ёго в чисто поле
 Да отсекли ёго ведь как буйну голову,
 Принести-то ёго голову на торелочки.
 Отвели-то Васильюшка во чисто поле,
 Шьтобы не видал Грозен царь Иван Васильёвиць.
 Они прибрали поганого тотарина,
 Шьто такой же ведь есь — Васильюшко сын Ивановичь,
 Да отсекли у Васильюшка буйну голову.⁶⁶ <...>
 Пожалел тогда своего-та чяда милого
 Ише на имя Васильюшка Иванова. <...>
 Ишше сам он говорил-то таковы речи:
 «Охте-те-мни-чки-то мне тошнёхонько!
 Уходил я своёго-то чяда милого
 Ише на имя Васильюшка Ивановичя!».
 Привели к ему Васильюшка Иванова,
 Ише сами говорили да таковы речи:
 «Ты Грозён ты наш Иван Васильёвиць!
 Мы отсекли у тотарина буйну голову,
 Принесли тогда к тебе-ка на торелочки;
 Пожалели мы Васильюшка Иванова».

Упоминание Киева, конечно, весьма поздняя замена. Но близко к истине указание на возраст царевича: Василий Иванович, родившийся в 1479 г., опале и аресту подвергся в 1497 г.

⁶⁵ Марков. С. 481—482.

⁶⁶ Т. е. татарина, похожего на Васильюшка (примеч. собирателя — Марков. С. 789).

Под 1502 г. в летописи читаем: «Тое же весны князь великий, апреля 11, в понедельник, положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия и на его мать на великую княгиню Елену; и от того дни не велел их поминати в октеньях и литиах, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы. Тое же весны, апреля 14, в четверток, на память преподобного отца нашего Мартина папы Римскаго, князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княженье Володимерьское и Московское и всеа Руси самодержцем, по благословению Симона митрополита всеа Руси».⁶⁷

Победа Василия Ивановича в династической борьбе, как объяснял ее Герберштейн, явилась результатом интриг Софии Палеолог: «Говорят, — писал он, — Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое. Рассказывают, что, между прочим, она убедила мужа лишить монархии внука Дмитрия и поставить на его место Гавриила (т. е. Василия — согласно его второму имени. — С. А.). По настоянию жены князь заключил Дмитрия в тюрьму и держал его там».⁶⁸

Окончательный выбор Ивана III между двумя кандидатами на его престол имел более серьезные основания, как справедливо считают исследовавшие этот вопрос историки. Но необходимость считаться с женой, вероятно, тоже сыграла некоторую роль. Дмитрий был выпущен из заключения только после ее смерти.

Незадолго до ареста царевича Дмитрия был казнен за измену князь Семен Ряполовский и пострижены в монахи князь Патрикеевы. С. М. Соловьев заключал, что эта измена состояла в действиях «против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука», ибо так можно истолковать некоторые данные источников, а «за опалю Патрикеевых и Ряполовского последовала опала Елены и Дмитрия, торжество Софии и Василия».⁶⁹ Мнения позднейших историков разошлись относительно причастности или непричастности Ряполовского и Патрикеевых к династической борьбе, участия или неучастия в интригах против Василия и Софии.⁷⁰ Но для циркулировавших в народе слухов вполне естественно было соотносить одну акцию с другой — по аналогии с явной связью между более ранней опалой на Василия и казнью его сторонников.

6

Таким образом, сюжет, в котором царевич подвергается гневу отца и оказывается под угрозой, но остается жив, а другой человек вместо него казнен, стал подходящей основой и для песни о гневе Грозного царя Ивана Васильевича на царевича Дмитрия Ивановича. Эта песня, явив-

⁶⁷ Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 48.

⁶⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66.

⁶⁹ Соловьев. Кн. 3. С. 63.

⁷⁰ Ср., например: Капитанов С. М. Социально-политическая история России... С. 102—115; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 160—177 (этот автор считает, что причиной событий явились факторы международной политики).

шаяся переделкой предыдущей, отобразилась в несколько большем числе текстов.

В варианте ИП I 236, который записан в Шенкурском уезде А. Харионовым, царский гнев направлен на Дмитрия; царевич оказывается спасен благодаря тому, что вместо него казнен конюх Никиты Романовича.⁷¹ Здесь нет доноса на Дмитрия Ивановича, что существенно отличает этот текст от варианта ИП I 200 (записан в 1938 г. Е. П. Родиной от Ф. А. Конашкова). В данном случае развернутое повествование известного сказителя былин следует той версии сюжета, где царевич — жертва доноса со стороны родного брата. Но имя последнего здесь — Федор, а не Василий, что объясняется, очевидно, косвенным влиянием той неисторичной версии, где жертвой оказывается именно Федор Иванович. Спасение царевича Дмитрия Ивановича у Ф. И. Конашкова не связано с казнью другого лица: оно результат того, что Никита Романович казнит самого палача Малюту Скуратова.

След первоначальной песни можно усмотреть в варианте ИП I 209 (сохранился в рукописи сказителя А. И. Касьянова): здесь, напротив, Дмитрий Иванович оказывается доносителем на брата (но имя последнего — не Василий, а Федор). Есть еще упоминание Дмитрия Ивановича в числе трех царевичей — безотносительно к описанному здесь гневу царя на Федора Ивановича (вариант ИП I 202 записан В. Ф. Хотьковским в Петрозаводском уезде от М. А. Фроловой).

В подобных случаях конкретные генетические соотношения записанных вариантов с двумя первыми песнями, конечно, гипотетичны, но само имя царевича Дмитрия Ивановича указывает на связь с песней, отобразившейся достаточно определенно в вариантах ИП I 236 и ИП I 200, а исторической своей основой имеющей события 1502 г.

Еще одним ее отображением следует признать вариант в некоторых отношениях любопытный. Это старая запись, выполненная еще Е. Фаворским в Нижегородской губернии. По какой-то досадной случайности данный текст (в отличие от соседствующей с ним записи песни о Шереметева) не попал в число давно изданных и переизданных записей Е. Фаворского. Он находится в фонде академика И. И. Срезневского, где снабжен пометой: «Старинные великорусские песни, записанные священником Е. Фаворским в селе Павлове». Привожу полный текст песни по рукописи.⁷²

Во матушке во Москве стояла полатушка гарновитая,
Железом покрытая, гвоздями убитая полужеными,
Во этой полатушке стоят столики дубовые,
На них скатерти розосланы шелковые,
А стулики стоят кленовые.

⁷¹ Аналогичный текст был записан там же Кузьмищевым (см.: ИП I. С. 661).

⁷² Архив РАН, Петербургское отделение, ф. 216, оп. 4, ед. хр. 245, л. 1—2. Сокращения раскрыты в квадратных скобках, знаки препинания несколько дополнены и частично изменены. Не вполне точная публикация была осуществлена не так давно в провинциальном издании В. М. Потявиным: Народная поэзия Горьковской области. Горький, 1961. Вып. I. С. 204—205.

За этими столиками сидят князья, бояря,
Сидят, пьют, едят, проклажаются,
Ничем царю не похвалятся.
Грозный царь Ив[ан] Васильевич сам выхваляется:
«Брал я Казань, брал я Астрахань,
А мелкие города мимоходом шел,
Не мог я вывести изменушку из города Обскаго, из-за Обскаго».
Возговорит речь Димитрий Ивановичь:
«Уж ты тятинька родимой мой,
Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы». —
«Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на-имя?» —
«Тятинька, эта изменушка подле тебя сидит,
Питьё, едите с одной вы с ней ложечки,
Одно светна платьица носите».
Грозный царь расплается,
Выбегает на красён крылец,
И кричал своим громким голосом:
«Если при мне слуги верные — палачи грозные?
Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:
Снесли бы ему буйну голову по самыя могучи плечи,
Взоткали бы её на вострый штык,
Принесли бы её пред очи, очи царския».
Догадался тут старшой боярин Иван Романьчъ,
Выбегал на красен крылец
И кричит своим громким голосом:
«Если при мне слуги верные?
Седлали бы мне ретива коня».
Едет Иван Романьчъ по матушке по Москве
И кричит громким голосом своим:
«Если таковы люди — царски семьяна заменить,
Себе Царсва Небеснаго получить?».
Выискался детинушка — калашный сын:
«Хочу царски семьяна заменить,
Хочу Царсва Небеснаго себе получить».
Повели жа его на место лобное — на кровавое,
И снесли ему буйну голову по самыя могучи плечи,
И взоткнули её на вострый штык,
И принесли её перед очи, очи царския.
Не мог он вытерпеть, его ударило.
Приказал в большой колокол звонить
По всей матушке каменной Москве,
Всем боярам в черном платье итти Богу молиться:
«Погасла у меня воску ярова свеча,
Не стала у меня Димитрия Иваньча!».
Нарядился в светна платьица Иван Романьчъ —
Расплается на него грозный царь Ив[ан] Васильичъ:
«Али ты царю — мне насмехаешься,
Али ты не знаешь, что в живе царевича не стала?
Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
Отсекли бы ему буйну голову по самыя могучи плечи
И взоткнули бы её на вострый штык,
И принесли бы её перед очи, очи царския». —
«Батюшка грозный царь Ив[ан] Васильевичъ!
Дай ты мне Богу помолитися,
Дай ты Св[яты]х Тайн причаститися!».
Поехал старшой боярин Ив[ан] Романьчъ,
Везет он к царю Димитрея царевича.
Увидал грозный царь Иван Васильичъ

С старшим боярином Димитрея царевича.
 Возговорит царь Иван Васильевич
 Старшóму боярину Ивану Романычу:
 «Старшóй боярин Иван Романыч!
 Умел ты царски семена блюсти,
 Чем мне тебя дарить и жаловать?
 Али селами, аль деревнями, али красными подселками?». —
 «Не дари меня ни селами, ни деревнями,
 Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурляткиным».
 Старшóй боярин Иван Романович
 Схватил Малютычку Скурляткина:
 «Малютычка Скурляткин сын,
 Не за свой ты кус хватаеша,
 Скоро этим кусом ты подавишся».

Особенность данного варианта в том, что выручает царевича из беды не Никита Романович, как в других текстах, а Иван Романович. Возможно, что мы имеем здесь дело с наложением одного имени и отчества на другое (совершенно таким же образом, как в песне о смерти царицы, рассматриваемой нами далее). Князь Иван Юрьевич Патрикеев, упомянутый выше, избежал казни вместе со своим братом, но оказался в монастыре. В песне «старшой боярин Иван Романыч», схваченный по царскому приказу и едва не казненный, отпущен по его просьбе «Богу помолитися» и «Святых Тайн причаститися». Но финал варианта испытал воздействие позднейшей версии — воздействие, однако, не мотивированное предшествующим текстом, ибо о Малюте Скуратове в связи с угрозой казнить царевича в этом тексте не говорится.

Рассмотренные варианты достаточно явно указывают на существование двух песен (или, если угодно, — двух версий одной песни), отозвавшихся на исторические факты 1497 г. и 1502 г. — опалу Ивана III на Василия Ивановича, затем — на Дмитрия Ивановича.

Третья песня, возникшая в связи с конфликтом между Иваном IV и его старшим сыном Иваном Ивановичем в 1570 г., представляла собой переделку одной из предшествующих песен на этот сюжет. Она создана была, вероятно, в Москве, где отпавшие политические обстоятельства могли быть достаточно известны по циркулировавшим в народе слухам.

7

Но эволюция сюжета созданием третьей песни не завершилась. Весьма значительная часть вариантов, записанных на новгородском севере, свидетельствует еще об одной переработке и заставляет вспомнить приведенное выше суждение В. Я. Проппа. Каких-либо свидетельств источников относительно опалы на царевича Федора в связи с новгородским походом Ивана IV не существует. Но царевич был известен кротким характером, вполне проявившимся после смерти Ивана IV, когда Федор стал царем. Вероятно, это и послужило поводом для создания впоследствии еще одной версии сюжета — версии, отобразившей воспоминания

новгородцев, оставшихся в живых после погрома 1570 г., в котором активное участие принимал тогдашний наследник престола царевич Иван Иванович. Побудительным толчком к созданию новой песни могло послужить упоминание в песне предшествующей о том, что измена выведена в Новгороде. Мотив расправы с новгородцами получил развитие в новой песне, где царевич Иван обращается к отцу:

Ай, прегрозный сударь царь Иван Васильевич,
Ай, родитель наш же батюшко!
Ты-то ехал улничкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достальних по тюрьмам садил;
Я-то ехал улничкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достальних по тюрьмам садил;
А сердечкой да ехал Федор да Иванович, <...>
Наперед же он указы да пороссылал,
Чтобы малый да поразбегались,
Чтобы старый да растулялись.⁷³

Должно было пройти известное время, чтобы вокруг фигуры царевича Федора, точнее — песенного его образа, сконцентрировались воспоминания об обвинениях, выдвигавшихся по адресу некоторых соучастников злодеяний Ивана IV, и о злощестной роли Малюты Скуратова, противопоставленные воспоминаниям о Никите Романовиче и сестре его царице Анастасии. Вновь созданная песня использовала наследие трех предшествовавших, но в свою очередь повлияла на них и со временем почти вытеснила из устного репертуара их не осложненные этим влиянием первоначальные редакции.

8

Песню «Смерть царицы» исследователи, начиная с В. Ф. Миллера, не без оснований соотносят с кончиной царицы Анастасии — первой жены Ивана IV, хотя имя это ни в одном варианте не фигурирует.⁷⁴ Есть запись, где упомянута Настасья царевна, плачущая у ног матери (ИП I 263). Обрисованный в этом тексте характер умирающей, скорее всего, указывает именно на царицу Анастасию, имя которой, вероятно, при искажении текста стало именем ее дочери (ни у Ивана IV, ни у Ивана III среди дочерей не было Анастасии). Но в тех вариантах, где имя царицы фигурирует, она названа Софьей Романовной (ИП I 265 и 266).

Среди жен Ивана IV не было Софьи. Перед нами, очевидно, контаминация реального имени Софии Фоминичны и реального имени Анаста-

⁷³ ИП I. С. 328.

⁷⁴ Записи ИП I 265 и 264 произведены А. В. Марковым в Нижней Зимней Золотице от А. М. Крюковой и Г. Л. Крюкова. Контаминированные с песней о Кострюке варианты ИП I 265 и 266 записаны С. В. Максимовым в Архангельской губернии. Дополнительно осложненную контаминацию этого типа представляет собой рассмотренный выше текст ИП I, № 259.

сии Романовны. А это заставляет полагать, что предшественницей известной нам песни была песня, посвященная смерти второй жены Ивана III: она скончалась раньше его, в 1503 г. Песня рисует картину прощания с умирающей:

В головах сидят два царевича,
В ногах сидят младаы две царевны,
Супротив стоит сам грозен царь.⁷⁵

При кончине царицы Анастасии могли присутствовать царевичи, но не царевны: все три дочери ее умерли во младенчестве, раньше, чем их мать.

В песне царица Софья обращается к мужу, грозному царю Ивану Васильевичу:

Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев;
Когда будут они в полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж.⁷⁶

Когда умирала царица София, три ее старших сына уже были «в полном разуме» (им было от 21 до 24 лет) и песня их не могла иметь в виду; но приведенный текст реально мог относиться к двум юным дочерям Софии (третья умерла раньше матери) и к двум ее младшим сыновьям: Андрею в то время было 12 лет, а Семену — 16.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что песня, которая дошла до нас, основывалась на переделке более ранней песни о смерти царицы Софии.

Есть несколько песен, посвященных смерти царя Ивана Васильевича. Большая часть их не поддается доказуемой идентификации вследствие отсутствия примет, определенно соотносящих произведение именно с Иваном III или с Иваном IV. К тому же в этих песнях порой существенную роль играют затрудняющие их датировку позднейшие привнесения, связанные с церковным расколом и нововведениями в армии при Петре I.

Но есть песня, опубликованная в трех вариантах (один из которых контаминирован), вполне отчетливо связанная своим возникновением с кончиной Ивана III.

Как выше упоминалось, Иван III в 1487 г. организовал успешный поход к Казани. В результате была устранена опасность постоянных набе-

⁷⁵ ИП I. С. 459.

⁷⁶ ИП I. С. 459. Короче в варианте ИП I 264 на с. 458:

До своих ты малых деточек будь ты милостив,
А до двух-то всё младых царевичей.

гов оттуда на русские земли, приносящих разорение, гибель и плен не только русским жителям Среднего Поволжья. Казанским ханом стал покорный вассал Ивана III. Но в конце его жизни, пользуясь болезнью русского монарха, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла Ивана III в разгаре приготовлений к новому походу на Казань. Это обстоятельство и запечатлела песня, вариант которой А. А. Догadin записал у астраханских казаков. Текст оканчивается обращением к умершему:

Ты восстань, восстань,
Ты наш православный царь!<...>
Царь Иван Васильевич,
Ты наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою силушку,<...>
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет.<...>
Как под тот-то славный
Казань, Казань город.⁷⁷

Достаточно очевидно, что эта песня не могла быть сложена в 1584 г. по случаю смерти Ивана IV, как полагал ее первый публикатор: Иван IV умер через 30 с лишним лет после того, как прекратились походы под Казань, которая в 1552 г. окончательно вошла в состав Русского государства.

Но состоявшийся уже после смерти Ивана III в 1506 г. большой поход против Казани не был успешным. Воеводы Василия III были разбиты вследствие собственной небрежности, часть войска оказалась в плену у татар.⁷⁸ Это вызвало переделку окончания песни:

Эх, ты восстань-ко, восстань,
Грозный царь Иван Ва...
Царь Иван Васильевич. (2)
Эх да, твоя силушка
Эх и в полону сто...
Эх и в полону стоит. (2)
Эх да, под неверною
Эх и все под неве...
Эх да, все под скверною! (2)⁷⁹

Вариант записан Ф. М. Истоминым в Поволжье, в Симбирской губернии. Там же зафиксирован третий вариант, представляющий собой, как справедливо отметил в комментарии Б. Н. Путилов, контаминацию двух сюжетов: «Часовой плачет у гроба Ивана Грозного» и «Взятие Казани».

⁷⁷ И П I. С. 475. При цитировании отточиями обозначены опущенные мной повторы.

⁷⁸ См., например: Софийская первая летопись. С. 51; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 245; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 213.

⁷⁹ И П I. С. 476 (цифрами в источнике обозначены повторения строк).

Вторая песня полностью присоединена к первой, которая в этом варианте оканчивается выражением недовольства нерадивостью воевод:

Царь Иван Васильевич!
 Погляди-ка ты на свою силу:
 Твоя силушка утомлённая,
 Утомлённая, нескормленная,
 Твой любимый полк во поход пошел,
 Во поход пошел под Казань-город.⁸⁰

Упоминание Казани побудило далее присоединить песню, повествующую о взятии ее через 46 лет.

Существенно, что один из вариантов записан в среде казаков. Традиционное представление о появлении русского казачества только в XVI столетии (или на рубеже XV и XVI вв.) ошибочно. Уже при Василии II рязанские казаки помогли москвичам одержать победу над татарами вблизи Переяславля-Рязанского, как об этом сообщает Никоновская летопись под 1444 г.⁸¹ Упоминание в варианте ИП I 282 «молодого казака», который стоит у гроба Ивана III, может быть не позднейшим привнесением, а исторической реалией. Дело в том, что Иван III, как это видно из летописей, держал казацкое войско в самой Москве и оттуда посылал казаков в походы против Казанского ханства. Таков был поход под командованием воеводы Ивана Руно в 1468 г.: в Никоновской летописи, например, читаем, что Иван III «послал на Каму воевати мест Казанских с Москвы к Галичу Руна с казакы»;⁸² к казакам присоединились воеводы из Галича и других мест, разоряемых казанцами. Одержав победу в бою с ними, ратники Ивана Руна благополучно вернулись в Москву. Под его же руководством в следующем году было проведено успешное нападение на саму Казань и освобождение томившихся там русских пленников. Поэтому неудивительно, что Иван III запечатлелся в казачьем фольклоре в связи с военными действиями против Казани.

Как видим, фольклорный образ Ивана Грозного перестает быть загадочным после соотнесения с двумя его историческими прототипами. Хотя содержание некоторых произведений, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу, несомненно связано только событиями правления Ивана IV (например — песни о Кострюке), сам образ центрального их персонажа уже сформировался в основных своих чертах в предыдущем столетии, обобщив народное восприятие его деда Ивана III.

А оно не было негативным даже у сказителей Новгородской земли, присоединение которой к Московскому государству произошло в правление этого государя. Эпоха Ивана IV несколько ужесточила этот образ, кое-где прибавила ему противоречивости, но не поколебала в главном: царь Иван Васильевич в фольклоре остался по преимуществу персонажем положительным. Исключение составила относительно небольшая часть репертуара, обязанная жертвам репрессий: таковы несколько нов-

⁸⁰ ИП I. С. 477.

⁸¹ См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 62

⁸² Там же. С. 119.

городских преданий, рисующих царя мнительным истязателем,⁸³ — это фольклор об Иване IV «в чистом виде», отобразивший впечатления очевидцев, не осложненные отблеском позитивных припоминаний об Иване III, повлиявших даже на новгородскую обработку песен о гневе Ивана Грозного на сына. В этом комплексе разнородных вариантов жестокость главного персонажа как бы уравнивается его раскаянием, а несправедливость в итоге оказывается исправленной.

⁸³ См., например: Якушкин П. И. Путевые письма // Соч. / Сост., вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 94—95.

ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

1

Самый знаменитый из сказителей былин в древней метрополии Великого Новгорода — Трофим Григорьевич Рябинин — во второй половине XIX в. пел собирателям русского эпоса:

Обошла Москву литва поганая,
Да й садился тут Скопин да на добра коня,
Еще ехал-то Скопин да и во Новгород.
Он заутрену служил Пречистой Богородице,
На заутрену он положил пятьсот рублей,
На обедню полагал он целу тысящу.
Собирал ён мужичков да новгородских,
Говорил ён мужичкам да новгородским:
«Ай же мужички вы новгородские!
Соберите-тко мне силушки сорок тысяч
Да й повыгнать из Москвы литва поганая».
Эты мужички да новгородские
Собирали ёму силушки сорок тысяч;
Ехал-то Скопин да к каменной Москвы
Со своими со войсками со великими.¹

Эпические песни, героем которых стал выдающийся полководец и патриот князь М. В. Скопин-Шуйский, трагически погибший, создавались уже по свежим следам событий Смуты, когда «Новгород заменил Москву в качестве центра, организующего всю борьбу с самозванцем и интервентами, а сам Скопин-Шуйский становился в глазах народа не только военным вождем, но и главным представителем верховной власти в государстве».² По счастливой случайности мы располагаем уникальным материалом, позволяющим наблюдать здесь весь процесс эпической поэтизации, начиная от прозаических рассказов о реальных событиях и от непосредственного песенного отклика на них, через ряд промежуточных стадий — вплоть до былин «киевского цикла», полностью принадлежащих тысячелетней традиции былинного сказительства, и даже до перехода собственно эпической песни в песню обрядовую.

¹ Гильфердинг. Т. 2. С. 152. Аналогичный текст в записях П. Н. Рыбникова от Т. Г. Рябинина и Н. А. Янчука от его сына И. Т. Рябинина.

² Абрамович Г. В. Князь Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 155.

Для исследователей новгородского эпоса этот цикл уникален в нескольких отношениях: исходные исторические события известны из надежных письменных источников настолько, что не составляет большого труда соотносить с реальностью каждого восходящего к ней мотива фольклорных произведений; письменные их фиксации имеют значительный хронологический диапазон и не слишком удалены от исходных фактов: первая запись осуществлена через 10 лет, дальнейшие — через 150, 200, 300 лет; жанровая принадлежность записанных текстов разнородна и позволяет конкретно проследить путь жанровых трансформаций.

Кроме более или менее свободной передачи устных произведений о М. В. Скопине в составе летописи, исторической повести и других письменных памятников существуют в записи: 1) лиро-эпический песенный отклик на гибель Скопина, 2) несколько разновидностей эпической песни о его отравлении, не являющейся былиной, 3) былина о смерти Скопина и 4) песня о его подвигах (всего 40 записей).³ Этому циклу посвящено несколько специальных работ.

Проследить эволюцию песен о Скопине впервые попытался Б. А. Аборов, изучивший около 20 записей. Согласно его выводам, «тяжесть потери избавителя Родины вызвала чувство грусти и печали в народе; оно получило свое выражение в коротеньких плачах и рассказах о деяниях и смерти героя; теми и другими воспользовались народные певцы и придали им форму песни, при этом одни из них взялись за обработку тех частей плачей и рассказов, в которых говорилось об отравлении и смерти Скопина, другие же — тех частей, в которых говорилось о подвигах его. Первый сюжет давал больше простора фантазии певцов; пользуясь

³ Привожу их хронологический перечень, пользуясь изданием ИП II. XVIII в.: текст, записанный для Р. Джемса (ИП II 30); XVIII в.: тексты в сборнике Кирши Данилова (32), в песеннике Чулкова (50); XIX в., первая половина: запись в Пошехонском уезде из сб. Суханова (31), записи в Сольвычегорском уезде (34) и в Осташкове (60), А. М. Языкова в с. Ярыкле (*Язык*, 43), Д. А. Валуева в Симбирске (*Язык*, 44); XIX в., вторая половина: запись С. И. Гулева от Л. Тупицына в Барнауле (ИП II 39), П. Н. Рыбникова от Т. Г. Рябинина в Кижской вол. (61), А. Ф. Гильфердинга от него же там же (62), Н. А. Янчука от И. Т. Рябинина в Москве (63), А. В. Маркова от А. М. Крюковой в Нижней Зимней Золотице (*Марков* 39), М. Карпинского на Тереке (ИП II 53), В. Г. Богораза на Колыме (48), И. В. Помяловского (51); XX в., первая половина: записи А. В. Маркова и Б. А. Богословского на Терском и Зимнем берегах Белого моря (*Марков* 167, 202, 215, 216, 222), А. Строжецкого на Колыме (ИП II 49), Н. Е. Ончукова на средней Печоре (44—46), А. М. Астаховой там же (*Астахова*, 1938 51; ИП II 40—42), Н. П. Леонтьева на нижней Печоре (43), Е. П. Родиной от Н. В. Кигачева на Пудогге (38), Э. В. Бородиной и Р. С. Липец от М. С. Крюковой (*Крюкова* 112), Б. Н. Путилова на Тереке (ИП II 54—56), Н. В. Габышева в Русском Устье (ФРУ 122); XX в., вторая половина: записи Н. П. Колпаковой на средней Печоре (ИП II 47), Т. А. Селюковой на Колыме (*Селюкова* 67), В. И. Зоркина и В. Д. Осиповой там же (*Современный русский фольклор Сибири*, Новосибирск, 1979. С. 183—184), С. Н. Азбелева там же (ИРЛИ, Р. V, колл. 268, л. 1, № 2). Кроме этих 40 записей существуют несколько текстов, к рассмотрению не привлекаемых: четырехстрочный отрывок с Печоры (БПЗБ 56), два отредактированных текста, восходящих к песеннику Чулкова (*Летописи русской литературы и древности*. М., 1862. Т. 4. С. 23—26), неизвестная краткая запись 1938 г. из Прионежья, книжного происхождения (АКФ, р. III, оп 1, колл. 7, № 64), а также недоброкачественные публикации в сборниках 1991 и 2001 гг. (см. критические рецензии: *Живая старина*. М., 1995. № 2. С. 60—62; *Древняя Русь*. М., 2002. № 4 (10). С. 81—98).

свободно имеющимся у них былинным материалом, они разукрасили смерть героя чертами, взятыми из былин, а в конце концов, осложнив ее сказочным материалом, развили в стройную былинку, ничем не уступающую лучшим былинам Владимирова цикла. Сюжет песен второй группы, по-видимому, не так интересовал народных певцов, и песни, прославляющие подвиги Скопина, хотя значительно развились и осложнились, но не успели перейти в такие стройные былины, как песни первой группы».⁴

Вторым исследователем был В. Ф. Ржига, привлечший еще три записи и невысоко оценивший работу Б. А. Алборова. Выводы В. Ф. Ржиги могут быть сведены к следующему. Путь эволюции «был прежде всего путем утраты исторических элементов песенного прототипа»; последний «наиболее полно» сохранился в варианте Кирши Данилова. Идущие от прототипа варианты (кроме дефектных) — это 4 особые песни: олонецкая, где Скопин «освобождает Москву от литовского засилья с помощью Никиты Романовича»; якутская, в которой Скопин, «торговый человек, не послушавшись матери, гибнет от отравы кумы»; симбирская — «хотя и сохраняющая исторические черты, <...> но изменяющая фабулу <...> — гибнет не Скопин, а кума отравительница»; «архангельский тип» песни, «изменяющий фабулу вставными эпизодами и добавлением новых развязок, выдвигающих роль матери Скопина».⁵

Спустя четверть века К. Стиф, опираясь на все изданные тогда записи, рассмотрел совершенно особо лирическую песню, а эпическую песню о подвигах Скопина — отдельно от песен о его гибели. Последние К. Стиф подразделял на записи XVIII в., варианты вологодский, симбирские, севернорусские, сибирские, терские казачьи и отмечал воздействие других былинных сюжетов на изменения песен о Скопине. В эволюции этих песен он видит постепенное стирание индивидуальных черт.⁶

В исследовании В. К. Соколовой были учтены и новые записи, и работы предшественников. Подробно рассматривая все разновидности песен о Скопине, В. К. Соколова не согласилась с В. Ф. Ржигой относительно восхождения песни о подвигах к общему с другими песнями прототипу. Согласно ее наблюдениям, эта песня возникла как самостоятельное произведение в войске Скопина, набранном в Новгородской земле. Варианты же песен об отравлении, записанные на Печоре, — «уже не песни, а именно „старины“ — былины со всеми их специфическими чертами, и исполняются они на былинные напевы». Но В. К. Соколова укоряет Б. А. Алборова и В. Ф. Ржигу за стремление трактовать на этом примере законы эпического творчества «имманентно, без учета реальной исторической и социальной обстановки»; по словам исследовательницы, «Ржига и Алборов не учитывали всего разнообразия вариантов песни о Скопине и, проследив процесс превращения песни в были-

⁴ Алборов Б. А. Песни о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Изв. Северокавказского пед. ин-та. Владикавказ, 1924. Т. 2. С. 163.

⁵ Ржига В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. Л., 1928. Т. 1, кн. 1. С. 130.

⁶ Stief C. Studies in the russian historical song. Kobenhavn, 1953. P. 47—53, 96—135.

ну формально, не раскрыли его существа, не показали, как меняются в связи с этим содержание и образы».⁷

При всем внимательном отношении к материалу исследователи не рассматривали вопросы, являющиеся, на наш взгляд, весьма существенными:

1. Почему из исторических песен XVII столетия только песня об отравлении Скопина превратилась в былину?

2. Какой аспект исторической канвы реальных событий лег в основу центральной идеи былины и в чем, собственно, состоит эта идея?

3. Почему песня о заслугах Скопина в национально-освободительной войне имела меньшую распространенность, чем превратившаяся в былину песня о его смерти?

Ответы на такие вопросы могли бы способствовать уяснению сущности былинной поэтизации в новгородском эпосе. Проследим на нашем примере, как конкретно развивался этот процесс.

По письменным документам историческая основа фольклорных произведений о гибели М. В. Скопина может быть изложена схематически следующим образом.

Во главе собранного им в Новгородской земле русского войска (и вместе с союзными шведскими полками) князь М. В. Скопин (племянник царя Василия Шуйского) очистил от интервентов, сторонников Лжедмитрия II и других отрядов значительную территорию, освободив несколько крупных городов и сняв блокаду Москвы. Популярность М. В. Скопина в народе и в армии была исключительно велика, в противоположность неприязни к Василию Шуйскому. Часть враждебных последнему войск прислала депутацию к Скопину, предлагая содействие в захвате власти. Эти предложения были Скопимым категорически отвергнуты. Но у Василия Шуйского появились подозрения и опасения относительно целей Скопина; против него интриговали завистники, в особенности брат царя Дмитрий Шуйский, бывший воеводой до назначения Скопина и потерпевший неудачу. Хотя Скопину надо было продолжать поход, царь вызывает его в Москву — для воздания почестей. Близкие убеждали Скопина не ехать, сознавая опасность; вместе с тем отказ прийти по царскому вызову был бы, конечно, интерпретирован врагами Скопина как подтверждение домыслов о его намерении отнять престол у Василия Шуйского. Скопин приехал в Москву, в его честь были устроены официальные торжества. Затем князь И. М. Воротынский пригласил его быть крестным кумом своего сына. Крестная кума — жена Дмитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова) на пиру по случаю крестин поднесла ему кубок, выпив который, Скопин почувствовал себя плохо. Его отвезли домой, где он умер, оплакиваемый матерью. Скопин был по требованию народа похоронен в Архангельском соборе Кремля.⁸

⁷ Соколова. С. 88—90.

⁸ См. подробный обзор и анализ письменных источников в статье: Иконников В. С. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // Чтения в Историческом об-ве Нестора-летописца. Киев, 1879. Кн. I. С. 102—173. Как писала В. П. Адрианова-Перетц, «решающее значение для героизации этого деятеля имели известия о его победах над интервентами».

Рассказы современников отражены, например, в пересказе Псковской летописью, где говорится, что «сотвориша пир дядя его, не яко любве ради желяху его, но убийства, и призваша, и яша, и пиша <...> княгиня Дмитриева Шуйского Христина, Малютина дочь Скуратова⁹ <...> прииде к нему с лестию, нося чашу меду с отравою. Он же незлобивый, не чая в ней злаго совета по сродству, взем чашу и испит ю; в том часе начат сердце его терзати; вземше его свои и принесоша й в дом <...> и предаст дух свои...».¹⁰ Более обстоятельно о событии говорится в специальной повести. Но она следует уже не только за устными рассказами, но и за появившимися ко времени ее составления песнями о смерти М. В. Скопина, причем часть текста повести справедливо оценивалась исследователями как вольный пересказ такой песни, в отдельных оборотах ее цитирующий.¹¹ Далее в повести речь идет о причитаниях по умершем, есть их цитация. Хотя подобные пассажи составляют одно из традиционных явлений средневековой письменности и нередко текстуально следуют литературным клише, в данном случае достаточно оснований полагать, что повесть передает, по крайней мере частично, реальные воспоминания о причитаниях, звучавших именно по этому поводу (что тоже отмечалось исследователями).¹²

Предположение обращается в уверенность при сопоставлении данных повести с лиро-эпическим песенным отрывком, записанным в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса: повесть упоминает, в частности, о причитываниях купцов и предводителя союзного шведского войска. В песне говорится:

А расплачутца гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!» <...>
А расплачутца свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!».¹³

Конечно, сами песенные формулы традиционны, но столь индивидуальная тематическая переключка песни и повести при отсутствии какого-либо подобия текстуального сходства говорит о независимом восхождении к исторической реальности.

а вследствие слухов «об отравлении князя боярами» Скопин «был включен в ряд народных героев и врагов боярства» (Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 376).

⁹ На самом деле она носила имя Екатерина, искажение вызвано, вероятно, недослышанными сведениями о крестинном пире, где Скопин был отравлен крестной кумой. На это первым обратил внимание С. М. Соловьев.

¹⁰ Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 125.

¹¹ См. публикации по разным рукописям: *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 379—388; РИБ. 2-е изд. СПб., 1909, Т. 13. С. 1323—1348; *Моисеев Г. Н.* Новый список исторической песни о Михаиле Скопине-Шуйском // РФ. Л., 1978. Т. 18. С. 208—209.

¹² *Алборов Б. А.* Песни... С. 139; *Соколова.* С. 84.

¹³ ИП II. С. 47—48.

К реальности восходит и остальное содержание лиро-эпического отрывка. В. Ф. Ржига верно замечал, что «в сжатых словах девятнадцати стихов песня выражает думы и чувства современников».¹⁴ Своим лиризмом этот текст существенно превосходит остальные записанные варианты песен о Скопине. Б. А. Алборов, однако, подчеркивал, что «песня Джемса является не просто лирической, а лиро-эпической песней», что «в ней оба элемента (лирический и эпический) пока уравновешиваются», а «былинный размер и выражения, характерные для народной эпической поэзии, указывают на то, что она прошла через руки профессионального певца», передавшего «содержание, известное ему из заплачек и других устных сказаний о смерти Скопина».¹⁵

Лирическое начало было весьма сильно и в других ранних песенных откликах, насколько можно судить не только по пересказу в повести, но и по утверждению бывшего тогда в России голландского писателя Элиаса Геркмана: из песен, которые русские «поют в честь Скопина», видно, насколько твердо народ убежден, что Скопин «попал в руки изменников, отравивших его».¹⁶ Записи XVIII—XX вв. принадлежат уже собственно эпическим песням.

2

Варианты эпической песни о смерти Скопина, не относящиеся к былинной обработке, подразделяю на следующие разновидности: 1) основная версия, восходящая к недошедшей первоначальной редакции песни; в составе этой версии три редакции: беломорская, колымская, предбылинная; 2) поволжская версия; 3) казачья версия.

В первоначальной редакции песня имела, очевидно, экспозицию, где говорилось о победах Скопина, освобождении им русских городов. Следы этого сохранились в записях А. В. Маркова на Терском берегу Белого моря. «Ищз взял-то Скопин ровно три города».¹⁷ Названия двух городов здесь явно вымышлены, третий обозначен как «город кумы Малютихи-вдовы». Этим объяснена причина ее «великой» обиды, приведшей к отравлению Скопина.¹⁸ Как видим, позднейшее наивное объяснение

¹⁴ Ржига В. Ф. Повесть и песни... С. 133.

¹⁵ Алборов Б. А. Песни... С. 141.

¹⁶ Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 315. Не вдаюсь в обсуждение занимавшего некоторых историков вопроса, верным ли было это всенародное убеждение и действительно ли причиной внезапной смерти М. В. Скопина явилось отравление. Отсылаю интересующихся к обстоятельному разбору показаний русских и иностранных источников, выполненному В. С. Иконниковым. Здесь не только объяснены причины и обстоятельства отравления, но и указан основной компонент яда (широко применявшегося в те времена для подобных целей в странах Европы), симптомы действия которого описаны свидетелями гибели М. В. Скопина (см. с. 146—173 статьи В. С. Иконникова). Неудавшаяся попытка отравить И. И. Болотникова, предпринятая незадолго до того окружением Василия Шуйского, вполне засвидетельствованная источниками и не вызывавшая сомнений, также иллюстрирует методы этой боярской группировки.

¹⁷ Марков. С. 528.

¹⁸ В вариантах: Марков 202 и 215 аналогично: первый город «купеческий», второй «невного царя» или «крестьянский», третий «кумы да Малютихи».

повода к злодеянию в сущности не так уж далеко от истины и, скорее всего, появилось в процессе переосмысления первоначального текста. Именно освобождение русских городов отрядами Скопина и вызвало его популярность, а как следствие ее — интригу, окончившуюся поднесением отравленной чары дочерью Малюты Скуратова. Всем было, конечно, понятно, что настоящей причиной явилась если не прямая измена, то «великая обида» крайне непопулярных в народе бояр на Скопина в связи с его военными успехами, и песня об отравлении вполне могла ограничиться общими словами по этому поводу, не повествуя подробно о военных действиях.

Следы такой экспозиции видны и в записи Н. П. Леонтьева на Нижней Печоре:

Много Скопин по землям бывал,
Много Скопин городов видал,
Не нашел он себе-ка поединщика.¹⁹

Затем песня переходит к предупреждениям матери Скопина, которые этим вариантом тоже сохранены в деформированном виде.

Хорошо передают смысл предупреждений две записи А. В. Маркова (одна от А. М. Крюковой, другая от М. Ф. Приданниковой):

Уж ты, душенька Михайло да ты Васильевич,
Уж ты тот ли князь де Скопин-от!
Ты не ездил, Скопин, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то — ведь не на пир зовут,
Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой...

Далее речь идет о крестинах, на которые зовут Скопина, и предупреждение:

Ты не пей-ко-се у их да зелена вина,
Ты не кушай-ко у их всё есвы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да доць Малютёва!²⁰

Во второй записи мать Скопина, затем сестра, потом жена его предупреждают:

Ты не ездит-ко, Скопин, да за реку за Москву,
Ты ко той ли ко кумы да ко Малютничихи;
Да уходит тя кума, кума Малютничиха!²¹

Очевидно, близкие М. В. Скопина настойчиво предостерегали его от поездки в Москву, «зная без сомнения тамошнее настроение умов». ²² Во всяком случае, о предостережениях матери ясно говорится уже в повести, где плач ее оканчивается словами: «И сколько я тебе, чадо, в Олек-

¹⁹ ИП П. С. 65.

²⁰ Марков. С. 153—154.

²¹ Марков. С. 629.

²² Иконников В. С. Князь Михаил Васильевич... С. 136.

К реальности восходит и остальное содержание лиро-эпического отрывка. В. Ф. Ржига верно замечал, что «в сжатых словах девятнадцати стихов песни выражает думы и чувства современников».¹⁴ Своим лиризмом этот текст существенно превосходит остальные записанные варианты песен о Скопине. Б. А. Алборов, однако, подчеркивал, что «песня Джемса является не просто лирической, а лиро-эпической песней», что «в ней оба элемента (лирический и эпический) пока уравниваются», а «былинный размер и выражения, характерные для народной эпической поэзии, указывают на то, что она прошла через руки профессионального певца», передавшего «содержание, известное ему из заплачек и других устных сказаний о смерти Скопина».¹⁵

Лирическое начало было весьма сильно и в других ранних песенных откликах, насколько можно судить не только по пересказу в повести, но и по утверждению бывшего тогда в России голландского писателя Элиаса Геркмана: из песен, которые русские «поют в честь Скопина», видно, насколько твердо народ убежден, что Скопин «попал в руки изменников, отравивших его».¹⁶ Записи XVIII—XX вв. принадлежат уже собственно эпическим песням.

2

Варианты эпической песни о смерти Скопина, не относящиеся к былинной обработке, подразделяю на следующие разновидности: 1) основная версия, восходящая к недошедшей первоначальной редакции песни; в составе этой версии три редакции: беломорская, колымская, предбылинная; 2) поволжская версия; 3) казачья версия.

В первоначальной редакции песня имела, очевидно, экспозицию, где говорилось о победах Скопина, освобождении им русских городов. Следы этого сохранились в записях А. В. Маркова на Терском берегу Белого моря. «Ищэ взял-то Скопин ровно три города».¹⁷ Названия двух городов здесь явно вымышлены, третий обозначен как «город кумы Малютихи-вдовы». Этим объяснена причина ее «великой» обиды, приведшей к отравлению Скопина.¹⁸ Как видим, позднейшее наивное объяснение

¹⁴ Ржига В. Ф. Повесть и песни... С. 133.

¹⁵ Алборов Б. А. Песни... С. 141.

¹⁶ Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 315. Не вдаюсь в обсуждение занимавшего некоторых историков вопроса, верным ли было это всенародное убеждение и действительно ли причиной внезапной смерти М. В. Скопина явилось отравление. Отсылаю интересующихся к обстоятельному разбору показаний русских и иностранных источников, выполненному В. С. Иконниковым. Здесь не только объяснены причины и обстоятельства отравления, но и указан основной компонент яда (широко применявшегося в те времена для подобных целей в странах Европы), симптомы действия которого описаны свидетелями гибели М. В. Скопина (см. с. 146—173 статьи В. С. Иконникова). Неудавшаяся попытка отравить И. И. Болотникова, предпринятая незадолго до того окружением Василия Шуйского, вполне засвидетельствованная источниками и не вызывавшая сомнений, также иллюстрирует методы этой боярской группировки.

¹⁷ Марков. С. 528.

¹⁸ В вариантах: Марков 202 и 215 аналогично: первый город «кулеческий», второй «неверного царя» или «крестьянский», третий «кумы да Малютихи».

повода к злодеянию в сущности не так уж далеко от истины и, скорее всего, появилось в процессе переосмысления первоначального текста. Именно освобождение русских городов отрядами Скопина и вызвало его популярность, а как следствие ее — интригу, окончившуюся поднесением отравленной чары дочерью Малюты Скуратова. Всем было, конечно, понятно, что настоящей причиной явилась если не прямая измена, то «великая обида» крайне непопулярных в народе бояр на Скопина в связи с его военными успехами, и песня об отравлении вполне могла ограничиться общими словами по этому поводу, не повествуя подробно о военных действиях.

Следы такой экспозиции видны и в записи Н. П. Леонтьева на Нижней Печоре:

Много Скопин по землям бывал,
Много Скопин городов видал,
Не нашел он себе-ка поединщика.¹⁹

Затем песня переходит к предупреждениям матери Скопина, которые этим вариантом тоже сохранены в деформированном виде.

Хорошо передают смысл предупреждений две записи А. В. Маркова (одна от А. М. Крюковой, другая от М. Ф. Приданниковой):

Уж ты, душенька Михайло да ты Васильевич,
Уж ты тот ли князь де Скопин-от!
Ты не езд, Скопин, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то — ведь не на пир зовут,
Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой...

Далее речь идет о крестинах, на которые зовут Скопина, и предупреждение:

Ты не пей-ко-се у их да зелёнá вина,
Ты не кушай-ко у их всё есвы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да доць Малютёва!²⁰

Во второй записи мать Скопина, затем сестра, потом жена его предупреждают:

Ты не ездит-ко, Скопин, да за реку за Москву,
Ты ко той ли ко кумы да ко Малютитихи;
Да уходит тя кума, кума Малютитиха!²¹

Очевидно, близкие М. В. Скопина настойчиво предостерегали его от поездки в Москву, «зная без сомнения тамошнее настроение умов».²² Во всяком случае, о предостережениях матери ясно говорится уже в повести, где плач ее оканчивается словами: «И сколько я тебе, чадо, в Олек-

¹⁹ ИП П. С. 65.

²⁰ Марков. С. 153—154.

²¹ Марков. С. 629.

²² Иконников В. С. Князь Михаил Васильевич... С. 136.

сандрову слободу приказывала: не ездн во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом зминымым изменничьим». ²³ Если эти слова в повести восходят к песне того времени, то, значит, уже в первом десятилетии после события песня содержала такие предупреждения (хотя бы *post factum*) и, может быть, усматривала причину смерти Скопина не только в зависти бояр, но и в измене их. Предупреждения в общей форме сохранены большинством вариантов песни и составили один из устойчивых ее мотивов (несомненно под влиянием распространенности подобного мотива в эпосе).

Группа записей, о которой сейчас идет речь, выделяется тем, что только в них совершенно отсутствует вымышленный мотив похвальбы героя как причины его гибели. Подробнее других о самом отравлении говорит вариант А. М. Крюковой; общее содержание его следующее: Скопин едет «за Москву-реку», мать и жена уговаривают не ехать или по крайней мере только участвовать в крестинах, на которые он приглашен, но не пить и не есть у дочери Малюты Скуратова; Скопин приезжает «ко князю-ту ко московському», который устроил ему торжественную встречу и пригласил на пир; герой, не подозревая дурного («да ничево-то всё не думает»), принял участие в крестинах («одёржал же он своёго восприемника»), после чего князь «на радости» собирает пир:

На своих-то князьей да он на бояров,
Для того-то собирает больше Скопинá-кума,
Для того ли-то князя Михайла Васильевича.
Да садит он ево во большó место,
Во большó его место да ише всё к себе.
Ише тут ведь бояра всё зло подумали;
Розговорили они да всё княгиню тут,
Насыпали в стакан ёму зелья лютого;
Подносила кума, все ему крестовая.

Выпивая, Скопин все еще не ожидает злого умысла, но, почувствовав действие яда, восклицает: «Опоила ты меня да зельем лютым»; он просит отвезти его к матери, сказав на прощанье пригласившему его князю:

Ише я-то на вас-то да зла не думаю:
Уходила миня кума-злодейка зла,
Да злодейка-га зла доць Малютина.

Скопин приезжает к матери и жене; войдя в палаты предупреждавшей его матери, «сам слезно да уливайтце»; совершив церковное покаяние, «з души он скоро представилс: да згорело у ёго-то тут ретивó сердце». ²⁴

В образе кумы — дочери эпически знаменитого злодеяниями Малюты Скуратова — как бы персонифицирована враждебная Скопину группа московских бояр, возглавляемая Василием и Дмитрием Шуйскими. Скопин мог не ехать из Александровой слободы на торжества в Москву,

²³ РИБ. Т. 13. С. 1335.

²⁴ Марков. С. 154.

а отправиться в дальнейший поход, как то подсказывали соображения стратегической целесообразности.²⁵ Он поехал вопреки предупреждениям. Современниками трагизм ситуации был верно оценен, оценено было и душевное величие бескорыстного защитника родины, сделавшего выбор: в трех вариантах этой же группы мотив выбора вполне ясен, хотя и выражен довольно упрощенно в словах самого героя, который будто бы просто не хочет как крестный отец «прогневить» крестную мать.²⁶

Рассмотренные варианты (мы относим их к беломорской редакции основной версии) утратили много частных реалий, сохраненных другими записями, но лучше сохранили главное в идейном содержании песни, идущем от исторической действительности. Здесь присутствуют следующие мотивы: 1) герой является победителем, чьи военные успехи послужили причиной его отравления; 2) близкие убеждают героя не ехать на торжество, где его могут изменнически погубить; 3) зная, что ему может грозить опасность, герой идет ей навстречу, дабы не дать повода для несправедливых обвинений; 4) из поведения героя следует, что он не верит в предательство, хотя и знает о возможности его; 5) исключительные почести, воздаваемые герою, явились для его завистников последним толчком к преступлению; 6) герою дают отравленное питье; 7) он возвращается к близким, которые укоряют его и оплакивают его смерть. Эта редакция представлена вариантами *Марков* 39, 167, 202, 215, 216 и 222, записанными на Терском и Зимнем берегах Белого моря, а также вариантом ИП II 43 с нижней Печоры.²⁷

Ни одна из записей не дает хорошей сохранности всех мотивов, но тесная близость вариантов в совпадающих частях общего повествования указывает на их принадлежность единой редакции и позволяет гипотетически восстановить первоначальный состав основной версии произведения в его целом.

Три варианта из перечисленных являются переходными к трем другим разновидностям песни. Так, печорский вариант ИП II 43 сохранил только мотивы 1, 2, 6 и 7, причем утрачено представление о социальной среде, к которой принадлежат сам герой и враги его. Дальнейшая трансформация сюжета — в колымской редакции (варианты ИП II 48 и 49, а также записи Зоркина и Осиповой, Селюковой, Азбелева). Здесь утрачен мотив 1, враги героя принадлежат иногородней купеческой среде,

²⁵ См.: *Иконников В. С.* Князь Михаил Васильевич... С. 135.

²⁶ «Мне-ка цыра та принеть — дак самому живу не быть,
Мне другаредь не принеть — дак куму прогневить».
Принимал тут Скопин за праву руку,
Выпивал тут Скопин да на единой дух.

(*Марков*. С. 630). Сходно в вариантах *Марков* 167 и 215 той же редакции. Этот мотив перешел и в казачью версию — песню о Ставре-Лавре, где присутствует, однако, и мотив похвалы на пиру, а мотив смерти героя утрачен и заменен наказанием кумы самим Ставром-Лавром (ИП II 53—56).

²⁷ Условно сюда же может быть отнесен вариант М. С. Крюковой (*Крюкова* 112): это индивидуальная импровизация, основанная на не слишком удачном соединении беломорской редакции с текстом Кириши Данилова, известным, вероятно, сказительнице из книжного источника.

причины преступления непонятны, основная идея сведена к тому, что герой гибнет вследствие нарушения наказа матери не водиться с дурными людьми. Важная особенность этой редакции не в содержании ее, а в бытовом применении и жанровой трансформации: все варианты записаны в функции обиходной песни, причем три последних уже и по форме должны быть отнесены к песням обрядовым: после каждого их стиха исполнялся припев «да виноградье красно-зеленое да» (хотя везде сохранены имена Скопина и дочери Малюты Скуратова). Переход эпических песен (былин и исторических) в обрядовые был засвидетельствован в разных местностях применительно к разным сюжетам. Касавшийся специально этого вопроса В. Ф. Миллер отмечал, что для «утилизации в качестве „виноградья“» такого рода песни подходила в случаях, когда «главное ее содержание не припоминалось с достаточной полнотой, тем более что для обрядового исполнения ее необходимо приходилось сократить».²⁸

Если колымская редакция появилась как следствие выпадения важных мотивов, отражавших историческую действительность, то другие редакции и версии, напротив, развились в результате ассоциативного привнесения мотивов, исходными фактами непосредственно не продиктованных.

Переходным к одной из них является упоминавшийся выше вариант *Марков* 215 с Терского берега. Здесь мотив 1 реализован не в экспозиции песни, а подставлен на место мотива 5; непосредственным поводом к отравлению Скопина служит следующее: выпив поднесенное вино, он «прирасхвастался» — говорит, что, не послушавшись предостережений близких, поехал за Москву-реку и взял три города:

Ише перьвой-от город купеческой взял,
А другой-от город крисьянской взял,
Ишз третей — кумы тибя Малютчихи.²⁹

Вариант дефектный,³⁰ нет оснований считать, что он прямо отразил промежуточную стадию между двумя редакциями, видимо, это результат влияния редакции, в которой мотив похвальбы героя был разработан хотя и не исторически достоверно, но поэтически оправданно.

Из пяти вариантов этой редакции (ИП II 32, 34, 38, 50, 51) полностью паспортизована только одна запись (38) от Н. В. Кигачева (который усвоил через книжный источник текст Кириши Данилова). Места записи, известные приблизительно, относятся к разным регионам. Назовем эту

²⁸ Миллер. Очерки. Т. 3, С. 351. В нашем случае (который В. Ф. Миллером не затрагивался) конкретный повод для такой утилизации, думается, в общем достаточно ясен: среди новогодних добропожеланий хозяину дома исполнялась песня, аллегорический смысл которой — предостеречь от того, чтобы доверяться заезжим купцам, стремившимся дешево скупать в этих местах пушнину, подлаивая местных жителей, промышленявших преимущественно охотой на пушного зверя.

²⁹ *Марков*. С. 614.

³⁰ Дефектность видна, между прочим, из того, что поездка «за Москву за реку» как бы предшествует тут самим военным действиям Скопина: города взяты им, согласно этому тексту, уже за Москвой-рекой и как будто в нарушение предостережений матери.

редакцию предбылинной, к чему, как увидим, есть достаточные основания.

Состав эпизодов полнее всего представлен записью из Сольвычегодского уезда (34).

1. Мать и жена отговаривают Скопина ехать в Москву, убеждают не водиться «со князьями-боярами <...> со Малютвой дочерью Курлатовой, <...> князя Дмитрия Петровича Шустовой женой».

2. Скопин «своей матушки не слушает», приезжает в Москву, здесь он

Скумился с кумой крестовою
С Малютвою дочерью Курлатовой.
С Курлатовой, Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.³¹

3. На княжеском пиру бояре похваляются (в традициях былинного пира); Скопин противопоставляет их пустому бахвальству свою похвальбу: он «Москву приочистил всю» (у Кириши Данилова: «очистил царство Московское и великое государство Российское»);³²

4. Отравление трактуется как результат обидных слов Скопина:

За беду боярам слово показалось,
За досаду куме объявилось.³³

Кума велит отравить чару вина и поднести Скопину. У Кириши Данилова отраву подносит сама кума, но мотивировка аналогична:

А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддержали зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкие,
Подавали куме его крестовья.³⁴

5. Почувствовав отраву, Скопин уезжает с пира; мать, встречая его, причитывает:

Не кума ли ты, дитятко, уподчивала,
Не крестова ли ты, дитятко, учествовала?

Скопин умирает; его торжественно погребают в соборе Михаила Архангела, причем описаны и детали:

Клали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату,
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову.³⁵

³¹ ИП II. С. 53.

³² ИП II. С. 51.

³³ ИП II. С. 53—54.

³⁴ ИП II. С. 51.

³⁵ ИП II. С. 54.

Сольвычегодский вариант не только полнее других по составу эпизодов, но и сохранил две уникальные реалии (в соответствии с исторической правдой): указание на погребение в Архангельском соборе Кремля, упоминание (хоть и в искаженной форме), что отравительница — жена Дмитрия Шуйского. Вариант Кирши Данилова тоже сохранил важную реалию: указание на крестины у князя Воротынского (но она есть и в тексте Чулкова). В вариантах Чулкова и Помяловского (50 и 51) центральный эпизод несколько менее ясен: в первом похвальба Скопина задевает только его кума (хотя по смыслу должна была обидеть не ее, а бояр). Во втором похвальба изменена:

Похвалюсь я добрым конем,
Своим копьём, саблей острою,
Как пойду я на Литву, на врагов наших,
Я убью самого короля литовского!³⁶

Из самого текста неясно, почему кума, услышав это, отравляет Скопина. Оба варианта начинаются прямо с пира (и не упоминают о погребении Скопина). Таков же состав эпизодов в тексте Кирши Данилова, но там опущение первого эпизода «возмешено» особой песней о подвигах Скопина (об этом подробно скажем далее).

Таким образом, отличия редакции обязаны преимущественно разработке мотива похвальбы на пиру. Важность этого подчеркивал еще В. Ф. Ржига, но не раскрывал «механизм» отхода от исторической реальности (частично объясненный позже К. Стифом). Процесс обязан художественной ассоциации: упоминание о пире (нужное в первоначальной редакции как указание на обстоятельства отравления) повлекли за собой описание самого пира в традиции былинного *locus communis* (в вариантах 34 и 50 упомянут даже Владимир); сказав о традиционных похвальбах пирующих, нельзя было оставить безмолвным героя песни, ибо он-то действительно имел «право» на похвальбу; сведения о его заслугах вложены теперь в его уста, и отпадает нужда в экспозиции, где о них шла речь. Реальная досада бояр на реальные подвиги Скопина как причина отравления была ясна в подтексте первоначальной редакции; теперь конфликт внешне упрощен и снижен; бояр задевает похвальба героя. Но отравительница — кума, поэтому интерес начинает концентрироваться на ней; однако с забвением реалий из текста становится неясно, в чем связь между ее действиями и настроениями бояр.

3

Видоизменение сюжета, обязанное введению былинного мотива похвальбы, облегчило последующую переработку песни в былинную. Прежде чем о ней говорить, упомянем о других версиях самой песни.

Поволжская версия представлена двумя сходными вариантами *Язык*. 43 и 44. Перед нами переделка предбылинной редакции, появившаяся довольно рано, — когда некоторые реалии конфликта Скопина с Шуй-

³⁶ ИП II. С. 78.

скими и их окружением не были еще забыты. Состав эпизодов почти тот же, что и у Кириши Данилова, но есть два радикальных отличия.

1. Похвальба Скопина прямо направлена против его недоброжелателей; он угрожает Шуйским и Воротыньским. 2. Отравление не состоялось; Скопин предлагает куме самой выпить отравленное вино и срубает ей голову.

Вариант 43 уникален упоминанием реального имени Алексея — крестника Скопина; упоминания боярских фамилий Шуйских и Воротыньских верны, но обесмысленны в варианте 44. Достаточно ясно, что песня послужила объектом переработки, когда была еще богата историческими реалиями; ясно и то, что цель переработки — максимально заострить социальную направленность песни (даже в ущерб исторической достоверности). Можно поэтому думать, что версия обязана появлением и сохранностью в Поволжье крестьянским войнам под руководством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева. Она бытовала, по-видимому, не только здесь, так как повлияла на вариант *Марков* 167 Терского берега: несмотря на сохранность в нем главных отличительных черт беломорской редакции, Скопин, прибыв на пир, обещает срубить голову куме, а выпив отраву, исполняет свою угрозу.³⁷

Казачья версия, записанная на Тереке, представлена четырьмя вариантами (ИП II 53—56). По-видимому, она бытовала и в среде уральских казаков.³⁸ Если отвлечься от второстепенных мотивов, обязанных посторонним источникам,³⁹ то видно, что версия образовалась из предбылинной редакции основной версии; герой на пиру в ответ на традиционную похвальбу бояр похваляется своими военными заслугами; тогда женщина пытается его отравить (все исторические имена забыты), но он выплескивает ей в лицо отравленное питье (в концовке помимо отмечавшегося воздействия посторонних источников видно и влияние поволжской версии самой песни о Скопине).

Обе упомянутые версии содержат одинаковый сюжетный «дефект», зародившийся еще в предбылинной редакции основной версии: затемнявшееся там объяснение побуждений кумы, подносящей яд Скопину (он оскорбил не ее, а бояр), здесь затемнено совершенно: никаких связующих нитей между отравительницей и боярами уже нет, их объединяет только присутствие на пиру.⁴⁰ Напрашивается вопрос: какая же обида нанесена героем самой отравительнице? Ответы на него оказались в бытине.

³⁷ В торговых селах Терского берега, расположенных у самого моря, постоянно бывали заезжие купцы и команды судов, поэтому занос сюда версий и редакций, чуждых местной традиции, но повлиявших на отдельные ее варианты, легко объяснить (обязанные этой среде инородные вкрапления на фоне устойчивого местного репертуара постоянно попадались нам с Д. М. Балашовым в процессе записей здесь еще в 1960-х гг.). Иначе объясняется, по-видимому, снесение Скопиным головы куме в варианте Н. В. Кигачева: он идет через книгу от Кириши Данилова, где действие яда на Скопина передано образно: «голова с плеч покати́лась» (ИП II 32); стремление разъяснить повлекло за собой внесение желаемого нового смысла.

³⁸ См. об этом: Соколова. С. 93.

³⁹ О них см.: Там же. С. 92—94.

⁴⁰ В. К. Соколова писала, что варианты, записанные на Тереке, отразили не только деформацию содержания, но и трансформацию жанра: историческая песня превратилась в

Былина о Михаиле Скопине известна в 9 вариантах (ИП II 39—42, 44—47; *Астахова 1938*, 51) и, судя по месту их записи, оформилась в северо-восточной части Новгородской земли — на средней Печоре.⁴¹ Как писал В. Ф. Миллер, «на Печоре в устах сказителей исторический кн. Скопин-Шуйский, народный герой Смутного времени, погибший преждевременной смертью и оплакиваемый народом, превратился в богатыря кн. Владимира, и вся эпическая обстановка — Киев, Владимир, Апраксия, Илья Муромец, Добрыня Никитич — явилась на сцену из эпического склада. Яркий пример возникновения былины Киевского цикла из очень позднего материала».⁴² Это мнение разделялось всеми исследователями песни об отравлении Скопина. Различались лишь оценки качества былины. Так, Б. А. Алборов приходил к выводу, что народные певцы развили этот сюжет «в стройную былину, ничем не уступающую лучшим былинам Владимирового цикла»;⁴³ по мнению же В. К. Соколовой, «превратившись в былину, песня проиграла в художественном отношении».⁴⁴ Думается, что истина в данном случае посередине; важно иметь в виду, что число текстов былины невелико и среди них нет записей от первоклассных исполнителей. В. Ф. Миллер распылял четырем записями (включая сибирскую); пять записей позднейшего времени иллюстрируют уже процесс забывания на фоне начавшейся деградации былинной традиции.

Из анализа содержания былинных вариантов в их совокупности видно, что предбылинная редакция основной версии песни послужила материалом былинной обработки в том приблизительно составе эпизодов, какой представлен рассмотренным выше сольвычегодским вариантом (34). Однако в генезисе былины участвовала, очевидно, и беломорская редакция, так как присутствующий в ней и весьма важный в былине мотив выбора вариантами предбылинной редакции не сохранен.

Главное внешнее отличие всех былинных вариантов от песенных: похвальба Скопина на пиру оказывается оскорбительной для дочери (или жены) Малюты, отравление выглядит как ее личная месть за нанесенную

бытовую балладу (Соколова С. 94). А. В. Кулагина называет «типичной балладой» текст, относимый нами к колымской редакции, в противоположность небалладным текстам Р. Джемса и Кирши Данилова (*Кулагина А. В. Русская народная баллада*. М., 1977. С. 100). А. А. Дубровин причислял к балладам все без исключения варианты, где речь идет об отравлении Скопина, и писал о переходе исторических баллад в бытовые (*Дубровин А. А. Повесть о Михаиле Скопине Шуйском и русское народно-поэтическое творчество*: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1978. С. 8—9). Считаю совершенно неоправданной тенденцию относить к жанру баллады и собственно былинную обработку сюжета о смерти Скопина.

⁴¹ Вариант ИП II 39, записанный С. И. Гуляевым на Алтае, принадлежит традиции, занесенной сюда из новгородского севера, что было выяснено еще самим собирателем. По справедливому мнению В. К. Соколовой, «этот вариант фиксирует, возможно, начало той переработки, которой подверглась песня на севере» (Соколова. С. 89).

⁴² Миллер. Очерки. Т. 2. С. 288.

⁴³ Алборов Б. А. Песни... С. 163.

⁴⁴ Соколова. С. 90.

обиду.⁴⁵ Сначала в этой похвальбе обычно говорится о военных победах, но оканчивается она всегда унижением Малютиной дочери:

Да и много Скопин да по землям бывал,
Кабы много Скопин городов бирал,
Да не взявши от города не отъезживал,
Не бояся Скопин да двадцати полков,
Двадцати пяти полков, да полков тысячных;
Да Малютина князя во служенье брал,
Да Малютну Скурлатьевну во служаночьки,
Чашки-ложки я мыть да повареночьки.⁴⁶

В таком виде это место присутствует в четырех записях (ИП II 40, 46, 47; *Астахова 1938*, 51), близких текстуально и по составу. Здесь, по-видимому, отразилась более ранняя стадия обработки сюжета в былинной манере по сравнению со второй группой записей. Но в ней вариант 45, наиболее полный по составу эпизодов, позволяет лучше видеть общее внешнее направление этой обработки.

Подробнее развитие получил образ матери Скопина, что привело к появлению ряда новых по сравнению с песней эпизодов. В варианте 45 их всего семь: 1) у князя Владимира родилось «чадо», нужен кум, Добрыню посылают за Скопиным; 2) Добрыня приезжает «в Малу Галичу» (в теремах Скопина он дважды обознается, думая, что встретил его матушку) и передает приглашение Владимира; 3) Скопин просит благословения у матери, она сначала отказывает, говоря, что он «во хмелю да не сурядливой», а в Киеве «злые бояришка подмолвщики», но Скопин приезжает в Киев; 4) окрестив младенца, пируют, все похваляются, Скопин произносит свою похвальбу, причем здесь (как и в остальных вариантах этой группы) говорит, что Малютину дочь он держал «полюбовницей»; 5) она подносит Скопину отравленную чару; 6) мать оплакивает и хоронит сына; 7) затем она едет в Киев, требует выдать отравительницу и расправляется с ней.

В других вариантах этой группы некоторые эпизоды разработаны подробнее. Так, в записях 42 и 44 описание похорон несомненно представляет собой трансформацию соответствующей реалии, сохранный песенным вариантом 34:

Преставился Скопин сын Михайлович,
Да сделали ему гроб да право вечной дом,
Наверх обтянули да хрушатай камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича.⁴⁷

⁴⁵ В алтайской записи С. И. Гуляева похвальба Скопина касается ее отца:

Брал я Малюту за черны кудри,
Бил я Малюту о сыру землю,
За тое за измену за великую.

(ИП II. С. 58).

⁴⁶ ИП II. С. 71.

⁴⁷ ИП II. С. 68.

Во второй записи виднее сущность народного отношения к герою былинны:

Хоронили Скопина сына Иванова,
Украшали по заслуге его:
В буйну голову клали меч-кладенец,
Во праву руку да саблю вострую,
А во леву руку клали тугой лук с каленой стрелой,
А во резвы ноги копенцо бурзомеческо.⁴⁸

В той или иной форме каждый из былинных вариантов (кроме основательно забытого 41) сохраняет память о крестинах; например, в записи 44 эта тема обыгрывается цинично самой дочерью Малюты: неся отравленную чару, она «во левой руке выносит свое цядо милое» и с поклоном обращается к Скопину:

Уж ты ой ешь, Скопин да сын Михайлов!
Поздравить надо нам любима крестника.⁴⁹

Еще более выпукло предстает образ отравительницы в другом варианте:

«Да вчера мы ведь с кумушком кумилисе,
Да сегодня ведь хрестника поздравить надь». <...>
Наливала она цяру зелена вина,
Наливала не малу — полтора ведра,
Да положила она тут зелья лютото,
Да положила она сала змеиното,
Да подносит Скопину сыну Ивановичу,
Поближешенько она да придвигаетсе,
Понижешенько она да покланяетсе:
«Ох ты ой ешь, Скопин да сын Ивановиць!
Уж ты выкушай цяру да зелена вина».⁵⁰

5

Важный мотив выбора, отразивший в песне, как уже говорилось, реальную ситуацию, в которой оказался исторический М. В. Скопин-Шуйский (и утраченный в известных нам вариантах предбылинной редакции), сохранен и подчеркнут почти всеми вариантами самой былинны:

Ай-я говорит ле Скопин да таковы слова:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
А ще не пить мне-ка цяры — виновату быть,
А ще как выпить мне цяру — живому не быть».
А ще как берет Скопин во праву руку,
А ще как выпил Скопин к едину духу.⁵¹

⁴⁸ ИП II. С. 64.

⁴⁹ ИП II. С. 67.

⁵⁰ ИП II. С. 72.

⁵¹ ИП II. С. 62.

В других записях значение этого мотива акцентировано обращением к богатырям и к дружине:

Ох вы ой есь, дружинушка хоробрая!
 Вы хоробрая дружина да заговорная!
 Уж вы русские могущие богатыри!
 Уж как пить мне-ка цяра — живому не быть,
 А не пить мне-ка цяра — дак виновату быть.
 Уж я выпью как цяру да зелена вина,
 Вы тащите меня вон на улицу,
 Посадите меня вы на добра коня,
 Привезите меня да ко добру коню,
 Сопроводите меня да ко свою двору,
 Пусть и знат про меня да родна матушка.⁵²

Следует согласиться с тем, что по сравнению с песней былина утратила «историческую конкретность», но лишь отчасти — с тем, что она утратила «предельно сжатую, но четкую характеристику образов».⁵³ Образ героя и персонифицировавший враждебные ему силы образ отравительницы в своих главных чертах былиной обрисованы более четко. Подтекст, явствующий из текста, объясняет казалось бы странное поведение героя: и сам Скопин, и мать его догадываются, что предстоит; потому она не хочет его пустить; он грозит уехать без благословения, ибо если он не поедет выпить чашу, которая ждет его, то станет «виноват», оправдав наговоры недоброжелателей. Он не уклоняется и не стремится смягчить конфликт. Напротив, сам обостряет его, намеренно задевая будущую отравительницу. Различия в способе похвалой оскорбить ее (при стабильности в похвалбе мотива военных заслуг) свидетельствуют, что для певцов не важны сами по себе слова о том, что Скопин якобы держал ее «служанкой» или «полюбовницей», а важно презрение, выраженное в его словах по отношению к тем, кого олицетворяет на пиру дочь Малюты Скуратова. Симпатии былины совершенно явно на стороне героя и его матери. То, что именно образ матери получил такое развите, подчеркивает нравственную правоту героя былины.⁵⁴

Если в ранних редакциях песни встречаются упоминания о неведении Скопина относительно того, что ему поднесена отравка, то в былине, напротив, акцентируется противоположное: отравленная чара не оставляет сомнений своими внешними признаками:

Говорит Скопин сын Иванович:
 «Глядите, дружья-братья-приятели, во чару позолочену!
 По бокам-то у чары огонь горит,
 По середочке чары ключ кипит,

⁵² ИП Н. С. 72.

⁵³ Соколова. С. 90.

⁵⁴ Поэтому нельзя считать, что былина о Михаиле Скопине «обрисовывает его по существу как насильника и хвастуна», хотя внешне это именно так могло бы представиться, причем внешне верно и то, что «присутствующая на пиру дочь Малюты оскорблена и возмущена его словами» (Соколова С. 90). Внутренний смысл конфликта раскрывается не этим, а прежде всего настойчиво подчеркиваемой темой выбора, на что не было обращено внимание исследователей былины.

Если не пить эту чару — виновату быть,
 А если пить эту чару — живому не быть!».
 Понадеялся Скопин на могуту-силу,
 Берет-то чару рукой правою,
 Перелаживает в руку левую,
 Крестился рукой правою:
 «Пресвята Божья Мати Богородица!
 Пособи мне-ка нести такой тягости.
 Стоял я за веру за Христовую,
 Держался креста распятого».⁵⁵

Заметим, что ни в одном варианте былины не поясняется, почему и в чем Скопин «виноват», если не выпьет подносимую чару, хотя сам этот мотив всюду подчеркивается, так же как подчеркиваются и признаки ядовитого питья.

Достаточно ясно, что былина дает эпическое переосмысление центрального конфликта. Именно в том, что Скопин принимает и выпивает чару, состоит главный его подвиг. Эпическое величие героя, его исключительность, поставившая Скопина в один ряд с богатырями Киевской Руси, обусловлены не военными его победами для освобождения родины, хотя без них он не имел бы права на свое место в эпосе. Военные победы такого же значения были одержаны и другими героями Смутного времени уже после гибели Скопина, и именно их, а не его успехи сыграли в войне решающую роль. Но решающие военные победы оказались подготовлены победой нравственной.

Думается, что подлиннее значение М. В. Скопина в истории России оказалось народом понятое вернее, чем многими профессиональными историками. В тяжкое время всеобщей Смуты, когда борьба за власть между претендовавшими на «законность» (но мало различавшимися степенью беспринципности) правителями и военачальниками приняла формы ожесточенные и уродливые, нравственный подвиг был для народа не менее важен, чем подвиг воинский.

В песне, сохранявшей сначала верность частным историческим реалиям, центральный конфликт не был еще обнажен. Песня описывала, так сказать, «внешние факты», ибо всем ясна была их внутренняя сущность. По мере забывания деталей на географической периферии искажался и смысл песни. Примеры тому — поволжская и казачьи версии, отчасти колымская редакция.

Новгородские земли не были периферией: Скопин собрал свое войско как раз здесь, и из Новгорода он начал свой победоносный поход. Неудивительно, что историческая память о нем сохранялась дольше среди потомков тех, кто составлял основу его армии. По свидетельствам современников, именно в ней его прочили на престол вместо Василия Шуйского.⁵⁶ Но сам Скопин не разделял этих настроений, заботясь только о выполнении долга, что засвидетельствовано в летописи: «Он же, беззлобивый ни во уме сего помысли еже о царстве, но токмо еже по-

⁵⁵ ИП II. С. 63—64.

⁵⁶ См.: *Иконников В. С. Князь Михаил Васильевич...* С. 134.

страдати противу безбожных за Божия церкви и за царя своего дядю и за все православное христианство».⁵⁷

Современники и их потомки понимали, что исключительность Михаила Скопина проявлялась в его нежелании противозаконно захватить власть (хотя он имел к тому реальную возможность), в его готовности рискнуть жизнью ради доказательства этого нежелания, вопреки клевете своих врагов, и в смерти во имя нравственной над ними победы. В народном сознании утрачивались, конечно, детали исторической ситуации, но надолго закрепилось общее понимание причин исключительности героя: победитель, защитник родины доказал свою высокую правоту, приняв смерть от заслуживающих презрения недоброжелателей. На основе сохранившихся еще с устной традиции немногих реалий и пользуясь средствами былинной поэтики, невозможно было передать это прямо. Былина передала сущность через условность.

Исследователи обращали должное внимание на весьма значительные заимствования из других былин в былине о Михаиле Скопине: и поездка Добрыни за героем по поручению князя Владимира, и то, что Добрыня в одном варианте дважды принимает служанок за мать героя, и то, что мать его приобрела черты поляницы, что она осуществляет возмездие после его гибели (и даже сказочный по происхождению эпизод оживления Скопина в одном из вариантов), как и ряд других мотивов, — все это, конечно, не имеет прямого отношения к исторической основе былин. Но можно было бы показать, что в той или иной степени каждое из этих заимствований несет художественную «нагрузку», служебную по отношению к центральной идее былин. Как верно писал А. П. Скафтымов по отношению к былине о Кострюке, «забывая исторические подробности, песня пополнялась иными приемами художественной техники слагателя, всасывая в себя ходячие формулы его искусства».⁵⁸ Сейчас мы не станем на этом задерживаться, поскольку процесс отбора и консолидации заимствований остался здесь незавершенным. При большой стабильности центральной части повествования состав привнесенных эпизодов в былине неустойчив: хотя варианты распадаются на две основные группы, почти каждый из них даже внутри своей группы более или менее отличается от других не только по оформлению, но и по составу.

Былина была застигнута записями до того, как «отстоялась», а настоящему «отстояться» она не успела из-за угасания былинной традиции. Пожалуй, именно благодаря этому варианты былин о Михаиле Скопине дают особенно наглядную иллюстрацию правильности общего наблюдения А. П. Скафтымова: «Сохраняя главный выдвинувшийся или поразивший эмоционально-психологический стержень и выражающую его основную сюжетную ситуацию, былина вольнее распоряжается более отдаленными и с этой точки зрения второстепенными деталями, или совершенно опускает их, или пользуясь ими как подсобным материалом к построению главного духовного эффекта и по мере надобности и пригодности применяя разные, но равнозначные положения то

⁵⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 125.

⁵⁸ Скафтымов. С. 163.

в качестве опричинивающей мотивировки главного поступка, то в качестве предварительного, настраивающего и интригующего средства, то в виде резонирующего фона и рельефа. Так происходит перестройка сюжетной схемы в сторону наибольшей и исключительной сосредоточенности на основном эмоционально-эстетическом эффекте».⁵⁹

6

Необходимо рассмотреть еще песню о военных подвигах Скопина (ИП II 31, 32, 60—63, ФРУ 122), причем начинать приходится с вопроса о ее существовании. В. Ф. Ржига считал, что такой песни в качестве самостоятельного произведения не было: он расценивал ее варианты как фрагменты первоначально единой песни о подвигах и об отравлении, песни, сохранившейся целиком только в сборнике Кириши Данилова.

Это мнение опровергается рядом соображений. 1) Как мы видели, песня об отравлении в первоначальной редакции основной версии имела вступление, сохранившееся в беломорской редакции и частично — в наиболее полном варианте предбылинной редакции. В тексте же Кириши Данилова повествование об отравлении прямо начинается с пира. 2) Только у Кириши Данилова похвальба Скопина на пиру завершается фразой:

Еще ли мне славу поют до веку,
От старого до малого,
А от малого до веку моего!⁶⁰

Здесь несомненное влияние концовки песни о подвигах Скопина, помещенной перед тем у Кириши Данилова:

И велику славу до веку поют
Скопину князю Михаилу Васильевичу.⁶¹

Такая концовка — традиционное эпическое завершение рассказа о подвигах, она часто употреблялась в былинах разными сказителями, но без того, чтобы продолжать за ней повествование о том же герое. 3) Само соединение достаточно заметно у Кириши Данилова некоторой неловкостью смыслового перескока в тексте: непосредственно за пением великой славы Скопину, «как бы малое время замешкавши, а во той же славной каменной Москве» крестят княжича. Текстуальный шов здесь еще виднее, чем в былинке об Алеше и Тугарине, разные версии которой помещены у Кириши одна за другой.⁶²

Песня о военных подвигах Скопина, насколько позволяют судить известные варианты, не была переработана в былинку, но одна из линий

⁵⁹ Там же. С. 159.

⁶⁰ ИП II. С. 51.

⁶¹ ИП II. С. 50.

⁶² Техника контаминирования аналогична: тут и там первая песня помещена целиком, текст же второй начинается прямо с указания того же места действия, о котором шла речь в конце первой.

ее эволюции указывает на предпринимавшиеся в этом направлении попытки, причем здесь проявились аналогичные приемы сказительской работы.

Первоначальная версия представлена записями Кирши Данилова (ИП II 32), Суханова (31) и Габышева (ФРУ 122). Историческая основа передана более полно текстом Кирши, но в некоторых деталях точнее записи Суханова и даже поздний вариант Габышева.

По письменным источникам факты, отраженные песней, следующие:

1) литовско-польские войска (а также отряды Лжедмитрия II и др.) почти полностью окружили Москву;

2) М. В. Скопин отправился в Новгород, взяв с собой шурина С. В. Головина. Они вели переговоры, в результате чего Головину удалось заключить договор, по которому царь Василий Шуйский получал от Швеции вспомогательное войско;

3) к Скопину прибыл шведский отряд (12 000 шведов, шотландцев и французов под начальством Якова Понтуса Делагарди);

4) М. В. Скопин весьма успешно повел военные действия (основная масса его войск состояла из русских отрядов, собранных в Новгородской земле), частью разбил, частью вынудил уйти все главные неприятельские силы, угрожавшие Москве;

5) в Москве М. В. Скопин был с ликованием встречен народом, последовали официальные торжества, награды, угощения за царским столом.⁶³

Песня соответственно повествует об этом так.

1. По Кирше Данилову, Московское царство со всех четырех сторон облегла литва, а с нею — «сорочина долгополая», «черкасы пятигорские», калмыки, татары, башкирцы, «чукши со люторами»; этот перечень будто бы союзных с литвой народов (далее еще дважды приведенный в песне), конечно, позднейшее привнесение, не соответствующее реальной военной обстановке начала XVII в. Точнее варианты Суханова и Габышева, называющие только литву.

2. По Кирше Данилову, Скопин — «правитель царству Московскому» — прибывает в Новгород, здесь в «сезжей избе» пишет «любимому брату названному» королю Карлу в «Свицкую землю, Саксонскую», просит помощи против упомянутых народов, «закладывает» три русских города; посылает с письмом «своего любимого шурина, а того Митрофана Фунтосова». Последнее имя, как уже отмечалось исследователями, — неуместное в таком контексте упоминание шведа Якова Понтуса. Вариант Суханова верно говорит о посылке «воеводы Головина» (но к «голстинскому королю Карлусу»). Вариант Габышева разъясняет, что для писания Скопин прибыл «во посольской дом, в юрту сезжую» (и просил силу из трех земель: «немцов-каливерцов», из земли греческой и из земли шведской).

3. Только вариант Кирши Данилова говорит, что «в полувецкой орде» шведский король Карл получает послание и присылает в Новгород

⁶³ См. по документам: *Яконович В. С. Князь Михаил Васильевич...* С. 116—136

40 тысяч «ратного люду ученого» — силы «свицкия», «саксонския», «школьския». Вариант Суханова сообщает лишь, что Скопин пришел в Новгород, «скопив» 40 тысяч войска (в записи Габышева этот эпизод не отражен).

4. У Кириши упомянуто кратко, что Скопин отслужил заутреню, в вариантах Суханова и Габышева подробнее говорится о молебне в храме св. Софии Премудрой в Новгороде и о молитвах на одоление врагов.

Далее, согласно варианту Кириши, Скопин отправляется в поход «подымавши знаменье царские» и очищает «царство Московское», причем реалии снова подробны и целиком вымышлены, с вопиющими нарушениями географических соответствий: на востоке войска Скопина победили «чудь белоглазую» и «сорочину долгополюю», на юге — «черкас пятигорских» («еще ноне тут Малороссия»), на севере — калмыков и башкир, на западе — «чукши со люторами». В вариантах Суханова и Габышева нет окончания: отсутствуют этот эпизод и следующий.

5. Вариант Кириши повествует о торжественных богослужениях в честь победы в Москве, о великом пире и пении славы Скопину.

Таким образом, в тексте Кириши Данилова довольно много заведомого вымысла в главных реалиях; позднейшие варианты Суханова и Габышева, кое в чем более точные, но много опускающие, относят, однако, все события ко времени Ивана Грозного.

Достаточно ясно, что уже к середине XVIII в. песня о подвигах Скопина хуже сохраняла историческое правдоподобие, чем песня о его отравлении; это наглядно видно при сопоставлении обоих текстов в сборнике Кириши Данилова.

Упоминание о пении славы в конце варианта Кириши Данилова отражает, может быть, не только поэтическую традицию, но и реальность торжественной встречи М. В. Скопина в Москве. В. Ф. Миллер резонно замечал, что «вероятно Скопину фактически пели славу при этом случае».⁶⁴ Дошедшая до нас песня могла быть специально для этого случая сочинена. Позже она забывалась гораздо быстрее, чем песня об отравлении, потому что победы М. В. Скопина не были явлением столь исключительным. Отход от исторической правды сопровождался контаминациями, примером чего является версия, представленная одной записью из Осташкова. Здесь в начале — малоудачное соединение с песней о Лжедмитрии, а концовка существенно изменена: не дождавшись королевской помощи, Скопин

Усгрѣб тесницку дубовую,
Поцал тесницкой помахивать:
Куды махнет — туды улнца,
Куды отмахнет — переулоцек.
У три часа, у три четверти
Прибил всю литву нехресцоную,
Очистил Москву просвещоную,
И дом Пресвятыя Богородицы.⁶⁵

⁶⁴ Миллер В. Ф. Исторические песни из Сибири // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 11, кн. 1. С. 31.

⁶⁵ ИП II. С. 86.

Воздействие былинной поэтики, особенно заметное в финальной части этого варианта, почти столь же сильно и в тексте Кирши Данилова. Но здесь изменен уже сюжет.

В прионежской версии, записи которой произведены от Т. Г. и И. Т. Рябининых (61—63), обращения к шведскому королю нет, Скопин обращается к новгородцам:

Собирал он мужиков новгородских,
Говорил-то таковы слова:
«Ай же, мужики новгородские!
Собирайте-ка мне силы сорок тысячей
Повыгнать из Москвы литва поганая!».
Эти мужики новгородские
Ему силушки собрали сорок тысячей.
Садился тут Скопин на добра коня,
Ехал с силушкой великой к каменной Москвы.⁶⁶

С точки зрения исторической правды такая замена обращения к шведам не вступает в существенное противоречие с действительностью: хотя Скопин собрал здесь не 40 тысяч, а меньше, войска его состояли преимущественно из жителей новгородских земель. Это важное обстоятельство способствовало и сохранению в местном репертуаре самой песни.

Исключительное внимание к шведам в первоначальной версии (непропорциональное реальному значению шведской помощи) служит аргументом в пользу предположения, что сама песня была сочинена по случаю торжественной встречи Скопина в Москве: вместе с ним прибыл Делгарди, ему оказывались почести со стороны правительства, весьма заинтересованного в продолжении союза со шведским королем. Упоминание о его содействии сохранены вариантами, записанными вне пределов Новгородской земли. В Новгороде же благожелательная оценка шведов сохраняться не могла: вскоре после смерти Скопина Делгарди отвел свои войска в Новгород, они оккупировали окрестную территорию, вели себя как завоеватели и оставили недобрую память, что отразила уже лиро-эпическая песня, записанная для Р. Джемса.

Однако косвенное воздействие опущенных эпизодов о шведской помощи можно усмотреть в прионежской версии: если в тексте Кирши Данилова говорится о присылке королем в помощь Скопину «того ратного люду ученого», то в вариантах Т. Г. Рябинина Скопину оказывает помощь Микитушка Романович, действующий колдовским образом: так же, как Волх Всеславьевич и Роман Митриевич в былинах о Волхе и о братьях Ливиках.

Использование былинного материала здесь достаточно ощутимо (половина варианта 61 текстуально соответствует названным вариантам). Но тем не менее это скорее внешнее воздействие былинной традиции на существовавшую песню, чем процесс возникновения новой быliny: в произведении нет оригинальной стержневой идеи, а центр тяжести перемещается с действий Скопина на колдовские способности Микиты Романовича. Контаминация могла содействовать некоторому оживлению

⁶⁶ ИП II. С. 87.

интереса к забывавшейся песне, но решающего значения не имела: ни от потомков И. Т. Рябинина, ни от других сказителей Прионежья эта песня уже не была записана.

7

Михаил Скопин вошел в эпос не только с былиной о его гибели. В сонме русских богатырей он присутствует и по другим поводам: Скопин оказывается на богатырской заставе при Илье Муромце, участвует в свадьбе Владимира и привезенной Дунаем Апраксии,⁶⁷ указывает невесту для Владимира (БПЗБ 33). Можно с полным правом сказать, что М. В. Скопин — единственный из исторических деятелей XVII в., введенный народом в русский былинный эпос, и что главная причина этого — эпическая исключительность обстоятельств его кончины.

Судьба же песни о военных успехах М. В. Скопина — косвенное подтверждение приведенных выше соображений относительно центральной идеи былины о нем и причин введения этого героя в круг богатырей русского эпоса: нравственный подвиг Скопина оказался для народа важнее военных побед. Скорее всего, и сама песня о военных успехах сохранялась в репертуаре преимущественно благодаря тому, что именно Скопин был ее главным героем.

А. Н. Веселовский писал, что от исторической песни «нельзя ожидать, чтобы она с точностью сохранила именно факты; она передает обычно лишь впечатление, произведенное ими на современников, тот идеальный образ, которым известное происшествие или героическая личность отразились в народном сознании».⁶⁸ Если в былинах «мифической» эпохи «историческая струя <...> менее ошутительна для нас, то это объясняется просто тем, что эти былины дольше жили в народе и более исказились от пересказов, от чего иное историческое указание стало общим местом и могло безразлично переходить из одной былины, где оно имело фактический смысл, в другую, где ему быть не следовало».⁶⁹ А. Н. Веселовский считал, что «если бы, напр<имер>, песни о Грозном, более близкие к нам, прожили в народе еще лет 200—300, при тех условиях, при каких существовали владимировские былины <...> если бы притом наша развивающаяся историческая наука <...> не давала нам с каждым днем все больше возможности раскрыть историческую суть этих песен — они поразили бы нас лет через 200 такую же загадочностью своего содержания, какою поражают теперь былины о Владимире и его богатырях. Тут, стало быть, разница во времени, а не в существенном отличии былины от исторической песни».⁷⁰

Разобранный нами пример подтверждает эти заключения А. Н. Веселовского, но не в полной мере. Историческую суть былины о Скопине

⁶⁷ См. об этом: *Миллер*. Очерки. Т. С. 285. Скопин попал в качестве действующего лица и в песню о взятии Азова (ИП II 98).

⁶⁸ *Веселовский А. Н.* Две варшавские диссертации // *Вестник Европы*. 1872. № 10. С. 908—909.

⁶⁹ Там же. С. 907.

⁷⁰ Там же.

удается раскрыть благодаря достаточности исторических данных; без них ее содержание было бы для нас загадочно. Но разница между исторической песней и былиной в этом случае — не столько следствие искажений, вызванных длительным бытованием (оно не было очень продолжительным), сколько результат постепенного перехода от передачи непосредственного впечатления, произведенного на современников историческим фактом, к концентрации внимания на его этической сущности.

Центральная идея былины о подвиге Михаила Скопина — прославление героя-патриота, принявшего смерть ради утверждения своей нравственной правоты. Идущая от конкретной действительности, от исторической обстановки, в которой эта идея имела первостепенную актуальность, она со временем обобщенно закрепились в былине через эпическую условность. Перед нами наиболее показательный пример появления былины на основе исторического факта с использованием сюжетного наследия многовековой былинной традиции, сохранявшейся на Новгородской земле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы убедились, привлечение устных источников и их отображений в письменных памятниках способствует уяснению ряда важных фактов и обстоятельств истории и предыстории Новгорода и Новгородской земли. Археологическое исследование Новгорода, подарившее науке более полувека назад неизвестные прежде массовые источники письменности — берестяные грамоты, позднее обогатило фонд достоверных источников подтверждением аутентичности уникальных сведений Новгородской Иоакимовской летописи. В начале ее текста упомянуто об авторстве «святителя Иоакима», под которым естественно подразумевать первого епископа Новгорода, умершего в 1030 г. Сама эта рукопись не сохранилась, но есть обширные выписки в труде В. Н. Татищева. О достоверности их велась дискуссия на протяжении двух с половиной веков, причем наибольшее внимание привлекало обширное повествование о крещении жителей Новгорода. Оно предстает как фиксация устного рассказа участника событий и по содержанию не имеет аналогов в других источниках. Описанные здесь драматические факты конца X в. должны были оставить существенные следы на территории города. Тогдашняя топография Новгорода археологами теперь выяснена, следы эти обнаружены, и реконструирована на их основе реальная картина происходившего. Она соответствует тому, что передал составитель Иоакимовской летописи. Результаты были подробно сообщены в работе исследовавшего данный вопрос и руководившего самими раскопками В. Л. Янина.

Плодоносность этого научного факта вышла далеко за пределы изучения христианизации Новгородской земли. Изменилось преобладавшее прежде скептическое отношение к Новгородской Иоакимовской летописи вообще и причастности к ее первоначальному тексту первого новгородского епископа. Встал вопрос об источниках этого памятника, потребовавший обращения к фольклористике. Даже основанное на впечатлении очевидца повествование о крещении новгородцев содержит отсылки к фольклорным источникам, а более существенно они привлечены в известиях этой летописи о событиях более ранних. Свидетелем их епископ Иоаким не был, но составитель мог воспользоваться устными рассказами и даже историческими песнями, которые упомянуты в Иоакимовской летописи при описании этих ранних событий. Вместе с тем очевидно, что известия своего первоначального текста летопись, дошедшая до Татищева уже только в рукописи XVII в., унастила, со-

ответственно моде позднейшего времени, плодами сочинительства, основанного на этимологических догадках. Они находятся в ее вводной части, которая, однако, опиралась на фольклорные источники. Поэтому, за вычетом «наивных этимологий» и связанных с ними домыслов, нет причин отказывать в доверии этому памятнику, о чем справедливо писал еще П. А. Лавровский почти полтора века назад в обстоятельном разборе Иоакимовской летописи. Здравая оценка этого источника тогда же была высказана С. М. Соловьевым. Позднее о нем писал А. А. Шамагов, рассматривавший летопись епископа Иоакима Корсунянина как древнейший этап новгородского летописания. Но, к сожалению, эти суждения крупнейших специалистов почти не привлекали внимания недавних историков и источниковедов.

Новгородская Иоакимовская летопись, доверие к которой было восстановлено археологической проверкой, осуществленной В. Л. Яниным, сообщает об эпических предках Гостомысла. В ней говорится о 14 поколениях. Согласно подсчетам, исходя из средней продолжительности одного правления (25 лет), упоминаемый этой летописью князь Владимир (одноименный хорошо известному Владимиру Святославичу Киевскому) управлял предками новгородцев в первой половине V в. Иоакимовская летопись не содержит конкретных фактов правления древнего Владимира, говорится только об обширности подвластных ему земель и обстоятельствах, при которых законно установилось его главенство. Однако степень внимания, уделенного в весьма сжатом вводном ее повествовании именно этому князю (после которого 8 поколений правителей Руси не названы по именам), свидетельствует, что княжение древнего Владимира осознавалось как этап чрезвычайной значимости либо самим составителем протографа попавшего к Татищеву текста, либо его основным источником об этом периоде.

О короле Руси Владимире и о его родственнике витязе Илье говорится в основанной на древнегерманском эпосе саге о Тидреке Бернском, где речь идет о походах Аттилы в V в. Видная роль отведена русскому витязю Илье и в германской поэме «Ортнит», основанной на устном эпосе и зафиксированной несколько ранее Тидрексаги, но имеющей с ней и других общих персонажей в связи с тем, что оба памятника отображали одну историческую эпоху. Сведения Тидрексаги, согласуясь в основном с данными Иоакимовской летописи, расширили их описаниями шедших с переменным успехом оборонительных войн Владимира. Сколько-нибудь четко выделить в саге историческую правду из эпического вымысла, конечно, невозможно. Но вместе с тем невозможно объяснить случайностью существенные совпадения независимых друг от друга источников.

Недавно было установлено в результате сплошного обследования всех основных собраний былин, что их сказители XVII—XX вв. почти никогда не называли былинного князя «Владимир Святославич». Отчество либо опускалось, либо — особенно в самых ранних записях — имело форму «Всеславич» или «Сеславич». Теперь напечатана прямо связанная с этим вопросом работа А. Н. Веселовского, которую сам он не

успел издать. Здесь среди прочего анализируются сведения Тидрексаги, относящиеся к эпической генеалогии ее русских персонажей. В результате детального разбора с привлечением сравнительных данных Веселовский пришел к заключению, что имя Владимирова отца в саге представляет собой видоизмененный древнегерманский эквивалент славянского имени Всеслав. Выясняется, что былинному князю Владимиру Всеславичу соответствует Владимир Всеславич, при котором Русь подвергалась нашествиям гуннов, а былинному Илье — герой сражений с гуннами и готами. Приурочение же в былинах именно к Владимиру Всеславичу эпического противостояния вражеским нашествиям, по масштабам своим не имеющим достаточных аналогий в княжение Владимира Святого или Владимира Мономаха, но и вполне сопоставимым с описанными в Тидрексаге, побуждает признать их теми событиями, какие составляли первоначальную историческую основу центрального былинного цикла.

Продолжающее бытовать среди части историков представление о завоевании Новгородской земли скандинавами оказывается в противоречии не только с прямым смыслом «Повести временных лет». Дошедшее в устной традиции предание ясно повествовало о добровольном соглашении с Рюриком. Оно позволяет признать договорные отношения Новгорода с князьями исконным обычаем, а не только результатом политического конфликта XII в.

Само же обращение именно к Рюрику объясняется на основе фольклорных источников, дошедших в рукописной передаче, причинами династического характера: Рюрик по матери был внуком управлявшего ильменскими славянами Гостомысла, являясь наполовину славянином, наполовину датчанином. Его датское происхождение из династии Скъолдунгов выяснено давно, славянское происхождение следует из текста Новгородской Иоакимовской летописи, которая пересказывает устное предание. Династические браки между представителями владетельных семей Дании и прибалтийских славян в эту эпоху засвидетельствованы западноевропейскими хрониками. Политической основой являлись союзные отношения в противостоянии натиску общих противников. Управлявший бодричами Гостомysl был естественным союзником датчан в сопротивлении Каролингам. Отображенная в хрониках устная традиция связывала его сопротивление их экспансии и в качестве правителя славянского острова Руяна, расположенного по соседству с владениями бодричей.

Гостомysl, очевидно, возглавил прибывавших в Приильмень с запада переселенцев — главным образом из племенного союза бодричей и с острова Руяна. Воспоминания об этом острове как языческом религиозном центре отобразились в разных жанрах восточнославянского фольклора. Данные фольклора, топонимики, этнографии, языка, археологии свидетельствуют, что славянское население Новгородской земли в значительной степени было потомками переселенцев с южного побережья Балтики. Эту миграцию справедливо объясняют давлением со стороны Каролингов, а оно активизировалось как раз в IX столетии и направлено было, в частности, именно на владения Гостомысла. Уже вы-

сказывавшееся в археологической литературе мнение об имевших место в то время союзных отношениях между славянами Приильменя и славянами Прибалтики получает подтверждение в совокупности материалов фольклора и письменности, связанных с деятельностью Гостомысла.

Дошедшие до собирателей фольклора в устной традиции предания о его погребении на Волотовом поле под Новгородом, согласующиеся с известиями древнерусских письменных памятников, позволяют уточнить и откорректировать данные некоторых немецких хроник. Соотносимостью сведений о Гостомысле в фольклоре, в обязанной фольклору Иоакимовской летописи, в Новгородской 1-й летописи и в латинских анналах IX—XII вв. подтверждается его историчность.

Исторический Добрыня, игравший важную роль в правлении своего племянника, крестившего Русь князя Владимира Святославича, и своей деятельностью оставивший существенный след в истории Древней Руси, — герой нескольких былин. Две из них, несомненно, соотносятся с историей Новгорода, хотя в одной из этих былин на историческую основу ее сюжета наслои́лся мифологический мотив.

Крупнейшие исследователи русского эпоса давно увидели в основе былины «Добрыня и Змей» события, зафиксированные Новгородской Иоакимовской летописью, и именно ее подробное повествование о крещении Новгорода считали древнейшим свидетельством историчности сюжетного ядра былины, которое осложнено мифологическим мотивом борьбы героя со змеем. В сравнительно недавней историографии былины косвенно отражалось бытовавшее тогда скептическое отношение к Иоакимовской летописи, и основу искали в фактах борьбы со степняками. Обнаруживается, что былина, видимо, действительно отразила и эпизоды биографии исторического Добрыни до принятия христианства. Но драматические события, породившие устный источник Новгородской Иоакимовской летописи, обусловили формирование былины, дошедшей до собирателей в ее окончательных версиях, где победа героя над змеем символизирует победу христианства над язычеством. Исходным фактом, побудившим слагателей былины использовать мотив змеборства, явилось зафиксированное подробно в Иоакимовской летописи ожесточенное сопротивление принятию христианства со стороны значительной части населения древнего Новгорода. Аналогов этому неизвестно при крещении Киева и других городов Русской земли. Естественным объяснением являются причины переселения бодричей и руян из прибалтийских земель: там внедрение христианства сочеталось с военным и политическим наступлением Каролингов, означавшим для славян полную утрату суверенитета и самобытности, а в конечном счете — онемечивание и порабощение. У балтийских славян выработался «иммунитет» по отношению к христианизации, с которым столкнулись в Новгороде епископ Иоаким, Добрыня и другие посланцы князя Владимира. Созданная в новгородских пределах и здесь закрепившаяся в массовом устном репертуаре, эта былина, однако, доказывает, насколько прочно со временем утвердилось в народном сознании Новгородской земли позитивное отношение к христианству.

Вторая из наиболее популярных былин о Добрыне, тоже созданная на Новгородской земле и здесь записанная более сотни раз, не испытала наслоений мифологических мотивов и прямо восходит к преданию, дважды отобразившемуся в раннем летописании — кратко в «Повести временных лет» и более полно в Лаврентьевской летописи под 1127 г. Это былина о женитьбе князя Владимира, где ясно проведена идея государственной значимости исходного факта. Добрыня побеждает войско князя, дочь которого идет за Владимира только в результате военных действий, так как отец ее, согласно вариантам былины, оскорбил жениха намеками на его будто бы низкое происхождение и отказал в сватовстве Добрыни. Исходное событие — женитьба Владимира на полоцкой княжне Рогнеде при активном содействии исторического Добрыни после военной победы над ее отцом, подчинение при этом Полоцкого княжества и ослабление позиций будущего конкурента Владимира в борьбе за великокняжеский стол — даже в эпическом осмыслении — на протяжении 10 веков оказывалось устойчивым зерном, отобразившим верно понятую сущность столь значимых тогда исторических фактов.

Таким образом, древнейшие из былин, несомненно отразивших события истории Новгорода в X в., связаны с князем Владимиром Святым, к правлению которого еще в Новгороде приурочивается историческая основа былины «Добрыня-сват», а к последовавшему уже в бытность его великим князем киевским крещению Новгорода — основа былины «Добрыня-змееборец». Хотя о Новгороде в дошедших до нас вариантах этих былин прямо не говорится, из содержания ясно, что возникли они около 10 столетий назад в среде творцов новгородского эпоса.

Непосредственно относится к Новгороду и содержание двух былин, историческая основа которых — события, происходившие столетием позже. Обе они вполне определенно связаны с деятельностью князя Владимира Мономаха, который оправданно воспринимается наукой как второй исторический прототип былинного князя Владимира — Красное Солнышко. В этих былинах эпический образ бессменного владыки Русской земли еще не оттеснил отзвуки исторической реальности.

Былина, озаглавленная ее сказителями «Князь Глеб Володьевич», от правным фактом имеет поход на Херсонес в 1077 г. новгородского князя Глеба Святославича и помогавшего ему еще молодого тогда Владимира Всеволодовича. Имя главного героя былины — результат слияния в длительной изустной передаче имен двух князей, возглавлявших поход 1077 г. На устное произведение о нем наслоились отзвуки воспоминаний об аналогичных событиях, что представляет собой обычное явление в эпической традиции. В данном случае такими событиями были более ранний поход на Херсонес Владимира Святославича и более поздний поход Владимира Мономаха в 1095 г. Поход, предпринятый князьями Глебом и Владимиром в ответ на просьбу византийского императора, обращенную к их сюзерену — великому князю киевскому, трактуется былиной как результат просьбы русских купцов, несправедливо задержанных и ограбленных властями Херсонеса. Там в то время действительно практиковались непомерные таможенные поборы, с чем и был

реально связан поход 1095 г. Исторический смысл былины ясен даже после обрастания ее фабулы сказочными подробностями: стремление новгородцев обезопасить свою торговлю за рубежом, которое, очевидно, лежало и в основе готовности предпринять поход 1077 г., хотя об этом в письменных источниках прямых сведений не сохранилось.

Более распространенная былина «Ставр Годинович», как оказалось, соотносится с целым рядом письменных источников: Новгородская 1-я летопись сообщает, что в 1118 г. княживший в Киеве Владимир Мономах разгневался на новгородского сотского Ставра и заточил его. Новгородская берестяная грамота № 613, датируемая концом XI—первой третью XII в., содержит начало письма, обращенного к Ставру, а грамота № 954, первой четверти XII в., помогает разъяснить причины его заточения. В Софийском соборе Киева есть граффити с автографом Ставра Городятинича (почерк XI—XII вв.). Но основное содержание дошедшей до нас былины — не обстоятельства заточения Ставра, а его освобождение женой, повествование о котором основано на использовании сказочных мотивов, имеющих параллели в фольклоре других народов. Исследователи былины отмечали проявление в ней оппозиционности по отношению к киевским князьям со стороны новгородцев, которые добивались, чтобы их не вызывали для суда в Киев (как поступил в данном случае Мономах). Стремление оградить себя от княжеского самоуправства было характерно для эпохи, предшествовавшей политическому перевороту 1136 г., но сохраняло актуальность и позже, благодаря чему былина прочно вошла в устный репертуар сказителей Новгородской земли.

Века экономического и политического расцвета Новгорода были и периодом расцвета устного эпоса. К этому времени относится сложение двух циклов особенно знаменитых новгородских былин — о Садко и о Василии Буслаевиче. Старшие новгородские летописи сообщают, что в 1167 г. Сотко Сытинич заложил в Детинце каменную церковь святых Бориса и Глеба, а согласно былине Садко построил в Новгороде церковь Николы (в некоторых вариантах названы другие церкви). Новгородские летописи XVII в. именуют строителя церкви Бориса и Глеба «Сотко богатой» — аналогично былине. В Никоновской летописи и некоторых поздних летописях Новгорода есть известие о смерти «посадника Васьки Буславича» в 1171 г. Исследователи давно пришли к выводу, что оно навеяно фольклорным источником: старшие новгородские летописи имени с подобным отчеством не упоминают, нет его и в списках новгородских посадников.

Несмотря на позднейшие изменения, внесшие много сказочного в былины о Садко и породившие несколько смысловых неясностей, темных мест в былинах о Василии Буслаевиче, и там и тут достоверно переданы многие характерные черты социального быта Новгорода в XII—XV вв.: заклады, братчины, набор дружины молодым боярином, бой на Волховском мосту, вызванный борьбой за власть, огромный размах торговли, паломничества в Святую землю — все это, как и многое другое, ярче и полнее отобразило реальную жизнь древнего Новгорода, чем

несколько схематизированные порой картины древнего Киева в былинах о подвигах его богатырей.

Выдающаяся роль Новгорода выразилась и в сохранении многих не-новгородских по происхождению произведений героического эпоса. Эпос Киевской Руси дошел до нас, будучи циклизován и переработан в пределах Руси Новгородской. Оформление этих былин принадлежит уже Новгородской земле, в пользу чего говорит и их традиционное начало: «Во стольном городе во Киеве...», поскольку в самом Киеве и на Киевщине такой зачин оказался бы излишним; в былинах, где место действия — Новгород, аналогичного зачина о Новгороде обычно нет. Повидимому, циклизация и переработка в основном завершилась в период борьбы Новгорода с Москвой, т. е. в XIV—XV вв.

Но уже в XIV в. Новгород не остался в стороне от организованного Москвой общерусского противостояния нашествию войск Мамаея. Этот важный факт не попал в летописи того времени из-за наступившего вскоре после 1380 г. особенно резкого обострения отношений между Москвой и Новгородом. Но устное Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому отразилось многократно в письменных памятниках более позднего времени, цитировалось в пространных выдержках, а до того взаимодействовало с Задонщиной. Достоверность основного содержания этого устного произведения подтверждена записью в древнем синодике, где содержится поминание новгородцев, павших на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче, и возведением тогда в Новгороде посвященных знаменательному событию храмов.

На Новгородской земле создавались и былины, прямо не связанные с историей Новгорода, но представлявшие собой эпические переосмысления громких исторических событий XIV столетия — 1378, 1380 и 1382 гг. (битва на р. Воже, Куликовская битва, нашествие Тохтамыша). Сложение этих былин в XV в. представляло собой не новотворчество. Это было воссоздание «на старой основе», но с применением новых «строительных материалов» древних былин, отзывавшихся на борьбу против вражеских нашествий на протяжении многих веков. Характерны некоторые особенности этих обновленных былин. Предводитель разгромленного татарского войска нередко назван Мамаем, а сама битва — Мамаевым побоищем. Название Куликова поля прочно вошло в былинный эпос. Однако богатыри избавляют от нашествия полчищ Мамаея не Москву. Русский князь везде сохраняет имя Владимир. В былинах, посвященных разгрому татар, нет имен московских великих князей или их воевод. Возглавляет победоносное войско почти всегда Илья Муромец, причем нередко описывается собрание им перед боем русских богатырей, подробно перечисляемых былинной.

Кроме имен, в эпосе широко распространенных и возводимых еще к домонгольской Руси (Добрыня, Алеша, Дунай, Потык, Михаил Игнатьевич), а также нескольких более или менее редких, почти непременно бывают названы персонажи «новгородского происхождения». Это прежде всего Самсон, историческим прототипом которого не без оснований принято считать новгородского воеводу Самсона Колывановича.

Богатырь Самсон Колыбанович обычно возглавляет дружину, которая выручает Илью Муромца и решает исход битвы с татарами. Этот былинный эпизод имеет сюжетные параллели в героическом сказании, конкретно отразившем участие в Куликовской битве новгородцев (но не содержащем имени Самсона). Иногда в таком перечне оказываются и Василий Буслаев (попавший сюда, конечно, из былин о нем) и Василий Казимирович — герой новгородской былины, посвященной свержению ордынского владычества.

Эта былина в своей ранней версии отозвалась на Куликовскую битву, а в более поздних трактовала в эпической манере факт уничтожения татарского ига. Главный ее персонаж — богатырь Василий Казимирович, историческим прототипом которого послужил новгородский посадник Василий Казимир. Анализ письменных источников позволил выяснить, что он являлся не врагом присоединения Новгорода к Москве (как считали некоторые исследователи былины), а сторонником соглашения с великокняжеской властью. Хотя в 1481 г. Иван III все же выслал из Новгорода и Василия Казимира, перед тем новгородское войско под его главенством, очевидно, участвовало в событиях, приведших к освобождению Руси от власти Орды, что и отобразила былина.

В героических былинах XV столетия, повествующих об успешной борьбе русских богатырей с татарским войском, налицо следующие тенденции: возрождение старинных эпических сюжетов и мотивов применительно к новой исторической обстановке; стихийный отбор вносимых новых исторических реалий — отбор, как бы игнорирующий роль Москвы и ее деятелей; выдвигание новгородских персонажей. Население Новгородской земли горячо сочувствовало борьбе против татаро-монгольских поработителей (к которой оно было непосредственно причастно в 1380 г., а очевидно — и в 1480 г.). Но отрицательное отношение к действиям тогдашних московских владык было, по-видимому, весьма распространено и оказалось устойчивым, что определило некоторые особенности эпического творчества Новгородской земли в XV в., закрепившиеся в XVI столетии — после разгрома Новгорода Иваном IV.

В этот период почти закончилось продуктивное развитие былин, пополнение их новыми произведениями, но продолжается расширение ареала былинной традиции за счет миграций населения Новгородской земли. С другой стороны, после включения ее в состав единого Русского государства здесь получают большее распространение исторические песни. На новгородском севере они испытывают воздействие былин.

Наиболее значительным примером этого является весьма распространенная песня «Гнев Ивана Грозного на сына». В основе ее сюжета лежали исторические факты правления Ивана III, которого современники называли Грозным — ранее, чем его внука. Сын Ивана III, князь Василий Иванович, назначенный сначала наследником престола, подвергся затем опале, будучи обвинен в государственной измене, а позже помилован и даже провозглашен великим князем Новгорода и Пскова. Впоследствии песня была переработана применительно к эпохе Ивана IV. В конце XVI в. появилась ее версия, весьма напоминающая по

жанру былины и созданная, несомненно, на Новгородской земле, где она и была много раз записана. Согласно этой версии, царевич, сопровождающий Ивана IV в его новгородском походе, проявляет милосердие к жителям Новгорода, стремясь уберечь их от расправы, за что подвергается царскому гневу.

Есть и примеры полного превращения в былины исторических песен о событиях, актуальных для населения Новгородской земли. Они оказались самыми поздними историческими фактами, послужившими основой для былин: это подвиги и гибель выдающегося полководца князя Михаила Скопина-Шуйского в начале XVII в. Возглавляя войско, собранное на Новгородской земле, М. В. Скопин очистил от интервентов и сторонников Лжедмитрия II значительную территорию и снял блокаду Москвы. Предложения захватить власть были отвергнуты Скопиным, но царь Василий Шуйский, подозревая его в обратном, вызывает Скопина в Москву — для воздания почестей. После официальных торжеств Скопин был отравлен на частном пиру дочерью Малюты Скуратова (женой завидовавшего успехам Скопина неудачливого воеводы Дмитрия Шуйского).

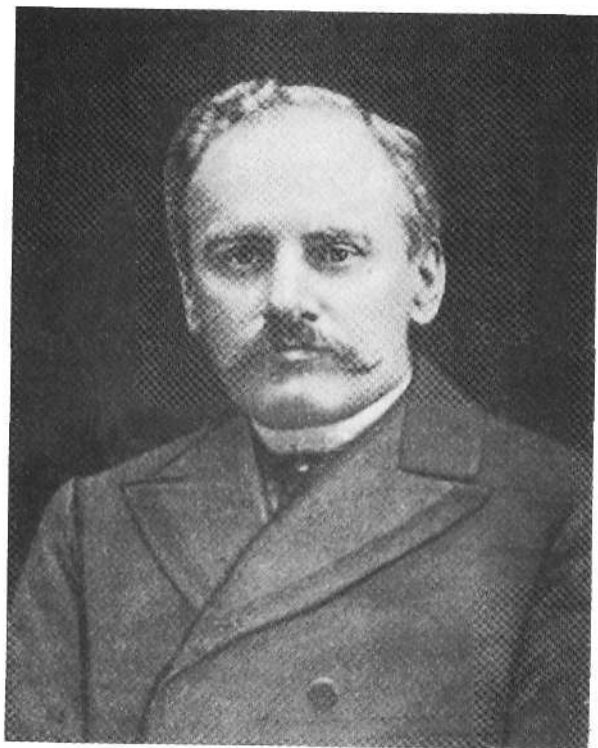
В пределах Новгородской земли бытовали две песни о Скопине. В одной рассказывалось о его военных победах, в другой — о его отравлении. Центральную идею второй составляет не воинский, а нравственный подвиг. Из письменных источников известно, что родные и близкие Скопина предостерегали его от поездки в Москву. Но отказ приехать мог быть истолкован как подтверждение домыслов о намерении Скопина незаконно захватить престол. Герой былины принимает смерть ради утверждения своей нравственной правоты.

Превращение в былину песни о военных подвигах Скопина отчетливее проявилось в новгородском Прионежье, но некоторые конкретные исторические детали лучше сохранились в Русском Устье. Это была долгое время почти изолированная фактория переселенцев XVI—XVII столетий с новгородского севера в сибирское Заполярье, на низовья Индигирки, где уцелели древнейшие редакции нескольких былин. Здесь герой обращается с молитвой на одоление врагов не только к Богородице, но и к святой Софии Премудрой, храм которой почти пять столетий являлся символом могущества Великого Новгорода.

Утрата политического могущества не ослабила интеллектуальную мощь традиций многовековой культуры и исторической памяти — не только в метрополии, но и на периферии Новгородской земли. Сбереженный именно здесь древнерусский исторический эпос продолжал изустно передаваться вплоть до XX столетия. Ныне он зафиксирован более чем в трех тысячах записей. Содержимое их — это не только богатейшее культурное наследие, но и весьма важный материал для исторической науки.

В. Н. Татищев (1686–1750)

А. А. Шахматов (1864–1920)

А. Н. Веселовский (1838–1906)

Сказитель былин Т. Г. Рябинин

С. А. Геденов (1815–1878)

И. Е. Забелин (1820–1908)

А. Ф. Гильфердинг (1831–1872)

В. Ф. Миллер (1848–1913)

Корсунские двери Новгородского Софийского собора

Раскопки церкви Бориса и Глеба в Детинце

Архимандрит Макарий (К. Н. Миролюбов. 1817–1894)

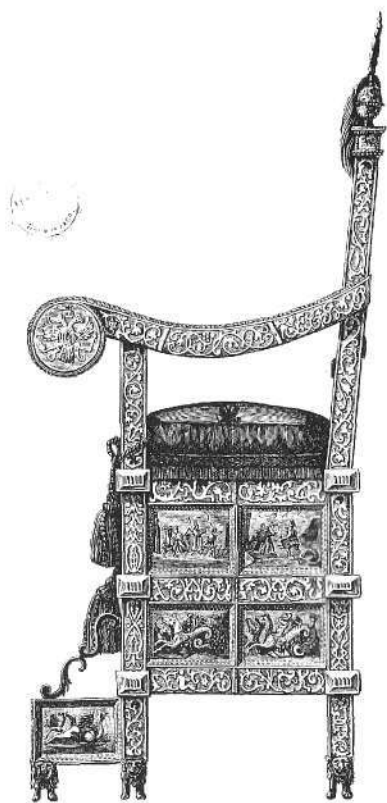
Церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице

Кольчуга найденная на Куликовом поле

Царь Иван III. Гравюра XVI в.

Трон Ивана III, привезенный из Византии

Князь М. В. Скопин-Шуйский. Парсуна XVII в.

УСТНЫЙ РАССКАЗ УЧАСТНИКА КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ В СОСТАВЕ ПАМЯТНИКОВ ЛЕТОПИСАНИЯ НОВГОРОДА

1

В главе VII было показано, что новгородский контингент принял участие в сражении на Куликовом поле и, очевидно, понес весьма значительные потери в войне 1380 г. Тогдашняя политическая ситуация заставляла новгородских летописцев обойти молчанием этот факт. Он получил со временем отображение в младших летописях Великого Новгорода. Памятники же его летописания XV—XVI столетий, сообщая об общерусских событиях — с использованием, в основном, летописных сводов Москвы, воспроизводили повествования о Куликовской битве, отлагавшиеся в московских источниках. Это были редакции повести, основанной на записи устного рассказа ее участника, далекого от симпатий к Новгородской республике. Однако наиболее значительные факты литературной истории этого важнейшего памятника связаны как раз с летописанием Великого Новгорода и отобразились именно в его летописных текстах.

Первостепенный источник достоверных сведений о Куликовской битве — Летописная повесть — существует, как известно, в нескольких разновидностях далеко не одинаковой полноты. Наиболее полный вид ее подробной редакции сохранился только в двух списках XVI и XVIII вв. Старший список — в составе Новгородской летописи Дубровского (далее: НЛД), младший — в составе Архивской летописи (прежде известной под неудачным названием Ростовской). Взаимоотношение этих летописей было выяснено А. А. Шахматовым.¹ Первая представляет собой Новгородский свод 1539 г., вторая — результат соединения его с Московским летописным сводом. В рукописи, содержащей Архивскую летопись, начиная с известий 1479 г. и до конца ее, находится текст НЛД, ранее — текст компилятивный, сходный с ней только в отдельных своих частях.² Одна из таких частей и представляет собой младший список полного вида подробной редакции Летописной повести о Куликовской битве. Архивский список ее непосредственно не зависит от списка Дубровского, восходя к общему с ним протографу. При дальнейшем изложении мной

¹ См.: Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

² См.: Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228.

используются оба списка, но предпочтение отдается старшему и, в основном, более исправному списку Дубровского (разночтения их в необходимых случаях оговариваются). Текстуальные особенности сохранившихся двух списков свидетельствуют, что их общий протограф представлял собой ветхую рукопись, в которой отдельные слова (а иногда и целые строки) уже не читались, а некоторые места при переписке могли быть ошибочно истолкованы.

Неизданный Архивский список используется по рукописи Российского Архива древних актов (РГАДА): ф. 181, ед. хр. 20, л. 361 об.—373 (далее: Арх). Список Дубровского недавно опубликован в составе рукописи, содержащей весь текст второй редакции НЛД.³ Он передавался изданием скрупулезно: выделены курсивом выносные буквы, скобками обозначены буквы, опущенные под титлами. Но само прочтение рукописи издательницей оказалось порой слишком субъективным, влияя даже на понимание смысла. В тексте Повести о Куликовской битве встретились два таких случая достаточно серьезных;⁴ есть и немало других примеров спорного прочтения, что побудило использовать список Дубровского непосредственно по рукописи РНБ, ОСПК, F.IV.238, л. 247 об.—259 (прежняя пагинация: л. 244 об.—256; далее: Дубр). Для сопоставлений этих списков с другими разновидностями Повести мною используется в основном недавнее научное их издание в академическом сборнике «Памятники Куликовского цикла».⁵ Принятого в нем способа передачи древнерусского текста я придерживаюсь и при цитировании упомянутых рукописей.

Названный сборник полезен не только и, может быть, даже не столько компактной публикацией самих произведений Куликовского цикла (многие из них издавались неплохо и прежде), сколько текстологическими примечаниями и историческими комментариями, где представлены результаты исследований, в значительной мере выполненных самими публикаторами. Что касается Летописной повести о Куликовской битве, то в примечаниях и комментариях, написанных главным образом В. А. Кучкиным, были предложены истолкование взаимоотношений основных ее редакций и современное понимание их исторической основы — в развитие начатого трудами С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова. Однако изучение Повести, как и других текстов этого цикла, конечно, продолжается и будет продолжаться. Уже совсем недавно появились использующие эту книгу исследования А. А. Горского и А. К. Зайцева.⁶ И их труды, и сам

³ См.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского / Подгот. текста О. Л. Новиковой; Подгот. приложения И. В. Легких и И. В. Федоровой // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 131—137.

⁴ В издании: «(С)и замолчас(я), знаян болших неподсекоша» — в рукописи: «И за мал час знамян болших не подсекоша»; в издании: «и побежени агаряне» — в рукописи: «о побезени агарян» (л. 255 и 256—256 об.).

⁵ См.: Памятники Куликовского цикла / Составители: А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин; Главный редактор Б. А. Рыбаков; Редактор В. А. Кучкин. СПб., 1998 (далее: ПКЦ).

⁶ См.: Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 248—263 (далее: Горский 2004) и др.; Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побойше» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // И. И. Троицкий и

упомянутый выше сборник вновь актуализировали вопросы, о которых мне довелось некогда писать в трех последовательных выпусках тогдашних академических сборников «Летописи и хроники».⁷

современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 30—44 (далее: *Зайцев* 2002).

⁷ См.: *Азбелев С. Н.* 1) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 164—172 (далее: *Азбелев* 1974); 2) Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). Начало // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 78—101 (далее: *Азбелев* 1976); 3) Окончание // Летописи и хроники. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 129—146 (далее: *Азбелев* 1981). Перечисление здесь этих публикаций вызвано необходимостью устранить историографическое недоразумение. В названных выше трудах В. А. Кучкина и А. А. Горского мне попались упоминания, смысл которых состоит в том, что мои результаты были тогда же опровергнуты М. А. Салминой. На ее возражения я не реагировал вследствие вполне очевидной для меня их несостоятельности по существу и несерьезности аргументирования. Впрочем, статья ее была пространна и вызывающе категорична, а напечатана оказалась не в разделе «полемика» (что соответствовало бы ее жанру), но открывала собой раздел «исследования» в томе «Труды Отдела древнерусской литературы» (секретарем редколлегии которых тогда была М. А. Салмина). Эти внешние обстоятельства, вероятно, способствовали тому, что, поскольку моего ответа в печати не появилось, некоторые коллеги впоследствии посчитали, что сделанные мне возражения были в основном оправданы, — не утруждаясь внимательным рассмотрением многословных и непоследовательных суждений М. А. Салминой. Приходится мне все же попутно этим заняться теперь — при дальнейшем обсуждении поднятых тогда вопросов. Начиная разговор о них, уже довелось критиковать более раннюю работу М. А. Салминой (похожего уровня), не уделяя ей слишком большого внимания. Следствием оказались обиженный тон и даже эмоциональные пассажи в реакции на мои статьи 1970-х гг. Ныне я принужден — рискуя злоупотребить терпением читателей — учитывать уже всю совокупность тех построений М. А. Салминой, результаты которых, как оказывается, не только ей представлялись успешно противостоящими выводам упомянутых моих работ. См.: *Салмина М. А.* 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.: Л., 1966. С. 344—384 (далее: *Салмина* 1966); 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 3—39 (далее: *Салмина* 1977). Показателями иногда беглого ознакомления упомянутых коллег с этими (и некоторыми другими) статьями могут отчасти служить библиографические ссылки. В комментарии В. А. Кучкина есть примечание: «М. А. Салмина ясно показала, что в списке Дубровского в статье 1380 г. была использована не московская княжеская летопись, а Сказание о Мамаевом побоище, подтвердив тем самым правоту С. К. Шамбинаго, а не А. А. Шахматова. — *Салмина*. 1977, с. 151—161» (ПКЦ. С. 45). Но статья М. А. Салминой 1977 г. вообще не содержит таких страниц (не содержит их и ее статья 1966 г.), а Шамбинаго и Шахматова в этом вопросе существенно не расходились, считая Повесть, дошедшую в списке Дубровского, материалом, который был использован Сказанием о Мамаевом побоище. В одном из примечаний А. А. Горского напечатано: «Мнение, согласно которому летопись Дубровского донесла древнейший рассказ о сражении <...>, убедительно оспорено М. А. Салминой, показавшей, что ее текст вторичен по отношению к тексту Новгородской IV летописи, которая была источником свода 1539 г. (*Салмина* М. А. Указ. соч. С. 6—22)» (*Горский* 2004. С. 253). Имеется в виду статья М. А. Салминой 1977 г. (предшествующую ее статью А. А. Горский не использовал), но в ней разговор о соотношении с летописью Дубровского завершается только на с. 29. В этой своей статье М. А. Салмина возражала на мои публикации 1974 и 1976 гг., не дождавшись окончания второй статьи, помещенного в следующем томе сборника «Летописи и хроники» (хотя о предстоящем печатании там этого окончания редакция четко уведомляла читателей тома 1976 г.). Выражая теперь согласие с возражениями М. А. Салминой, А. А. Горский называет одну мою статью 1974 г., а В. А. Кучкин — одну статью 1976 г. Судить о результатах спора, думается, следовало бы с учетом трех взаимосвязанных моих публикаций: 1974, 1976 и 1981 гг. При дальнейшем изложении я буду вынужден частично повторять аргументацию, в этих статьях уже приведенную, но, как представляется, ускользнувшую от внимания авторов некоторых недавних работ.

Напомню те из основных тезисов этого исследования, которые относятся непосредственно к Летописной повести о Куликовской битве. Произведение было основано на записи устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленной от них 5 или 6 годами. Оформление письменного текста, сохранявшее приметы его устного происхождения, произошло, очевидно, в 1386 г. в Полоцке — в окружении участника Куликовской битвы князя Андрея Ольгердовича. Литературная обработка записи отразила политическую обстановку того времени, что заметно повлияло на интерпретации сообщаемых фактов. Публицистическая окраска содержания Повести воспрепятствовала полному включению ее текста в летописные своды XV в., которые составлялись в иных политических ситуациях и отразились в ряде дошедших до нас памятников летописания. Краткая редакция Повести в своде 1408 г., отображенная Симеоновской летописью и Рогожским летописцем, представляет собой, по справедливому заключению А. А. Шахматова, лишь извлечение из подробной редакции. Гораздо меньшему сокращению Повесть подверглась в Новгородско-Софийском своде 1430-х гг. (далее: НСС), к которому восходят, согласно исследованиям А. А. Шахматова, Новгородская 4-я и Софийская 1-я летописи, а через их посредство — и ряд других (в большинстве трудов А. А. Шахматова, соответственно его первоначальному мнению, этот свод обозначался как «свод 1448 года»). Сопоставление упомянутых летописей с появившейся через 100 лет НЛД показало, что именно в ней сохранился полный первоначальный вид подробной редакции Повести. Это объясняется тем, что Новгородский летописный свод 1539 г., текст которого представлен рукописью Дубровского, привлекал материалы московского государственного архива.⁸

Находящийся в ней список Повести, как и список ее в составе Архивской летописи, отличается от текстов в летописях, восходящих к НСС, главным образом наличием трех существенных эпизодов. Только в НЛД описано подробно «уряжение» полков и назначение воевод перед боем: два фрагмента ее текста рассказывают о вступлении в битву находившегося в засаде «потаенного» полка, который возглавлял князь Владимир Андреевич Серпуховский; подробно сообщено, как после победы по его распоряжению отыскивали лежавшего без сознания великого князя Дмитрия Ивановича, и они вместе совершили объезд поля боя. Есть и гораздо менее существенные отличия.

⁸ В обеих статьях М. А. Салминой утверждалось, что пространная Повесть о Куликовской битве была создана как публицистический отклик на междукняжескую войну 30—40-х гг. XV в. — в связи с составлением тогда «свода 1448 г.», где впервые появился текст Повести, дошедший в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (Салмина 1966. С. 372—376; Салмина 1977. С. 5). Но совсем недавно это построение оказалось фактически дезавуировано новой статьей М. А. Салминой, где предложено датировать НСС уже не 1448 г., а серединой XVI в. — и соответственно пересмотреть связанную с ним историю летописания. Не владеясь здесь в общую оценку ошеломляющей новации (отвергнувшей и весьма компетентные палеографические датировки рукописей реально дошедших летописей), замечу, что она, видимо, озадачила даже ближайших коллег М. А. Салминой, которые эту ее статью напечатали лишь «в порядке обсуждения» (см.: Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 172—183).

С. К. Шамбинаго зафиксировал около 40 расхождений Повести в НЛД с текстом ее в Новгородской 4-й летописи, сочтя наиболее крупные из них результатом вставок, источник которых он не определил.⁹ По мысли С. К. Шамбинаго, «вставки понадобились для пополнения существенного пробела», так как «предыдущими редакциями Повести не были использованы все события, действительно имевшие место в описываемую битву»; рассмотрев эти отличия списка Дубр в главе, посвященной Сказанию о Мамаевом побоище, С. К. Шамбинаго вполне определенно высказался по поводу соотношения двух памятников: «Сказание 1 редакции, таким образом, пользуется тем видом Летописной повести, где историческая канва изложена наиболее полно».¹⁰

А. А. Шахматов в своем фундаментальном отзыве на труд С. К. Шамбинаго согласился с тем, что Повесть «явилась в конце XIV века»¹¹ — имея в виду именно пространную редакцию Летописной повести, при этом фактически как раз тот вид ее, который читается в списке Дубр. А. А. Шахматов возводил этот текст к несохранившейся Московской летописи. Он подробно сопоставил параллельные места списка Дубр и Сказания о Мамаевом побоище.¹² Вывод А. А. Шахматова был достаточно определенным: «Из этих общих со списком Дубровского мест заключаем, что Сказание имело в своем распоряжении Московскую летопись», которая, «судя по списку Дубровского, была богата именно фактическим содержанием в своей повести о Мамаевом побоище».¹³

Подытоживая свои выводы «относительно литературной истории Летописной повести», А. А. Шахматов писал: «Она составлена еще при жизни Дмитрия Донского, но не дошла до нас в первоначальном виде». «С одной стороны, она попадает в Московскую официальную великокняжескую летопись; с другой, ее помещают в общерусский митрополичий свод. Последний довольно точно передал текст Повести, быть может, лишь сократил в нем кое-что». «Из митрополичьего свода 1423 года Повесть переходит в Новгородский свод 1448 г.»¹⁴ (имеется в виду, естественно, НСС 30-х гг. XV в.).

⁹ См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 151—161 (далее: Шамбинаго).

¹⁰ Там же. С. 161.

¹¹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 119 (далее: Шахматов. Отзыв).

¹² См.: Там же. С. 173—174.

¹³ Там же. С. 174, 175. М. А. Салмина, не упоминая А. А. Шахматова, повторила все выявленные им и приводимые в его отзыве параллели, но — с противоположной целью: для иллюстрации своей мысли, что «составитель „Летописной повести“ списка Дубровского поновлял его и дополнял новыми материалами», обращая для этого, возможно, к «самому» Сказанию о Мамаевом побоище (Салмина 1977. С. 21). Для подтверждения она всюду ссылается на «Основную» редакцию Сказания, что особенно удивительно, так как в статье, напечатанной тремя годами ранее, М. А. Салмина настаивала на противоположном: по ее словам, «„Сказание о Мамаевом побоище“ Основной редакции было тесно связано с „Летописной повестью“, но эта связь предполагает влияние исключительно „Летописной повести“ на него» (Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 123).

¹⁴ Шахматов. Отзыв. С. 170.

Что касается Московской летописи, то, согласно А. А. Шахматову, помимо отдельных чтений, Повесть о Куликовской битве, бывшая в этой летописи, может быть преимущественно восстановлена «путем выделения вставок в текст Новгородской 4-й и 5-й летописей в списке Дубровского», а также «путем выделения текста Московской летописи из текста Соф[ийской] 1-й в своде 1480 года».¹⁵ Относительно последнего А. А. Шахматов писал, анализируя текст Повести по Архивской рукописи, что она «соединяет свод 1480 года с текстом Новгор[одской] летописи по списку Дубровского», и этим «объясняются все особенности содержащейся в ней повести о Мамаевом побоище» — она имеет «ряд вставок, общих со списком Дубровского и ведущих прямо к Моск[овской] летописи».¹⁶ Таким образом, очевидно, что, согласно мнению А. А. Шахматова, полный текст Повести, составленной еще при жизни Дмитрия Донского, существовал в официальной великокняжеской летописи. Текст, находящийся в НЛД, — результат внесения дополнений из нее в сокращенный текст митрополичьего свода 1423 г., представленного — через посредство НСС — Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями.

Перед тем А. А. Шахматовым был приведен обширный материал тщательных текстологических сопоставлений, результаты которых свидетельствуют, что в НЛД отразился общий протограф Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописей — протограф, предшествовавший общерусскому своду 1423 г. и существовавший уже в конце XIV в.¹⁷ А. А. Шахматов показывает, что Повесть, читающаяся в НЛД, в некоторых случаях совпадает или со всеми списками Новгородской 4-й летописи, или с их частью, со всеми или с частью списков Софийской 1-й летописи. К приведенному им материалу можно добавить, что есть и такие случаи, когда, совпадая с Новгородской 4-й летописью, текст Повести сходен одновременно только со списками старшей редакции Софийской 1-й летописи (например: «к великому князю Дмитрию Ивановичу *весть лестную*», «и князь литовский идет на тебя же со всею силою своею»).

А. А. Шахматов «с особенным вниманием» отметил «места, где чтение списка Дубровского оказывается более первоначальным, чем чтения как Соф[ийской] 1-й, так и Новгор[одской] 4-й».¹⁸

«Сюда относится, — писал А. А. Шахматов, — в особенности следующее место: в повести согласно по всем редакциям сообщается после описания битвы, что верные видели, как в 9 часу христианам помогали ангелы и полк святых мучеников, — воина Георгия и славного Дмитрия и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, среди которых был воевода „свершенного полка небесных сил“ архистратиг Михаил. Далее читаем в Новг[ородской] 4-й: „двои воеводы видѣша полци, тресолнечный полк; и пламенные ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ“. В списке Дубровского вместо этого: „Тако же и погании видѣша полки по воздуху парящих и

¹⁵ Там же. С. 173.

¹⁶ Там же. С. 139.

¹⁷ См.: Там же. С. 107—116.

¹⁸ Там же. С. III.

избивающее их немилостиво (здесь должно быть двоеточие. — С. А.) двои воеводы 3 солнечные полкы и пламенные их стрѣлы, яже идутъ на них“. Смысл этой последней фразы гораздо яснее: поганые (вероятно, названные при этом Половцами, что переделано в полци) видели двух небесных воевод и три полка с пламенными стрелами, шедших на них. Между тем в Софийской 1-й и Новгородской 4-й выходит, что двое воевод (московских?) видели это, причем дальнейшее „на нихъ“ не заменено более подходящим „на Татаръ“ или „на поганыхъ“. — Укажем еще на одно место: к словам, вложенным в уста Дмитрию перед самым сражением: „братие! Богъ нам прибѣжише и сила“ в списке Дубровского прибавлено: „и прочее псалма того“. Быть может, и это чтение более первоначально.¹⁹

По мысли А. А. Шахматова, основу Повести в НЛД составил текст, читающийся в Новгородской 5-й летописи, который «сверен и дополнен» по Новгородской 4-й летописи,²⁰ а также «исправлен и дополнен» на основании недошедшей Московской великокняжеской летописи.²¹

Эти выводы требуют некоторых уточнений. Из приведенных А. А. Шахматовым в качестве доказательства 10 общих особенностей Повести в НЛД с Новгородской 5-й летописью²² 7 должны быть отведены, так как они оказываются общими с Софийской 1-й или Новгородской 4-й. Остальные 3 чтения следующие: «хотя плѣнити хрестьянство» («христианъ» Новгородской 4-й летописи); «вса силы и рати» («всее силы и всех ратии» Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей); «в самый праздник Рожества святыхъ Богородица» («Госпожинъ» Новгородской 4-й

¹⁹ Там же. Не имея возможности опровергнуть эти важные указания А. А. Шахматова по существу, М. А. Салмина прибегла к фальсифицированию летописного текста и к искажению его смысла. В ее передаче заключительная цитата двожды выглядит как «и прочте псалма того» (*Салмина* 1977. С. 13), тогда как буквы «т» нет в рукописях: в списке Дубр написано «проче» с надстрочным «ч», в Арх — «прочее» (на листах, соответственно, 254 об. и 367 об. — см. фотоснимки в иллюстрациях). Дабы читатель статьи М. А. Салминой не усомнился в точности ее цитирования, «исправившего» цитирование этого места А. А. Шахматовым, она даже в скобках указала номер листа («251 об.») — не совпадающий с номером, реально стоящим на этом листе (отличная от современной старая пагинация, которой пользовалась М. А. Салмина, проставлялась только на каждом десятом листе). Великий князь мог на поле боя произносить псалом по памяти, но, конечно, не стал бы тогда читать его в книге. Обесмыслив текст искажением цитируемого слова, М. А. Салмина отказывается признать такое (случайное чтение первоначальным) ввиду отсутствия «доказательств». На искажении смысла основана и попытка опровергнуть первое указание А. А. Шахматова. По словам М. А. Салминой, «текст НЛД действительно испорчен перестановкой слов, но из СИЛ следует, что „полци“ — татарские, а воеводы — небесного воинства». В действительности и этот текст не менее испорчен, что было бы ясно, если бы вся фраза Софийской 1-й летописи оказалась процитирована: «Два воеводы вѣдѣша оканнии полци тресолнечныя полкы и пламенныя их стрѣлы, яже идутъ на нихъ» (ПКЦ. С. 38). Заменяя цитацию летописного текста не соответствующим его содержанию «пересказом», М. А. Салмина делает вид, что она возразила А. А. Шахматову (после чего пытается еще затемнить ясный смысл соответствующего фрагмента НЛД необоснованным его препарированием).

²⁰ *Шахматов*. Отзвѣв. С. 106.

²¹ Там же. С. 111; ср. с. 139.

²² Там же. С. 106.

летописи, «Рождества пречистыя» Софийской 1-й летописи).²³ Этого, конечно, недостаточно для вывода, что Новгородская 5-я летопись — основной источник Повести в НЛД. Последняя имеет ряд гораздо более существенных отличий от текста Новгородской 5-й летописи. Некоторые части Повести в НЛД, сходные с Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями, вообще не имеют соответствия в Новгородской 5-й летописи.²⁴

По-видимому, заключение А. А. Шахматова о Новгородской 5-й летописи как основном источнике Повести в НЛД связано с его замечанием, что гипотеза о пользовании «Новгор[одскою] 4-ю и Новгор[одскою] 5-ю летописями оправдывается текстом и остальных частей» рукописи Дубр. Но данная рукопись включает вторую редакцию НЛД. Редакция эта основана на соединении Новгородской 4-й летописи с первой редакцией НЛД, которая имела в числе своих протографов Московский свод 1491 г.²⁵ Последний в свою очередь был одним из протографов Новгородской 5-й летописи, что не раз показано А. А. Шахматовым.²⁶ Этим и объясняются черты сходства с Новгородской 5-й летописью летописного текста в рукописи Дубр. Влияние же Московской летописи именно на текст Повести о Куликовской битве в Новгородской 5-й летописи не раз отмечено А. А. Шахматовым специально.²⁷ Очевидно, что основу Повести в НЛД составил не текст этой Повести в Новгородской 5-й летописи.

А. А. Шахматов приводит ряд убедительных текстологических данных, свидетельствующих, что в НЛД отразился общий протограф Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописей — протограф, предшествовавший общерусскому своду 1423 г. и существовавший уже в конце XIV в.²⁸

2

Для дальнейшего изучения генетических взаимоотношений текста Повести по НЛД с другими летописями целесообразно дать сводку отсутствующего в Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописях материала Дубр.²⁹

²³ Здесь и ниже я цитирую тексты Повести в Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописях по изданию их в ПКЦ (с. 30—41 и 65—82).

²⁴ Сам А. А. Шахматов констатировал в других местах своего «Отзыва», что «в Новгородской 5-й находим более краткий вид повести, чем в Новгородской 4-й» (с. 96), что «повесть о Мамаевом побоище представляет в ней сокращенный текст Новгор[одской] 4-й летописи» (с. 130). Для сличения с Новгородской 5-й летописью я использовал список РНБ, собр. Погодина, № 1404-а, л. 582—589. Издание ее, осуществленное по этому и другим спискам, остановилось на тексте 1352 г. (ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1).

²⁵ См.: *Азбелев С. Н.* Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 277—283.

²⁶ См.: *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. С. 91—100 и ряд последующих его работ.

²⁷ См.: *Шахматов.* Отзыв. С. 113, 130, 135 и др.

²⁸ См.: Там же. С. 115—121.

²⁹ Слова, которых нет в параллельном тексте этих летописей, выделены курсивом. В скобках даются разночтения к выделенному по Новгородской 4-й и Софийской 1-й лето-

1. «...князь Андрѣи Полоцкии с полочаны...» («пльсковичи» в Новгородской 4-й, «пськовичи» в Софийской 1-й).

2. «...Мамаи ста за Дономъ со всѣми силами, возбужая и гордяся...».

3. «...и нача выход ему давати да и силу свою в помощь к нему присылати...» («слати» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й).

4. «...а друзи рѣша: „не ходити, понеже зело умножишася врази наша: не токмо татарове но и³⁰ литва, рязанцы“ — не хотяху ити за Дон».

5. «Мамаи же... смутися сердцемъ и умомъ...».

6. «Князю... пришедшу за Дон в поле чисто в Мамаеву землю на усть Непрядвы рѣки. И став ту князь велики по достоянню полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественнѣи вѣре самобратныи князь Ондрѣи и Дмитрей Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да князь Федор Романович Белозерскии. А у себя же имѣяше князь велики Дмитрей в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашию, да боярина же своего и воеводу Михаила Бряника, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А с правои рукѣ воеводы учини: князя Андрѣя Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондreja Федоровича Стародубскаго. В лѣвои рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложскаго. В сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Ивана сына Окинфовича да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружскаго, да Андрея Серкиза, шныя же свои полкы многи разрядив и воеводы учини. В западномъ же полку, в дубравахъ утаивъ благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича да с нимъ нѣкоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Вольнца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашиинского, да князя Романовича Новосилскаго. Исполчився, поидоша противу себе.³¹ Господь Бог един вождаше его...».

7. «...извлекоша оружия обоюдоустри в рукахъ ихъ, яко («и» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й.—С. А.) орли разбивахуся...» («сбирахуся» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й).

8. «Самъ же князь великии Дмитрей Иванович восхоте напередъ подвизатися: увидѣвъ окоянный полки татарския, наѣха напередъ в сторожевыхъ полцехъ на поганнаго царя Теляка, нареченнаго плотного дьявола Мамаи. Паче («таче» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й.—С. А.) потомъ,³² недолго попустя, отѣха князь велики в полкъ, по воеводы удержаша его, не даша ему напередъ своимъ полкомъ битися. А се, поиде великая рать Мамаева...».

писям. Из приводимыхъ примеровъ исключены те, которые состоятъ только в более полномъ итуловании князей (кроме одного особаго случая — № 15), а также несколько мелочей, не влияющихъ на смыслъ текста, и очевидные описки. Текст НЛД цитируется по рукописи Дубр. Вносимые при этомъ частныя поправки, а также существенныя разночтения списка Арх огорвариваются в сноскахъ.

³⁰ В ркп.: «из».

³¹ В Арх: «иноплеменникъ». Следующее за этимъ в Дубр развернутое обращение к Богу в Арх помещено перед выделеннымъ отрывкомъ.

³² В ркп.: «пом».

9. «И рече слово псаломъское: „братие! Богъ намъ прибѣжише, сила“ — и проче псалма того».

10. «...яко же сему великому князю Дмитрию Ивановичю всея Руси. И в те же поры хотише князь Владимир Андрѣевич своимъ полкомъ ударитися на агаряны, но Дмитрею Вольнецъ глаголаше ему: „поседи мало, господише, како будетъ время“ — понеже бѣаше³³ мудръ и храбръ, и искусенъ многожды ратному чину. Биюшемъ же ся имъ от 6-го часа и до девятого...».

11. «...каждо бо своего супротивника искаше победити. И за малъ часъ знамяи большихъ не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша.³⁴ При часъ же девятомъ глаголаше Вольнецъ князю Владимиру Андрѣевичю: „время ти, господише княже“. И тогда потаенныи полкъ, благородныи храбрыи братъ великого князя Владимиръ³⁵ Андрѣевичъ съ своими полки, удари на татары, и бысть съча велика, яко и земли движатися, а Дон река кровью протече, а главы аки камение ваяхуся³⁶ в дуброве. И рече къ собѣ Мамаи...».

12. «...призри Господь милостивымъ окомъ на родъ христианский и на вси князи руския и на крепкия воеводы...».

13. «...воина великомученика («великаго мученика Христова») в Софийской 1-й летописи.—С. А.) Георгия и славнаго великомученика Дмитрия...».

14. «...свершеннаго полку небесныхъ великий архистратиг Михаил. Тако же и погании видѣша полки по воздуху парящихъ и избивающе ихъ немилостивно: двои воеводы...».

15. «И вознесе Богъ десницу нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя³⁷ великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси на побѣду инаплеменнику».

16. «И то слышавше темныя его вси власти и князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша».

17. «Видевъ же то князь Владимиръ и шныи многие воеводы³⁸ (вместо подчеркнутаго: «христиане») в Новгородской 4-й и Софийской 1-й.—С. А.), яко татаровѣ с Мамаемъ побегоша и погнаша за ними...».

18. «И гоняща ихъ и бьюще до Мечи реки и до станов ихъ, и взяша все богатство ихъ и стада;³⁹ и тамо бежащихъ безчисленное множество погибоша; тогда же бѣ и руси избито множество. И тогда же возрадовашеся радостною великою благородныи и храбрыи князь Владимиръ Одрѣевичъ о

³³ В ркп.: «бѣ аще».

³⁴ В Арх после этой фразы вставлено: «Мнози же небывалцы москвичи видѣвшее то устрашишася и живота отчаяшася; тако же и сынове агарянстии мнози на бѣгъ обраташася от клича великого и от зрѣния злаго убийства». Это сокращенный вариант фразы, находящейся позже в Дубр и в другихъ летописях. В Арх она тоже есть и снабжена пометой «яко же выше речеся», заменившей в ее тексте слово «небывалцы».

³⁵ В ркп.: «Владимера».

³⁶ В ркп.: «вяляхуся».

³⁷ В Арх нет слова «царя».

³⁸ В Арх добавлено: «и вси полцы христианстии».

³⁹ В Арх после слов «Мечи реки» до этого места текст такой: «княжинъ же полки христианстии гоняще били ихъ до содомлянъ и до становъ ихъ и полониша богатства много, вся имѣния ихъ и стада татарския».

побежении агарян. И восстав повъле на костех трубити собранными трубами, и не обретоса тогда в собрании сам благородный и великий князь Дмитриеи Иванович. И оскорбеса тогда благородный князь Владимир⁴⁰ Андреевич и с ним оставши вои его. И повеле князь Владимир искати великого князя в трутня, жива или умерша, и глаголя: „Аще кто наидет первоначальника нашему спасению, сеи первыи будет“. И разидошася полцы по дубравамъ, и начаша искати великого князя. И никто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, Федор Сабур да Григоръи Холопичев, наидоша великого князя в дуброве под съченным древом, велми язвена лежаще. Падше⁴¹ повѣдаша ему, яко побежени быша агаряне: милостию Вседержителя Бога и твоимъ благороднымъ подвигомъ. И тогда приидоша к нему брат его князь Владимир Андреевич и вси вои его, падше пред ним⁴² и повѣдаша ему побежение агарян. И тогда благородный великий князь Дмитриеи Иванович встав и виде⁴³ брата своего князя Владимира и все воинство свое здраво, и погании побежени, и возрадовася духомъ зело, глаголя: „Слава тебе, Господи Вседержителю Боже и Творче всяческих, яко сотвори еси намъ сие по велице милости Твоеи, и не попусти врагомъ нашимъ концевъ одлѣти⁴⁴ за наша согрешения и помилова нас по велицеи Своеи милости“. Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ѳздити по побоищу. И наѳха тогда убитых воевод своих на побоищи. Тогда же на том побоищи...». В Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях вместо всего подчеркнутого: «и тамо бѣжащих бесчисленное множество побѣши, князи же полци гнаша съдомлян бьюще до стана их, и полониша богатства много и вся имѣния их и вся стада содомская» (цитировано по Новгородской 4-й).

19. «...мнози бо на той брани побѣены быша. А позанных агарян избитых не бѣ числа: по дубравамъ главы аки камение валяшеся. А самому же великому князю...».

20. «...силою литовскою и ляцкою...».

21. «Но мы сию побѣду оставльше и на предлежащее возвратимся». В Новгородской 4-й летописи вместо подчеркнутого «бесѣду» (в списке Карамзина — «бѣду»). В Софийской 1-й летописи этой фразы нет.

22. «Князь же великий... на костех татарских, утер поту своего с дружиною своею».⁴⁵

23. «Мамай не во мнозе убежа дружине и прибежа во свою землю (добавлено: «в мале дружине») в Новгородской 4-й и Софийской 1-й.— С. А.), видя себя бита...».

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, все это (за исключением, конечно, случаев явной порчи текста — № 7, 20 и нескольких сомнительных) должно признавать дополнениями и исправлениями, внесенными по московской великокняжеской летописи. Но тогда возникает естественный

⁴⁰ В ркп.: «Владимитримерь».

⁴¹ В Арх добавлено: «поклонилася ему и».

⁴² В Арх добавлено: «поклонилася».

⁴³ В ркп.: «воиде».

⁴⁴ В Арх добавлено: «насъ еже благоволил еси попустити на ны».

⁴⁵ В Арх вместо четырех последних слов: «лица своего».

вопрос: в каком соотношении находятся текст исправленный (т. е. Повесть в НЛД) и тот текст, на основании которого эти исправления и дополнения вносились? Примеры, идущие почти по всей Повести, заставляют полагать, что оба текста должны были быть приблизительно тождественны (по крайней мере по составу).

Основу этой части данной редакции НЛД составил текст Новгородской 4-й летописи. Но текст Повести в НЛД имеет несколько сот мелких различий с соответствующим текстом Новгородской 4-й летописи — даже если иметь в виду те списки ее, в которых Повесть ближе к НЛД. Трудно объяснить и это правкой текста Новгородской 4-й летописи по дополнительному источнику. Гораздо естественнее предположить обратное: Повесть была целиком выписана из дополнительного источника и сверена с замененным ею текстом Новгородской 4-й летописи.

Такое предположение подкрепляется наблюдениями над остальными частями НЛД. В нее включен ряд довольно обширных самостоятельных текстов. Большинство их дополняет текст Новгородской 4-й летописи, но некоторые — заменяют соответствующие его отрезки.⁴⁶ Эти дополнения, а в особенности состав заключительных частей НЛД, заставляют полагать, что составитель пользовался не только материалами новгородского происхождения, но и московским государственным архивом. Так, приведены текст духовной грамоты Василия Темного, обширное, явно официального характера повествование о походе Ивана III на Новгород в 1471 г., отчет о его же пребывании в Новгороде в 1476 г. Приведено обстоятельное повествование о последних месяцах жизни и кончине Василия III: «написанное современником», оно «позднее подверглось обработке», причем «текст этой переработанной редакции», попавший в состав Софийской 2-й летописи, имеет купюры, появление которых, видимо, обусловлено изменением политической ситуации.⁴⁷

Среди таких материалов мог храниться и первоначальный полный текст подробной Повести о Куликовской битве. Он не целиком был использован составителями официальных московских летописных сводов XV в., так как сообщал ряд хотя и существенных, но не вполне удобных для таких сводов подробностей (в особенности — о роли в битве князя Владимира Андреевича Серпуховского). Но в этом тексте находились два упоминания о воеводе Иване Родионовиче Квашне, что, вероятно, явилось одной из причин включения в новгородский владычный свод, к составлению которого имели близкое отношение Квашнины.⁴⁸

А. А. Шахматовым уже было показано, что в отрывках 9 и 14 текст НЛД является первоначальным. Удастся показать это и в отношении не-

⁴⁶ Эти вставки и замены были наглядно представлены во втором издании Новгородской 4-й летописи: ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 471—489.

⁴⁷ См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 390: «снято упоминание о Д. Ф. Бельском как опекуне малолетнего Ивана и об И. Ф. Овчине как об одном из бояр, сопровождавших тело покойного великого князя».

⁴⁸ Причастность Квашниных к составлению НЛД подробно обосновал А. Н. Насонов (см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 354—358).

которых других отрывков, если обратить внимание на использование литературных источников.

Первичность текста Повести в НЛД сравнительно с Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями видна и в отрывке 22. Здесь перед нами цитата из Паримийного чтения о Борисе и Глебе. Как установил А. А. Шахматов, оно послужило источником нескольких текстовых заимствований в Повести.⁴⁹ В этом источнике читаем: «Ярославъ же пришьдь и седе Киевѣ, утьрьь поща съ дружиною своею».⁵⁰ Последние три слова цитаты сохранились только в НЛД.

Другим источником Повести, как показал уже С. К. Шамбинаго, была Библия.⁵¹ Текстовая связь с нею прослеживается и в тех пассажах, которые составляют особенность НЛД. Так, в отрывке 5 отразилось выражение, дважды встречающееся в Евангелии от Иоанна — XIV, 1 и 27: «Да не смущается сердце ваше». В обширном фрагменте 18 дважды использовано Евангелие от Луки — X, 21: «Въ той часъ возрадовася духомъ» и XIII, 30: «И се, суть послѣдни, иже будутъ перви» (сходно и в Евангелии от Матфея — XIX, 30). В этом же тексте дважды использован Псалом L, 3: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей».⁵²

Особенно показательна связь НЛД с Житием Александра Невского. Оно было одним из главных пособий для составителя Повести, это отмечалось многими ее исследователями начиная с С. М. Соловьева. Посредством параллельных примеров С. К. Шамбинаго наглядно показал, что довольно многие обороты Повести использовали текст Жития.⁵³ По его мнению, была привлечена редакция Жития, составленная вскоре после 1380 г. и сохранившаяся текстуально в составе Софийской 1-й и Воскресенской летописей. Здесь не место касаться дискуссионной проблемы взаимоотношения редакций Жития Александра Невского. Заметим только, что оно послужило источником Повести не в том своем виде, какой сохранили Софийская 1-я и Воскресенская летописи. Более близким к Повести оказывается введенный в науку уже после работы С. К. Шамбинаго текст рукописи сборника Н. П. Лихачева⁵⁴ (далее: Лих). Так, в 1-м из приведенных С. К. Шамбинаго параллельных примеров «с князьми» есть в Лих и в Повести, но нет в Софийской 1-й и Воскресенской летописях. В 5-м примере в Повести, так же как в Лих, — «и рече», а в Софийской 1-й и Воскресенской летописях — «глаголя». В 15-м примере в По-

⁴⁹ См.: Шахматов. Отзыв. С. 120.

⁵⁰ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 121.

⁵¹ См.: Шамбинаго. С. 57, 78.

⁵² Первое сближение может быть взято под вопрос вследствие того, что в данном случае использование Евангелия является добавлением в цитату из другого источника. Остальные же примеры настолько бесспорны, что пространные выражения сомнений М. А. Салминой демонстрируют только безнадежность ее противостояния очевидному (см.: Салмина 1977. С. 16).

⁵³ См.: Шамбинаго. С. 66—71.

⁵⁴ Издан в кн.: Макицка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. [СПб.], 1913. [Тексты]. С. 126—137.

вести, как и в Лих, — «съ побѣдою великою», в Софийской 1-й и Воскресенской летописях порядок слов обратный.⁵⁵

Текстовые заимствования из Жития Александра Невского есть и в тех фразах Повести, которые читаются только в НЛД. При этом существенно, что источником заимствований оказывается опять-таки вариант Жития, близкий к тексту Лих. Так, для фрагмента 6 есть точная параллель в Лих: «Укрѣпився силою крестъною, *ополчися, поидоша противу себѣ*»; в других текстах Жития сходство более отдаленно (в Софийской 1-й и Воскресенской летописях: «поиде на нихъ»)⁵⁶.

Несомненно восхождение к Житию части отрывка 11. Ср. в Лих: «И бысть ту сеча зла и велика <...> яко же и морю померзшу *двигнутися*, и не бѣ видѣти леду, покрыло все *кровию*» (сходно в Софийской 1-й и Воскресенской летописях). Привлечение этого источника не ограничилось использованием подчеркнутых слов. Весь оборот НЛД «яко и земли двизатися», несомненно, навеян здесь Житием. В других памятниках сходство более отдаленно («земля тутнаше, горы и холмы трясахуся», «яко и земли потрятятся» и т. п.)⁵⁷.

⁵⁵ Текст Лих, будучи в целом, несомненно, ближе других к варианту Жития, использованному составителем Повести, вероятно, не был, однако, полностью этому варианту тождествен: в одном случае (у С. К. Шамбинаго это пример 12) чтение Повести, сходное с Софийской 1-й и Воскресенской летописями («бещисленное множество»), отлично от чтения Лих («бещисла»). По словам М. А. Салминой, мое сближение Повести с текстом Лих противостоит моей датировке, ибо «Житие Лих, согласно последнему исследованию о нем, датируется временем не ранее конца XV в.» (Салмина 1977. С. 17). Она отсылает к статье Ю. К. Бегунова 1976 г. Однако последняя оценка иная: точка зрения Ю. К. Бегунова «не получила убедительного текстологического обоснования» и «вопрос о взаимоотношении Лихачевской редакции с другими» и «о времени ее создания остается открытым» (Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 359). Доводы М. А. Салминой против сопоставлений с Житием Александра Невского особенно выделяются надуманностью и нелогичностью (Салмина 1977. С. 17—19). По ее словам, из приводившихся мной примеров (Азбелев 1974. С. 170—171) три «отпадают»; для первого и третьего такие же чтения есть в Троицкой летописи, а ее текст, по мнению М. А. Салминой, первичен. Но это мнение ею не доказано, а у меня во всех трех случаях речь идет не о тех фрагментах, которые указывают на первичность текста НЛД. По-видимому, М. А. Салмина не поняла, что эти примеры мною приводились только для подтверждения близости именно к Житию Лих параллелей, которые с иной целью приводил С. К. Шамбинаго. Второй из «отпадающих» примеров — это тоже параллель не моя, а С. К. Шамбинаго; сходство с Житием Лих М. А. Салмина в данном случае тоже не оспаривает, но оспаривает само «значение» параллели, которая, по ее мнению, «ничтожна» (имеется в виду небольшая протяженность). Субъективность такого «оценочного» довода дополнительно иллюстрирует невозможность для М. А. Салминой серьезно аргументировать свои возражения.

⁵⁶ Эту особенно показательную параллель М. А. Салмина фактически обошла, представив дело таким образом, будто значение имеет только слово «исполчися», и попытавшись затемнить наглядность примера уводящими в сторону деталями (Салмина 1977. С. 19). При этом она и здесь, и выше игнорирует оговоренные мной во второй статье (Азбелев 1976. С. 94 и др.) соотношения Повести в НЛД с соответствующими текстами Ермолинской и связанных с ней летописей, делая вид, что выяснение этих соотношений принадлежит ей.

⁵⁷ См.: Орлова А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 15—16. «Возражение» М. А. Салминой по поводу этой параллели основано на подмене тезиса. Указанную мной соотношенность 7 слов во фрагменте

Если считать, что текст в НЛД есть результат внесения дополнений в извод Повести, который сохранили Новгородская 4-я, Софийская 1-я и другие летописи, то придется, как видим, признавать повторное привлечение трех литературных источников. При этом нужно допускать, что из ряда весьма близких между собой разновидностей Жития Александра Невского был почему-то снова взят именно тот вид его, какой использовал составитель Повести.

Гораздо естественнее согласиться, что НЛД донесла Повесть в том составе, какой она имела до сокращения, произведенного в общем прозае Новгородской 4-й, Софийской 1-й и ряда других летописей. Это подтверждается и наличием в НЛД пассажей, текст которых первоначальнее соответствующего текста в упомянутых летописях. Но наиболее существенным подтверждением может служить единство содержания, прослеживаемое по всему тексту Повести в НЛД. Отсутствие каких-либо внутренних противоречий или нарушений логики повествования, отсутствие заметных текстологических швов и стилистическое единообразие противостоят гипотезе о позднейшем вставлении в текст Повести четырех крупных фрагментов и нескольких десятков мелких.⁵⁸

Жития и 7 слов в аналогичном по общему смыслу фрагменте Повести по списку Дубр М. А. Салмина не упоминает, а делает вид, будто вопрос сводится только к обороту «яко и земли двизатися», который встречается в Повести и в ином месте (*Салмина* 1977. С. 18). Но там он — в описании переправы русского войска через Дон, а в указанном мной фрагменте, как и в Житии, — при описании наиболее драматичного эпизода сражения, причем только в последнем случае аналогичны и общий смысл, и более пространный текст. В Повести этот оборот дополнительно подтверждает факт использования ею одного и того же литературного источника и в тех частях, которые сохранились в летописях, восходящих к НСС, и в тех, которые оттуда исчезли при сокращении полного первоначального текста.

⁵⁸ Удивительны доводы М. А. Салминой в защиту повторяемых ею не раз категоричных утверждений о вставном характере в НЛД крупных эпизодов, которые отсутствуют в тексте Повести, находящемся в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (*Салмина* 1977. С. 11—12). Относительно уречения полков вместо аргументации — субъективное мнение, будто завершающие этот фрагмент текста слова «Исполчився, поидоша противу себе» уже «обозначают начало битвы», тогда как описание ее следует «много далее». На самом деле отделяют описание битвы от упомянутых слов только выражение восхищения рассказчика решимостью ополчившегося великого князя и его краткая молитва перед боем. Мнение о вставном характере эпизода, повествующего о вступлении в бой потаенного полка, «аргументируется» кажущимся М. А. Салминой противоречием между начавшей этот отрывок текста фразой «великого князя велми язвнща и с коня збнща» и фразой, находящейся за пределами отрывка, где упомянуто, что, как обнаружилось, «весь доспѣх его бить на нем язвенно, но на телеси его раны не бысть никоже». Здесь, конечно, нет противоречия. М. А. Салмина могла бы знать, что слово «язвить» имело значение «ударить» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1644). Под ударами врагов великий князь упал с коня, но ранен не был, только доспехи оказались помяты. Тот же «аргумент» призван у М. А. Салминой подтвердить и ее мнение о вставном характере отрывка, где идет речь о поисках потерявшего сознание великого князя: его обнаружили «велми язвена лежаще», что, по убеждению М. А. Салминой, «противоречит данным этого же списка (и сведениям НИЛ и СИЛ), что великий князь ранен не был». Но и в этом эпизоде отнюдь не имеется в виду, что в результате татарских ударов Дмитрий Иванович лежал израненный: далее сразу же сказано, что очнувшийся великий князь, «встав» и «возрадовася духомъ зело», произнес благодарственную молитву, «целовав брата своего и вся оставшия его воеводы и воинство и нача ѣздити по побоищу».

3

Сохранившийся в НЛД полный извод подробной редакции оказывается полезен для прояснения некоторых вопросов, относящихся к происхождению и эволюции Повести.

Эпизод уряжения полков привлек пристальное внимание А. А. Горского. Он склоняется к заключению, что этот текст «опирался на ранний источник», который «скорее» был устным; «вероятнее всего, — полагает А. А. Горский, — фрагмент об „уряжении полков“ был составной частью предания о первых Квашниных». ⁵⁹ Опираясь на выявленную А. Н. Насоновым связь НЛД с интересами бояр Квашниных, А. А. Горский заключил, что «либо этот рассказ восходит к некоему письменному или устному источнику, связанному с родом Квашниных, либо он искусственно сконструирован при создании Свода 1539 г. на основе данных имевшихся у его составителей источников об эпохе Дмитрия Донского, с целью возвеличения заслуг Ивана Родионовича». ⁶⁰ Второе предположение автор справедливо считает менее вероятным, ибо «возвеличить Ивана Родионовича Квашню можно было, не прибегая к столь изощренной вставке». ⁶¹

Вопрос, однако, в том, когда был письменно зафиксирован ранний устный источник. Отсутствие в тексте имен ярославского и новосильского князей (сохранились только их отчества — и в списке Дубр, и в списке Арх) А. А. Горский склонен объяснять тем, что «во время создания Свода 1539 г.» имена эти «либо не читались в имевшемся у его составителя источнике об уряжении полков (если он был письменным), либо были забыты (если источником было устное предание)». ⁶²

За полтора столетия устной передачи кое-что могло бы, конечно, забыться. Но историческая достоверность сохранившихся имен и отчеств, подтверждаемая исследованием А. А. Горского, побуждает отвести предположение о забвении двух имен при сохранности их отчеств (забылись бы скорее отчества — как информация менее существенная). Гораздо вернее объяснить этот дефект текста ветхостью использованной составителем Свода 1539 г. рукописи, где к тому времени имена эти уже «не читались». А рукопись, естественно, могла быть ветхой, если содержащаяся в ней обработка устного текста относилась еще к XIV в. Следы ее ветхости можно усмотреть и в других местах. Вредящее пониманию смысла отсутствие в списке Дубр нескольких слов, сохранившихся в Новгородской 4-й летописи, С. К. Шамбинаго считал его случайным пропуском. ⁶³ Однако эти слова отсутствуют и в списке Арх, следовательно, они не читались уже в рукописи, являвшейся их общим протографом. Несколькими строками выше в списке Дубр, как и в списке Арх, нет второй половины фразы, сохранившейся полностью в Новгородской

⁵⁹ Горский 2004. С. 262—263.

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ Там же. С. 262.

⁶² Там же. С. 261.

⁶³ См.: Шамбинаго. С. 160. Ср. в Новгородской 4-й: «...таковую побѣду давшему на поганя, избавляющему» (ПКЦ. С. 80); аналогично — в Софийской 1-й (ПКЦ. С. 40).

4-й летописи, причем в следующей фразе, которая есть и в этих списках, вместо слова «бесѣду» или «бѣду» читается «побѣду», меньше подходящее по смыслу (см. выше пример 21).⁶⁴ То и другое можно объяснить ветхостью рукописи их общего протографа: край листа мог быть поврежден и частично утрачен.

Требует уточнения связь Повести о Куликовской битве с интересами бояр Квашниных. А. Н. Насонов выяснил, что некоторые из Квашниных «могли близко стоять к составителям свода 1539 года», могли даже «быть в числе составителей»; это подтверждают и сами тексты более ранних известий Свода, включивших ряд дополнений, «сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных».⁶⁵ Но можно ли отнести к таким дополнениям те части находящейся в Своде 1539 г. Повести, которых нет в летописях, восходящих к НСС? Фрагменты 10 и 11, повествующие о действиях «потаенного» полка, возвеличивают князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Вольнца и не имеют отношения к Квашниным, причем из текста видно, что именно удар этого полка решил исход сражения. Такие фрагменты не было никакого смысла вставлять в Повесть тому, кто заботился о ее пополнении с целью возвеличения Квашниных. Фрагмент 6 — описание уряжения полков — первые по порядку места отводит князьям братьям Ольгердовичам — «по божественѣи вѣре самобратным», а в конце называет «благороднаго и храбраго» князя Владимира Андреевича и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Вольнца. Без тенденции к возвеличению упомянут здесь пятым по порядку Квашнин: «А у себя же имѣяше князь велики Дмитреи в полку нѣкого боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка...». Фрагмент 18 — рассказ о финале битвы, где центральная фигура — «благородныи и храбрыи князь Владимир Одреевич». Тут, правда, сказано, что нашли великого князя «нѣкто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, Федор Сабур да Григорѣи Холопищев». Можно предположить, что слова о принадлежности двух костромичей к полку Ивана Родионовича добавлены составителем Свода 1539 г. (знавшим из Сказания о Мамаевом побоище, что этот воевода возглавил Костромской полк перед переправой через Оку). Но роль такой ремарки в тексте незначительна, и она не возвеличивает самого Ивана Родионовича. А пребывание его на поле боя в полку великого князя закономерно: «Иван Родионович действительно являлся одним из виднейших бояр Дмитрия Донского», — справедливо подчеркивает А. А. Горский, напоминая, что «в обеих духовных грамотах последнего он назван в числе свидетелей, причем одним из первых».⁶⁶ Таким образом выясняется, что нет причин

⁶⁴ В Новгородской 4-й летописи: «...токмо имени его <...> възвратимся» (ПКЦ. С. 80). В Софийской 1-й весь этот фрагмент текста опущен (ПКЦ. С. 40). Подробнее см. далее — в связи с мнением А. А. Шахматова.

⁶⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 357.

⁶⁶ Горский 2004. С. 263.

подозревать тенденциозность в упоминании Повестью Ивана Родионова среди предводителей русского войска на Куликовом поле.⁶⁷

Оправданно предположив ранее устное происхождение важных сведений, которые содержит только Повесть о Куликовской битве в НЛД, А. А. Горский, думается, напрасно попытался возвести их к преданию рода Квашниных. Причастность Квашниных к составлению НЛД вряд ли повлияла существенно на текст этой Повести, но само включение полного вида ее подробной редакции в летописный свод, конечно, отвечало их интересам.

4

Прежде чем говорить об устных источниках Повести о Куликовской битве, попытаемся уточнить время и обстоятельства появления ее письменного текста. А. А. Шахматов был убежден, что Повесть, несомненно, существовала в конце XIV в., так как заимствования из нее есть в «Слове о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», которое, по заключению А. А. Шахматова, было составлено в конце этого столетия. Появление Повести он считал возможным отнести к ближайшему времени после 1380 г., а именно — к 1381 или началу 1382 г., так как в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем.⁶⁸ Не станем рассматривать здесь заново «Слово о житии», которому позже было посвящено несколько специальных работ, причем авторы их в датировках между собой расходятся. Обратимся к другим данным.

Как справедливо отметил еще А. В. Марков, Повесть о Куликовской битве не могла появиться позже 1402 г., в котором умер рязанский великий князь Олег Иванович, поскольку о нем в Повести говорится с крайней степенью раздражения как о живущем, причем автор риторически обращается прямо к этому князю: «О, враже изменниче Олге!» (л. 248 об.—249) и грозит будущей расплатой: «придет ему день, великий день Господень в суд аду и ехидну!» (л. 248).⁶⁹ Каскады бранных эпитетов, с исключительной страстностью обрушиваемые составителем Повести на Олега Рязанского, помогают датировать ее и более точно. Такое произведение не могло появиться позже 1386 г., в котором Олег окончательно и «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно

⁶⁷ Иван Родионович фигурирует как один из главных воевод во всех редакциях и изданиях Сказания о Мамаевом побоище (см., например: ПКЦ. С. 159, 235, 272, 323, 354; Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238). Но М. А. Салмина отказывает в доверии Сказанию, ибо это «всего лишь литературный памятник». Не хочет она доверять, конечно, и Повести о Куликовской битве в Новгородском своде 1539 г.: она вообще сомневается, «участвовал ли Иван Квашня в Куликовской битве», и, соответственно, полагает, что Повесть в НЛД «составлялась специально для этого свода и создана, как и самый свод, лишь в 40-х гг. XVI в.», будучи обязана «тенденции <...> прославления рода Квашниных» (Салмина 1977. С. 20).

⁶⁸ Шахматов. Отзыв. С. 119—121.

⁶⁹ Ср.: Марков А. [Рецензия на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. 14. № 4. С. 435.

до конца жизни не имел серьезных недоразумений с Москвой и не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу. Обострения отношений с ним Дмитрия Донского и его сторонников имели место трижды: в 1380 г. — в связи с войной против Мамаю, в 1382 г. — в связи с нашествием Тохтамыша и особенно — в 1385—1386 гг. Тогда Олег, нарушив договор с Москвой, захватил и разграбил Коломну, насильно увел оттуда московского наместника и бояр, а карательный поход против Олега московских войск под начальством героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского окончился его поражением. Олег долго оставался глух к мирным предложениям со стороны Москвы. Скорее всего, именно это последнее обстоятельство имеет в виду автор Повести, когда характеризует Олега как «по-мраченному тмою грѣховною и не восхотѣвшю разумѣти» (л. 248 об.). Из контекста Повести, говорящего о событиях 1380 г., не видно, что именно не восхотел разуместь Олег: слова эти с ее содержанием прямой связи не имеют. Нарочитое подчеркивание Повестью военной доблести и боевых заслуг Владимира Серпуховского в 1380 г. было особенно естественно для сторонников Москвы в 1386 г., дабы сгладить впечатление от его неудачи в войне с Олегом.

Появление Повести вскоре после нашествия Тохтамыша маловероятно. Во-первых, горечь от самого события должна была отойти в прошлое, чтобы могло появиться сочинение, подобное Повести о Куликовской битве. Во-вторых, Олег Рязанский, показавший, как говорят летописи, путь войску Тохтамыша, получил тогда немедленное и двойное возмездие: земли его были разорены возвращавшимися татарами, а затем — московскими войсками, от которых «пущши ему бысть и тотарьския рати». ⁷⁰ Не было поэтому никаких причин возлагать надежды на грядущее возмездие Олегу. Довольно плачевным было, если верить летописям, и фактическое положение этого князя в 1381 г. — после Куликовской битвы. Сами же обвинения его в пособничестве тогда татарам (содержащиеся как раз в разбираемой нами Повести) уже давно представляются исследователям истории Рязанской земли сильно преувеличенными. ⁷¹ Думаем, что нет оснований совершенно отрицать двусмысленную позицию Олега в 1380 г., но, судя даже по самой Повести о Куликовской битве, реального участия его в войне против Москвы на стороне Мамаю не было, и крайнее негодование по адресу Олега автора этой Повести представляется в ней недостаточно обоснованным. Препятствует датировке ее составления 1381 или 1382 г. и тот факт, что литовский великий князь Ягайло называется в ней «поганым» (эпитет, прилагавшийся только к иноверцам). Так называть его могли лишь после того, как Ягайло перешел из православия в католичество, — в связи с Крестовым походом 1386 г. Таким образом, составление Повести вероятнее всего отнести к 1386 г. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что само изло-

⁷⁰ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 339.

⁷¹ См., например: *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 171—177; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 220—225. См. также: ПКЦ. С. 19.

жение событий в Повести несет признаки некоторой хронологической от них отдаленности: устный рассказ, составивший основу Повести, уже прошел, как увидим, стадию первичной фольклоризации, а для перечисления павших в 1380 г. использованы «книги животные» (т. е. синодики).

Есть и иные данные, помогающие уточнить обстоятельства появления Повести. Исследователи уже не раз обращали внимание на следующие ее фразы, сохраненные полностью в Новгородской 4-й летописи и некоторых других: узнав о поражении Мамаю, «Литва съ Ягаилом побѣгоша назад съ многуо скоростию, никим же гоними. Не видѣша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхутся и трепетаху, а не яко при нынешних временех, литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию бесѣду оставльше и на предлежащее възвратимся».⁷² С. К. Шамбинаго полагал, что это намек на какой-нибудь из набегов Витовта на русские княжества (в 1395 г. или позже).⁷³ А. В. Марков думал, что речь идет о событиях в Смоленске в 1400—1401 гг.⁷⁴ Однако в это время уже не могла появиться отмеченная самим А. В. Марковым «в высшей степени резкая характеристика Олега».⁷⁵ К тому же в смоленских событиях 1400—1401 гг. Олег Рязанский участвовал на стороне русского князя Юрия и успешно воевал против Литвы.⁷⁶ Этим отводится и предположение А. В. Маркова относительно Смоленска как места появления Повести.

5

Однако есть вполне достаточные основания думать, что Повесть о Куликовской битве (по крайней мере в своем первоначальном, не дошедшем до нас виде) появилась не в Москве или Московском великом княжестве, а именно в Западной Руси. Приведенный выше пассаж об издевательствах со стороны литвы следует сопоставить с предыдущим текстом. Весь этот отрывок Повести начинается так: «А отсель, от страны Литовския, Ягаило князь литовский приде со всею силою литовскою и ляцкою Мамаю пособляти» (л. 258).⁷⁷

⁷² ПКЦ. С. 80; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 117. А. А. Шахматов считал, что это место, опущенное в Софийской 1-й летописи, было еще в источниках НСС и в самом этом своде (*Шахматов*. Отзыв. С. 116—118). В НЛД фраза об издевательствах отсутствует, но следы авторского отступления остались: «...токмо имени его Литва бояхутся и трепѣтаху. Но мы сию побѣду оставльше и на предлежащее възвратимся» (л. 258—258 об.). Слово «побѣду» в данном контексте явно вторично, что свидетельствует о наличии в протографе НЛД текста, аналогичного тому, который сохранен в Новгородской 4-й летописи. Это обстоятельство ускользнуло от внимания А. А. Шахматова, который, по-видимому, считал, что в НЛД нет и последней фразы (см.: *Шахматов*. Отзыв. С. 116—117). В. А. Кучкин, не согласившийся с аргументами А. А. Шахматова, отнес появление этого текста к 30-м гг. XV в. (см.: ПКЦ. С. 86—87).

⁷³ *Шамбинаго*. С. 75—78.

⁷⁴ *Марков А.* [Рецензия на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. С. 436.

⁷⁵ Там же. С. 435.

⁷⁶ См., например: ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 184—186; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 231.

⁷⁷ Такой же текст в Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописях (опущены лишь слова «и ляцкою»).

Это «отсель» указывает, что Повесть составлена на русской территории, входившей в состав Литовского великого княжества. Если учесть особое внимание, уделяемое в Повести полоцкому князю Андрею Ольгердовичу как герою Куликовской битвы, то естественно признать местом ее составления Полоцк, — тем более, что незадолго до 1380 г. Андрей был изгнан оттуда Ягайлом, а вскоре после Куликовской битвы вновь утвердился в Полоцке и вел упорную борьбу против Ягайла, поддерживая тесные отношения с Дмитрием Донским.⁷⁸ Последнее в достаточной мере доказывается тем обстоятельством, что на московской службе находился сын Андрея Полоцкого Михаил (русская летопись называет его в этой связи «крепким воеводою великого князя»), который погиб как раз во время неудачного похода Владимира Серпуховского против Олега Рязанского в 1385 г.⁷⁹

Если связывать появление Повести с Полоцком, то особенно легко понять ее страстно-негодующий тон в отношении Олега. Так же легко объясняются и резкие характеристики Ягайла, и фраза о надругательствах со стороны Литвы. Как раз в 1385 и начале 1386 г. особенно обострилась борьба Андрея Полоцкого против Ягайла; тогда последний послал против Андрея литовское и польское войска, которые постепенно заняли отвоєванные Андреем русские земли и осадили его самого в Полоцке. Когда город после отчаянной защиты был взят, Андрей попал в плен, из которого освободился в 1389 или 1390 г. Безуспешно пытавшись вернуть Полоцк, он княжил некоторое время в Пскове и погиб в 1399 г. на р. Ворскле, помогая Витовту против татар.⁸⁰

В 1386 г. для полочанина вполне естественно было горько сетовать на Литву и вспоминать Дмитрия Донского в связи с событиями 1380 г. Разумеется, составление здесь Повести требовало определенной атмосферы книжной образованности. Вряд ли есть основания сомневаться, что это условие наличествовало во второй половине XIV в.: спустя еще 200 лет польско-литовского владычества, в 1579 г., Р. Гейденштейн, описывая взятие Полоцка Стефаном Баторием, отмечал, что «в глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей в ней было много сочинений греческих отцов церкви <...> все на славянском языке».⁸¹ Если Повесть появилась в среде, окружавшей Андрея Полоцкого, то автор, конечно, мог располагать подробными устными рассказами о войне 1380 г. самих ее участников. Все изложенные в Повести конкретные факты были, разумеется, известны самому князю и его ближайшим сподвижникам.

Составление Повести могло быть связано с вероятными тогда надеждами на получение помощи от Москвы. Может быть, не случайно автор ее не только называет Ягайло «поганым», но и подчеркивает, перечисляя воевод Дмитрия Донского, что «быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вере самообратныя князь Ондръи и Дмитрией Ол-

⁷⁸ Подробно по источникам см. в кн.: *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 163—168.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 86; Т. 25. С. 212.

⁸⁰ *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 167—170.

⁸¹ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 71.

гердовичи» (л. 253). Переход Ягайла в католичество, принятие им титула польского короля и уния Литвы с Польшей естественно побуждали его православных противников в Литве искать покровительства православной Москвы. Примечательно, что в НЛД Повесть говорит о победе на Куликовом поле «нашего государя христианского благовѣрнаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси» (л. 255 об.—256).

Не берусь утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте Повести XIV в. Может быть, кое-что добавил составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в самом ее источнике. В пользу этого говорит упоминавшееся «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», читающееся под таким заглавием уже в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях. Даже если принимать самую позднюю из обоснованно предлагавшихся датировок этого «Слова», то все же очевидно, что у составителя НСС 30-х гг. XV в. не больше было причин назвать Дмитрия Донского царем, чем у полочанина 80-х г. XIV в., надеявшегося на помощь Москвы против польского короля Ягайла. Отметим, что в рукописи, содержащей Троицкий список Новгородской 1-й летописи, перечень великих князей к имени Дмитрия Донского дает пояснение: «Тои бо Дмитриин съсвещася самодръжцемъ».⁸² Перечень составлен не позже 1434 г., так как оканчивается Юрием Дмитриевичем. Соотнося эти данные, еще А. А. Шахматов справедливо писал: «...есть основания думать, что Дмитрий Иванович именовал себя царем русским».⁸³

Для автора Повести о Куликовской битве, если он составлял ее в Полоцке в 1386 г., особенно естественно было назвать хотя бы один раз Дмитрия Донского царем, поскольку своего князя и его брата он один раз называет «великии князи Олгердовичи» (л. 250). Как известно, Андрей Полоцкий, являвшийся старшим братом Ягайла, соперничал с ним за титул великого князя литовского. Поэтому в условиях, когда Ягайло становился польским королем, оба титулования Повести могли отражать и расчеты на совместную политическую программу.⁸⁴

В пользу данного предположения свидетельствуют и некоторые другие чтения Повести. Говоря о сборе войск в 1380 г., она сообщает, что прибыл «князь Андрѣи Полоцкии с полочаны» (л. 250). Это воспринимается на первый взгляд как порча текста: в 1380 г. Андрей Ольгердович княжил в Пскове, соответственно чему в Софийской 1-й, Новгородской 4-й и других летописях вместо «полочаны» читается «псковичи». Однако на самом деле именно это, скорее всего, позднейшая поправка, основанная на сведениях о месте тогдашнего княжения Андрея: следы первоначального чтения сохранила не только НЛД, но и Русский хронограф,⁸⁵ и так называемые «сокращенные летописные

⁸² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 561.

⁸³ Шахматов. Отзыв. С. 110.

⁸⁴ В НСС, как это видно по Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописям, титулование Дмитрия Донского царем было опущено, но выражение «великие князи Олгердовичи» осталось.

⁸⁵ «Услышав же то князь Андрей Олгердовичъ Полотъскый со всеми полочаны прииде на помощь великому князю <...> и псковичи к нему же приидоша» (ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 414).

своды конца XV в.». ⁸⁶ Очевидно, что изгнанный из Полоцка Ягайлом в 1378 г. Андрей Ольгердович прибыл в Псков не один, а со своей полоцкой дружиной, которая была с ним и во время войны 1380 г. Указать на это было бы важно именно для автора, писавшего в Полоцке в 1386 г. Под впечатлением полоцких событий этого года могло появиться и дважды читающееся в НЛД ошибочное указание, что Ягайло отправился на помощь Мамаю «со всею силою литовскою и ляцкою» (л. 248 и 258): ⁸⁷ именно против Андрея Полоцкого была тогда послана Ягайлом «сила литовская и ляцкая».

Не исключено, что последний этап оформления Повести о Куликовской битве связан уже с Москвой или каким-нибудь из близлежащих центров книгописной работы: здесь изложение могло быть уснащено вставками из литературных источников, хотя по крайней мере часть их была, скорее всего, использована по памяти при самом составлении Повести. Может быть, здесь вставлен перечень убитых князей и «нарочитых» воевод — по синодикам. Но состав этого перечня позволяет думать, что включение его произошло еще в Полоцке, на основе попавшей после 1380 г. в тамошний синодик не очень тщательной выписки из синодиков московских: в перечень попали лица, убитые на самом деле не в 1380 г., а ранее, есть и имена, полного соответствия которым в реально сохранившемся синодике XIV—XV вв. не находится (подробнее об этом далее).

Повесть о Куликовской битве базировалась на фиксации устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленного от них 5 или 6 годами. Это — достаточная гарантия достоверности фактической основы Повести. Но оформление ее, а весьма вероятно, и предшествовавшая ему запись происходили в условиях большого накала политических страстей, что обусловило крайнюю тенденциозность в интерпретации некоторых фактов. Это мешало включению всей Повести в летописные своды, которые составлялись в иного рода политических ситуациях. В полном, как можно думать, виде Повесть вошла во вторую редакцию НЛД — приблизительно через 150 лет. Более или менее сокращенные тексты, попавшие в дошедшие до нас летописи предшествовавшего времени, эволюционировали затем вместе с окружающим летописным текстом, взаимодействовали с другими произведениями о Куликовской битве (и не только о ней). В задачу этой статьи не входит исследование всей литературной истории Повести. Необходимо, однако, коснуться некоторых узловых фактов, принципиально важных для датировки Повести и представлений о ее первоначальном составе.

6

За полтора столетия существования подробного извода Повести вне летописных сводов текст ее, как можно полагать, переписывался неод-

⁸⁶ «Услышав же то князь Андрей Ольгердович Полоцкий и приде <...> с всеми полоцканы и львовичи на помощь» (ПСРЛ. М.; Л., 1962, Т. 27, С. 252; ср. с. 332).

⁸⁷ В первом случае это чтение перешло и в другие летописи. Во втором случае было исправлено, очевидно, составителем НСС, так как слово «ляцкою» отсутствует в Новгород-

нократно: собирая материал для очередного свода, работавшие над ним лица делали списки используемых документов. Для дальнейшего свода переписывался не обязательно исходный протограф. В результате первоначальность отдельных чтений Повести о Куликовской битве в летописях не находится в прямой зависимости от того, насколько близок состав читающегося в той или иной летописи вида Повести к ее полному виду, дошедшему в НЛД. Некоторые чтения самой НЛД, несомненно, отразили позднейшие порчи текста вследствие ветхости оригинала. Редактор летописи, как видно, сверял использованный им полный извод Повести с ее сокращенным текстом в составе Новгородской 4-й летописи, которая была одним из источников этой редакции НЛД. Редактор Архивской летописи, передавая текст Повести, тоже, вероятно, сверял его с дополнительным источником. Впрочем, разночтения списков Дубр и Арх обусловлены не только этим, а и некоторой стилистической редакцией, плоды которой, местами ясно видные именно в списке Арх, далеко не всегда улучшают его текст.

Краткая редакция Повести, находящаяся в Симеоновской летописи, А. А. Шахматову одно время казалась первоначальной.⁸⁸ Но в своем отзыве на труд С. К. Шамбинаго он решительно согласился с противоположным выводом, к которому пришел С. К. Шамбинаго: как писал А. А. Шахматов, «автор справедливо указал, что повесть по Симеоновской летописи, которую я одно время был склонен признать древнею записью о Куликовской битве, не больше как извлечение из обычной повести».⁸⁹ «Повторяю еще раз, — писал далее А. А. Шахматов, — что я признателен С. К. Шамбинаго за его возражения против высказанного мною в 1901 г. предположения о том, что в Симеоновской сохранился зародыш повести, первоначальный краткий ее вид. С. К. Шамбинаго ясно доказал, что повесть по Симеоновской летописи извлечена из обширного вида повести».⁹⁰ В связи с тем, что в недавних текстологических комментариях ПКЦ обозначился возврат к точке зрения, отвергнутой А. А. Шахматовым столь категорически (и аргументированно), сопоставим еще раз Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи — при полном учете и Рогожского летописца, привлеченного обоснованно в ПКЦ (как передавшего, вероятно, в целом несколько точнее, чем Симеоновская, текст сгоревшей Троицкой летописи, где читался недошедший Свод 1408 г.).

ской 4-й и Софийской 1-й летописях (но сохранилось, например, в Ермолинской летописи, лучше передающей и некоторые другие чтения Повести). Видимо, упомянутыми выше обстоятельствами, при которых происходило составление Повести, объясняется и описка, давшая чтение НЛД «вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (л. 256), исправленная в летописях XV в.

⁸⁸ См.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65.

⁸⁹ *Шахматов.* Отзыв. С. 104; ср.: *Шамбинаго.* С. 81—83.

⁹⁰ *Шахматов.* Отзыв. С. 124. В напечатанной посмертно книге Я. С. Лурье присутствует очевидное недоразумение: ссылаясь на эти же страницы этих же работ Шахматова и Шамбинаго, автор заявлял, что «вывод А. А. Шахматова, поставленный под сомнение С. К. Шамбинаго, был убедительно подтвержден М. А. Салминой» (*Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 131—132). Она, как раз напротив, пыталась опровергнуть цитированный мною окончательный вывод А. А. Шахматова, где он согласился с Шамбинаго и отказался от своего прежнего мнения.

Описание войны с Мамаем 1380 г. в текстах названных летописей прилизательно в 10 раз короче, чем текст Повести в НЛД. Свыше двух третей рассказа о Куликовской битве в Симеоновской летописи (более 300 слов из 450) — вся фактическая часть текста — это монтаж цитат из полного текста, дошедшего в НЛД.⁹¹ Остальная часть текста Симеоновской — это наполовину стилистические обороты, почти не несущие реальной информации и тождественные оборотам находящегося в Симеоновской летописи чуть ранее описания войны с татарами 1378 г. (битва на р. Воже).⁹² Остающееся относительно небольшое количество слов — это главным образом союзы, частицы, местоимения и т. п.

Если допустить, что подробная редакция Повести есть распространенные текст, дошедшего в Симеоновской летописи, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком случае, равномерно читаться в составе подробной редакции. Однако этого нет. В ней отсутствуют как раз те обороты, какие на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествующим в ней же описанием битвы на р. Воже: «Се же слышавъ, князь великии Дмитреи Ивановичь, събравъ воя многъ», «и поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичю», поганые «побѣгоша, а наши послѣ» — все это в Симеоновской летописи под 1380 г. — точное повторение соответствующих оборотов, которые читаются там же под 1378 г., но без текстуального соответствия в подробной редакции.

В ней встречаются только такие аналоги совпадающего в описаниях 1380 и 1378 гг. Симеоновской летописи, которые представляют собой общераспространенные обороты и краткие стилистические клише, обычные для древнерусской письменности вообще: «поиде противу ихъ», «быюще и секуще», «в рецѣ истопоша», «гоними гнѣвом Божиимъ», «възвратися от туду», «с побѣдою великою», «многа користь» и еще несколько случаев, когда совпадают только отдельные слова. Этот материал в сущности нейтрален и позволяет к тому же думать, что составитель Свода 1408 г. мог воспользоваться такими клише, между прочим, и из бывшей в его распоряжении подробной редакции Повести, применив их в своем труде при описании не только Куликовской битвы, но и битвы на р. Воже.⁹³

⁹¹ Почти все текстуальные совпадения рассказа Симеоновской летописи с подробной редакцией перечислены М. А. Салминой, но, вопреки действительности, она пишет в другом месте, что совпадения эти «незначительны» (*Салмина* 1966. С. 358 и 361).

⁹² Прочитывая эти обороты, М. А. Салмина справедливо усматривает в них свидетельство того, что дошедшие в Симеоновской летописи описания Куликовской битвы и битвы на р. Воже писаны одним лицом — составителем свода 1408 г. (*Салмина* 1966. С. 356—357; ср.: *Салмина* 1977. С. 3—4), но она не ставит вопроса о том, перешли ли эти обороты и в подробную повесть, которая, как считает М. А. Салмина, основана на тексте свода 1408 г.

⁹³ Не касаюсь пока помещенных в этих и других летописях вслед за описанием Куликовской битвы известий о последующих событиях — столкновения Мамая и Тохтамыша, гибели Мамая и отправке русских даров Тохтамышу. Весь этот текст в Симеоновской летописи, кроме нескольких слов, соответствует тексту НЛД (а также Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей). Замечу, однако, что отсутствие в этом тексте резких выпадов против Олега не следует объяснять предположением, что текст Симеоновской летописи первичен. Все это повествование как в ней, так и в других летописях восходит, очевидно, к записям, появившимся в иной политической ситуации, чем сама Повесть о Куликовской битве. См. далее, в связи с мнениями С. К. Шамбинаго и В. А. Кучкина.

В изложении хода войны 1380 г. текст Симеоновской летописи, вследствие своей краткости, гораздо беднее фактами, чем текст НЛД. Но между этими текстами нет расхождений по существу — за исключением одного случая, который достаточно показателен. Приводим параллельные тексты, дав здесь же отрывок предшествовавшего описания в Симеоновской летописи войны 1378 г. Полу жирным шрифтом выделено то, что совпадает в обоих текстах Симеоновской, курсивом — то, что в НЛД совпадает с Симеоновской летописью.

Текст Симеоновской летописи заметно отличается от НЛД важным уточнением: «другую весть» о том, что Мамай ждет за Доном Ягайла, Дмитрий Иванович получил, «переехав Оку». В НЛД нет этих слов, а сама переправа через Оку там описывается подробно, но гораздо позже (чему нет параллели в Симеоновской). Можно было бы с одинаковым правом предполагать ошибку или в Симеоновской летописи, или в НЛД, если бы не параллель в той же Симеоновской под 1378 г. Ясно, что слова «и переехав Оку» были взяты составителем Свода 1408 г. из текста 1378 г. механически, так как оттуда же он только что выписал всю первую половину содержащей эти слова фразы. Монтируя обороты из своего описания битвы на р. Воже с краткими выборками из подробной Повести о Куликовской битве, составитель Свода 1408 г. не заметил, что произошло смещение фактов (так как весь последующий текст Повести, описывавший движение войск к месту боя, был им выпущен).

Симеоновская летопись		НЛД 1380 г.
1378 г.	1380 г.	
<p>Се же слышавъ, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравъ вои многы и поиде противу ихъ въ силѣ тяжцѣ, и переехавъ за Оку, вниде въ землю Рязанскую.⁹⁴</p>	<p>Се же слышавъ, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравъ вои многы, поиде противу ихъ, хотя боронити своея отчины, и за святыя церкви, и за правоверную веру христианскую, и за всю Русскую землю. И переехавъ Оку, прииде ему наклады другая весть, поведаша ему Мамайа за Дономъ събравшася, в полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягайла на помочь, рати литовския.⁹⁵</p>	<p>Поидемъ противу окояннаго сего и безбожнаго, и нечестиваго и тѣмного сыроядца Мамайа, за православную веру христианскую и за святыя церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы сушая <...> И поиде противу ихъ вборзе с Москвы, хотя боронити своея отчины <...> Прииде великому князю Дмитрею Ивановичю другая весть, и поведаша ему Мамайа за Дономъ и собравшася в полѣ стояща, и ждуща к собѣ на помочь князя литовскаго Ягайла с литвою, да егда соберутся вкупѣ и хотятъ побѣду сотворити со единого.⁹⁶</p>

Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем расширения текста, дошедшего в Симеоновской летописи, то нельзя

⁹⁴ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 127.

⁹⁵ Там же. С. 129.

⁹⁶ Дубр., л. 249 об., 250.

было бы объяснить, зачем слова «и переѣхавъ Оку» были опущены в этом ее известии, а само оно помещено много ранее описания переправы через Оку. Никаких оснований для такого изменения в текстах нет.

Среди использованных при оформлении Повести о Куликовской битве дополнительных источников, как уже говорилось, существенное место принадлежало Житию Александра Невского. Подробно писавший об этом С. К. Шамбинаго, правда, слишком увлекся в литературном сближении двух памятников.⁹⁷ Очевидно, что Повесть о войне 1380 г. и близкие ей по теме описания военных действий, попавшие в Житие, были основаны на фактах, во многом аналогичных. Кроме того, существовала, конечно, определенная традиция устных повествований о такого рода событиях. То и другое, отразившись в Житии и в Повести, само по себе обуславливало некоторое их сходство. А это уже в свою очередь побуждало составителя Повести к текстуальным реминисценциям из известной ему редакции Жития.

Существенно, что сходство с ним есть как в тех частях подробной Повести, которые не отражены в тексте Симеоновской летописи, так и в тех, которые совпадают в Симеоновской полностью или частично с подробной Повестью.⁹⁸ Следы влияния Жития в тексте Симеоновской летописи как раз своей малочисленностью и своей фрагментарностью подтверждают восхождение этого текста к подробной редакции Повести. Трудно допустить, чтобы Житие привлек сначала в очень малой степени составитель Свода 1408 г., а позднее составитель подробной Повести использовал ту же разновидность этого Жития для дальнейшего распро-

⁹⁷ Натянутость части его сопоставлений заметил еще А. А. Шахматов (*Шахматов*. Отзв. С. 122).

⁹⁸ Ср. у С. К. Шамбинаго на с. 66—71 его книги примеры 1, 10, 13, 14 и 15. Черты сходства рассказа Симеоновской летописи с Житием признает и М. А. Салмина. Она истолковывает это таким образом, что Житие Александра Невского повлияло в этих случаях на подробную Повесть о Куликовской битве через посредство краткого рассказа Симеоновской (см.: *Салмина* 1966. С. 366—367). Но в другом месте, противореча себе, она утверждает, что «никаких литературных источников» в рассказе Симеоновской летописи «не обнаруживается» (Там же. С. 356). По словам М. А. Салминой, в НЛД Повесть «буквально насыщена чтениями вторичного происхождения»; ею даже отысканы 11 случаев, где, как она считает, «текст списка Дубровского дѣтстот дальше от текста Троицкой, чем НЛД, СГЛ» (*Салмина* 1977. С. 8). Все это — микроскопические отличия, вполне объяснимые дефектностью ветхого протографа и небрежностями переписчиков. Текст списка Арх М. А. Салмина не использовала. Если его привлечь, то обнаруживается, что ее примеры 1, 2, 6, 7, 10 и 11 могут быть вообще исключены, так как этих отличий в Арх нет. Игнорируя мои текстологические доказательства вторичности краткой редакции, М. А. Салмина декларирует «несомненную», по ее мнению, «вторичность чтений пространной летописной повести» (Там же. С. 5). «Аргументами» служат мнимые неувязки в содержании. Так, например, в пространной редакции сообщено, что Дмитрий Иванович перед походом узнает об измене Олега Рязанского, а после битвы — что Олег посылал свою силу на помощь Мамаю. Второе известие перешло и в краткую редакцию, но М. А. Салмина считает «совершенно очевидным», что оно, напротив, «механически» из нее переписано в пространную (Там же. С. 4). Навязчивая безапелляционность в попытках представить бесспорными собственные — в действительности весьма уязвимые — доводы в особенно сильной степени пронизывает эту вторую статью М. А. Салминой, где она с отчаянной настойчивостью пыталась выполнить безнадежную задачу: защититься от обоснованной критики написанного ею в первой статье.

странения по нему тех же оборотов, какие почерпнул оттуда составитель Свода 1408 г.

Обратимся к перечню погибших в 1380 г.⁹⁹ Текст его в Симеоновской летописи гораздо короче, чем в НЛД.¹⁰⁰ Сокращая в 10 раз саму Повесть, составитель Свода 1408 г., естественно, сократил ее и в этой части. Он убрал указание на источник, пояснения писца и данные о соотношении числа убитых русских и татар.¹⁰¹ Он исключил читавшиеся в перечне ошибочно имена Дмитрия Монастырева, погибшего на самом деле в 1379 г., и Дмитрия Минича, убитого еще в 1368 г.,¹⁰² — может быть, на основе соответствующих известий собственного летописного текста. Но возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен сводчиком 1408 г. с бывшим у него под руками синодиком. В пользу этого говорит тот факт, что сокращено еще несколько имен, а остались только те, которые есть в дошедшем до нас синодике того времени, где отсутствует, однако, имя Пересвета, оставленное, вероятно, вследствие широкой известности его подвига.¹⁰³ Среди выпущенных в краткой редакции имен — «князь Федор Торуский и брат его князь Мстислав». Достоверность их подтверждается весьма относительно цитированным С. К. Шамбинаго поздним синодиком XVII в.:¹⁰⁴ при составлении его могла уже быть использована летопись. Гораздо более веским подтверждением явилась архивная находка А. Н. Кирпичникова, недавно подкрепленная результатами разысканий А. В. Шекова: в документах 1686—1688 гг. находятся относящиеся к тарусским князьям рос-

⁹⁹ Полный текст этого отрывка по Дубр: «Тогда же на том побоищи убыен бысть на оступе князь Федор Романович Белозерский и сынь его князь Иван, князь Федор Торуский и брат его князь Мстислав, и князь Дмитръи Манастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, сын тысяцкого, Михаило Иванов сынъ Окифювич, Иван Александрович, Андръи Серкиза, Тимофеи Васильевич Окачьевич нарицаемыи Волуи, Михаило Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Дмитрии Миничи, Александр Пересвѣтъ бывшии преже боярин брянский, и инии мнози, их же имена писана суть в книгах животных. Зде же не всѣх писах избьеных имена, токмо написах князен, бояр и воевод старѣиших и нарочитых. А прочих бояр и слуг оставих имена и не писах множества ради имен, яко число превосходит ми. Мнози бо на той брани побьены быша. А поганных агарян избитых не бе числа, по дубровам главы аки камене валяеся» (л. 257; аналогичный текст в Арх на л. 370—370 об.).

¹⁰⁰ Полный ее текст: «И ту убыени быша въ сумѣ князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскій, сынь его князь Иванъ Федоровичъ, Семень Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Михаило Ивановичъ Акинфювичъ, Андрей Серкизовъ, Тимофьи Волуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ Пересвѣтъ и инии мнози» (ПСРЛ. Т. 18. С. 130).

¹⁰¹ Судя по контексту НЛД, можно думать, что в странном выражении «число превосходить ми» последнее слово — результат искажения цифры μ , и (48 000), полустертой в дефектном оригинале. Из других летописных данных следует, что общее число погибших в 1380 г. со стороны русских было 100—160 тысяч. В московских поминаниях, составленных сразу после Куликовской битвы, 48 000 имен могло поэтому присутствовать.

¹⁰² См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 391; ПКЦ. С. 59.

¹⁰³ Насколько можно было судить по изложению М. А. Салминой, она полагает, что именно тот состав синодичной записи, какой представлен упомянутым выше дошедшим синодиком (текст публиковался неоднократно, приведен и ею), послужил непосредственным источником для перечня погибших в своде 1408 г. (Салмина 1966. С. 370). Но такому предположению мешает отсутствие в этом синодике имени Пересвета.

¹⁰⁴ См.: Шамбинаго. С. 73.

пись и выписки из родословной князей Волконских, которые «удостоверяют подлинное существование погибших в 1380 г. князей Федора и Мстислава — сыновей князя Ивана Юрьевича, основателей особых княжеских родов».¹⁰⁵

Так или иначе, очевидно, что в Симеоновской летописи — сокращение подробного перечня, сохранившегося в НЛД, а не в НЛД — распространение краткого перечня, читающегося в Симеоновской.¹⁰⁶ Невозможно допустить, чтобы составитель НСС (этот же перечень — в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях) стал вписывать в Повесть о Куликовской битве 1380 г. имена лиц, о гибели которых в летописных источниках этого свода говорилось под 1368 и 1378 гг. В Своде 1408 г. опускались не только имена, но и пояснения к именам оставленным. В подробной Повести говорится: «Микула Васильевич сын тысяцкого», «Тимофеи Васильевич Окатъевич нарицаемый Волюи», «Александр Пересвѣт бывши прежде боярин брянский»; в Симеоновской же летописи подчеркнутых слов нет. Гораздо естественнее объяснить и это сокращением, чем думать, что в НЛД перед нами добавления, внесенные составителем НСС через полвека после Куликовской битвы.

7

Существуют и другие данные, свидетельствующие, что описание Куликовской битвы в Симеоновской летописи отражает сокращение подробной редакции Повести.

¹⁰⁵ Кирьячников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 8. См.: РНБ, Эрмитажное собр., № 470, л. 40 об.: «После князя Ивана Тарусскими князьями были два брата князь Федоръ да князь Мстиславъ, которые въ 1380-м году, будучи съ великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ на Дону, убиты на Мамаевомъ побоищѣ». А. В. Шеков, внимательно исследовав этот вопрос, пришел к заключению «о реальности участия князей Тарусских в побоище на Дону 1380 г.» (Шеков А. В. Об участии князей Тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 190—191). М. А. Салмина сочла, что князь Федор Тарусский включен в Повесть о Куликовской битве ошибочно, так как есть летописное известие о гибели Федора Тарусского под Белевом в 1437 г. На этом основании она заключила, что «ранее 1437 года „Летописная повесть“ не могла возникнуть»: по убеждению М. А. Салминой, подробная Повесть «сложена где-то в промежутке между 1437 г. и временем составления „свода 1448 года“, куда она вошла уже в виде составной части» (Салмина 1966. С. 372). Резонно возражал на построение М. А. Салминой в своих примечаниях к Повести В. А. Кучкин: по его словам, «дело может объясняться» достаточно просто — «существованием в 1380 г. и в 1437 г. двух Федоров Тарусских, например, деда и внука», а само «присутствие тарусских князей на Куликовом поле не представляет собой ничего невероятного. Напротив, оно вполне естественно» (ЛКЦ. С. 59). Ранее к аналогичным заключениям приходил И. Б. Греков, более подробно рассматривавший этот вопрос (см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 444—449). Отпадает, таким образом, повод для странного предположения, будто летописец 30-х или 40-х гг. XV в. включил своего современника, убитого в 1437 г., в перечень павших на Куликовом поле в 1380 г. Лишается основы и «подкреплявшаяся» в сущности только этим предположением поздняя датировка подробной Повести о Куликовской битве — главный тезис М. А. Салминой в обеих ее статьях 1966 и 1977 гг.

¹⁰⁶ Говоря о других летописях, а не о Симеоновской, М. А. Салмина пишет, что «выпадение имен» из списка убитых довольно обычно «при общем сокращении текста повести» (Салмина 1966. С. 371).

Приведем важное соображение С. К. Шамбинаго: «При полном отсутствии упоминания об Олеге Рязанском, об его неприязненных действиях против великого князя неожиданно в конце Повести (краткой. — С. А.) находится рассказ о решении Дмитрия послать войско против Олега, о бегстве последнего и покорстве рязанских бояр — вполне соответствующий тексту Летописной Повести (подробной. — С. А.). Следующий непосредственно за этим рассказ о судьбе Мамаея также имеет с Летописной Повестью буквальное сходство. Присутствие этих распространенных эпизодов, в сущности второстепенных, при главном сжатом содержании, может указывать на позднейшее сокращение текста».¹⁰⁷

По данному поводу В. А. Кучкин пишет, что «отмеченную С. К. Шамбинаго особенность» надо объяснять «скорее всего сокращением в Симеоновской (ее протографе) более раннего и более обширного текста».¹⁰⁸ Несколько ранее В. А. Кучкин назвал «бесспорным» вывод «о старшинстве среди сохранившихся летописных повествований о Донском побоище версии, читающейся в Симеоновской летописи».¹⁰⁹ Поэтому он считает необходимым «отметить», что краткой версии «предшествовали не дошедшие до наших дней памятники», в которых «события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи».¹¹⁰

А. А. Шахматов был прав, когда писал, что «повесть по Симеоновской и Рогожской летописям составлена не по одному, а по двум источникам».¹¹¹ Как мы убедились, одним из этих источников была подробная редакция Летописной повести о Куликовской битве, вторым — находящийся ранее в тех же летописях рассказ о битве на Воже. Это ясно отобразилось не только в неоправданном перемещении упоминания о переправе через Оку. Есть текстологические «швы», о которых пишет В. А. Кучкин, согласившийся и с частью примеров, приведенных в данной связи А. А. Шахматовым. В. А. Кучкин обратил внимание на то, что в краткой редакции «дважды сообщается о бегстве полков Мамаея: „...а Мамаевы плъци погани побѣгоша“ и ниже: „побѣгоша, обратя плещи свои на язвы“».¹¹² Но первый оборот — часть фрагмента, перефразировавшего взятое из рассказа о битве на Воже, там читалось: «Татарове <...> побегоша за реку за Вою, а наши после за ними, быючи их и секучи и колючи»,¹¹³ в кратком же рассказе о Куликовской битве читается: «...а Мамаевы плъци погани побѣгоша, а наши после, быюще, съкуще поганых без милости».¹¹⁴ Второй оборот взят в краткую редакцию из подробной редакции Повести о Куликовской битве, там читается: «Татаровъ с Мамаем побегоша <...> обратиша плещи своя на язвы».¹¹⁵

¹⁰⁷ Шамбинаго. С. 82—83.

¹⁰⁸ ПКЦ. С. 15.

¹⁰⁹ ПКЦ. С. 12.

¹¹⁰ ПКЦ. С. 15.

¹¹¹ Шахматов. Отзыв. С. 125.

¹¹² ПКЦ. С. 14.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 18. С. 127.

¹¹⁴ ПКЦ. С. 9.

¹¹⁵ Дубр., л. 256. Ср.: Арх., л. 369.

Однако близкие повторы сходных оборотов — не обязательно результат соединения двух источников: причиной может быть сокращение подробной редакции, где, например, на значительном расстоянии и в неодинаковой связи упоминалось чистое поле — традиционный образ устных источников и даже живой речи. О бегстве Мамаея «въ малѣ дружинѣ» говорится при завершении рассказа о самой битве в краткой редакции, что действительно дублирует аналогичное упоминание в ее эпилоге, который взят почти дословно из подробной редакции. Этот повтор мог принадлежать самому автору краткой редакции, так же как и двойное упоминание о возвращении великого князя — в разной смысловой связи и разном текстовом выражении, при отсутствии каких-либо дополняющих фактических сведений. Двух последних случаев, думается, слишком недостаточно для предположения, что составитель краткой редакции использовал еще и какой-то третий источник, до нас не дошедший. Само предположение о недошедших памятниках, описывавших Куликовскую битву и повлиявших на краткую редакцию Повести о ней, представляется здесь излишним ввиду отсутствия данных о их фактическом содержании сверх того, что восходит к дошедшему тексту подробной Повести, читающейся в составе НЛД.¹¹⁶

В. А. Кучкин пишет, что в подробной редакции «излагаются две версии о гибели Мамаея. Одна заимствована из текста, представленного Рогожским летописцем и Симеоновской летописью. Она согласуется с восточными источниками и представляется достоверной». Так комментирована фраза Повести «...царь Тактамышь побѣди Мамаея и прогна его», введенная, по мнению В. А. Кучкина, «для соединения двух версий». Вторая версия — о гибели Мамаея в Кафе «впервые появляется в „Летописной повести“ (подробной. — С. А.) <...> Она противоречит первой и является, по-видимому, недостоверной. <...> Вероятно, весь рассказ о Мамае в Кафе, — указывает В. А. Кучкин, — построен на слухах, которые доходили до Москвы и других русских городов благодаря купцам-сурожанам, торговавшим с итальянскими колониями в Крыму».¹¹⁷

На непроверенных слухах могли основать свой рассказ составители Повести в ближайшие после гибели Мамаея годы. Но едва ли это могло

¹¹⁶ Но, как справедливо пишет В. А. Кучкин, протограф Рогожского летописца и Симеоновской летописи «не отвечает той характеристике, которую дала повествованию о Куликовской битве в Симеоновской летописи М. А. Салмина: „Рассказ Симеоновской летописи на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных «источников» в нем не обнаруживается“, что этот рассказ „композиционно стройный, не имеющий никаких следов более полного оригинала“» (даны отсылки к страницам статей М. А. Салминой 1966 и 1977 гг. ПКЦ. С. 14). По поводу необщественности некоторых полемических пассажей М. А. Салминой в связи с ее обращениями к Симеоновской летописи В. А. Кучкин пишет: «...оспаривая мнение С. Н. Азбелева о первоначальности фразы в Новгородской летописи Дубровского о приезде к Дмитрию Донскому рязанских бояр, М. А. Салмина указывает, что в первоисточнике этой летописи речь шла о приезде к Дмитрию не рязанских бояр, а рязанских князей. М. А. Салмина обосновывается при этом на тексте Симеоновской летописи (см. Салмина, 1977, с. 14). Однако в более раннем Рогожском летописце читается „бояре рязанстии“; в протографе Симеоновской летописи чтения „князи“ не было» (ПКЦ. С. 13).

¹¹⁷ ПКЦ. С. 62.

случиться на несколько десятков лет позднее самого факта и много позже фиксации истины о нем в краткой Повести составителем Свода 1408 г. (если считать, что к ней восходила распространенная Повесть, которую использовал в своем труде составитель НСС). В подробной редакции фактически нет двух версий: о гибели Мамаю в ней говорится один раз, и все сказанное здесь по данному поводу не содержит внутренних противоречий, представляя собой рассказ, состоящий из трех последовательных эпизодов. В Своде 1408 г. второй эпизод был выпущен, а к тексту первого добавлены слова «и убиша Мамаю».¹¹⁸ В Москве имели уже достоверную информацию о гибели его от рук воинов, посланных в погоню Тохтамышем, и ввели эти слова взамен основанного на слухах недостоверного эпизода первоначальной подробной редакции Повести (о предательском убийстве Мамаю кафинцами). Эта редакция была достоверна лишь в изложении фактов, имевших непосредственное отношение к Куликовской битве, так как основывалась на рассказе ее участника. Позднейшая краткая редакция, уточнив факт периферийный, допустила существенную неточность в изложении основных фактов (движение войск к месту сражения), так как была уже плодом литературного компилирования.

При необходимости можно будет продолжить подробное рассмотрение соотношений первоначальной редакции и редакции, дошедшей в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Пока это представляется излишним, так как важный тезис А. А. Шахматова и С. К. Шамбинаго, выводы которых в данном случае совпали, представляется в достаточной мере подтвержденным: краткая редакция Летописной повести о Куликовской битве основана на извлечениях из пространной редакции. Сколько-нибудь веских аргументов в пользу обратного соотношения мне неизвестно.¹¹⁹

8

Важное звено среди редакций этой Повести представляет ее текст в составе младшего извода Новгородской 1-й летописи. О нем писал уже А. А. Шахматов, разбирая труд С. К. Шамбинаго, а после комментариев

¹¹⁸ ПКЦ. С. 11.

¹¹⁹ Не были разобраны доводы М. А. Салминой, которые базируются лишь на субъективном прочтении текста или недоразумениях. Неверно, будто подробная Повесть отличается от текста в Симеоновской летописи тем, что в первой «рядом идут две стилистические системы: книжно-риторическая и летописно-документальная» (Салмина 1966. С. 360). То и другое (если принять терминологию М. А. Салминой) есть и в Симеоновской летописи. Присутствует в ней и то, что М. А. Салмина считает повторениями и «нарушениями плана», принадлежащими только подробной Повести (Там же). Нет оснований утверждать, что стилистическая «формула боя» в подробной Повести распространена сравнительно с текстом в Симеоновской летописи (Там же. С. 361). Столь же вероятно обратное, но последнее подкрепляется текстом Жития Александра Невского. Неверно, будто отсутствие в Симеоновской летописи цитат из других литературных источников Повести — свидетельство первичности ее текста в данной летописи (Там же. С. 359). Эти цитаты находятся в риторических пассажах Повести и должны были выпасть при сокращении, оставившем только самое главное из фактической основы Повести. Слабость ряда аргументов С. К. Шамбинаго, подробно обсуждаемая М. А. Салминой (Там же. С. 360—364), не послужила опровержению защищавшегося им тезиса (подтвержденного затем А. А. Шахматовым).

и примечаний В. А. Кучкина специальную работу посвятил этой редакции А. К. Зайцев, тоже рассматривавший ее в сопоставлении и с редакцией Свода 1408 г., а не только с редакцией, находившейся в НСС. Результаты их наблюдений позволяют теснее связать литературную историю Повести о Куликовской битве с общей историей летописания.

А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о битве в Новгородской 1-й летописи использовал три источника: в основе было сокращенное извлечение из НСС, дополненное, как «кажется», некоторыми чтениями, вставленными из несохранившейся редакции Новгородской 1-й летописи 1433 г., и испытавшее «влияние» Московской летописи, о котором можно судить «по вставкам, попавшим из нее в список Дубровского».¹²⁰ Основания для А. А. Шахматова явились главным образом частые упоминания князя Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем, характерные именно для рассказа о битве в Новгородской 1-й летописи. Большинство этих упоминаний не было в НСС, а одно даже является в тексте Новгородской 1-й летописи очевидной вставкой. Но А. А. Шахматов привел и довольно обширный сопоставительный материал отдельных чтений, основанный на придирчивом сличении привлеченных им летописных текстов и использованный в недавних работах.

По наблюдениям В. А. Кучкина, которые им продемонстрированы на параллельных текстах, «существование ряда общих чтений Новгородской 1 летописи младшего извода и Рогожского летописца свидетельствуют о том, что при составлении статей 1380 г. в протографах обоих памятников был использован общий источник, причем по-разному».¹²¹ Согласно выводам этого исследователя, «промосковская окраска рассказа о Донском побоище в Новгородской 1 летописи младшего извода, а также в Рогожском летописце, заставляет думать, что в них использована, вероятнее всего, статья московского летописного памятника, предшествовавшего своду 1409 г.».¹²² Оба тезиса представляются вполне обоснованными.

По достаточно аргументированному заключению А. К. Зайцева, «рассказ НИЛ на 12—13 лет старше», чем краткая редакция Повести о Куликовской битве в Своде 1408 г., причем «в середине 1390-х гг. существовало некое сравнительно пространное повествование о Донской битве», которое «в то время находилось в распоряжении новгородского летописца».¹²³ Как пишет А. К. Зайцев, это была «некая повесть о побоище на Дону, в основе которой лежал московский летописный рассказ», причем непосредственный протограф Новгородской 1-й летописи отличался «яркой „просерпуховской“ окраской». Автор связывает этот протограф «с так называемым „семейным летописцем Владимира Андреевича Серпуховского“» (отсылая к суждениям об этом летописце М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова). Согласно мнению А. К. Зайцева, «Повесть-протограф „О побоищи на Дону“, вероятнее всего, была создана в Мо-

¹²⁰ Шахматов. Отзыв. С. 127, 129.

¹²¹ ПКЦ. С. 26.

¹²² ПКЦ. С. 27.

¹²³ Зайцев 2002. С. 32.

скве и, учитывая промежуточную „просерпуховскую“ Повесть, может быть датирована 1380-ми гг.».¹²⁴

В итоге своей работы А. К. Зайцев соглашается с моей датировкой пространной Повести и даже приводит дополнительные аргументы в пользу отнесения ее создания к 1385—1386 гг. Но думается, что он неоправданно усложнил процесс ее формирования, который, согласно построению А. К. Зайцева, схематически предстает следующим образом.

1. Старейшим из дошедших летописных повествований о Куликовской битве «является текст Краткой летописной повести середины 1390-х гг.» в Новгородской 1-й летописи.

2. Протографом этой повести «и основным историческим источником Летописной повести» Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «послужила „Просерпуховская повесть“ о побоище на Дону».

3. «„Просерпуховская повесть“ восходила к московской „Повести-протографу“ 1380-х гг., основанной на тексте не дошедшего до нас раннего источника — московской летописной реляции о Куликовской битве, нашедшей также частичное отражение» в тексте Рогожского летописца и Симеоновской летописи.¹²⁵

Представление о реляции как основе «Повести-протографа» в статье А. К. Зайцева обоснования не получило.¹²⁶ Но много говорится о предполагаемой «Просерпуховской повести» и приводятся параллели между частями ее предполагаемого текста в составе Новгородской 1-й летописи, соответствующими частями текста Повести в Новгородской 4-й и соотносимыми фрагментами Рогожского летописца.

Весьма правдоподобная гипотеза М. Д. Приселкова о существовании частного летописца князя Владимира Андреевича была конкретизирована А. Н. Насоновым, который вычленил известия, связанные с этим князем, в составе сгоревшей Троицкой летописи.¹²⁷ Из содержания известий явствует, что это был именно семейный летописец, использованный в летописном своде по причине близости Владимира Андреевича к митрополиту Киприану, крестившему его сына вместе с троицким игуменом Сергием Радонежским в 1381 г. Но никаких данных в пользу предположения А. К. Зайцева о связи семейного летописания этого князя с появлением особой «Просерпуховской повести» о Куликовской битве в упомянутых известиях нет.

9

Однако «просерпуховские» словосочетания, наличие которых в Новгородской 1-й летописи подробно отметил уже А. А. Шахматов, требу-

¹²⁴ Там же. С. 36—37.

¹²⁵ Там же. С. 44.

¹²⁶ Третий вывод А. К. Зайцева оказался им опущен в позднейшей статье, где дается более развернутое изложение напечатанного в статье 2002 г. (Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 53).

¹²⁷ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 191; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 365—368.

ют, конечно, объяснения, и его естественнее всего искать как раз в близости князя Владимира Андреевича к митрополиту Киприану. Свод 1408 г. был оформлен через два года после его смерти, и удивительная краткость находящейся в этом своде редакции Повести о Куликовской битве обязана, конечно, не Киприану. Она — следствие нашествия Едигея. Повествование об этом бедствии, завершившее Троицкую летопись, не сочеталось бы с пространном описанием победы над татарами, которые только что как бы взяли реванш и в течение трех недель разоряли Русскую землю, грабили и жгли русские города, истребляли их жителей и увели толпы русских пленников. Подробную повесть о событии 1380 г. сочли здесь несвоевременной и наскоро смонтировали вместо нее короткий рассказ.

Но такая повесть должна была, конечно, присутствовать в предшествовавшем летописном своде, к которому даже отослал своего читателя (правда, в иной связи) составитель Свода 1408 г.: «...аще хощеша распытовати, разгни книгу Лѣтописецъ Великий Русьский». ¹²⁸ А. А. Шахматов писал, что это была «книга, содержащая общерусский свод, ибо что другое можно разуметь под „Великим лѣтописцем“? <...> свод этот был доведен до 1390 г., то есть до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода». ¹²⁹ Позднейшие работы были не так давно рассмотрены Г. М. Прохоровым, который разделил мнение А. А. Шахматова, ¹³⁰ а появившаяся впоследствии книга Л. Л. Муравьевой специально обсуждала соотношение Летописца Великого Русского (далее: ЛВР) с Троицкой летописью. По заключению Л. Л. Муравьевой, «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче». ¹³¹

Составленная в 1386 г. Повесть о Куликовской битве, естественно, должна была попасть в ЛВР. Киприановский летописный свод, передавая текст столь актуального тогда повествования, вряд ли не отразил бы хоть в какой-то мере личные симпатии и антипатии митрополита, до того дважды изгнанного из Москвы великим князем, которого после первого своего изгнания, за два года до Куликовской битвы, митрополит даже предавал проклятию. Но тенденция проявилась только в осторожном смещении акцентов, возвысившем значение князя Владимира Андреевича, что косвенно несколько приносило личные заслуги вели-

¹²⁸ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 439. Цитированная фраза — часть фрагмента реконструкции, документированного выпиской Н. М. Карамзина из сгоревшей рукописи.

¹²⁹ *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 9. С. 151.

¹³⁰ См.: *Прохоров Г. М.* «Лѣтописецъ Великий Русьский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. С. 67—71.

¹³¹ *Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV—начала XV века. М., 1991. С. 181.

кого князя. Наиболее показательный пример такой редакции отметил первым А. А. Шахматов. В Новгородской 1-й летописи читаем: «„Князь же великий Дмитрий, с братом своим с Володимиромъ, изрядивъ полкы противу поганыхъ Половецъ и възрѣвъ на небо умлныма очима, въздохнувъ из глубины сердца, рекоста слово псаломское“»; в Новг[ородской] 4-й и Соф[ийской] 1-й, вместо „с братомъ своимъ с Володимиромъ“, читаем: „съ всѣми князми Рускими“, а вместо „рекоста“ — „рече“, что согласуется с предшествующими „възрѣвъ“ и „въздохнувъ“.¹³² Указанные А. А. Шахматовым текстальные отличия от Новгородской 1-й летописи имеет и НЛД.

А. К. Зайцев, подсчитав, что из 6 случаев упоминания в Новгородской 1-й летописи великого князя Дмитрия 5 раз к нему добавлено упоминание его брата князя Владимира, по-видимому, не учел, что предпоследний из 5 отмеченных им примеров нельзя отнести к «просерпуховским» изменениям, так как он (и только он) соответствует тексту летописей, восходящих к НСС. Но именно здесь летописи, восходящие к Своду 1408 г., заменяют упоминание Владимира Андреевича «прочими князи Русскими».¹³³ Из 4 остающихся случаев 3 — в составе фрагментов, не имеющих параллелей в тексте Симеоновской летописи. Соотнесется с ее текстом первый пример — самое начало Повести в Новгородской 1-й летописи: «В то же лѣто, мѣсяца августа, придоша вѣсти из Орды к великому князю Дмитрею и брату его князю Владимиру, яко же въздвизается на крестианы измаилтеиский род поганый».¹³⁴ В Симеоновской, как и в других летописях, эта фраза не содержит упоминания князя Владимира. Но нет его и в предыдущей фразе Симеоновской летописи (начинающей в ней текст Повести), где сообщается, что Мамай «поиде на великаго князя Дмитрия Ивановичя», хотя аналог этой фразы в НЛД и в Новгородской 4-й летописи дает чтение «и на брата его князя Володимира Андрѣевича».¹³⁵ Таким образом, выясняется, что составитель Свода 1408 г., везде опустивший упоминания князя Владимира, исключал его и из текста, восходившего к первоначальной Повести, и из добавлений, читавшихся в тексте ЛВР. Новгородский же летописец, напротив, заботливо сохранял пассажи, косвенно умалявшие роль великого князя (сохранял даже при явных редакционных сокращениях окружающего текста ЛВР), что было естественно на фоне тогдашних отношений между Москвой и Новгородом.

10

В. А. Кучкин, обоснованно возражая против мнения Я. С. Лурье о зависимости рассказа о Куликовской битве в Новгородской 1-й летописи от НСС, справедливо указал, что списки Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «не содержат целого ряда чтений, которые в Новго-

¹³² Шахматов. Отзыв. С. 129. Ср.: Зайцев 2002. С. 36.

¹³³ Ср. сопоставление текстов: Зайцев 2002. С. 35.

¹³⁴ Здесь и далее см. тексты: ПКЦ. С. 9—10 и 22—23.

¹³⁵ Дубр., л. 248. Аналогично: Арх., л. 361 об. и ПКЦ. С. 65.

родской I летописи совпадают с Симеоновской». ¹³⁶ Он внимательно процитировал случаи совпадений текста Повести в Новгородской I-й с текстом ее в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. ¹³⁷ Если сопоставить эти примеры с соответствующими им местами в текстах Новгородской 4-й и Софийской I-й летописей, то легко убедиться в наличии упомянутых им разночтений (иногда достаточно существенных).

Все это подтверждает тезис исследователя о восхождении текстов в Новгородской I-й и Симеоновской к общему протографу, использованному в них по-разному, но не подтверждает мнения, что «рассказ Новгородской I летописи был использован составителями Новгородско-Софийского свода». Упомянутая автором в данной связи фраза о москвичах-небывальцах, которые «видѣвше множество рати татарской, устрашишяся и живота отчаявшяся, а инии на бѣгы обратишяся», помещена в Новгородской I-й летописи не там, где ее приводят НЛД и летописи, восходящие к НСС. Новгородский летописец, редактируя (а не только сокращая) текст ЛВР, поместил этот пассаж не за описанием драматичного эпизода битвы, а перед устройением русских полков до начала сражения. Изменению подвергся и самый текст фразы: вместо «то видѣвше» — «видѣвше множество рати татарской». ¹³⁸ В результате усугубился обидный для этих москвичей смысл: они обращаются в бегство, испугавшись одного только вида вражеского войска. Впоследствии такую «антимосковскую» тенденцию попытался не без успеха нейтрализовать составитель Новгородской Большаковской летописи (где текст Повести, в общем сходный с Новгородской I-й, содержит и другие редакционные отличия). В ней читаем: «Наши же мнози небывалцы, видѣвше множество поганыхъ тотар, устрашишяся, но помянуша слово, реченное пророком <...> аще не Богъ предасть их». ¹³⁹

В тексте Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, на самом деле отсутствует «нелогичный переход от описания ощущения Мамаем своего поражения к описанию бегства москвичей-небывальцев». ¹⁴⁰ Оно следует в Повести не за сетованиями Мамаея (в которых еще нет ощущения своего поражения — об этом идет речь значительно позже), а за помещенной после них сентенцией самого автора Повести: «Что намъ рѣщи или глаголати, видяше злострасную сию смерть? Инии же мечемъ пресекаеми бываху, а инии сулицами прободаеми бываху, инии же на копияхъ взираеми бываху». ¹⁴¹ Непосредственно предшествует в Повести НЛД и этой сентенции, и горестным восклицаниям Мамаея описание наиболее драматичного этапа битвы, когда в результате удара «потаенного» полка князя Владимира Андреевича «бысть съча велика, яко и земли двизатися, а Дон река кровью протече, а главы аки каменея валя-

¹³⁶ ПКЦ. С. 24.

¹³⁷ См.: ПКЦ. С. 25—26.

¹³⁸ Ср.: Дубр., л. 255 об.; Арх., л. 368; ПКЦ. С. 22, 37, 76.

¹³⁹ *Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 358.*

¹⁴⁰ ПКЦ. С. 25.

¹⁴¹ Дубр., л. 255—255 об. Ср.: Арх., л. 368 об.; ПКЦ. С. 37, 76.

хуся в дуброве». ¹⁴² Как раз тогда и было от чего «устрашиться и живота отчаяться» московским «небывальцам». Согласно тексту Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, в тот момент не меньше испугались татары: «А иные сыны агаряны на бег устремишася от клича велика, зрящее злаго убиинства». ¹⁴³ В Новгородской 1-й летописи нет фразы об испуге и бегстве татар. Сопоставление одинокого пассажа этой летописи о «небывальцах» с рассмотренным только что комплексом взаимосвязанных фрагментов НЛД, Новгородской 4-й и Софийской 1-й свидетельствует о невозможности возводить тексты Повести в этих летописях к тексту ее, находящемуся в Новгородской 1-й. ¹⁴⁴

Этот текст восходит, очевидно, к Киприановской обработке подробной редакции Повести. Киприановская обработка читалась в составе ЛВР. Он и был использован новгородским редактором, из рук которого вышла краткая Новгородская редакция Повести, попавшая в текст Новгородской 1-й летописи младшего извода. Эта редакция явилась результатом препарирования извлечений из Киприановской обработки подробной Повести. Тот же источник послужил материалом для составителя Свода 1408 г., который, по-видимому, спешно сформировал краткую Московскую редакцию Повести, оснатив свои выборки из подробной Повести, находившейся в составе ЛВР, использованием близкого по теме рассказа о битве на Воже в той же Троицкой летописи (см. выше, с. 257).

11

Согласно А. А. Шахматову, к 1423 г. относилось составление Свода митрополита Фотия, который по охвату материала и разнообразию источников значительно превосходил ЛВР митрополита Киприана. М. Д. Приселков (датировавший этот свод 1418 г.) отмечал, что составитель «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения». ¹⁴⁵ Мы не знаем, целиком ли входила в ЛВР Повесть о Куликовской битве, дошедшая до нас в составе НЛД, но Свод митро-

¹⁴² Дубр, л. 255. Ср.: Арх, л. 368—368 об.

¹⁴³ Дубр, л. 255 об. Ср.: Арх, л. 368 об.; ПКЦ. С. 38. 76.

¹⁴⁴ С этой достаточно спорной, на мой взгляд, гипотезой связаны несколько периферийных тезисов В. А. Кучкина, в частности не подкрепленное примерами утверждение, что «характерная черта „Летописной повести“ в Софийской I летописи — постоянное упоминание при имени Дмитрия Ивановича его двоюродного брата князя Владимира Андреевича» (ПКЦ. С. 47). На самом деле эта черта характерна для Повести в Новгородской 1-й летописи, но не в Софийской. В последней таких упоминаний меньше даже, чем в Новгородской 4-й летописи. В обеих последних летописях, как правило, бывает назван один Дмитрий Иванович.

¹⁴⁵ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 207.

полита Фотия включил ее всю. Во всяком случае, таково было мнение А. А. Шахматова уже в 1901 г. — еще до появления труда С. К. Шамбинаго и за 10 лет до публикации отзыва на него, принадлежавшего А. А. Шахматову. Характеризуя состав Свода митрополита Фотия, он писал, что «в летописный свод впервые в 1423 году» было внесено «сказание „О побоище иже на Дону и о том, как князь великий бился с ордою“», которое, очевидно, было «составлено еще в XIV столетии». А. А. Шахматов уже в то время считал, что «наиболее близко к первоначальной редакции», попавшей в свод, «сказание это сохранилось в Новгородской 4-й, Софийских 1-й и 2-й, а также Ростовской Архивской летописях».¹⁴⁶ В Новгородской 4-й летописи Повесть о Куликовской битве читается именно под тем заглавием, какое привел А. А. Шахматов, а текст в Архивской летописи — это единственный в то время известный текст Повести по НЛД. Следующим этапом был НСС 1430-х гг.

По текстам Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей видно, что НСС в наименьшей степени сократил Повесть. Остались в ней даже выпады против Олега Рязанского. В 1430-х гг. были для этого основания, так как тогдашний рязанский князь Иван Федорович заключил союзный договор с Витовтом, а несколько позже — с врагом Василия Темного Юрием Дмитриевичем Галицким, и только в 1447 г. признал зависимость от Василия Темного, обязавшись, как и предшествовавшие князья Рязани, не помогать Литве и татарам. Но в НСС было опущено все, что могло хоть в какой-то мере быть истолковано в ущерб престижу Дмитрия Донского, — даже реальные сведения о выдающейся роли в 1380 г. его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Это естественно обусловлено происходившей в то время ожесточенной борьбой прямых наследников Дмитрия Донского за единовластие и за введенный им порядок престолонаследия. В связи, очевидно, с событиями того времени был выпущен и подробный перечень воевод перед описанием боя: потомки их не могли находиться в одном политическом лагере в 30-х гг. XV в.

Впрочем, некоторые сокращения не были связаны с соображениями этого рода: составителью показалась неуместной после фразы о видении русским Бориса и Глеба фраза «Тако же и погани видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно» (см. выше, пример 14). Из-за пропуска оказалась неувязка, так как по смыслу следующей, оставленной, фразы речь идет все еще о видении татарам. Упоминание множества избитых врагов, оказавшееся рядом со вставкой по синодику, было, очевидно, сочтено в таком соседстве также неуместным (пример 19).

Главная ценность текста Повести о Куликовской битве по НЛД в том, что он представляет собой извод памятника не только наиболее ранний, но и наиболее полный в отношении фактической его основы. Исключив из текста все, что является результатом литературной обра-

¹⁴⁶ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. 1901. С. 65.

ботки, можно было бы представить с достаточной степенью приближения повествование участника событий.¹⁴⁷

12

В основе это была именно запись устного рассказа, а не письменное сочинение, созданное опытным книжником, хотя бы и по личным воспоминаниям. Очевидцу, а тем более — непосредственному участнику драматических событий, определявших и его личную судьбу, не удастся, как правило, везде выдерживать строгую последовательность в рассказе о них — даже спустя несколько лет. В таком рассказе неизбежны повторы, в частности — неоднократное использование образов, малосущественных своим фактическим содержанием, но эмоционально насыщенных.

Характерный пример этого в тексте Повести, сохранившемся в НЛД, — двукратное использование оборота, который даже перешел затем из Повести в «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича»: «главы аки камение валяхуся в дуброве» (пример 11), «по дубровамъ главы аки камение валяшеся» (пример 19). Вид множества отрубленных вражеских голов, валяющихся подобно камням после конной атаки «потаенного» полка, был, очевидно, настолько впечатляющим, что рассказчик упомянул об этом дважды — в разных местах своего повествования. В «Слове о житии и преставлении» рассказ о Куликовской битве содержит всего несколько фраз, основанных на тексте Повести, но включает ее оборот «главы татарьскы аки камение валяшеся».¹⁴⁸ Существенно, что этот образ есть только в тех частях Летописной повести, которые составляют принадлежность НЛД, но его нет в сокращенном тексте летописей, восходящих к НСС. Следовательно, Елифаний Премудрый (наиболее вероятный автор «Слова») имел уже в своем распоряжении тот полный текст Повести, который читается в НЛД.

А. А. Шахматов, внимательно отмечая случаи смысловых шероховатостей в Летописной повести, склонен был объяснять их предполагаемым соединением в ней нескольких источников.¹⁴⁹ Аналогично их объясняют и современные исследователи, хотя необходимо в подобных случаях учитывать особенности устной традиции. При достаточном учете этого важного фактора и опираясь, прежде всего, на труды А. А. Шахматова, можно было бы так суммировать все вышесказанное.

Устный рассказ участника Куликовской битвы был записан и литературно обработан в 1386 г. в Полоцке приближенным участника сражения на Куликовом поле полоцкого князя Андрея Ольгердовича. Созданная таким образом подробная Летописная повесть о Куликовской битве полностью дошла до нас только в составе Новгородской летописи Дубровского, которая передает текст летописного свода, созданного по инициативе митрополита Макария при участии потомков одного из

¹⁴⁷ Предварительный опыт такой реконструкции был мною предложен (см.: *Азбелев* 1981. С. 129—141).

воевод, возглавлявших русские полки в 1380 г. В конце XIV в. эта Повесть была включена в Летописец Великий Русский, который не сохранился. Дошли до нас восходящие к нему сокращенные извлечения. Такова краткая редакция Повести о Куликовской битве, попавшая в Новгородскую 1-ю летопись младшего извода. В первой четверти XV в. полный текст Повести был включен в несохранившийся Летописный свод митрополита Фотия, из него с сокращениями перешел в не дошедший до нас Новгородско-Софийский свод 1430-х гг. Редакция Повести, находившаяся в этом своде, читается полностью в Новгородской 4-й летописи (а в виде извлечений она отразилась в некоторых других летописях, связанных с Великим Новгородом).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник.
- АКФ — Архив Карельского филиала РАН (Петрозаводск).
- Астахова 1938* — Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1.
- Астахова 1951* — Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2.
- Базанов* — Былины П. И. Рябинина — Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1939.
- БЗП — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скришиль. М.; Л., 1960.
- БПЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
- ВВ — Византийский временник.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- Всеволодский-Гернгросс* — Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодско-Гернгросса <записи его же>. Петрозаводск, 1948.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- Гильфердинг* — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1; М.; Л., 1950. Т. 2; М.; Л., 1951. Т. 3.
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- Григорьев* — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1; Прага, 1939. Т. 2; СПб., 1910. Т. 3.
- Гуляев* — Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск. 1952.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИЗ Исторические записки.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.
- ИП I — Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- ИП II — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
- ИпОРЯС — Известия по русскому языку и словесности АН СССР.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
- Карамзин* — Карамзин Н. М. История государства Российского.
- Киреевский* — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1; М., 1861. Вып. 2, 3; М., 1862. Вып. 4; М., 1863. Вып. 5; М., 1864. Вып. 6.

- Киршиа Данилов* — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
- Крюкова* — Былины М. С. Крюковой / Записала и комментировала Э. Бородина и Р. Липец. М., 1939. [Т. 1]; М., 1941. Т. 2.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- Леонтьев* — *Леонтьев Н. П.* Печорский фольклор / Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Марков* — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев и Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
- Миллер*. Очерки — *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1]; М., 1910. Т. 2; М., Л., 1924. Т. 3.
- НЗБ — *Азбелев С. Н.* Неопубликованные записи былин // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 10. С. 162—195.
- НИС — Новгородский исторический сборник.
- ОБ — Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- Ончуков* — Печорские былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РАН — Российская Академия наук.
- РЕСНЗ — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- РС — Русская старина.
- РФ — Русский фольклор.
- Рыбников* — Песни, собранные Л. Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. 1; М., 1910. Т. 2, 3.
- РЭПК — Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.
- Селюкова* — *Селюкова Т. А.* Новые записи произведений устного народного творчества русского нижегородского населения // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 58—68.
- Скифтымов* — *Скифтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.
- Соколова* — *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI—XVIII веков. М., 1960.
- Соловьев* — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.
- СОЛЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.
- Татищев* — *Татищев В. Н.* История Российская.
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ныне РАН).
- УС и ВГБ — Указатель сюжетов и вариантов героических былин // *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 277—293.
- ФА, ФВ — Фонограммархив ИРЛИ, Фонд валиков.
- ФРУ — Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габьшев, М. Ф. Дружинина, Ю. Н. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменецкая, В. В. Митрофанова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Язык — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соимова. Л., 1977. Т. 1.

Отсылки к фольклорным текстам, напечатанным в изданиях, которые обозначены сокращенно, даются по системе, используемой в фольклористических работах: цифра, помещенная после обозначения издания без знака «№», указывает номер текста по сквозной нумерации их, — без указания номера тома. Если в издании нет сплошной нумерации, сообщается номер тома и номер страницы, на которой начинается текст — без обозначения «с». Оно используется для отсылки к конкретной странице текста.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. В. Н. Татищев (1686—1750)
2. А. А. Шахматов (1864—1920)
3. А. Н. Веселовский (1838—1906)
4. Сказитель былин Т. Г. Рябинин
5. С. А. Гедеонов (1815—1878)
6. И. Е. Забелин (1820—1908)
7. А. Ф. Гильфердинг (1831—1872)
8. В. Ф. Миллер (1848—1913)
9. Корсунские двери Новгородского Софийского собора
10. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Детинце
11. Архимандрит Макарий (К. Н. Миролюбов. 1817—1894)
12. Церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице
13. Кольчуга, найденная на Куликовом поле
14. Царь Иван III. Гравюра XVI в.
15. Трон Ивана III, привезенный из Византии
16. Князь М. В. Скопин-Шуйский. Парсуна XVII в.
17. Новгородская летопись Дубровского. РНБ, F.IV.238, л. 254 об.
18. Архивская летопись. РГАДА, ф. 181, № 20, л. 367 об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абрамович Г. В.* 207
Абрамович Д. И. 253
 Август, имп. 27, 33
 Авраам, библ. 136
 Ад-Дамашки, авт. 80
 Адам Бременский, авт. 76, 82
 Адвинда, эп. 17, 20
Адрианова-Перетц В. П. 139, 152
Азбелев С. Н. 14, 35, 39, 47, 50, 59, 129, 138, 140, 143, 149, 150, 153, 181, 208, 215, 241, 243, 248, 254, 271, 280
Акимова Т. М. 120
 Акулина, королевишна эп. 92
Алборов Б. А. 208, 209, 211, 212, 220
 Алегам, казанский царь 191
 Александр Македонский, царь 79
 Александр Пересвет, боярин 268, 269
 Александр Попович, храбр 46
 Александр Сампсонов, новг. воевода 174
 Александр Ярославич Невский, св. вел. кн. владимирский 149, 150, 253—255, 267, 272
Алексеев Л. В. 51—53
 Алексей, крестник М. В. Скопина 219
 Алексей, новг. архиепископ 132, 143
 Алексей I Комнин, виз. имп. 103, 108
 Алексей Петрович, сын Петра I 188
 Алеша Попович, эп. 36, 46, 87, 156, 179, 226, 238
 Аль-Идриси, авт. 80
 Аль-Истахри, авт. 79—83
 Амалы, династия 37
 Анастасия, дочь Ивана Грозного эп. 202
 Анастасия Романовна, первая жена Ивана IV 194, 196, 202, 203
 Андрей Васильевич, брат Ивана III 193, 194
 Андрей Иванович Волосатый, новг. пос. 133, 135, 144, 149
 Андрей Иванович (второй), новг. пос. 144
 Андрей Иванович, сын Ивана III 203
 Андрей Ольгердович, кн. полоцкий 244, 249, 261—263, 280
 Андрей Серкиз (Серкизов) 249, 268
 Андрей Федорович, кн. ростовский 249,
 Андрей Федорович, кн. стародубский 269
 Андрей Ярославич, кн. новг. 149
Аншкин В. П. 94—96, 111
 Антонов М. Г., сказитель 106
 Аполлоний, эп. 4
 Апраксия, эп. 220, 230
Артамонов М. И. 95
 Артур, кор. эп. 41
Ариховский А. В. 144
 Аскольд, кн. киевский 24, 26, 32, 34
Астахова А. М. 44, 57, 88, 107, 109, 126, 156, 169, 188, 208, 220, 221
 Аттила, предводитель гуннов 37, 38, 41—43, 49, 51, 54, 60
 Аттила, эп. 41, 42, 51, 56, 233
 Афанасий Вяземский, кн. 189
Афанасьева А. Н. 132, 167
 Ахмед-хан 160, 164, 176, 177

Базанов В. Г. 158
Байер Г. С. 13
Балашов Д. М. 47, 219
Барсов Е. В. 61, 62, 132, 152
Барсуков Н. П. 33, 46
 Батур (Батырь, Батырин) эп. 157, 170
 Батый, хан 166, 178
Батюшков Ф. Д. 111
Бегунов Ю. К. 134, 254
 Бельский Д. Ф., кн. 252
Беляев И. Д. 172
Беляев Н. Т. 63, 64, 67

¹ Сокращения в указателе: авт. — автор средневекового произведения; анн. — анналист; ап. — апостол; библ. — библейский персонаж; болг. — болгарский; вел. кн. — великий князь; виз. — византийский; имп. — император; кн. — князь; кор. — король; новг. — новгородский; пос. — посадник; св. — святой; хр. — христианин; эп. — персонаж устного эпоса; яз. — языческий. Фамилии исследователей набраны курсивом.

- Бернадский В. Н. 148, 173, 175
 Бессонов П. А. 125
 Богатырев П. Г. 125
 Богомил, жрец эп. 19, 21, 24
 Богораз В. Г. 208
 Богословский Б. А. 169, 208
 Богословский Н. Г. 70
 Болотников И. И., мятежник 212
 Большаков Т. Ф. 277
 Борзаковский В. С. 142
 Борис Владимирович, св. кн. ростовский 114—119, 149, 237, 246, 253, 279
 Борковский В. И. 144
 Бородина Э. В. 208
 Брим В. А. 126
 Брунов Н. 118
 Буйских Т. М. 127
 Буриной кн. эп. 13
 Буслаев Ф. И. 46, 90, 91, 111, 113

 Валк С. Н. 14, 21
 Валуев Д. А. 208
 Вандал, кн. эп. 17, 45
 Варлаам Хутынский, св. 132
 Варниус, аббат 73
 Василий Буслаев, эп. 113, 123—127, 158, 179, 237, 239
 Василий Александрович Казимир, новг. пос. 36, 158—160, 162, 171—177, 239
 Василий Иванович, сын Ивана III, вел. кн. новг., царь 185, 186, 192—195, 198, 201, 204, 252
 Василий Иванович, сын Ивана IV 192
 Василий Иванович, царевич эп. 192, 195—197, 199
 Василий Иванович Шуйский, царь 210, 212, 214, 224, 227, 240
 Василий Казимирович, эп. 36, 156—165, 175, 179, 239
 Василий Михайлович, кн. кашинский 249
 Василий Темный, вел. кн. московский 150, 183, 205, 252, 279
 Васильев М. А. 59
 Васильев А. А. (*Vasiliev A. A.*) 63, 64
 Васильевич, кн. ярославский 249
 Васильевский В. Г. 69, 100—103, 106
 Велемир, русский кн. 81
 Венцеслав, ружский кн. 81
 Вернадский Г. В. (*Vernadsky G.*) 15, 29, 63
 Веселовский А. Н. 37—41, 43, 45, 47, 48, 50, 54, 55, 111, 113, 114, 120—122, 230, 233, 234
 Веселовский С. Б. 175, 176
 Виллбачов В. Б. (*Willnbachow W. B.*) 70, 71, 78
 Вильгельм Завоеватель, кор. 18
 Висковатый Иван Михайлович, дьяк 190
 Вит, св. 72—75
 Витовт, вел. кн. литовский 260, 261, 279
 Владимир, кн. эп. 36, 37, 43, 44, 46, 47, 50, 52, 55, 56, 87—89, 91—94, 98, 99, 110, 111, 156, 157, 159—161, 163, 169, 171, 177, 179, 181, 209, 220—222, 225
 Владимир, кор. эп. 38—41, 43, 45, 56
 Владимир, «крань» эп. 168
 Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховский 151, 152, 244, 249—252, 257, 259, 261, 273—279
 Владимир Василькович, кн. волынский 92
 Владимир (Володарь) Ростиславич, кн. перемышльский 102, 104, 105
 Владимир Всеволож, кн. 131
 Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 36, 47, 95, 100—111, 118, 181, 218, 230, 233, 234, 236, 237
 Владимир Всеславич, кн. эп. 38, 39, 42—45, 50, 54, 56, 181, 233, 234, 236, 238
 Владимир Глебович, кн. переяславский 95
 Владимир Святославич, св. вел. кн. киевский 7, 9, 13, 16, 18—20, 22, 23, 25—27, 36, 37, 40, 43—47, 50, 54—56, 59, 60, 87—93, 95, 96, 98, 106, 107, 118, 161, 162, 181, 233—236
 Владимир Ярославич, кн. новг. 119
 Власови З. И. 93, 206
 Волконские, князья 269
 Волх Всеславьевич, эп. 39, 45, 50, 229
 Вольнский А. П. сановник 108
 Воробей, новг. пос. эп. 24
 Воротыньские, князья 219
 Воротынский И. М., кн. 210, 218
 Всеволод Мстиславич, кн. новг. 118
 Всеволод Святославич, кн. курский и трубчевский 104
 Всеволод Ярославич, вел. кн. киевский 103—106
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 156
 Веслав, отец Волха эп. 45
 Веслав (Гертнит), кн. эп. 43, 45, 52, 234
 Веслав Брюцлавич, кн. полоцкий 39, 106
 Выбор, эп. 76
 Вышегородцев В. И. 24—28

 Габышев Н. В. 208, 227, 228
 Гардорик, эп. 17
 Гацак В. М. 45
 Гедеоноа С. А. 62
 Гейденштейн Р., авт. 261
 Гельмольд, авт. 72, 75, 76, 82
 Генрих Птицелов, кор. 81
 Георгий, св. 118, 246, 250
 Георгий (Юрий) Захарьевич Хромой, новг. воевода 133, 144
 Герберштейн С. (*Herberstein S.*), авт. 49, 109, 182, 198

- Герборд, авт. 81
 Гержман Э., авт. 212
 Геродот, древнегреческий историк 18, 65
 Герострат, поджигатель храма 31
 Гертнит см. Всеслав
 Гестимул см. Гостомысл
 Гиляров Ф. А. 21
 Глазырина Г. В. 39, 40, 42, 46, 48, 51
 Глеб Брянский, кн. 134
 Глеб Владимирович, св. кн. муромский 114—119, 149, 237, 246, 253, 279
 Глеб Володьевич, кн. зп. 36, 100—103, 106—109, 236
 Глеб Святославич, кн. новг. 100—106, 108, 236
 Гильфердинг А. Ф. 58, 63, 67, 68, 88, 156, 196, 207, 208
 Гинкмар, хр. 68
 Гиппиус А. А. 9
 Голаман Г. Ф. см. Хольман
 Годфред, датчанин 76
 Головкин С. В., шурина М. В. Скопина 227
 Голохат, дворецкий зп. 167
 Голубинский Е. Е. 12
 Гольдберг А. Л. 21, 22, 27
 Горлин М. (Gorlin M.) 12—14, 16, 27, 30
 Горский А. А. 242, 243, 256—258
 Гостомысл (Gostomuizil, Гестимул, Gestimus), кор., кн., новг. пос. 9, 11, 15, 17, 18, 20, 21, 27, 28, 37, 61, 64—70, 73—77, 84—86, 233—235
 Гостомысловы, бояре 64
 Грабарь И. Э. 117
 Грбек И. (Hrbek I.) 78—83
 Гребельский П. Х. 184
 Греков Б. Д. 63, 141
 Греков И. Б. 269
 Григорий Судок, начальник сторожевого отряда 116
 Григорий Холопишев, ратник 251, 257
 Григорович В. И. 14
 Григорович И. И. 123
 Григорьев А. Д. 43, 71, 72, 88, 91, 157, 159
 Гуляев С. И. 44, 157, 161, 175, 208, 220, 221
 Гумилев Л. Н. 28, 29
 Гунигар, зп. 17
 Гусев П. Л. 117
 Гутторм, зп. 18
 Давид Игоревич, кн. вольнский 108
 Данилевич В. Е. 261
 Данило Белоусов, воевода 136
 Данило Ловчанин, зп. 72
 Даныслав, новгородец 110
 Дашкевич Н. П. 37, 44
 Делгарди Яков Понтус, шведский военачальник 227, 229
 Демкова Н. С. 135
 Детмар, хр. 146, 147
 Джаксон Т. Н. 42, 51, 53
 Джанибек, хан 165
 Джеймс Р., собиратель 208, 211, 212, 220, 229
 Длугош Я., польский историк 24, 90, 91
 Дмитриев Л. А. 129, 134, 150 258
 Дмитриева Р. П. 10, 11, 27
 Дмитриева С. И. 35, 178
 Дмитрий, «цар» зп. 168
 Дмитрий Борецкий, новг. пос. 173
 Дмитрий Всевож, кн. 131
 Дмитрий Герасимов, переводчик 49
 Дмитрий Данилович Заберский (Заверяжский), новг. воевода 133
 Дмитрий Иванович Донской, св. вел. кн. московский 128, 130—132, 135—154, 165—167, 238, 244—247, 249—251, 255—259, 261, 262, 265—267, 369, 270, 273, 275, 276, 278—280
 Дмитрий Иванович, внук Ивана III 185, 193, 194, 196, 201
 Дмитрий Иванович, сын Ивана III 192
 Дмитрий Иванович, сын Ивана IV 192
 Дмитрий Иванович, царевич зп. 192, 196, 198—200
 Дмитрий Иванович Шуйский, кн. 210, 211, 214, 217, 218, 240
 Дмитрий Минич (Мининич) 268
 Дмитрий Михайлович Волынец, воевода 249, 250, 257
 Дмитрий Монастырев 268
 Дмитрий Ольгердович, кн. брянский 249, 261, 262
 Дмитрий Солунский, св. 149, 246, 250
 Добромысл, кн. бодричей 68, 69, 77, 85
 Добрыня, воевода 18, 19, 22, 29, 32, 43, 46, 87, 88—91, 93—96, 98, 162, 221, 225, 235, 236
 Добрыня Никитич, зп. 36, 46, 58, 72, 87—89, 91—96, 98, 123, 156, 157—163, 169—171, 179, 220, 235, 236, 238
 Догдин А. А. 186, 204
 Дочь Ильи, зп. 56, 57
 Дубровин А. А. 220
 Дубровин Г. Е. 150
 Дунай, воевода 92
 Дунай, зп. 88, 89, 92, 158, 169, 169, 170, 179, 230, 238
 Евфимий, владыка зп. 130, 132, 133
 Евфимий II, новг. архиепископ 33, 132, 133
 Егорий Змееборец, зп. 96, 97
 Едигей, правитель Орды 275
 Екатерина, жена кн. Дмитрия Шуйского 211
 Елагин И. П. 34

- Елена, жена Ивана Молодого 198
 Елизавета Петровна, императрица 48
Емельянов Л. И. 188
 Елифанний Премудрый, авт. 148, 280
Еремеев И. И. 53
 Ермак Тимофеевич, атаман 183
 Ефанда, жена кн. Рюрика 18
- Жданов И. Н.* 108, 123, 126
Жирмунский В. М. 44
 Жирослав, новг. пос. 124
Журавель А. В. 31
- Забава Путятична, эп. 94, 98
Забелин И. Е. 66
Зайцев А. К. 242, 243, 273, 274, 276
Закревский Н. В. 59
Зализняк А. А. 110
Замысловский Е. Е. 49
 Захарий Тютчев (Тютрин), посол 165—168, 170, 171, 176
 Захарьины, бояре 190
Зимин А. А. 135, 152, 176, 189, 198, 242, 252
Зоркин В. И. 208, 215
- Ибн-Ияз, авт. 80
 Ибн-Хаукаль, авт. 79, 82
 Иван III, вел. кн., царь 54, 118, 150, 158—160, 164, 172—177, 181—186, 191—194, 198, 199, 201—206, 239
 Иван IV, царь 107, 124, 155, 159, 160, 176, 180—183, 185, 187—194, 196, 201—206, 239, 240, 252
 Иван Александрович, воевода 268
 Иван Васильевич, кн. смоленский 249
 Иван Васильевич Машков, новг. боярин 133, 144
 Иван Грозный, царь эп. 122, 181, 182—192, 195—198, 200, 202—206, 228, 230, 239
 Иван Дубрович, эп. 156
 Иван Иванович Молодой, сын Ивана III 186, 187, 193, 194
 Иван Иванович, сын Ивана IV 187—190, 193, 194, 201, 202
 Иван Иванович, царевич эп. 193, 202
 Иван Палецкий, кн. 194
 Иван Родионович Квашня, боярин 349, 251, 252, 256—258
 Иван Романович, эп. 200, 201
 Иван Руно, воевода 205
 Иван (Константинович) Тарусский («Поружский»), кн. 249
 Иван Товарков, посол 164, 174
 Иван Федорович, вел. кн. рязанский 279
 Иван Федорович, сын кн. белозерского 268
 Иван Федорович Судок 117
 Иван Юрьевич, кн. тарусский 269
- Иван Юрьевич Патрикеев, кн. 201
 Иванко Дмитриевич, новг. пос. 124
 Иванко Павлович, новг. пос. 124
 Иваны братья, эп. 179
 Игорь Рюрикович, вел. кн. киевский 18, 20, 59, 90
 Игорь Святославич, кн. новгород-северский 104
Иконников В. С. 210, 212, 213, 215, 224, 227
Иловыйский Д. И. 141, 172, 259
 Илья, св. библи. 59
 Илья Муромец, св. 46, 58, 59
 Илья Муромец, эп. 36, 37, 39, 40, 43—46, 50, 55—58, 60, 158, 179, 220, 230, 238, 239
 Илья Русский, эп. 38, 39, 41—43, 45, 46, 50, 55, 56, 58—60, 233
 Иоаким, архимандрит 14
 Иоаким, патриарх 15
 Иоаким Корсунянин, св. новг. епископ 6—10, 12, 14, 16, 19, 24, 29, 31—33, 232, 233, 235
 Иоанн, евангелист 253
 Иоанн I (Илья), св. новг. архиепископ 115
 Иордан, готский историк 37, 55, 56
Иричек О. Л. (Jiriczek O. L.) 126
 Ирон, эп. 41
Истомина Ф. И. 204
Истрин В. М. 9
 Исуп, чашник эп. 167
 Иулиания Тверская, св. 165
- Казакова Н. А.* 49
Карамзин Н. М. 11, 100, 105, 123, 141, 147, 182, 183
Карсеп М. К. 117, 118
 Карл Великий, имп. 72, 73, 85
 Карл IX, кор. Швеции 227
 Каролинги, династия 74—77, 82, 83, 85, 234, 235
Картицкий М. 208
Касиков А. 64
Касиков Х. 64
 Касьянов А. И., сказитель 199
Кашинов С. М. 186, 194—196, 198
 Квашнины, бояре 252, 256—258
Кеменов В. С. 117
 Кигачев Н. В., сказитель 208, 216, 219
 Киприан, св. митрополит 274, 275, 278
Киревский П. В. 157, 160, 175
 Кирилл, св. 75
Киртицкий А. И. 97
Киртицкий А. Н. 64, 268, 269
 Кириша Данилов, собиратель 44, 119—121, 208, 209, 215—220, 226—229
Клейбер Б. (Kleiber B.) 15—20, 23, 28
Клейнбергер И. Э. 42
Клосс Б. М. 242

- Колпакова Н. И. 208
 Колчин Б. А. 29
 Комар А. 52
 Конашков Ф. А., сказитель 199
 Кондаков Н. П. 63
 Кондратьева Т. Н. 117
 Конавалова И. Г. 83
 Константин Х Дука, виз. имп. 103
 Конаевская Е. Л. 277
 Кордуцки М. 168
 Короб Яков, новг. боярин 174
 Костомаров Н. И. 15, 29
 Кострюк, эп. 196, 202, 205, 225
 Костянтин Конанович 136
 Котляр М. Ф. 30
 Крайцов Н. И. 171
 Кранц А. (Krantz A.), авт. 146—148
 Крузе Ф. И. (*Krug Ph.*) 66
 Крузе Ф. 63, 64, 67
 Крюков Г. Л., сказитель 169, 202
 Крюкова А. М., сказительница 202, 208, 213, 214
 Крюкова М. С., сказительница 208, 215
 Кудрявцева Е. Б. 48
 Кузьмин А. Г. 26, 48, 81, 84, 259
 Кузьмина Л. Ф. 242
 Кузьмищев, собиратель 199
 Кулагина А. В. 220
 Кучкин В. А. 242, 243, 260, 265, 269—271, 273, 276, 278
 Кишижановский Ю. 111
- Лавровский П. А.* 11, 12, 15, 28, 31, 233
Лазарев В. Н. 17
Ласковский В. П. 70
 Латынгорка, эп. 56
Лебедев Г. С. 64
 Лев Володович, кн. эп. 107
 Лев Морозов, воевода 249, 268
Левицкий Т. (Lewicki T.) 79
Левченко М. В. 101
Левшин В. А. 126, 127
Легких И. В. 242
Леонтьев Н. П. 157, 208, 213
 Лжедмитрий II, самозванец 210, 227, 228, 240
Линиченко И. Л. 12
Липец Р. С. 208
Лихачев Д. С. 92, 94, 95, 114, 117, 124
Лихачев Н. П. 253
Лихачева О. П. 258
Лобода А. М. 44, 88
Ловмянский Х. 64, 74, 84
 Лотарь, имп. 73—75
 Лука, евангелист 253
 Лука, новг. епископ 9, 119
Лурье Я. С. 264, 276
- Людовик Благочестивый, имп. 67, 72, 73, 75, 85
 Людовик Немецкий (Hludowicus, Ludewicus), кор. 67, 68, 73, 74, 85
Ляценок А. И. 44
- Мавродин В. В.* 63, 149
Мазон А. 14
Майков Л. Н. 44, 111
Макарий, архимандрит (*Н. К. Миролубов*) 69, 149
 Макарий, митрополит 280
 Макарий, патриарх Антиохии 109
Максимов С. В. 202
Максимович М. А. 81
 Мал (Нискина), древланский кн. 18, 90, 91
Малеш А. И. 109
 Малуша (Малка), мать Владимира Святославича 18, 90, 91, 98
 Малфрид, жена Владимира Святославича 16, 18, 96
Малыгин П. Д. 49
 Малюта Скуратов, опричник 193, 201, 202, 210, 213, 214, 240
 Малюта Скурляткин, эп. 199, 201, 221
 Малютиха (дочь Малюты), эп. (см. также Христина) 212, 213, 214, 216, 217, 220, 221—223, 240
 Мамай, правитель Орды 129—132, 134—143, 145, 146, 148, 149, 151, 153—155, 165—168, 179, 238, 249—251, 259—261, 265—267, 270—272, 276, 277
- Манкиев А. И.* 183
Мансика В. И. 253
 Мария Борисовна, первая жена Ивана III 186
 Марк паробок, эп. 157
 Марк Фрязн, зодчий 185
Марков А. В. 57, 71, 72, 94, 98, 100—102, 106, 107, 114, 124, 134, 158, 159, 162, 169, 196, 197, 202, 208, 212—216, 219, 258, 260
 Мартин, св. папа 198
 Марфа Борецкая, жена новг. посадника 192
 Марфида Всеславьевна, эп. 96
 Марьюшка Верблюковна, эп. 196
 Марья Дивовна, эп. 96
 Марья Изяславна, эп. 96
 Масса И., авт. 212
 Матфей, евангелист 253
 Мать М. В. Скопина 213, 216, 217, 221, 223
Мацулевич Л. А. 117
Мачинский Д. А. 64
 Мелхиседек, архимандрит 7, 12—14, 27, 28, 30
Мельникова Е. А. 42, 53, 78, 84
 Менгирей, конюший эп. 166

- Мериджи Б. (*Meriggi B.*) 120
 Мефодий, св. 75
 Мешко, польский кн. 30
 Микула Васильевич, боярин 131, 134, 249, 268, 269
 Милевский Т. 81
 Миллер В. Ф. 35, 45, 46, 55, 57, 58, 60, 92—94, 98, 99, 106, 110, 111, 113, 120—124, 158—160, 162, 163, 169, 175, 177, 178, 187, 202, 216, 220, 228, 230
 Миллер О. Ф. 111, 163, 187
 Мирвис А. Б. 184
 Мирошка Незнанич, новг. пос. 124
 Мистр Леон, лекарь 186
 Михаил, митрополит 23, 26, 33
 Михаил, сын кн. Андрея Ольгердовича 261
 Михаил VII Дукас, виз. имп. 100, 103, 105
 Михаил Александрович, боярин 131, 136
 Михаил Александрович, вел. кн. тверской 150
 Михаил Андреевич Бренк, воевода 249, 257, 268
 Михаил Васильевич Скопин, кн. эп. 207, 208, 210—231, 240
 Михаил Иванович Акинфович, воевода 249, 268
 Михаил Игнатьевич, эп. 169—171, 179, 238
 Михаил Панальевич, новг. воевода 133
 Михаил Федорович, царь 194
 Михалко Степанич, новг. пос. 124
 Моисеева Г. Н. 211
 Моргайло М. В. 21
 Мошин В. А. 63
 Мстивой, кн. бодричей 67
 Мстислав Владимирович, кн. новг. 110
 Мстислав Иванович, кн. тарусский 268, 269
 Муравьева Л. Л. 275
 Муральт Э. (*Muralt E.*) 100, 101, 103—106
 Мюллергоф К. (*Müllenhoff K.*) 44, 45

 Назаренко А. В. 30, 63, 84, 109
 Насонов А. Н. 115, 116, 119, 211, 243, 252, 256, 257, 273, 274
 Нефедов Г. Ф. 72
 Нестор, летописец 17, 18, 108
 Нидерле Л. (*Niederle L.*) 73
 Никита Романович, эп. 193—196, 199, 201, 209, 229
 Никита Романович Захарьин, боярин 189, 194, 202
 Никитин Ф. Н., сказитель 196
 Никитский А. И. 12, 93, 133
 Никифор III, виз. имп. 100, 103, 105
 Никифоров А. И. 124, 134, 135, 139, 141, 147, 153
 Николай, св. 113, 114, 119—121, 131, 195, 237
 Никольский Н. К. 10, 115, 116

 Нискина см. Мал
 Нискиничи, династия 91
 Новиков Ю. А. 107
 Новикова О. Л. 242
 Новичкова Т. А. 127
 Новокомский Павел Иовий (Паоло Джовио), авт. 49
 Новосельцев А. П. 78, 79, 82
 Ноздрьча, новгородец 110

 Овчина И. Ф., боярин 252
 Одерико, аббат 103
 Олег, вел. кн. киевский 18, 20, 32
 Олег Иванович, вел. кн. рязанский 131, 134, 140, 143, 148, 258—261, 267, 270, 279
 Ольга, св. княгиня 24, 26, 91
 Ольгерд, вел. кн. литовский 140, 147
 Ольгердовичи, князья 257, 262
 Ончуков Н. Е. 72, 157, 158, 208
 Орешников А. В. 184
 Орлов А. С. 131, 254
 Ортинт, эп. 38, 39, 42, 43, 45, 50, 56, 58, 233
 Осипов В. Д. 208, 215
 Оstromыслинский Е. 59
 Охотникова В. И. 254

 Павел Алеппский, авт. 109
 Павицкий А. И. 68
 Палеологи, династия 186
 Панфилов, новг. купеческий староста 192
 Папченко А. М. 28, 29
 Паоло Джовио см. Новокомский
 Патрикеевы, князья 198
 Пахомий Логофет, авт. 132
 Пашкевич Х. (*Paszkievicz H.*) 63, 64
 Пашуто В. Т. 78
 Пересвет см. Александр Пересвет
 Перфил, эп. 192
 Петр, слуга эп. 168
 Петр I, имп. 28, 62, 182, 203
 Петр Антоний, зодчий 185
 Петрей де Ерлесунда П. (*Petres de Erlesunda P.*), авт. 182, 183
 Петрухин В. Я. 78, 84
 Плисецкий М. М. 108, 164
 Подосинов А. В. 48
 Подскальски Г. 9
 Позилье Иоганн, хр. 146, 147
 Полевой П. Н. 152
 Помяловский И. В. 208, 218
 Попов А. Н. 21, 69, 211
 Поттэ А. 90, 91
 Поревит, яз. божество 73
 Потанин Г. Н. 111
 Потык, эп. 179, 238
 Потявин В. М. 199
 Пресняков А. Е. 141

- Приданикова М. Ф., сказительница 213
 Приселков М. Д. 9, 26, 111, 273—275, 278
 Прозоровский Д. И. 90, 91
 Прокопий Кесарийский, виз. историк 25
 Прот В. Я. 95, 111, 161, 188, 189, 201
 Пруденций, хр. 68
 Пугачев Е. И., мятежник 219
 Путьлов Б. Н. 139, 140, 188, 189, 204, 208
 Путьята, воевода 22, 24, 29, 32, 93, 98
 Пытин А. Н. 152
- Рабинович М. Г.* 133
 Рагнхильда, эп. 18
 Радеботт, русский герцог 81
 Разин С. Т., мятежник 219
 Рерик, имя у западных славян 62
 Ржиса В. Ф. 129, 152, 209, 212, 218, 226
 Ририк, польский воевода 62
 Робинсон А. Н. 36, 114, 124
 Рогволод, кн. полоцкий 87—92
 Рогнеда, дочь кн. Рогволода 43, 87—93, 236
 Рогов А. И. 108
 Родина Е. П. 199, 208
 Роман, болг. царь 26
 Роман IV Диоген, виз. имп. 103
 Роман Митриевич, эп. 229
 Роман Михайлович, кн. брянский 249
 Романович, кн. новосильский 249
 Романовы, династия 65, 184
 Рорик см. Рюрик
 Ростислав Владимирович, кн. тмулараканский 102
 Ругевит, яз. божество 73
 Рудольф, хр. 68, 69
 Руфус, хр. 146
 Рыбаков Б. А. 52, 91, 95, 101—103, 107, 110, 161, 162, 242
 Рыбников П. Н. 122, 156, 207, 208
 Рюрик (Рорик), кн. новг., внук Гостомысла 11, 14, 18, 20, 26, 27, 33, 37, 47, 56, 61—69, 86, 234
 Рюриковичи, династия 32, 62, 65, 91
 Рябинин И. Т., сказитель 207, 208, 229, 230
 Рябинин Т. Г., сказитель 57, 207, 208, 229
- Савва В.* 184
Садиков П. А. 189
 Садко, эп. 110, 113, 114, 117, 119—123, 126, 127, 237
 Садок, персонаж романа 122
 Саксон Грамматик, авт. 48
 Салмина М. А. 243—245, 247, 253—255, 258, 264, 265, 267—269, 271, 272
 Самсон Кольбанович (Колуван), эп. 179, 238, 239
 Самсон Кольбанович, новг. воевода 179, 238
 Сатко см. Сотко
- Сахаров А. Н.* 25
 Святовит, яз. божество 71—75, 81
 Святополк Владимирович (Ярополкович), вел. кн. киевский 7, 25—27, 31, 32, 118
 Святополк Изяславич, вел. кн. киевский 108
 Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 12, 24—26, 30, 32, 90, 91, 96
 Святослав Ростиславич, кн. новг. 115
 Святослав Ярославич, вел. кн. киевский 103—105
Седов В. В. 51, 85, 86
Селиванов Ф. М. 156, 162, 163, 171, 172
Селокова Т. А. 208, 215
 Семен Иванович, сын Ивана III 203
 Семен Константинович, кн. оболенский 249
 Семен Мелик, боярин 268
 Семен Михайлович, боярин 268
 Семен Ряполовский, кн. 198
 Семен Судоков, новг. посол 116
Сенигов И. П. 10
 Сергий Радонежский, св. игумен 274
 Сид, эп. 55
 Симеон, болг. царь 26
 Симеон, новг. архиепископ 144
 Симон, летописец 108
 Симон, митрополит 185, 198
Скафтымов А. П. 88, 160, 225
 Скопин-Шуйский М. В., кн. 36, 207, 208, 210—215, 218, 220, 222, 224—229, 240
Скржинская Е. Ч. 37, 104
Скритиль М. О. 136
Скрытников Р. Г. 189, 190
 Скъолдунги, династия 64, 66, 67, 234
Смирнов А. 176
Смирнов А. П. 96
Смолицкий В. Г. 160
Снегирев И. М. 63
Созонович И. П. 111
Соколов Б. М. 43, 91, 92, 96, 126
Соколов Ю. М. 188
Соколова В. К. 186, 188, 209, 210, 219, 220, 223
 Соловей, эп. 21, 24
Соловьев С. М. 11, 15, 29, 106, 113, 123, 141, 145, 150, 183—185, 191—193, 198, 211, 233, 253
 Сотко, крестьянин 117
 Сотко Григорьев, вотчинник 117
 Сотко Сытинич (Сатко), строитель храма 113—116, 118, 119, 237
 София, св. 109, 114, 117—119, 132, 139, 151, 152, 228, 237, 240
 София (Елена) Фоминична Палеолог, вторая жена Ивана III 184, 185—187, 192—194, 198, 202, 203

- Софоний рязанец, авт. 153
 Софья Романовна, жена Ивана Грозного эп.
 202, 203
Сперанский М. Н. 159, 187, 188
 Спиридон-Савва, авт. 27
Срезневский И. И. 65, 91, 104, 148, 152, 199,
 255
 Ставко Гордятич, воевода 110
 Ставр, новг. сотский 110, 111, 237
 Ставр Годинович, эп. 58, 109—112, 123, 237
 Ставр Гордятинич, автор граффити 110, 237
 Ставр-Лавр, эп. 215
Стасов В. В. 111, 163
Стерлигова И. А. 109
 Стефан, св. 114
 Стефан Баторий, польский кор. 261
Стиф К. (Stief С.) 209, 218
 Стоян, эп. 24
Строганов П. 14
 Строгановы, промышленники 183
Строев П. М. 114
Строжецкий А. 208
Строков А. А. 117, 118
 Стрыйковский М., польский историк 25, 52,
 108
 Судок, воевода 116
 Судок, дьяк 117
 Судок Иванов сын Есипов 117
 Суздальцы братья, эп. 179
 Сурикова Д., сказительница 58
 Суханов М. Д., собиратель 208, 227, 228
 Сытко, кн. 116
- Татищев В. Н.* 7—25, 27, 30, 31, 34, 37, 65, 87,
 96, 100—106, 108, 232, 233
Творогов О. В. 10, 11, 34
 Теляк, хан 249
 Теодорих Великий, кор. остготов 37, 38, 41,
 42
Тюндер К. Ф. 126
 Тидрек Бернский, эп. 38, 41, 42, 50—53, 233
 Тимофей, апостол 183
 Тимофей Васильевич Волуй, воевода 134,
 268, 269
 Тимофей Константинович Микулин, новго-
 родец 136
Тихомиров М. Н. 20, 22, 26, 129, 141, 150
Толочко А. П. 30, 31
Толочко П. П. 52
Толстой И. И. 184
Толстой М. 70
 Торунский анн. 147
 Тотила, кор. остготов 49
 Тохтамыш, хан 149, 238, 258, 259, 265, 271,
 272, 275
Травин Н. 118
Троцкий И. И. 242
- Трубачев О. Н.* 51
Трухачев Н. С. 81, 84
 Тугарин, эп. 226
Туликов Н. М. 117
 Тулицин Л., сказитель 208
- Угоняй, тысяцкий эп. 24
 Умила, дочь Гостомысла 27, 28, 65
 Урбан IV, папа 73
Ухов П. Д. 125
- Фаворский Е., собиратель 199
 Федор, кн. тарусский (XV в.) 269
 Федор Грунка, воевода 249
 Федор Иванович, кн. тарусский (XIV в.)
 268, 269
 Федор Иванович, сын Ивана IV 187—190,
 201
 Федор Иванович, царевич эп. 193, 196, 199,
 202
 Федор Иванович Сабур, ратник 251, 257
 Федор Михайлович, кн. моложский 249
 Федор Романович, кн. белозерский 249,
 268
Федорова И. В. 242
 Феофил, новг. архиепископ 173, 174, 192
 Филарет, патриарх 194
 Фома Михайлович Красный, новг. воево-
 да 133
 Фотий, митрополит 278, 279, 281
 Фролова М. А., сказительница 199
 Фротон, эп. 48
 Фульдский анн. 68
 Фуников Н. А., дьяк 190
- Халанский М. Г. (Chalanskij М.)* 44
 Харальд, кор. 18, 67
 Харальд Хорфагр, эп. 18
 Харитонов А., собиратель 167, 171, 199
 Хильдibrанд, эп. 41
Хольман Г. Ф. (Golzman) 63
Хорошкевич А. Л. 185, 194
 Хотьковский В. Ф., собиратель 199
 Христина дочь Малюты Скуратова (см.
 также Малютиха), эп. 211
Хруцов И. П. 152
- Цапенко И. П.* 37
 Цар Татарин, эп. 170
- Чарноцкий А. (Ходаковский)* 69
 Чедраг, кн. бодричей 67
 Чекалев В. И., сказитель 196
Черетин Л. В. 15, 78, 138, 173, 193
 Чингисхан, полководец 54
Чичеров В. И. 188
Чулков М. Д. 208, 218

- Шамбинаго С. К.* 14, 15, 22, 124, 125, 129, 131, 134, 138, 139, 141, 165, 166, 167, 171, 187, 242, 243, 245, 253, 254, 256, 260, 264, 265, 267, 268, 270, 272, 279
- Шахматов А. А.* 7—10, 13, 18, 26, 29, 31, 32, 64, 65, 89, 91, 92, 95, 96, 114, 125, 141, 165, 166, 233, 241—248, 251—253, 257, 258, 260, 262, 264, 267, 270, 272—276, 278—280
- Шеков А. В.* 268, 269
- Шереметев Б. П.*, фельдмаршал 199
- Шишмарев В. Ф.* 38
- Шлёцер А.-Л.* 66
- Шлихтинг А.*, авт. 189, 190
- Шляткин И. А.* 150
- Штудер Э. (Studer E.)* 40
- Штыхов Г. В.* 52
- Шуйские, князья* 207, 218, 219
- Шушарин В. П.* 78
- Щанов Я. Н.* 78
- Щеголенок В. П.*, сказитель 58
- Эбон, архиепископ** 81
- Юрий Андреевич, кн. новг.** 149
- Юрий Дмитриевич, кн. галицкий** 279
- Юрий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского** 262
- Юрий Захарын, послух** 144
- Ягайло, вел. кн. литовский** 143, 145, 146, 166, 259—263, 266
- Ягич И. В.* 44
- Языков А. М.* 208, 218
- Якобсон А. Л.* 101, 102, 104
- Яков Иванов Зензин, новгородец** 136
- Якубовский А. Ю.* 141
- Якушкин П. И.* 93, 206
- Яши В. Л.* 22—24, 26, 28, 29, 33, 70, 80, 84, 95, 110, 116, 125, 127, 133—135, 144, 173—176, 232, 233
- Янчук Н. А.* 207, 208
- Яромир, кн. ружь** 72
- Ярополк Святославич, вел. кн. киевский** 7, 24, 26, 27, 31, 32, 87, 89
- Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. киевский** 32, 60, 119, 253
- Ярослав Ярополкович, кн. берестейский** 108
- Ярхо Б. И.* 44
- Amefung A.* 38
- Bertelsen H.* 38
- Bulin H.* 75
- Chalanskij M.* см. *Халанский М. Г.*
- Christensen A.* 64
- Dralle L.* 67
- Fabrichus C. G.* 74
- Friedmann B.* 67, 75—77
- Fritze W. H.* 67, 75, 77
- Gestimus* см. *Гостомысл*
- Giesebrecht L.* 67
- Goldast M.* 81
- Gorlin M.* см. *Горлин М.*
- Gostomizil* см. *Гостомысл*
- Haupt W.* 40
- Havlik L. E.* 76
- Henning B.* 40
- Herberstein S.* см. *Герберштейн С.*
- Hudowicus* см. *Людовик*
- Holder A.* 48
- Hrbek I.* см. *Грбек И.*
- Jakobson R.* 134
- Jänicke O.* 38
- Jiriczek O. L.* см. *Иричек О.Л.*
- Kleiber V.* см. *Клейбер В.*
- Kralik D.* 40
- Krantz A.* см. *Крацц А.*
- Krug Ph.* см. *Круг Ф. И.*
- Lewicki T.* см. *Левицкий Т.*
- Lorenz O.* 147
- Ludewicus* см. *Людовик*
- Lukman N.* 56
- Meriggi V.* см. *Мериджи В.*
- Muralt E.* см. *Муральт Э.*
- Müllenhoff K.* см. *Мюллэнгоф К.*
- Niderle L.* см. *Нидерле Л.*
- Paff W.* 51
- Paszkiwicz H.* см. *Пашкевич Х.*
- Petrus de Eresunda P.* см. *Петрей де Ере-зунда П.*
- Reichert H.* 40
- Stief C.* см. *Стиф К.*
- Studer E.* см. *Штудер Э.*
- Thulin A.* 83
- Vasiliev A. A.* см. *Васильев А. А.*
- Vernadsky G.* см. *Вернадский Г. В.*
- Wachowski K.* 67
- Willinbachow W. B.* см. *Вилинбахов В. Б.*
- Worth D. S.* 134

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. УСТНАЯ ОСНОВА ЛЕТОПИСИ ЕПИСКОПА ИОАКИМА.....	6
Глава II. ЭПИЧЕСКАЯ ПРЕДСТОРИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ.....	35
Глава III. ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ НОВОГО ГОРОДА.....	61
Глава IV. СПОДВИЖНИК КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО.....	87
Глава V. СОЮЗНИК ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И ЕГО ПРОТИВНИК ..	100
Глава VI. НОВГОРОДСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ПОПУЛЯРНЫХ БЫЛИН.....	113
Глава VII. НОВГОРОДСКИЙ КОНТИНГЕНТ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ.....	128
Глава VIII. НОВГОРОДСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ — СТОРОННИК МОСКВЫ	156
Глава IX. ИВАН ТРЕТИЙ И ИВАН ЧЕТВЕРТЫЙ.....	181
Глава X. ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ.....	207
Заключение	232
П Р И Л О Ж Е Н И Е . Устный рассказ участника Куликовской битвы в составе памятников летописания Новгорода	241
Список условных сокращений.....	282
Список иллюстраций	285
Указатель имен	286

С. Н. Азбелев

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ПАМЯТНИКАХ НОВГОРОДА
И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ**

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 953001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано к печати 20.01.07.
Формат 60х90^{1/16}. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ № 2111.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
„Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 498-41-26
E-mail: dbulanin@sp.ru, dbulanin@bk.ru
<http://www.dbulanin.ru>

Сергей Иванович Азбелев родился в северной столице России, здесь же окончил университет по историческому факультету. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Профессор кафедры истории и археологии России Новгородского университета, где ведет курс «Источниковедение».

В Петербургском университете читает курс «Севернорусский фольклор как исторический источник». Участвовал в археологическом изучении Великого Новгорода, записывал и издавал устный эпос Новгородской земли. С. Н. Азбелев – автор около четырехсот работ в области истории, источниковедения и фольклористики, посвященных главным образом Древней Руси. В их числе 12 книг, среди которых монографии «Новгородские летописи XVII века», «Устная история Великого Новгорода», «Историзм былин и специфика фольклора».

ISBN 5-86007-535-9

9 785860 075351